

Российская Академия Наук

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ

Отделения историко-филологических наук

2018

Ответственный редактор
академик РАН В. А. ТИШКОВ

Москва
2019

УДК 930+80
ББК 63+81
Т78

Издание основано в 2003 году

Редакционная коллегия: В. И. ВАСИЛЬЕВ, Н. А. МАКАРОВ,
А. М. МОЛДОВАН, Н. В. ТАРАСОВА (составитель),
В. А. ТИШКОВ (ответственный редактор), В. Б. ЧЕРКАССКИЙ

Рецензенты:

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН А. В. ДЫБО
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Н. М. АРСЕНТЬЕВ

Научно-организационная подготовка А. А. САРИБЕГЯН

Труды Отделения историко-филологических наук РАН. / Отд-ние ист.-
филол. наук РАН. — М.: РАН, 2019. — 272 с.

2018 / отв. ред. В. А. Тишков; [сост. Н. В. Тарасова]. — 2019. — 272 с. —
ISBN 978-5-907036-11-6

В очередном выпуске трудов Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН) публикуются материалы научных сессий Общих собраний Отделения — «Языковая ситуация и языковая политика в России и мире» (28 марта 2018 г.) и «О стратегических направлениях развития гуманитарных наук» (12 ноября 2018 г.), а также доклады на заседаниях Бюро и методологического семинара ОИФН РАН «Гуманитарные чтения». Авторы первой части сборника рассматривают и дают прогноз сложным ситуациям, которые возникают в России и мире в сфере языковых коммуникаций и языковой политики. Во второй части представители различных направлений гуманитарного знания — историки, археологи, этнологи, лингвисты, литературоведы, архивисты, музеологи — обсуждают перспективы реализации гуманитарного знания на ближайшие десятилетия и методологические направления, по которым пойдёт развитие отечественной и зарубежной гуманитарной науки. Третья часть посвящена ряду актуальных вопросов исторической и филологической наук.

Для историков, филологов, широкого круга читателей.

ЧАСТЬ 1

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Языковая ситуация и языковая политика в России и мире» (28 марта 2018 г.)

В. М. Алпатов

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Языковая политика определяется в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве»; она «связана с сознательным воздействием общества на язык» [Дешериев, 1990: 616]. Однако представляется, что сознательность не является обязательным свойством языковой политики, и она в том или ином виде существует везде, где есть государство. Всегда в том или ином государстве одни языки широко распространяются, использование других сознательно или стихийно ограничивается. Языковая политика может идти не только через прямое вмешательство государства, но и как бы сама собой через систему образования, бизнес, средства массовой информации, человеческие контакты и т. д. А «идеологические принципы» при этом обязательно присутствуют.

Языковая политика в том или ином государстве может определяться разными факторами, но всегда она объективно связана с реакцией на две естественные и в то же время противоположные человеческими потребности: потребность идентичности и потребность взаимопонимания.

Потребность идентичности связана с тем, что при прочих равных условиях «и для общества, и для отдельного индивида комфортнее пользоваться одним языком, преимущественно родным, освоенным в детстве, так как не нужно прилагать усилий при усвоении второго и третьего языков» [Михальченко, 1994: 223]. Материнский язык¹, помимо этого, часто ощущается как язык своего этноса, и на языковые проблемы накладываются национальные. Потребность взаимопонимания заключается в том, что в ситуации языкового общения каждый из её участников желает для успеха коммуникации

¹ Я стараюсь избегать термина *родной язык* ввиду его неоднозначности

без помех общаться с собеседниками. Понятность языка — необходимое условие такого успеха.

В едином государстве ситуация общения людей, чьи материнские языки не совпадают, встречается постоянно, а полное одноязычие встречается очень редко (близка к этому ситуация разве что в Исландии). В случае разных материнских языков собеседников, по крайней мере, один из них должен быть двуязычен (или в случае переводчика добавляется третий, двуязычный участник). Если один из участников коммуникации двуязычен, а другой одноязычен (отвлекаюсь от возможного знания ими иностранных языков), то объективно создается неравенство, и языковая политика должна это учитывать.

Чаще всего в государстве имеется один язык, с точки зрения его функций преобладающий над всеми остальными, и множество языков меньшинств. Что это за преобладающий язык? В Европе, Америке и ряде стран Азии и Северной Африки такой язык является языком большинства населения страны; однако это может быть и язык не самого крупного из этносов (Индонезия), и язык, вообще не являющийся ни для кого материнским (английский или французский в ряде стран Африки). Если статус такого языка определяется законодательством, он является государственным языком; классический пример — Франция. Однако господство того или иного языка может не быть законодательно закреплено, что никак не сказывается на его реальном функционировании (английский язык в Великобритании и большинстве штатов США). Статус языков меньшинств может быть самым различным, определяясь принятой в государстве национально-языковой политикой.

В большинстве случаев государство выступает в качестве силы, поддерживающей потребность взаимопонимания, и с той или иной степенью жесткости стимулирует роль государственного или фактически господствующего языка. Особенно жесткой такая политика бывала в период индустриализации и развития рынка, который в Западной Европе, США и Канаде пришелся на XIX в. и на первую половину XX века. Неверно считать, как иногда у нас думают, что она была тем либеральнее, чем демократичнее было государство. В Великобритании, эталонной стране демократии, в XIX в. школьников могли бить за речь на ирландском или уэльском языке. В более «авторитарной» Австро-Венгрии прав у языков меньшинств было больше. Пожалуй, самая жесткая политика в отношении многих языков меньшинств была в царской России, особенно в, казалось бы, либеральное царствование Александра II, во многом под влиянием волнений в национальных районах страны, прежде всего, польского восстания 1863 г. (раньше ее осуществление происходило в основном стихийно).

Однако и тогда в языковой политике могли быть случаи иного рода. Редким примером в это время была Швейцария: это многоязычное государство создавалась снизу как союз кантонов (областей с большими правами), где исконно говорили на разных языках: немецком, французском, итальянском. Там и сейчас, как и тогда, гражданин, например, франкоязычного кантона

имеет право не знать немецкого языка и наоборот, а государственный чиновник обязан с каждым говорить на его родном языке.

В России жесткая языковая политика власти вызывала протест и среди меньшинств, и среди оппозиционных партий и движений, включая большевиков. Еще до революции В. И. Ленин писал: «Русские марксисты говорят, что необходимо: отсутствие обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на местных языках» [*Ленин*: 295].

После победы революции эти идеи старались претворить в жизнь, и была предпринята попытка создания новой языковой политики, которую стремились построить на научных принципах. Цель её заключалась в том, чтобы каждый независимо от национальной принадлежности мог пользоваться во всех сферах жизни материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры. Эта попытка в то время не имела прецедентов в мире. В 1918 г. народный комиссар национальностей И. В. Сталин формулировал задачи новой языковой политики: «Никакого обязательного “государственного” языка — ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют национальному составу её населения. Причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях» [*Сталин*: 70]². Впервые в основу языковой политики была положена потребность идентичности.

Однако проведение такой политики при почти полном отсутствии прямого сопротивления было связано с трудностями и в конечном итоге имело лишь частичный успех. Из этих трудностей всерьёз осознавалась лишь одна: недостаточное развитие многих языков, которые часто не имели литературной нормы и даже письменности. Считалось, что каждый гражданин страны должен на своем родном языке овладеть вершинами мировой культуры, литературы, науки. В СССР полагали, что достаточно для каждого языка в стране создать хорошую письменность и установить литературную норму, и все будут на родном языке читать Шекспира и Ленина. Для развития языков меньшинств было под государственным контролем проведено много мер, в том числе создали несколько десятков новых алфавитов, к этой работе были привлечены виднейшие лингвисты того времени. Однако если недостаточное развитие того или иного языка можно еще было преодолеть, то гораздо труднее было (и в конечном итоге оказалось невозможным) обойтись без должного удовлетворения потребности взаимопонимания между носителями разных языков. СССР превращался из передового отряда мирового пролетариата в «обычное» государство со всеми его атрибутами, в число которых входит и официальный язык. И с середины 1930-х гг. языковая политика, сохраняя прежние лозунги равноправия языков, стала, по сути, меняться.

² Сейчас часто считают, что Сталин всегда был сторонником русификации и подавления малых языков. Однако его позиция в разные периоды была не одинаковой.

Бывший нарком по делам национальностей теперь понимал, что в едином государстве должен быть широко распространен объединяющий всех его граждан язык. Во многом речь шла о возврате к политике царского времени, хотя полный возврат уже был невозможен. Функции многих языков народов СССР стали сужаться, накапливались проблемы, которые вырвались наружу во второй половине 80-х гг.

Что касается других стран, то после Второй мировой войны и там языковая политика стала меняться, причём опыт СССР оказывал на это определенное влияние. Это изменение в капиталистическом мире произошло не везде. Оно лишь в малой степени затронуло США или Японию, где по-прежнему ставка делается на господство соответственно английского и японского языков. В США и сейчас чаще всего нормой жизни считают одноязычие, естественно, на английском языке. Двуязычие (и тем более одноязычие на другом языке) связывается с бедностью и неспособностью преуспеть в американском обществе. Государственная политика здесь направлена на культурную, в том числе языковую ассимиляцию. Безусловно, в США сказывается и традиционная концепция «плавильного котла», и общемировая роль английского языка. Иммигрантам в специальных школах помогают изучить английский язык, но ничего не делается для того, чтобы они одновременно сохраняли свой исконный язык. Наиболее крупное языковое меньшинство — испаноязычные американцы — пытается укрепить позиции своего языка; в ответ в ряде штатов, преимущественно тех, где распространен испанский язык, английский язык был объявлен государственным [Donahue, 1995]. Но в большинстве случаев третье, а иногда и второе поколение иммигрантов там обычно уже не знает никаких языков, кроме английского, и, что страшнее всего, языки коренного населения Северной Америки продолжают вымирать. Вымер, причем уже во второй половине XX в., и единственный коренной миноритарный язык Японии — айнский.

Иная политика преобладает сейчас в государствах континентальной Европы, где предпринимаются разнообразные меры в защиту малых языков, в том числе по пропаганде этих языков среди соответствующих этносов. Их знание считается престижным. Языки вроде фризского, ретороманского, самского пока что вполне жизнеспособны. По этому же пути идут и некоторые страны с господствующим английским языком: Австралия, Новая Зеландия. В этих странах нормой жизни считается двуязычие и многоязычие. Например, в Австралии в 1973 г. правительство лейбористов приняло программу всеобщего двуязычия, согласно которой каждый гражданин должен владеть двумя языками: английским и материнским, если он иммигрант или абориген, английским и иностранным, если английский для него исконен [Bullevant, 1995]. Но, разумеется, никакие меры не могут заставить говорить на малом языке за пределами узкого этнического круга; эти языки в основном играют символическую роль.

Для крупных же языков политическим фактором становится международное распространение, усиливающее экономическое, идеологическое, культурное воздействие соответствующего государства, оно относит-

ся к средствам так называемой мягкой силы. Яркий и хорошо известный пример успеха такого проекта — сообщество франкофонных государств. Но, разумеется, успешнее всего идет распространение английского языка, происходящее параллельно распространению влияния США.

В большинстве образовавшихся в 1991 г. государств, кроме Белоруссии и самой России, идет целенаправленное вытеснение русского языка, хотя стихийно ему противостоит потребность взаимопонимания, которая во многих ситуациях (например, при общении между латышами и эстонцами) там и сейчас требует использовать русский язык. Процесс постоянно идет, но с разной скоростью, а политика государства имеет разную степень жесткости, которая определяется, прежде всего, отношением к русскому языку, пришедшей к власти национальной элиты. В Туркмении, где и в советское время владение этим языком было низким, процесс дерусификации, похоже, завершился, и страна покинула русское культурное пространство. В прибалтийских республиках, где такая элита устойчиво сохраняла этнические языки и отличалась «аллергией на русский язык», при полном вытеснении из официальных сфер он используется в бизнесе и межнациональном общении. «Аллергия» уменьшилась, но поколение, выросшее при независимости, уже слабо владеет русским языком. А в Центральной Азии (исключая Туркмению), где элита в последние советские десятилетия была в значительной степени русскоязычной, процесс дерусификации идет медленнее и далек до окончания.

Очень сложна и лишь усложняется украинская ситуация. И до независимости она различалась в различных районах: господство украинского языка на западе и русского языка на востоке и юге. До 2004 г. на большей части страны украинизация, прежде всего, затронула деловую сферу и сферу образования. Победа майдана в феврале 2014 г. привела к сильнейшему всплеску украинизации, вызвавшему протесты в русскоязычных регионах. Одной из причин массового согласия населения Крыма на вхождение в состав России стало желание пользоваться только русским языком. Но украинизация пока далека от завершения.

Контраст с ситуацией в других постсоветских государствах составляет ситуация в Белоруссии, где с 1994 г. государственная власть исходит из преобладающей роли русского языка, материнского для большинства населения. Белорусский язык имеет в основном символическое значение, а также служит знаменем для лиц прозападной ориентации.

А в Российской Федерации языковая ситуация и языковая политика существенно не могли измениться по сравнению с советским временем, хотя упало значение целенаправленной политики и возросла роль стихии, определяемой, прежде всего, законами рынка. Эти законы, в первую очередь, требуют взаимопонимания, а это в свою очередь требует распространения крупных языков и уменьшения языкового разнообразия. Безусловно, русский язык по-прежнему необходим для всех, кто стремится хотя бы к минимальной социальной мобильности. Если в советское время использование языков меньшинств в ряде сфер поддерживалось (нередко искусственно)

государством, то сейчас вступили в силу законы рынка, которые, как правило, способствуют уменьшению языкового разнообразия и распространению крупных языков.

Они наиболее наглядны там, где законы рынка выходят на первый план. Например, литература на малых языках, как показывает опыт, не может иметь коммерческого успеха. Поддержка малых языков — принципиально нерыночная мера; недаром ей много занимались в СССР, а за рубежом больше всего — при социал-демократических правительствах.

Больше возможностей для развития малых языков, казалось бы, имеется там, где та или иная сфера продолжает определяться государством и не ставится задача извлечения прибыли, например, в сфере школьного образования. Однако после подъема конца 1980-х и начала 1990-х гг. сейчас мы и здесь видим явный спад, и нередко образование на языках меньшинств, особенно если оно проводится в виде предмета, оказывается чистой формальностью. И спад может усилиться после принятия поправок в Закон об образовании, обсуждаемый в Государственной Думе Российской Федерации. Любая семья в соответствии с этим законом независимо от реальной ситуации может объявить о том, что она пользуется русским языком, что вряд ли кто-либо будет проверять, и тогда дети не будут изучать в школе языки России, кроме русского. Это может привести к быстрому ослаблению позиций этих языков, а в перспективе и к их вымиранию. Каждый язык — это особая культура, особый взгляд на мир, способ выражения эмоций. Как говорила одна норвежская саамка, хотя она говорила по-норвежски, но плакать могла лишь на своем языке. Однако российская власть далеко не всегда интересуется вопросами сохранения и развития малых языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дешериев Ю. Д.* Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 24.
3. *Михальченко В. Ю.* Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
4. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4.
5. *Bullevant B. M.* Ideological Influences on Linguistic and Cultural Improvement: an Australian Example // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.
6. *Donahue T. S.* American Language Policy and Compensatory Opinion // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.

А. Н. Биткеева

**ДИНАМИКА, РЕАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Почти все многонациональные государства сталкиваются с потребностью в реализации двух противоположных тенденций, потребностью языкового единения страны и стремлением разных народов сохранять и развивать свой национальный язык и культуру. Задача правильной языковой политики сгармонизировать эти две тенденции, как правило, через реализацию языкового законодательства при учете специфики языковой ситуации в стране.

Языковая ситуация в Российской Федерации

Языковая ситуация в России в значительной мере зависит от сложного устройства государства. Сегодня Российская Федерация включает 85 равноправных субъектов. На территории России проживают около 150 коренных народов, а также ряд этнических групп, представлено более 180 языков разных языковых семей — славянские, тюркские, финно-угорские, монгольские, северокавказские и др. По давности письменной традиции представлены древнеписьменные, старописьменные, младописьменные, новописьменные и бесписьменные языки, около 80 литературных языков.

Языковая ситуация в областях Российской Федерации достаточно однообразна, здесь проживает в основном русское население (от 90 до 99 % населения областей), в этих субъектах функционирует русский язык и разные формы его существования (говоры, диалекты, социолекты). Среди преимущественно одноплеменного населения отсутствуют условия для языковых конфликтов.

В республиках создана юридическая база для «государственного двуязычия» или даже «государственного многоязычия». Однако языковые процессы зачастую протекают остро, так как неизменным показателем государственности наряду с территорией, знаменем, гербом является государственный язык. Объявление языка титульной нации государственным, создает предпосылки для его функционального развития, однако вместе с тем создает возможности для использования языка в политических целях, что иногда приводит к языковым конфликтам.

Особое место среди языков РФ занимают языки малочисленных народов — миноритарные языки. На территории Российской Федерации насчитываются 54 малочисленных народа: на Крайнем Севере и в Сибири — более двух десятков, и на Кавказе — более тридцати. В отличие от языковой практики других стран в России статус малочисленного народа и миноритарного языка закреплён законодательно, исходя их этнографических критериев — этническая общность, которая проживает на территории своего традиционного расселения и насчитывает менее 50 тыс. человек.

Языковая ситуация складывается под воздействием ряда объективных и субъективных факторов, которые в свою очередь зависят от ситуативного фактора. Ситуативный фактор абстрактен, подразумевает внезапные неожиданные условия (военные действия, социально-политические, экономические изменения и т. д.), его сложно конкретно определить, но возможно спрогнозировать и интерпретировать при помощи, например, дискурсивного анализа. Основные факторы, влияющие на степень витальности языка, следующие: 1) численность языковой общности (демографическая мощьность); 2) тип расселения, степень компактности проживания этнической группы; 3) уровень функционального и внутривидового развития языка, наличие письменности; 4) количество коммуникативных сфер, в которых используется язык (коммуникативная мощьность языка); 5) степень этнической идентификации (символическая мощьность языка); 6) конфессиональные характеристики этнической группы и т. д.

Комплексный анализ указанных параметров представляет прогностическую картину развития языковых общностей РФ. Перспективы развития разных народов и их языков складываются разные, отмечается как отрицательная, так и положительная динамика. Совокупность языковых общностей России можно описать с прогностической точки зрения по 4 моделям:

- стабильный тип развития языка (русский язык);
- перспективный тип развития языка (чеченский, татарский и др.);
- нестабильный тип развития языка (большинство языков РФ);
- слабо перспективный тип развития языка (миноритарные языки, языки диаспор и др.).

Демографическая мощьность.

При оценке жизнеспособности языков, которая измеряется шириной и интенсивностью их применения в социально значимых сферах общения, исследователи считают важным показателем демографическую мощьность языка [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 97], соотношение числа владеющих этим языком с числом соответствующей этнической группы.

Табл. 1. Языковые общности коренных народов России (более 50000)

Название этноса	Количество жителей	Название языка	Владеющие языком	%%
аварцы	814 473	аварский	784 840	96,4
адыгейцы	128 528	адыгейский	129 419	100,7
алтайцы	67 239	алтайский	65 534	97,5
башкиры	1 673 389	башкирский	1 379 727	82,5
даргинцы	510 156	даргинский	503 523	98,7
ингуши	413 016	ингушский	405 343	98,1
кабардинцы	519 958	кабардино-черкесский	587 547	113
калмыки	173 996	калмыцкий	153 602	88,3
карачаевцы	192 182	карачаево-балкарский	302 748	100,7
балкарцы	108 426			
карелы	93 344	карельский	52 880	56,7
коми	293 406	коми	217 316	74,1
коми-пермяки	125 135	коми-пермяцкий	94 328	75,4
кумыки	422 409	кумыкский	458 121	108,5
лакцы	156 545	лакский	153 373	98,0
лезгины	411 535	лезгинский	397 310	96,5
марийцы	604 298	марийский	451 033	74,6
мордва	843 350	мордовский	614 260	72,8
ногайцы	90 666	ногайский	90 020	99,3
осетины	514 875	осетинский	493 610	95,9
русские	115 889 107	русский	142 573 285	123,0
табасараны	131 785	табасаранский	128 391	97,4
татары	5 554 601	татарский	5 347 706	96,3
тувинцы	243 442	тувинский	242 754	99,7
удмурты	636 906	удмуртский	463 837	72,8
хакасы	75 622	хакасский	52 217	69,1
чеченцы	1 360 253	чеченский	1 331 844	97,9
чуваши	1 637 094	чувашский	1 325 382	81,0
якуты	443 852	якутский	456 288	102,8

Из таблицы видно, что демографическая мощь некоторых языков превышает 100 %, т. е. язык знают не только его носители, но и представители других этносов (адыгейский — 100,7 %, кумыкский — 108,5 %, якутский — 102,8 %). Однако здесь данные представлены по всей России, поэтому трудно выделить точно количество людей определенной национальности, проживающих компактно.

Тип расселения.

Значимыми параметрами успешного функционирования языка является способ расселения языковой общности — компактный или дисперсный тип. Самым благоприятным для расширения социальных функций языка является компактное расселение носителей языка. Но в России представлены типы регионов с разными объективными возможностями для развития языков, объявленных государственными: в одних республиках титульная нация составляет подавляющее большинство населения республики (Чечня — 95,3 %), в других республиках больше половины (Чувашия — 65,1 %; Калмыкия — 56,2 %; Татарстан — 53,2 %); в третьих республиках меньше 40 % (например, Мордовия — 39,9 %; Алтай — 33,4 %, Башкортостан — 28,8 %). В некоторых республиках удельный вес титульной группы крайне низок (Карелия — 7,1 %, Хакасия — 12 %) [Итоги Всероссийской переписи населения 2010, 2012].

В условиях, когда доля титульного народа в населении региона невелика, функциональное развитие языка сталкивается с трудностями. Такие языки хотя и объявлены государственными, с трудом могут расширить свои функции, поскольку многонациональное население использует, прежде всего, государственный язык страны (русский) и социальная потребность в использовании государственного языка республики ограничена.

По данным переписи 2010 года, наиболее многочисленными этносами Российской Федерации, кроме русских, являются татары (5310649), чуваша (1435872) и чеченцы (1431360). Соответственно витальность чеченского языка составила 99 %, татарского — 92 %.

Демографическое неравновесие, в частности, приводит к тому, что русский язык доминирует, им владеет подавляющее большинство населения, некоторая часть его считает русский родным языком, количество последних постоянно растет. Так, по переписи 2010 г., признают русский родным 18,2 % титульного населения Мордовии, 20,2 % марийцев в Марий Эл, 34,9 % удмуртов в Удмуртской Республике [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., 2012: 272]. В Республике Татарстан признают родным русский язык 5 % татар, в Республике Башкортостан — 7,7 % башкир [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., 2012: 272]. Владение же русским языком во всех республиках достигает 80–90 %.

Символическая мощь языка.

Немаловажна *символическая мощь* языка в оценке его витальности. В последние годы в российском научном сообществе дискутируют по поводу нового прочтения понятия «родной язык». Предпосылкой послужил тот

факт, что некоторые представители ранее однородной в языковом и культурном плане общности не признают родным языком «свой» язык, а пользуются в повседневной жизни «чужим» языком, таким образом меняется их этническая идентичность. Действительно, встречается «языковой нигилизм» определенной части титульных народов некоторых республик, проявляющийся в нежелании знать свой язык из-за его «социальной непристижности». Отметим, что в кавказских республиках это негативное явление выражено гораздо слабее. Однако, как показывают полевые исследования, всё же для большинства народов РФ понятие «родной язык» неразрывно связано с понятием языка своего народа, независимо от степени владения им, родной язык служит одним из основных признаков этнической принадлежности человека, важным этническим символом. О болезненности этой темы свидетельствуют активные дебаты на федеральном и региональных уровнях о добровольном изучении национальных языков в школе в течение 2018 г. Очевидно, что в определённых контекстах уместно оставить традиционную формулировку с некоторыми уточнениями: «русский язык как родной (для русских)» и «русский язык как неродной (для нерусских, включая иностранцев)». Скорее всего, как государственный язык Российской Федерации русский язык является языком гражданской идентичности.

Коммуникативная мощьность.

Коммуникативная мощьность предполагает количество социальных функций языка. Сегодня только государственный язык РФ — русский язык успешно выполняет свою функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в стране, выполняет государствообразующую, консолидирующую роль.

Сфера образования. Русский язык преподаётся на всех уровнях образовательного процесса, ситуация с преподаванием национальных языков в республиках складывается разная. Понятно, что владение русским языком способствует поступлению в высшие учебные заведения России, возможности получения престижной профессии, мобильности в пределах страны и т. д. Часто региональные языки республик, провозглашённые государственными языками, не обладают, например, достаточно развитыми функциональными стилями, они не в состоянии выполнять те или иные общественные функции, нет условий для полноценного осуществления высшего образования на национальных языках в силу недостаточной разработанности терминологической системы и научного стиля этого языка. Преподавание титульного языка, как и русского языка, ведётся на недостаточно высоком методическом и профессиональном уровне, учебные программы не отвечают современным требованиям, нет эффективных обучающих методик и т. д.

По данным Министерства образования и науки РФ за 2015/2016 уч. г., обучение проходило всего на пяти языках многочисленных коренных наро-

дов России: с 1 по 4 классы — на крымско-татарском, мордовском эрзя и чувашском, с 1 по 11 классы — на башкирском и татарском. Несколько лучше обстояло дело с обучением на языках в сельской местности. В сёлах обучение шло на 12 языках: с 1 по 4 классы — на аварском, мордовском мокша, осетинском, удмуртском и чеченском, с 1 по 9 классы — на марийском луговом, с 1 по 11 классы — на башкирском, даргинском, крымско-татарском, мордовском эрзя, татарском, чувашском [Данные Министерства науки и образования РФ]. Отметим, что обучение на языке вовсе не означает, что все предметы школьного цикла преподаются на нем, чаще всего — это язык и литература. В подавляющем большинстве школ в республиках родной язык коренного населения преподаётся как предмет, практически как иностранный язык, с недостаточным количеством часов, отведённых на его изучение.

В сфере средств массовой информации на региональных государственных языках в разных республиках складывается также разная ситуация, например, в сфере издания периодики отличается количеством выпускаемых номеров и их тиражами. По данным Российской книжной палаты за 2016 г., самое большое количество газет выходило на татарском языке — 176 наименований, на башкирском — 71, на чувашском — 44, на аварском — 22, на чеченском — 21, на осетинском — 15, на марийских языках — 14, на удмуртском — 13, на лезгинском — 9, на даргинском — 8. Меньше всего газет выходило на калмыцком и коми — 5 наименований, на крымско-татарском — 4, на ингушском и мордовских эрзянском и мокшанском — по 3 наименования, на адыгейском — 2 [Российская книжная палата, 2016].

В сфере радио и телевидения ситуация относительно одинаковая, большая часть эфирного времени транслируется на русском языке, на национальных языках в основном транслируются новости, программы посвященные национальной культуре.

Языки, объявленные государственными, почти не используются в важнейших официальных сферах — *административном управлении, делопроизводстве* и др. Законы о языках не закрепили за титульными языками обязательное их употребление в главных официальных сферах, допуская расплывчатые формулировки. Так, в законе Республики Мордовия использование мордовского языка (мокшанского или эрзянского) в области делопроизводства, судопроизводства, в государственных органах, организациях и предприятиях, а также на этикетках и в номенклатурных списках товаров, производимых в Мордовии, допускается «при необходимости» [Закон Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия», 1998. III, ст. 11, IV, ст. 17, 20]. Такая формулировка фактически означает, что можно не пользоваться языком, оправдываясь тем, что необходимости не было.

Конфессиональный фактор. Перспективы развития языка зависят и от конфессионального фактора. До революции большинство народов, населявших территорию Российской империи, не имели своей письменности. Лишь 20 из них имели письменность, графическая основа которой за-

висела, главным образом, от той религии, которую народ исповедовал. Кириллицу — русские, украинцы, белорусы и др., латиницу — народы Прибалтики, арабское письмо — мусульманские народы Средней Азии, Поволжья и Кавказа, древнееврейскую письменность — евреи (крымские, горские и др.), национальные алфавиты — грузины и армяне, старомонгольское, старокалмыцкое письмо — калмыки и буряты. Сегодня графической системой для почти всех языков является кириллица, но вопрос взаимосвязи религии и языка не утратил актуальности. Замечено, что у мусульманских народов, для которых характерны традиции большой семьи, компактное расселение, часто отмечается более высокий уровень знания родного языка, более высокий уровень этнической мобилизации и т. д.

Языковая политика и языковое законодательство в Российской Федерации

Понятия *языковая политика* и *языковое законодательство* в России появились сравнительно недавно. Известно, что в Российской империи не было специального закона о государственном языке — русском языке или закона об употреблении местных языков. Однако в 1906 г. в Своде законов Российской империи русский язык стал определяться как язык общегосударственный и обязательный в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. В период между двумя русскими революциями (1905 г. и 1917 г.) активно обсуждался вопрос, должен ли русский язык иметь статус государственного языка. Итоги этой дискуссии нашли отражение в работе В. И. Ленина «Нужен ли обязательный государственный язык?», где автор показал подходы к этой проблеме различных политических партий. Так называемые либералы и реакционеры объединились в этом вопросе и считали, что обязательный государственный язык должен быть. Марксисты же полагали, что, так как обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, русский язык не должен объявляться государственным, да он в этом и не нуждался, поскольку был основным языком делопроизводства, других важных сфер жизни в стране. Таким образом, до 90-х годов XX столетия русский язык юридического статуса не имел. В России русский язык был объявлен государственным языком впервые в результате принятия Закона РСФСР от 25 октября 1991 года «О языках народов РСФСР». Очевидно, что государство для поддержания и развития русского языка постоянно предпринимает определенные шаги, разработана законодательная база для поддержания функционального и структурного развития русского языка, создан ряд консультативных органов, государственные фонды для распространения и поддержания русского языка в стране и за рубежом» и т. д.

Конституция РФ, руководствуясь принципами равноправия и самоопределения народов, лежащими в основе федеративного устройства Россий-

ской Федерации, закрепила за республиками право устанавливать свои государственные языки. Каждый регион, республика реализует свою языковую политику исходя из особенностей языковой ситуации, национального состава, типа расселения народов, культурных традиций народов и т. д. Республиканские законы о языках переняли в общих чертах структурную и содержательную часть статей Закона о языках РФ. Сегодня в России сформирована многокомпонентная общегосударственная модель языковой политики.

Табл. 2. Региональные модели языковой политики в Российской Федерации

Названные модели языковой политики	Субъект Федерации	Доминирующие компоненты социально-коммуникативной системы
Однокомпонентная (одноязычная) модель	Области Российской Федерации	Русский язык, все формы его существования (литературный язык, диалекты, просторечие и и. д.)
Двухкомпонентная (двоязычная) модель	Республики РФ: Алтай, Адыгея, Бурятия, Башкортостан, Калмыкия, Карелия, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Татарстан, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия, Тува, Якутия	Русский язык как государственный язык РФ и республиканский государственный язык
Трехкомпонентная (трехязычная) модель	Республики РФ: Мордовия, Марий Эл, Коми, Кабардино-Балкария	Русский язык как государственный язык РФ и 2 варианта одного литературного языка или 2 литературных языка, получивших статус государственных языков республик
Многокомпонентная (многоязычная) модель	Республики РФ: Дагестан, Карачаево-Черкесия	Русский язык как государственный язык РФ и другие письменные языки, имеющие статус государственных языков республик
Дифференциальная (экстерриториальная) модель	Разные субъекты Российской Федерации	Русский язык как государственный язык РФ, языки малочисленных народов в софункционировании с языками соседних крупных народов

Языковая политика в РФ предполагает сочетание общегосударственной функциональной доминанты — русского языка и 36 функциональных доминант республиканского значения в субъектах федерации, а также исходя из особенностей языкового законодательства, наличия в территориально-государственных образованиях функциональных доминант в регионах ис-

следователи выделяют следующие типы языковой политики: 1) однокомпонентная модель языковой политики — языковая политика с разными формами существования русского языка; 2) двухкомпонентная модель языковой политики — языковая политика с двумя доминантами (русский язык + республиканский государственный язык); 3) трехкомпонентная модель языковой политики — языковая политика с тремя доминантами (русский язык + два республиканских государственных языка); 4) многокомпонентная модель языковой политики — языковая политика с четырьмя, пятью и более доминантами (например, русский язык + 14 языков Дагестана); 5) дифференциальная модель языковой политики — языковая политика в области функционирования языков малочисленных народов, а также мигрантских языковых общностей [Михальченко, 2015: 47].

Не приняты законы о языках в трех республиках — Дагестане, Северной Осетии — Алании и Республике Крым. Практически все республики, кроме одной — Республики Карелия, объявили своими государственными языками язык (или языки) своей титульной нации и русский язык, что нашло отражение в перечисленных законах о языках, а также в большинстве случаев и в конституциях республик, в двух случаях только в конституциях республик: это Республика Дагестан и Республика Северная Осетия — Алания.

Однако юридическое закрепление за русским языком и за титульными языками республик РФ статуса государственных языков республик не решило многих проблем и не обеспечило этим языкам полной защиты от отрицательных воздействий.

О языковых конфликтах

Такое разнообразие языковых общностей и типов языковых ситуаций чревато языковыми конфликтами. Языковой конфликт — это социальный конфликт, тем или иным способом связанный с языковой политикой государства. Зачастую язык является лишь символом конфликта, который в действительности происходит в других областях, таких как политика, экономика, управление или образование. Отечественные лингвисты, как правило, выделяют три вида языковых конфликтов: межэтнические, внутриэтнические, лингвопрагматические [Язык и общество, 2016: 850].

Межэтнический языковой конфликт — конфликт, возникающий между разными этническими группами. Основой межэтнического конфликта всегда является борьба за распределение сфер функционирования между языками, составляющими языковую ситуацию. Межэтнические языковые конфликты обычно возникают на фоне общей межнациональной напряженности и редко вспыхивают сами по себе. Но иногда они могут являться основным стимулом межнационального противостояния.

В данном ключе шли дискуссии по поводу добровольного изучения родных языков в школе в 2018 г. Предыстория ситуации такова. 20 июля 2017 году по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-

Оле Президент Российской Федерации поручил Генеральной прокуратуре совместно с Рособринадзором проверить соблюдение в субъектах Российской Федерации положений законодательства, касающихся обеспечения прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государственных языков республик Российской Федерации. В апреле в Госдуму внесли законопроект о добровольном изучении национальных языков в школах российских республик, согласно которому преподавание и изучение государственных языков российских республик должно происходить на добровольной основе и не в ущерб преподаванию и изучению русского языка. Этот факт вызвал волну недовольства в республиках, что привело к созданию группы «За сохранение родных языков в обязательной части учебных планов общего образования» из представителей разных народов и республик РФ. Законопроект подвергся критике в национальных республиках, после этого последовала волна активной популяризации родных языков в регионах в форме праздников родных языков, олимпиад по родному языку и т. д. В контексте обсуждаемой темы в СМИ преобладают заголовки следующего характера: «В Татарстане настаивают на возврате обязательного изучения татарского языка», «Курултай башкир попросил Госдуму не принимать закон о добровольном изучении национальных языков», «Чувашские активисты потребовали дать республикам право самим решать судьбу национальных языков» и т. д. Это свидетельствует об отрицательном настрое в регионах к решению данного вопроса.

По мнению исследователей, эта проблема нарастала в течение нескольких лет. В 2007 году был отменен национально-региональный компонент образования, устанавливаемый республикой, общее образование осуществляется в соответствии с ФГОС, а по последней редакции федерального закона «Об образовании» от 2012 года вопросы изучения государственных языков республик переходят из ведения законодательных органов республик в ведение школ. В обязательную часть по ФГОС вторые государственные языки не входят, в ее филологической части только русский, иностранный и родной, но они могут присутствовать в вариативной части для каждой отдельной школы, если такое решение принимают совместно участники образовательных отношений — учащиеся, родители (законные представители школьника) и школа.

Ситуация с обучением на национальных языках в разных республиках была неодинаковой — в некоторых республиках изучение вторых государственных языков было обязательным для всех, но с заметными различиями по объёму часов и давности такого расклада (Татарстан, Башкортостан, Коми, Чувашия, Ингушетия и др.). В некоторых республиках изучение вторых государственных языков было факультативным (Алтай, Крым, Мордовия, Удмуртия и др.), в других — с обязательным изучением для детей — носителей языка национальности, дающей название республике — полудобровольный вариант (Кабардино-Балкария, Чечня, Карачаево-Черкессия). Очевидно, что по факту дети в этом случае не обязательно

являются носителями языка, но причисляются к таковым по национальности [Арутюнова, 2018: 25–35].

Внутриэтнический языковой конфликт — конфликт, возникающий между группами людей — представителей одного этноса, обычно не бывает таким острым, как межэтнический, в него, чаще всего, оказывается втянут достаточно узкий круг интеллигенции. Чаще всего внутриэтнические языковые конфликты возникают в процессе становления литературного языка [Язык и общество, 2016: 851]. В их основе обычно лежит борьба за выбор опорного диалекта. В качестве примера можно привести ситуацию в Республике Марий Эл. Согласно Конституции государственными языками Марий Эл являются марийский (горный, луговой) и русский языки. Лингвисты, носители луговомарийского языка (они составляют большинство), не соглашались с приданием статуса государственного горномарийскому языку, считая, что горномарийский всего лишь наречие. В конце 90-х годов XX в. разгорелась ожесточённая дискуссия на страницах марийских печатных изданий, содержащая иногда враждебные выпады одной стороны против другой. Фактически этот конфликт оказался конфликтом двух узких групп марийской интеллигенции, принадлежавших к разным этническим общностям.

Конфликтная ситуация может возникнуть также и при выборе или смене графической основы языка. Некоторые языки РФ имеют несколько официально принятых графических систем, что усложняет функциональное и структурное развитие этих языков. В такой ситуации оказался, например, саамский язык. Вопрос о графической системе языков страны до конца не урегулирован в языковом законодательстве РФ. В 2002 г. Госдума внесла дополнения в Закон «О языках народов Российской Федерации», где написано: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами». Таким образом, письменности языков народов РФ основываются на кириллице. Единственный официальный язык в РФ, имеющий латинскую графику, — карельский язык, что объясняется историческими причинами. Новый алфавит карельского языка был утверждён в марте 2007 г. постановлением Правительства Республики Карелия для всех трёх диалектов карельского языка, которые до этого имели каждый свой латинский алфавит. Поводом для разработки данного закона явилось принятие в Республике Татарстан в 1999 г. Закона Республики Татарстан «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики». К доводам принятия относится вполне объективное опасение изоляции Татарстана, в случае перехода татарского языка на латинскую основу на территории республики, от многонационального тюркоязычного населения, в том числе и татарского, проживающего в различных субъектах России и использующего кириллическую графику.

Помимо сложностей с законодательным решением проблемы, оказалось, что нужна теоретическая база для решения этого вопроса. Опыт разработки и реформы графической системы языков народов РФ в советский период имел богатую традицию начиная с начала XX в., однако преемственность научного исследования была нарушена, институции, которые занимались вопросами разработки графической системы для национальных языков прекратили свое существование в 1990-е гг. В последние десятилетия вопросы языковой политики и языкового строительства не рассматриваются комплексно, решаются частные вопросы, связанные с функционированием русского языка и других языков РФ, очевидно, что следует перенять опыт языковой политики советского периода, в том числе в вопросе разработки и введения графической основы для языков страны.

Процесс создания графической основы для языка довольно сложное многоэтапное предприятие, требующее предварительной подготовки и учёта следующих этапов: 1) необходимо создать координирующий центр (комитет), в который должны войти лингвисты, специалисты по языкам народов РФ. Вопросы, связанные с созданием и реформированием алфавитов языков РФ должны утверждаться на заседании этой комиссии; 2) необходимо проводить предварительные исследования грамматики, фонетики языков/диалектов, например, в целях определения базы для создания письменного языка. Например, работа над созданием алфавитов для бесписьменных народов СССР осложнялась тем, что подавляющее большинство языков Кавказа, Севера, Дальнего Востока, Сибири не было изучено и описано языковедами. Приходилось изучать и описывать язык, исследовать существующие диалекты и определять базу для создания письменного языка; 3) *учитывать психологический фактор среди носителей языка*. Смена графической системы языка является наиболее болезненной для народа и может привести к целому ряду негативных последствий: разрыву культурно-языковых традиций, сложившихся за долгое время, массовой неграмотности, поскольку всему обществу независимо от образовательного уровня придется переучиваться, огромным материальным затратам. Для успеха языковых реформ недостаточно одного только лингвистического обоснования, необходимо учитывать настроения в обществе, его готовность или неготовность переучиваться. В этих целях проводят, например, предварительные социолингвистические опросы, анкетирования носителей языков; 4) *определить функциональный статус языка, языковую компетенцию среди носителей языка*. В 1990-е гг. для цезского языка М. А. Алексеевым был разработан алфавит и составлен букварь, предпринимались попытки обучения цезской грамоте в школе, но цезы по-прежнему используют аварский в качестве письменного «родного языка». Возникла ситуация, когда формально для языка письменность создана, но практического применения она не находит по разным причинам, например, в силу отсутствия потребности у носителей языка. Или другой пример: для ороцкого языка письменность также была создана в 1990-х гг. и была использована при издании учебных пособий по ороцкому языку,

однако в связи с фактической утратой самого языка (им в 2010 г. владело менее 10 чел.), письменность распространения не получила. Таким образом, целесообразно учитывать не столько формальный признак (наличие алфавита и публикация одного-двух текстов на языке), сколько реальный уровень использования языка в письменной форме и функциональные признаки, характеризующие письменный язык.

Актуален на сегодня также вопрос о языках коренных народов РФ: сколько их, каковы параметры включения языков в этот список и т. д. В одних источниках указаны 94 языка коренных народов РФ, другие источники указывают 151 язык РФ, в т. ч. 19 языков, которые имеют государственность за пределами России, третьи источники указывают 170 языков и т. д. В российском законодательстве используются два термина — языки коренных малочисленных народов и коренных автохтонных народов. Чётких характеристик понятия в международном праве нет ввиду ряда причин. Во-первых, по причине сложности определения границ между языком и диалектом, определения, какие из представленных на территории России языков можно считать языками России.

Есть мнение исследователей, что критериями включения языка в состав языков России являются автохтонность (традиционность) и компактность проживания его носителей на территории России. Соответственно, языками России можно считать: а) языки, носители которых проживают на территории России более двух веков; и/или б) языки, носители которых хотя бы частично проживают в компактных поселениях (т. е. таких, где процент говорящих на данном языке составляет более 20 %). Остальные языки, носители которых появились в России позже, и для которых нет ни одного населённого пункта на территории России, где бы эти носители составляли более 20 % населения, не включаются в понятие «языки России» [Справка Института языкознания РАН в ФАДН, 2018].

Лингвопрагматический языковой конфликт — коммуникативная неудача, сбой, происходит в силу незнания правил коммуникации одного из участников коммуникации в выборе кода для передачи или получения информации, который не соответствует ситуации общения, провоцирует неправильную интерпретацию высказывания. Например, языковой конфликт с идеологическим подтекстом. Например, политика предлогов и дискуссия по поводу правильности употребления предлогов — «на Украине» или «в Украине», «в Тайване» или «на Тайване». Как говорят лингвисты, это стало идеологическим маркером отношения к войне в случае Украины, к политике КНР в отношении Тайваня.

В целом современная языковая ситуация в России требует разработки комплексного федерального закона «Об основах государственной языковой политики», в котором следует предусмотреть правовые нормы по устранению существующих противоречий в функционировании и использовании государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик, официальных и других языков России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Е. М.* Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 25–35.
2. Данные Министерства науки и образования РФ. Медиа школа, 2016.
3. Закон Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия // «Мокшень правда», 7 мая 1998 г.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11-ти т. Т.4, кн.1. М., 2012.
5. *Михальченко В. Ю.* Языковое единство и языковое разнообразие в Российской Федерации // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М., 2015.
6. Российская книжная палата // электронный ресурс. Режим доступа: www.bookchamber.ru/statistics.html
7. Словарь социолингвистических терминов. Сост. В. Ю. Михальченко, Т. Б. Крючкова, Е. А. Кондрашкина, А. Н. Биткеева и др. М., 2006.
8. Справка Института языкознания РАН в ФАДН, 2018.
9. Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016.

Н. Б. Кошкарева

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СИБИРИ**

На территории Сибири представлено более 50 языков коренных народов, причём их количество, как это ни парадоксально, растёт, так как некоторые идиомы, считавшиеся ранее диалектами, получают статус самостоятельных языков. Так, в 2000 г. были признаны самостоятельными чалканский, тубаларский и теленгитский, считавшиеся прежде диалектами алтайского языка.

Практически все языки на территории Сибири находятся под угрозой существования. Может быть, ситуация в Сибири не столь драматична, как в некоторых других регионах мира, например в Индии или в США, что отражено на карте, приведённой в атласе ЮНЕСКО (см. *рис. 1 и 2*). Здесь чёрные метки показывают исчезнувшие в самое последнее время языки. Однако ситуация все-таки тревожная.

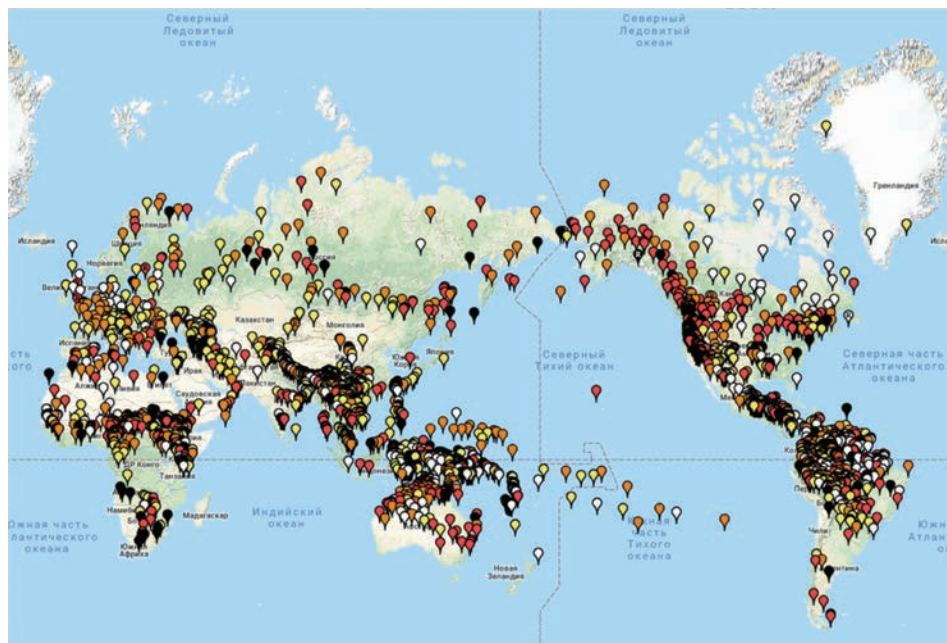

Рис. 1. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger
<http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>

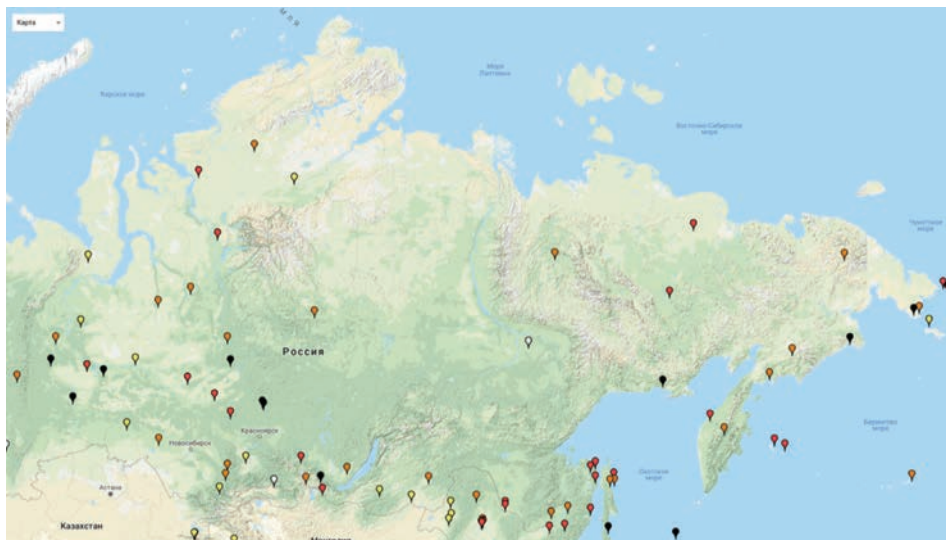

Рис. 2. Языки коренных народов Сибири
UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger
<http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>

Только два языка на территории Сибири – тувинский и якутский помечены белыми метками, которые символизируют стабильность ситуации, активное владение языком детьми и представителями младших поколений, функционирование в разных сферах, в том числе в общественно-политической и деловой, обеспеченное статусом государственного языка республики. Существование всех других языков коренных народов Сибири оценивается как критическое. Разная численность носителей, разный статус, специфика этносов как моно- или полинациональных и многие другие факторы для всех языков принципиально различны, поэтому характеристику ситуации для Сибири в целом дать невозможно.

К сожалению, достоверных данных по всем языкам для текущего момента нет. Единственное крупномасштабное социолингвистическое обследование языков Сибири было проведено в 1966–1969 гг. сотрудниками новосибирского Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством чл.-корр. АН СССР В. А. Аврорина.

Были получены данные для 31 из 33 коренных народов, анкетированием было охвачено 58 тысяч человек, более 7 % всего сельского населения. Анкета включала 38 вопросов, соответственно было получено более двух миллионов ответов, которые предполагалось обработать с применением ЭВМ.

На *рис. 3* представлена инструкция по проведению опроса.

В анкету были включены, в частности, следующие вопросы:

- на каком языке (языках) говорили: а) до поступления в школу;
- б) начали обучаться в школе;

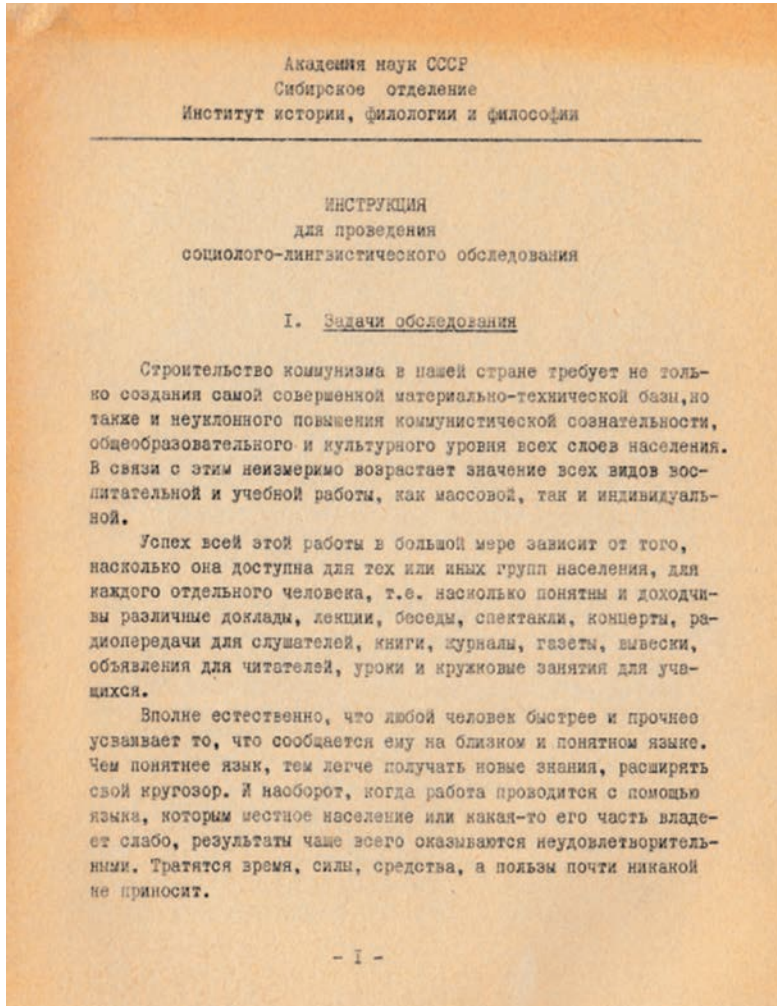

Рис. 3. Инструкция для проведения социолого-лингвистического обследования ИИФиФ СО АН СССР в 60-е гг. XX в.

- на каком языке (языках) обычно говорите: а) в семье с детьми-дошкольниками; б) в семье с детьми-школьниками; в) в семье со взрослыми; г) на работе, в школе, в детском саду; д) в прочих случаях с людьми своей национальности; е) в прочих случаях с людьми других национальностей;
- на каком языке (языках) понятнее: а) читать книги, газеты, объявления; б) слушать лекции, доклады, беседы, радио и телепередачи; в) слушать концерты, спектакли;
- нужно ли пояснять на родном языке кинофильмы;
- на каком языке легче, удобнее выступать на собраниях, в кружках, на пионерских сборах и т. п.;

- на каком языке обычно пишете или диктуете письма: а) людям своей национальности; б) людям других национальностей;
- на каком языке (языках) следует говорить с детьми в детских садах и яслях;
- на каком языке лучше обучать детей: а) на первом году обучения; б) в начальной школе; в) в остальных классах средней школы;
- считаете ли нужным, чтобы учащиеся изучали родной язык как предмет: а) в школе; б) в средних специальных учебных заведениях [Сбор..., 1969: 106].

Эти вопросы и сейчас составляют ядро любой социолингвистической анкеты, однако в то время они были заданы впервые. Обращает на себя внимание формулировка некоторых вопросов, которая отражает не вполне корректное представление об образе жизни коренного населения, например: на каком языке (языках) понятнее: а) читать книги, газеты, объявления; б) слушать лекции, доклады, беседы, радио и телепередачи; в) слушать концерты, спектакли; нужно ли пояснять на родном языке кинофильмы. Такие вопросы предполагают априори наличие книг, радио- и телепередач на национальных языках. Между тем большинство носителей сибирских языков проживало в сельской местности и не имело ни телевизоров, ни возможности посещать спектакли (разве что любительские постановки в сельских клубах). По умолчанию предполагалось, что эти возможности есть, и интересно было бы узнать, позволило ли проведенное обследование получить информацию о реальном положении дел с обеспеченностью книгами, проведением лекций и докладов на родных языках, существованием театральных коллективов, делающих сценические постановки на языках коренного этноса, и т. п.

Вопрос о чтении книг является неоднозначным. В 40–50-е гг. XX в. на языки коренных малочисленных народов СССР было переведено большое количество художественной и публицистической литературы, которая издавалась достаточными тиражами. Например, тиражи книг на хантыйском языке насчитывали тысячи экземпляров при численности этноса около 20 тысяч человек. Всего было издано более 50 разных книг. Так, книга Л. Кассиля «Твои защитники» (Л., 1946) вышла тиражом 5000 экз. Другие книги стабильно издавались тиражом 1000 экз., например: Е. Чарушин «Рассказы» (Л., 1949), А. Гайдар «РВС» (Л., 1950), К. Д. Ушинский «Рассказы и сказки» (М.; Л., 1951), А. Кононов «Рассказы о Чапаеве» (Л., 1952), А. Кононов «Рассказы о Ленине» (Тюмень, 1960) и мн. др. Это значит, что фактически каждая семья могла иметь как минимум несколько книг на хантыйском языке. Эта литература была в целом доступна в школьных и сельских библиотеках. Но были ли понятны читателям эти тексты? Если вопрос о том, на каком языке легче читать книги, относился к этим изданиям, то он мог спровоцировать искажённую интерпретацию ответов. Как правило, такие переводные произведения публиковались только на одном диалекте, мало понятном для носителей других диалектов. Соответственно, ответ

о непонятности книг мог относиться только к тому, что язык публикации не совпадает с родным диалектом читателя. Кроме того, переводы часто содержали кальки с русского первоисточника, что затрудняло понимание текста, не говоря уже о специфике содержания. На хантыйском языке из всего этого массива печатной продукции было опубликовано лишь две книги, содержащие образцы аутентичной хантыйской речи: сказка «Зайчишка» (Л., 1934. Тираж 4000 экз.) и «Хантыйские песни» В. Штейница (Л., 1937. Тираж 1300 экз.). Однако первая книга издана еще на латинице, а вторая представляет собой попытку перехода с латиницы на кириллицу, которая была реализована всего в двух-трёх довоенных изданиях на хантыйском языке, но впоследствии кириллическое письмо основывалось на других принципах. Поэтому даже эти книги, содержащие качественные хантыйские тексты, вряд ли были понятны простому читателю. К тому же вопрос о контингенте читателей тоже остается открытым в связи с тем, что в 60-е гг. XX в. подавляющее большинство взрослого населения не имело среднего образования, так как Закон о всеобщем среднем образовании вступил в силу с 1955 г. Вряд ли можно ожидать, что навык чтения был развит достаточно, чтобы восприятие письменного текста было простым и легким.

Если большинство ответов содержало информацию о том, что носителям языка трудно читать книги на родном языке, это ещё не означало, что надо сократить количество публикаций на родных языках и отказаться от переводческой деятельности. Для многих языков коренных малочисленных народов Сибири и в настоящее время не существует достаточного массива аутентичных произведений, и чтение газеты на хантыйском, например, языке вызывает затруднения даже у представителей национальной интеллигенции – самого образованного слоя, так как нормы орфографии и пунктуации не стабильны и широкая вариативность графической фиксации затормаживает автоматизм распознавания текста.

К сожалению, проект В. А. Аврорина не был завершён полностью и его результаты не были обнародованы в полном объёме. Обработанные анкеты и составленные на их основе таблицы были помечены грифом «Для служебного пользования», и в настоящий момент неизвестно, сохранились ли они в каких-нибудь архивах.

В 1969 г. были опубликованы материалы к региональной конференции «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири», в которых, помимо результатов собственно научных исследований, содержатся также документы, отражающие организационную деятельность: рекомендации научно-методического совещания «Проблемы функционального взаимодействия языков народов Сибири» [Сбор..., 1969: 101–103], резюме заседаний научно-методического совета по организации социолого-лингвистических исследований (Новосибирск, 17–18.XII.68 г.) [Там же: 104–105], сведения о составе научно-методического совета по организации социолого-лингвистических исследований, куда входило 26 специалистов из Новосибирска, Москвы, Улан-Удэ, Томска, Иркутска, Магадана, Якутска, Владивостока, Ленинграда, Кызыла, Горно-Алтайска, Абакана [Там же: 107–108].

В предисловии к сборнику приводятся сведения о ходе работ: «Социолого-лингвистические исследования начаты Сибирским Отделением АН СССР в 1965 г. На первом этапе исследований было проведено пробное анкетное обследование нерусского населения нескольких типичных национальных районов Сибири и Дальнего Востока. Полученные результаты стали предметом обсуждения на представительном научно-методическом Совещании в г. Новосибирске (1966 г.). Совещание поддержало инициативу Института истории, филологии и философии СО АН СССР в отношении разработки проблемы функционального взаимодействия языков народов СССР на территории Сибири и Дальнего Востока. На втором этапе исследований в национальных районах Сибири и Дальнего Востока было проведено массовое выборочное анкетное обследование, утвержденное ЦСУ РСФСР. Итоги этой работы подведены на заседаниях Научно-методического совета (1968 г.), созданного при СО АН СССР для руководства данными исследованиями. На заседаниях обсуждались также вопросы разработки собранных материалов и дальнейшего их использования в научной и практической работе» [Там же: 4].

В небольшой степени материалы этой работы нашли отражение в монографии В. А. Аврорина «Проблемы изучения функциональной стороны языка» [Аврорин, 1975].

Вероятнее всего, результаты проведенного обследования не соответствовали официальным ожиданиям, они не подтверждали, что на территории СССР уже сложился «единый советский народ», поэтому и не были официально востребованы. Вот что пишет В. А. Аврорин:

«Заранее дано как аксиома, что русский язык стал вторым родным языком для всех нерусских народов СССР, но в то же время известно, что этим языком в такой же мере, как родным, в среде нерусских народов владеет немного людей. Это интеллигенция, да и то не вся, а среди рабочих и крестьян такие встречаются много реже» [Аврорин, 1975: 143]; «Говорить об “отмирании” языков, как о явно выраженном процессе, об “отказе” народов от своих исконных родных языков, о сколько-нибудь массовом переходе нерусских народов на русский язык, а тем более делать из этого выводы о возможности свертывания просветительной и пропагандистской работы на родных языках значит сознательно закрывать глаза на реальную действительность и толкать языковую практику на рискованный путь» [Аврорин, 1975: 227].

Результаты обследования показали, что процент людей, считающих родным язык своей национальности, а не русский, в то время был очень высок: 30 народов — выше 95 %; 50 народов — выше 85 %; 10 народов — меньше 50 % (нивхи, ительмены, орочи, юкагиры).

Процент людей, считающих (вторым) родным русский язык:

долгане	10,2 %
хакасы	16,3 %
ненцы	16,6 %

чукчи	17,4 %
коряки	18,9 %
нганасаны	24,6 %
нанайцы	30,9 %
ханты	31,1 %
ульчи	39,2 %
эвены	44 %
удэгейцы	44,9 %
манси	47,6 %
эвенки	48,7 %
селькупы	48,9 %
нивхи	50,5 %
орочи	51,4 %
юагиры	53,2 %
ительмены	64,3 % [Аврорин, 1975: 229].

В целом, на момент авроринского обследования количество людей, считающих русский язык родным, было не так уж велико.

В этих условиях переводить школьное обучение исключительно на русский язык было явно преждевременно. Но принятый в 1955 г. Закон о всеобщем среднем образовании привёл к тому, что во многих регионах переход на русский язык осуществлялся фактически насильственно. Многие наши информанты вспоминают годы обучения в интернатах со слезами на глазах, переход от родного языка к русскому проходил болезненно. Сформировались негативные стереотипы в связи с незнанием русского и, соответственно, наоборот, в связи со знанием родного языка, которые определили резкий отказ от родного языка фактически в пределах одного поколения.

Таким образом, в 60-е гг. XX в. было проведено крупномасштабное исследование, основанное на теоретических постулатах, не потерявших своей актуальности и в нынешней ситуации, хорошо организованное, репрезентативное по охвату языков и регионов и количеству привлеченных к опросу носителей языка. В нем были задействованы силы всех профильных научных коллективов страны, но его результаты так и остались невостребованными и фактически неизвестными. Это сказалось на эффективности языковой политики в последующие годы, когда решения о преподавании родных языков принимались исходя из идеальных представлений о должном, а не о реальном положении на местах.

Рассмотрим ситуацию с одним из самых благополучных языков — тувинским. В 60-е гг. XX в. количество владевших русским языком было не столь велико — всего около 60 %, по данным переписи 2010 г. — 83 %. Вероятно, те представители старшего поколения, которые не знали русского языка в середине 60-х гг., так его и не выучили. Снижается доля семей, в которых с детьми говорят только на тувинском языке, резко упала доля тех, кто считает необходимым вести обучение в школе только на тувинском языке — с 83 до 15 процентов. Причём резкое падение этих показателей произошло

буквально за последние 3–4 года. По данным Н. Ч. Сэрээдар, в Кызыле в 2014 г. 40 % родителей выбирали для своих детей классы с обучением на тувинском языке (по плану – до 7 класса, де-факто обучение ведется до 5-го класса), а в 2017–2018 учебном году таких осталось всего 10 %, т. е. 90 % в городе выбирают обучение на русском языке [Серээдар, 2018].

Табл 1. Социолингвистическая ситуация в Туве

Параметры опроса	1966–1969 гг.	2010 г., 2016 г.
Пользуются на работе только тувинским языком	93,8 %	
Говорят с детьми в семье по-тувински	96,5 %	82 %
Знает русский язык	60 %	83 %
За обучение только на тувинском языке	83,5 %	15,3 %

Рис. 4. Данные о владении тувинским языком [Серээдар, 2018: 11]

Естественно, это приводит к стремительному уменьшению количества владеющих тувинским языком в полной мере. На *рис. 4* верхняя синяя полоса показывает, что лучше всего владеют тувинским языком представители поколения 1951–1961 г.р., которые обучались в школе на тувинском языке до 7-го класса.

В 70-е гг. в тувинских школах существовал институт переводчиков с тувинского языка на русский. Осуществлялся жёсткий контроль за публикациями на литературном тувинском языке, в том числе редактировались фольклорные тексты, что может быть оценено двояко, но это имело и положительный эффект, так как способствовало стабилизации норм литературного языка. В настоящее время всё больше детей записываются в классы с русским языком обучения: в г. Кызыл в 2014 г – 38 %, в 2017–2018 учебном году – до 90 %. Часто в классах с тувинским языком обучения преподавание всех предметов ведётся на русском языке. В результате в городах становится все больше детей, не владеющих родным (тувинским) языком, усиливаются процессы смешения языков [*Бавуу-Сюрюн, 2018*].

Согласно переписи 2010 г. тувинский язык считают родным 98 % населения. Относительной сохранности тувинского языка способствует несколько экстралингвистических факторов: 1) замкнутое географическое расположение республики; 2) позднее вхождение Тувы в состав СССР (1944 г.); 3) проживание большей половины жителей в сельской местности, сравнительно недавний переход на осёдлый образ жизни.

Надо заметить, что повсеместно в национальных республиках – в Туве, Якутии, на Алтае – представители национальной интеллигенции, наиболее успешные учёные и государственные деятели получили образование на родном языке. Они являются полными билингвами, в равной мере свободно владеющими родным и русским языками.

В Якутии наблюдаются в настоящий момент две противоположные тенденции: с одной стороны, приток в город молодых семей из сельской местности, которые объясняют переезд необходимостью дать детям образование на русском языке, чтобы обеспечить успешную сдачу ЕГЭ, а с другой, огромный конкурс в школы, где ведётся обучение на якутском языке, так как выпускники этих школ оказываются наиболее успешными, поступают в престижные вузы. Родители связывают это с тем, что у детей естественным образом формируются когнитивные способности на основе родного языка, а русским они овладевают постепенно и по мере необходимости.

Совершенно другая социолингвистическая ситуация складывается в хантыйском и мансийском языках, которые тоже являются титульными для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Мансийский язык на протяжении многих лет считается языком с очень низкой витальностью. По данным переписи 2010 г., манси насчитывается 12269 человек, общее число говорящих — 938 чел., доля лиц, владеющих (по самооценке) мансийским языком как родным, – 37,1 %, русский язык считают родным 62 % манси.

Данные переписи, которая показывает 30 % владеющих этим языком, специалистами ставятся под сомнение: вероятнее всего, эта цифра отражает неадекватно высокую самооценку респондентов. Часто люди, которые понимают, но не говорят на родном языке или знают отдельные слова, но не могут составить связный текст, говорят о себе, что они владеют родным языком, потому что знание родного языка осознаётся как безусловная культурная ценность и ассоциируется с национальной идентичностью.

Но и с мансийским языком, как выяснилось, дело обстоит не так плохо, как представлялось: среди ивдельских манси, проживающих в трудно доступных районах на севере Свердловской области, по-прежнему есть люди, в полной мере владеющие мансийским языком. Это значит, что будет ещё как минимум одно поколение мансийских детей, владеющих своим родным языком, а значит, срок жизни мансийского языка продлевается.

Несколько лучше обстоит дело с хантыйским языком. По данным переписи 2010 г., насчитывается 31000 ханты. В переписи 1989 г. зафиксировано 13542 носителей языка, что на тот момент составляло 61 %, так как численность этноса была ниже, а в 2010 г. количество носителей осталось практически тем же самым – 11241 чел., но эта цифра составляет 37 % от общей численности этноса. Соответственно, абсолютное количество говорящих достаточно стабильно, но не очень ясно, как интерпретировать эти данные, за счёт чего достигается рост численности этноса. Возможно, это следствие того, что дети из смешанных семей стали чаще идентифицировать себя как ханты, тогда раньше в паспортах они записывались преимущественно как русские или представители других более крупных народностей (украинцы, татары и т. д.). Свидетельствуют ли эти цифры о реальной стабильности данного показателя?

Хотелось бы отметить ещё одну субъективную особенность проводимых опросов. Старшие склонны скептически оценивать уровень владения языком младшим поколением. Так, 25 лет назад одна носительница хантыйского фольклора, знавшая и песни, и сказки и с удовольствием их исполнявшая, с сожалением говорила про свою тогда ещё молоденькую дочь, что она-то вот родного языка не знает. В прошлом году я оказалась в том же самом поселке и встретила с этой женщиной, которой теперь уже за 40, и оказалось, что она исполняет все те же самые произведения, которые переняла от своей матери, уровень её компетентности очень высок, в её речи сохраняются все сложные конструкции и выразительные обороты. Так что суждение матери было явно преждевременным.

Носители хантыйского языка проживают на территории нескольких территориальных образований – Ямало-Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в Тюменской и Томской областях. Разная административная принадлежность создает помехи в проведении единой языковой политики. Учителя-методисты на Ямале и в Югре ведут учебный процесс на хантыйском языке совершенно независимо друг от друга и часто в прямо противоположных направлениях.

На текущий момент ученые выделяют шесть диалектов хантыйского языка, которые группируются в два наречия – западное и восточное, настолько сильно различающиеся между собой, что неоднократно высказывались предложения считать их отдельными самостоятельными языками. Письменность активно развивается на четырех из шести диалектах, на них ведётся обучение в школе. Чиновники Министерства образования оценивают эту ситуацию как недопустимую, так как невозможно обеспечить всех школьников единым комплектом учебников на одном литературном языке. Но в реальности преподавание родного языка возможно сейчас только на диалектах.

При разработке основ хантыйской письменности Н. И. Терешкин, крупнейший специалист в области хантыйской диалектологии и грамматики, носитель одного из восточных диалектов, на Совещании по языкам народов Севера (1952 г.) предложил создавать письменность на нескольких диалектах хантыйского языка: для западной диалектной группы – на казымском, так как среднеобские ханты в достаточной степени владеют русским языком и для них обучение в школе с первого класса надо начинать только на русском языке. Ю. Н. Русская отмечала: «Наши издания на хантыйских языках мы разделили на четыре группы, поскольку четыре группы ханты не понимают друг друга — это разные языки одной семьи» [Совещание, 1952].

Главная проблема на сегодняшний день состоит в том, что хантыйская письменность совершенно не нормирована. Примерно раз в десять лет, т. е. для каждого нового поколения школьников, стихийно и неконтролируемо меняется система письма.

В слове *jasəŋ* ‘язык, слово’ нет ни одной невариативной буквы, в кириллической записи возможны следующие варианты записи одного и того же звука: *йа / я; с / з; ә / ӓ / а / ы; ӈ / нг* – всего 32 возможных варианта, и фактически все они (без преувеличений!) встречаются в письменных источниках на хантыйском языке: *йасӓӈ, ясанг, ясӓӈг, ясӓӈ, ясынӈ, ясын, ясӓӈг, язынӈ* и т. д., что особенно заметно на обложках школьных учебников «Хантыйский язык» (см. рис. 5).

Таким образом, в первом классе дети могут учиться читать и писать слово *язык* как «язык», во втором — как «изик», в третьем — как «езык». Ко-

Рис. 5. Обложки школьных учебников хантыйского языка для 2-го класса.

нечно, это не способствует формированию грамотности и раздражает учащихся, обесценивает саму идею письменной грамотности.

Такие проблемы с письменностью могут приводить к формированию ложных стереотипов, не соответствующих базовым лингвистическим понятиям. Разнобой в написании одних и тех же слов приводит к тому, что в «Словарь синонимов хантыйского языка» М. А. Рачинской, О. В. Хандыбиной попадают графические варианты, например: *янт тайты*, *ант тайты* ‘не иметь’ [Рачинская, Хандыбина, 2013: 10–11], каз. *ёхум*, шур. *ёхам* [Там же: 13], каз. *ванэн*, шур. *ванан* [Там же: 15] и мн. др. Перечисленные слова относятся к общему для всех хантыйских диалектов фонду и, конечно же, должны писаться одинаково. На основе этого словаря можно составить представление о широте графического варьирования в хантыйских диалектах, но вряд ли на таких фактических данных можно сформировать у школьника непротиворечивое представление о том, что такое синонимия как явление языка.

Другой пример – это использование йотированных букв. В хантыйском языке есть ряд специфических среднеязычных согласных *ń, ś, l', t'*, для обозначения которых используются йотированные гласные буквы, так как за образец при создании письменности был выбран слоговой принцип русской графики: *ям* [jám] ‘хороший’, *нял* [ńál] ‘четыре’, *нёр* [ńór] ‘хрящ’, *нёл* [ńól] ‘стрела’, *нюр* [ńür] ‘словно’, *няр* [ńar] ‘сырой’.

Известно, что в русском языке йотированные буквы используются для обозначения **мягкости** предшествующего согласного. Но в хантыйском языке мягких согласных **нет**. Отличительной чертой хантыйской фонетики является отсутствие противопоставления твёрдых и мягких согласных. Если в русском языке слоговой принцип даёт экономию в обозначении парных по твердости / мягкости согласных (вместо 16 отдельных букв для твёрдых и 16 отдельных букв для парных мягких согласных используется всего 16 согласных букв для тех и других; для обозначения 42 фонем используется 33 буквы), то в хантыйском языке, наоборот, использование слогового принципа порождает избыточность: для 26 (27) фонем в казымском диалекте используются те же «заветные» 33 буквы. «Лишние» буквы появляются, так как в системе хантыйского вокализма противопоставлены долгие и краткие гласные: *a — ай, u — уй, o — оэ, e — ээ*, для обозначения которых необходимо введение диакритических знаков. На практике различия между гласными чаще всего просто игнорируют, это приводит к неоправданной омографии, также затрудняющей восприятие письменного текста.

Усвоив на уроках русского языка представление о функциях йотированных букв как средства обозначения мягкости предшествующего согласного, школьник автоматически переносит эти представления на свой родной язык, что теоретически неверно.

В окружной газете «Ханты ясаң» («Хантыйское слово») также наблюдается широкое варьирование написания одних и тех же слов в пределах одного номера, особенно если статьи написаны разными корреспондентами. Общее редактирование затруднено, так как нет устоявшихся норм, а пред-

ложения, сформулированные в «Правилах хантыйской орфографии» [Немысова, Кошкарёва, Соловар, 2014] и в орфографическом словаре хантыйского языка [Соловар, 2013], редакция игнорирует. Всё это приводит к тому, что стабильной письменной нормы в хантыйском языке вообще не существует.

В целях популяризации родного языка в Югре и на Ямале проводятся массовые просветительские акции, такие как «Фронтальный диктант на хантыйском, мансийском, ненецком языках» (<https://ouipiir.ru/content/fd2018>).

В 2018 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре эта акция прошла на 39 площадках. 27 площадок были организованы в сельской местности – в местах компактного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, две площадки были открыты в Санкт-Петербурге. Всего диктант написали 548 человек. Аналогичные мероприятия проводятся и на других языках народов РФ.

Формат проверки диктанта предполагает наличие стандарта, с которым сопоставляется написание текста участниками. Однако проверка диктанта в традиционном представлении фактически невозможна. Организаторы ставят положительные оценки только за то, что текст просто записан от начала до конца. Неважно при этом, как именно записаны слова, поскольку нельзя требовать от участников, которые обучались в разное время по разным учебникам, соблюдения несуществующей нормы.

Аналогичные проблемы существуют во многих языках, и они широко обсуждаются научной общественностью. На конференции «Обдорья: современные научные исследования в Арктике» (26–27 ноября 2018 г., ГКУ «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард) д-р историч. наук Е. Т. Пушкарева, специалист по ненецкому фольклору, подняла вопрос о необходимости отражения на письме долгих и кратких ненецких гласных, 8 апреля 2019 г. в Институте лингвистических исследований РАН состоялось заседание комитета РАН по языкам РФ, где этот вопрос обсуждался специалистами в области ненецкого языка и представителями региональных СМИ. В Сибирском федеральном университете (г. Красноярск) 30 ноября 2018 г. проводилось заседание Комитета по созданию и юридическому оформлению энецкой письменности, где были поставлены те же самые вопросы отсутствия единых норм при публикации школьных учебников и учебных пособий.

Вспомним тувинский язык, для которого в советское время существовала система жесткого контроля за соблюдением литературных норм, в конечном итоге это привело к стабилизации литературного языка и формированию устойчивой письменной традиции, что способствует сохранности языка.

Можно было бы, конечно, сказать, что большинство языков мира вообще не имеют алфавитов и письменности и до сих пор как-то выживают. Но когда в школе введено обучение родному языку, то оно должно быть, как минимум, непротиворечивым и способствовать его сохранности.

На наш взгляд, для языков с большой диалектной раздробленностью типа хантыйского обучение в школе должно вестись на существующих диалектах, так как наддиалектной формы литературного языка нет, попытки создать её искусственно провалились. В 50-е гг. XX в. в качестве основы для литературного хантыйского языка был выдвинут среднеобской диалект в силу своего центрального положения на диалектной карте. Именно на этот диалект переводились книги, на этом диалекте в первую очередь создавались учебники. Однако в настоящий момент этот диалект уже фактически не существует, вся богатая переводная литература осталась недоступной носителям живых хантыйский диалектов.

Проблема создания учебников для каждого диалекта действительно стоит остро: оправданы ли затраты на издание всей линейки учебников, если в каждом классе родному языку обучается всего лишь несколько детей? Думается, что выход можно найти в создании электронных учебников для разных диалектов с единой методической и теоретической основой, которую каждый учитель – носитель определенного диалекта может наполнять собственным языковым материалом в соответствии с фонетическими и лексическими особенностями своего диалекта.

Возникает вопрос: а нужно ли вырабатывать единые нормы письменной речи? Кто должен нести ответственность за принятие решений и контролировать проведение их в жизнь? В Ханты-Мансийском автономном округе ситуация настолько остра, что представители разных лагерей национальной интеллигенции обращались в разные инстанции с просьбой содействовать её скорейшему разрешению. Но пока никакие государственные органы не берут на себя ответственность за принятие решений, так как по-прежнему не урегулирована нормативно-правовая база. Если в 30-е гг. XX в. решение о введении новых алфавитов утверждалось на самом высоком уровне, на уровне Центрального исполнительного комитета СССР и Народного комитета просвещения, а в 90-е гг. это спустилось на уровень окружного Совета народных депутатов, то кто должен принять соответствующее решение сейчас? На заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ во время визита В. В. Путина в Ханты-Мансийск 26 октября 2018 г. губернатор Югры Н. В. Комарова предложила внести изменения в федеральное законодательство для нормативно-правового регулирования вопросов создания, утверждения алфавитов, правил орфографии и пунктуации родных языков, не имеющих статуса государственных. Такое решение, по словам Н. В. Комаровой, «точно будет из числа тех, которые позволят ликвидировать одну из “задач-долгостроев”» [<https://gov.admhmao.ru/vse-novosti/2010210/>]. Принято решение о создании Фонда поддержки родных языков России для развития системы преподавания национальных языков, подготовки и экспертизы соответствующих программ и учебной литературы.

Но пока ситуация с хантыйской письменностью напоминает шаманские бои, журналисты воюют с докторами наук, политики не стремятся погасить эти страсти, чтобы иметь возможность выглядеть защитниками родного

языка, а страдает между тем язык, который имеет возможность трансляции следующим поколениям, если его жизнедеятельность будет поддержана законодательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 276 с.
2. *Бавуу-Сюрюн М. В.* История формирования диалектов и говоров тувинского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018.
3. *Немысова Е. А., Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н.* Правила хантыйской орфографии: справочник. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2014. 164 с.
4. *Рачинская М. А., Хандыбина О. В.* Словарь синонимов хантыйского языка. СПб, 2013.
5. *Соловар В. Н.* Краткий орфографический словарь хантыйского языка (казымский диалект): Экспериментальный словарь. Ханты-Мансийск, 2013. 71 с.
6. Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири (материалы к региональной конференции). Новосибирск 1969. 108 с.
7. Совещание по языкам народов Севера (тезисы докладов). М.; Л., 1952.
8. *Серээдар Н. Ч.* Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (дата обращения: 20.03.2018). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1

М. И. Магомедов

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С этнолингвистической точки зрения Республика Дагестан представляет собой нетипичный для других регионов России полиэтнический феномен. Языковое многообразие, среда и малая территория, на которой представлено большое количество близкородственных и не родственных языков характеризуют Дагестан как уникальное явление даже в мировом масштабе.

Здесь, на территории всего в 50,3 тыс. кв. км. и с населением более 3000000 человек, мирно уживаются представители более чем 30 народностей со своими языками и диалектами, принадлежащими к кавказской, тюркской и индоевропейской языковым семьям. И от того, насколько верная языковая политика будет проводиться в Республике Дагестан, будет зависеть не только судьба языков народов Дагестана с их самобытными культурами, но, возможно, и судьба самих народов — носителей этих языков и культур.

Этнолингвистическое своеобразие Дагестана, в отличие от других республик, входящих в Россию, состоит ещё и в том, что здесь нет, как в большинстве национальных образований РФ, ни титульной нации, ни титульного языка, которые бы определяли наименование республики. Нет здесь этноса, который бы мог пользоваться функциональной предпочтительностью и исключительностью. И власть в Дагестане не принадлежит — и никогда прежде не принадлежала — никакому отдельно взятому народу. Во всём этом воплощено равенство населяющих край этносов, равенство в праве принадлежать к единой региональной межэтнической общности и осознавать себя «дагестанцами».

Статусом же государственного языка согласно статье 10 Конституции Республики Дагестан обладают «русский язык и языки народов Дагестана». Правда, не совсем понятно, какие именно языки по Конституции считаются языками народов Дагестана. Ведь к дагестанским языкам относятся не только так называемые «младописьменные» (получившие статус литературных лишь в советское время) языки Дагестана (аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, табасаранский, татский), так называемые «новописьменные» (т. е. языки, получившие письменность в 1990 г.), языки малочисленных народов (агульский, рутульский, цахурский), но и все бесписьменные языки Дагестана (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндинский, хваршинский, цезский, чамалинский).

Встаёт вопрос: считать государственными языками Дагестана дагестанские языки, представленные в другом государстве, например, в Азербайд-

жане (будухский, крызский, удинский, хиналугский)? Является ли (согласно Конституции РД) государственным языком Дагестана, например, одноаульный гинухский язык? Или языки, по которым нет единого мнения в их соотносительности к языку или диалекту (например, кубачинский, хайдакский, инхокваринский)?

Эти вопросы лингвистика, а вслед за ней и Конституция Республики Дагестан пока оставляют без однозначного ответа.

Специалист может подтвердить, что в качестве государственного языка в полинациональной стране не может функционировать, например, письменный язык малочисленного этноса. Никак не может быть государственным языком, насчитывающий всего 57 человек его носителей (например, багулальский, как это указано в материалах переписи населения РФ 2002 г.).

Кроме того, в силу некоторых причин политического характера Конституция Республики Дагестан не определилась также и с понятиями «дагестанский народ» и «народы Дагестана», «языки Дагестана» и «дагестанские языки». Все эти вопросы ждут своего ответа, и, возможно, мы их вскоре получим. Однако специалистам нельзя сидеть сложа руки, зная, что без их участия могут быть приняты непродуманные решения. Языковеды должны сказать здесь свое веское, профессиональное слово.

Лингвисты и этнографы, опираясь на строго научные методы, могут объяснить, какая разница между понятиями «дагестанские языки» и «языки Дагестана». Здесь разница заключается только в одном: в понятие «дагестанские языки» входят генетические родственные (т. е. имеющие общее происхождение) языки Дагестана, которые могут в настоящее время быть распространены и за пределами республики (например, будухский, крызский, хиналугский и удинский – в соседнем Азербайджане), а в понятие «языки Дагестана» включаются языки, представленные на территории Дагестана, но не являющиеся родственными по происхождению «дагестанским языкам» (например, кумыкский, ногойский, азербайджанский, русский и др.).

Задача науки заключается именно в том, чтобы точно сформулировать проблему и предложить пути её решения. Но, к сожалению, решения не всегда принимаются наукой.

На сегодняшний день, накануне принятия закона «О языках народов Дагестана», перед нами стоит всего одна задача: выяснить какой язык (или языки) в Республике Дагестан является государственным и, исходя из этого, предложить конкретные пути для решения языковой проблемы. Все остальные вопросы прямо вытекают из этого решения и не носят принципиального характера (т. е. общие фразы, типа «сохранить, возродить, развивать») само собой разумеются.

Проблема родных языков дагестанцев весьма щекотлива, болезненна, злободневна. Её часто поднимают в связи с тем, что в городах Дагестана второе, третье поколения горцев-мигрантов не знают языка своего родного этноса. Функциональная ограниченность родных языков дагестанцев, их несоответствие интеллектуальному и культурно-образовательному уровню,

который достигается в процессе учёбы на русском языке и в результате общения к русской художественной литературе, русской и мировой культуре, трактуются не только дилетантами-любителями, но и некоторыми лингвистами как ущемление родных языков, как ассимиляция их русским языком. Между тем, социолингвистический анализ конкретного вида двуязычия показывает, что русский язык не только не влияет отрицательно на национальные языки при двуязычии, но и обогащает их лексико-семантическими средствами. Кроме того, национальные языки под влиянием русского языка реализуют свои имманентные потенциальные возможности сначала в книжном языке, затем в разговорной речи билингов и подражающих им людей, не владеющих русским языком.

Итак, рассматривая проблемы функциональной деятельности русского языка в полиэтническом Дагестане, необходимо иметь в виду то, что его современное состояние и перспектива дальнейшего развития зависят от характера функционирования двуязычия.

Основой языковой политики в Республике Дагестан является взаимодействие русского и дагестанских языков. Русский язык в Дагестане играет важнейшую роль в укреплении государственности, поэтому концепция гармоничного развития русско-дагестанского двуязычия является для дагестанцев испытанной моделью культурно-национального и национально-государственного строительства.

В многонациональном Дагестане русский язык, обслуживая наиболее значимые общественно-политические и культурно-образовательные сферы жизни полиэтнического социума, функционирует как весьма эффективное средство интеллектуального и эстетического развития личности носителя национально-русского двуязычия. В связи с этим обстоятельством культура русской речи дагестанца-билингва позволительно квалифицировать как признак его коммуникативной и общей культуры. Его мировоззренческие ориентиры, нравственно-этические приоритеты, глубина эрудиции и широта историко-культуроведческого кругозора находят свое адекватное выражение, в основном, на русском языке, который объективно и закономерно выступает в роли доминирующего компонента двуязычия. Таким образом, русский язык и культура русской речи билингва формируют его как языковую личность, интернационально и патриотически воспитанную, а также служат фактором этнолингвистически детерминированной картины мира дагестанца.

Исследователи лингвистических и филологических проблем признают большой воспитательный потенциал русского языка и русской литературы. Им посвящают научно-теоретические конференции, монографии и сборники статей. Большое внимание уделяется и освещению закономерного в условиях двуязычия взаимодействия русского и национальных языков, закономерному развитию природных систем этих последних под влиянием русского языка.

Актуализации духовного потенциала, знаний и эстетических качеств билингва способствуют такие качества русского языка, как богатство и выра-

зительность, звуковая полифония, разнообразие форм и сочетательных свойств слов, благодаря которым можно выразить самые глубокие мысли и чувства.

Красота русского языка, гармония его структурных единиц на разных уровнях способствуют формированию эстетического мира двуязычного дагестанца, его духовной жизни. О природных художественно-эстетических качествах русского языка З. К. Тарланов пишет: «Звуковой ряд, насчитывающий четыре ступени звучности: *шумный — звонкий — сонорный — гласный* и в целом обширность диапазона звуков речи, звуков-фонем, тяготение слова к открытым слогам и свободное ударение придают русской речи только ей свойственную самобытность, красоту, певучесть, динамичность, свидетельствуя вместе с тем об огромных её художественно-эстетических возможностях, блистательно реализованных в русской поэзии» [Тарланов, 2001: 25].

Этнолингвистическая идентификация дагестанца-билингва предполагает учёт общего интернационального языкового фонда, основную часть которого составляют слова, заимствованные из русского языка и пришедшие через него иностранные лексемы. Немаловажное значение для формирования этого фонда имеют слова, термины, фразеологизмы, которые создаются способом калькирования русских лексико-фразеологических средств.

Лингвистической, шире — лингвокультуроведческой интерпретации общего интернационального языкового фонда (ОИЯФ) посвящены исследования многих отечественных языковедов (Ю. Д. Дешериев, Г. П. Ижакевич, В. В. Иванов, В. Г. Костомаров, И. Ф. Протченко, А. А. Абдуллаев, Ф. Б. Астемирова, Ф. С. Арсамакова, Л. Б. Базаева, И. Г. Галенко, А. Л. Давыдова, И. И. Меньшиков, Н. П. Серый, Л. П. Столярова, З. Ф. Мышкин, Е. А. Охомуш, А. П. Сизько, М. М. Текуев, Т. Л. Шеянова, М. И. Исаев и др.).

Языковеды придают значение всестороннему воздействию ОИЯФ на воспитание интернационализма, патриотизма и позитивных нравственных качеств двуязычной личности. В связи с этим представляется целесообразным подробнее остановиться на основных факторах формирования и следствиях функционирования ОИЯФ. Общий интернациональный языковой фонд состоит из слов, составных наименований русского языка, присутствующих в национальных языках, активно контактирующих с ним. Удельный вес ОИЯФ составляет лексика. Объяснению сущности его в социолингвистическом аспекте способствует учёт особенностей того культурно-исторического ареала, в котором длительное время функционирует тот или иной язык, в связи с чем различаются региональные варианты ОИЯФ [Абдуллаев, 1983: 81].

Формирование ОИЯФ — результат воздействия социальных факторов на сферы функционирования национально-русского двуязычия. Такими факторами служат единство государственного устройства, социально-политических и культурно-образовательных институтов, единая система начального, среднего и высшего образования, общность понятийного аппарата, интернациональное сближение языков, повышение роли русского языка как средства межнационального общения, возрастание интереса к его изуче-

нию [Бадалян, 1985: 8]. Межнациональные понятия и слова общественно-политической, культурной и экономической сфер нашей жизни образуют фонд интернационализмов [Бурбак, 1985: 17], который способствует расширению культурного кругозора билингов, их интернациональному воспитанию. Лексикон билингов, активно пользующихся русским языком, постоянно обогащается, и этим, в частности, объясняется их ориентированность на более сложную систему культурных ценностей. Личность, чьим достоянием являются слова ОИЯФ, отличается высоким уровнем интернациональной и культурно-эстетической воспитанности.

ОИЯФ народов России объединяет не только россиян, но и взрослое население бывших союзных республик, ныне граждан стран СНГ, значительное число которых сосредоточено на восточной части Евразии. Сегодня чрезвычайно актуально возрождение с помощью русского языка, русской литературы, а также ОИЯФ евразийского культурно-языкового пространства. Создававшееся на протяжении многих столетий, оно, к сожалению, в постсоветское время не получало внимания и адекватной оценки.

О значимости евразийского компонента нашей культуры и актуальности его возрождения свидетельствует мнение З. К. Тарланова: «Трудно отделаться от впечатления, что, чуть ли не сознательно, предпринимаются отчаянные усилия для оттеснения русского языка в России, разрушения его норм, статуса как государственного, нейтрализации его как величайшей опоры этнического самосознания, национальной русской и евразийской культуры» [Тарланов, 2001: 27].

Уместно акцентировать внимание также на исследовании объективных причин формирования и функционирования дагестанского регионального ОИЯФ. Он начал складываться задолго до массового приобщения дагестанцев к русскому языку и формирования в регионе национально-русского двуязычия. Формирование их массового двуязычия в связи с широким распространением русского языка относится ко второй половине XX века. Языковеды и методисты, склонные к политизации социокультурной истории дагестанского народа, ошибочно считают, что дагестанцы становились носителями национально-русского двуязычия сразу же после революции и установления советской власти.

В дагестанском ОИЯФ отразились признаки общности исторических судеб, психического склада, обычаев и традиций дагестанского полиэтнического социума и современного уровня его развития. Это обстоятельство имеет важное значение для обоснования исторического единства полиэтнического дагестанского народа, которое возникло много веков тому назад на собственной самобытной основе. Не менее характерно то, что в ОИЯФ дагестанцев приметную долю составляют слова из арабского, персидского и тюркских языков. От слов, заимствованных из этих языков, с помощью исконных деривационных ресурсов дагестанских языков образовались новые слова, что свидетельствует о глубине и длительной истории широкого взаимодействия дагестанцев с природными носителями восточных языков, а также о евразийских корнях менталитета дагестанцев.

Значительную роль в формировании личности дагестанца и осуществлении его межэтнической социализации играют реально наличествующие в ОИЯФ народов Дагестана исконные слова дагестанских языков. Это названия частей тела, кушаний, растений, животных, предметов домашней утвари, морально-этических понятий и термины родства. Слова общедагестанского происхождения, хотя в большинстве случаев не обнаруживают внешнего сходства, представляют собой такой компонент ОИЯФ, мощный интеграционный потенциал которого уходит своими корнями в глубокую древность. Этими-то корнями, в основном, детерминируется актуальная сегодня объединительная сила многонационального общедагестанства.

Тот факт, что в Дагестане носители национально-русского двуязычия составляют более 90 % населения республики, служит не только фактором расширения и обогащения словарного фонда национальных языков, но и мощным стимулятором актуализации исконных потенциальных возможностей их грамматического строя и лексико-семантической системы.

Увеличение объёма ОИЯФ народов Дагестана благодаря заимствованиям, идущим из русского языка, не ущемляет ни самобытной структуры, ни функционального статуса дагестанских языков. Наоборот, расширение этого фонда, повышение его интернациональной значимости с неизбежностью предполагают создание в каждом дагестанском языке по их деривационным моделям новых производных слов, которые при семантической адекватности в разных языках не во всех случаях составляют формальную идентичность. Это обстоятельство свидетельствует об устойчивости самобытной системы каждого национального языка и развитии её по своим структурным законам даже в условиях функционирования массового национально-русского двуязычия.

В советское время в трактовке ОИЯФ наблюдалось гиперболизированное преподнесение результатов влияния русского языка на контактирующие с ним национальные языки. Например, И. И. Меньшиков, Н. П. Серый, Л. П. Столярова утверждают, что «общий интернациональный языковой фонд народов СССР формируется на всех основных уровнях языка — лексическом, грамматическом, фонетическом» [Меньшиков, Серый, Столярова, 1985: 107].

На наш взгляд, среди уровней языковых единиц — фонологический, морфемный, лексический, синтаксический — достаточно сложно выделить основные. Кроме того, фонологическая система языка непроницаема, на уровне фонем не формируется ОИЯФ. Исходя из единой графической основы языков, учитывая своеобразную связь правописания и произношения, названные авторы приходят к неправильному выводу: «в условиях всеобщей грамотности, в условиях всеобщего добровольного изучения русского языка и широкого его применения в повседневной жизни появляются фонетические универсалии, появляются общие тенденции в формировании орфоэпических норм различных языков народов СССР» [Меньшиков, Серый, Столярова, 1985: 108].

По-видимому, речь идёт об орфоэпически корректном, нормативном произношении русизмов носителями национально-русского двуязычия в их

речи на своем родном языке. Во-первых, такое произношение встречается очень редко, во-вторых, те же слова монолингвальные носители национальных языков произносят не по нормам русской орфоэпии.

Стремясь преподнести в преувеличенном виде положительное влияние русского языка на национальные, отдельные общественные деятели Дагестана широко обобщали эту тенденцию и, не вникнув в закономерности языковых контактов, делали ошибочные выводы. Гиперболизируя роль русского языка в обогащении и развитии дагестанских языков, философ А. Г. Агаев писал: «Языки, освобожденные от использования их для закрепления национализма, естественно и беспрепятственно заимствуют друг у друга лексику, термины, стилистические конструкции, новые обороты речи и идиомы. Даже новые фонемы. В языке аварской народности возникли две фонемы: [ф] и [о]» [Агаев, 1965: 228].

Поскольку подобного рода научно несостоятельные утверждения в публицистике не единичны, попытаемся подробнее остановиться на затронутой проблеме. Известно, что не всякую языковую единицу можно заимствовать, несмотря даже на самые тесные межъязыковые контакты и интенсивное взаимодействие языков в условиях массового двуязычия. Например, ни идиомы, ни фонемы не заимствуются. Определяющим признаком идиомы является непереводимость и невозможность заимствования. С лингвистической точки зрения утверждение о возникновении в аварском языке новых фонем <ф> и <о> под влиянием русского языка неверно. Во-первых, фонема «о» в аварском языке является исконной, поэтому не было необходимости заимствовать её. Эту фонему легко обнаружить в словах: *гьоло* «горох», *чохтло* «женский головной убор», *гьобол* «гость», *цо* «один», *кьо* «день», *буго* «есть», *хоно* «яйцо», *моцI* «луна», *бокь* «хлев», *рокъоб* «дома», которые употреблялись аварцами задолго до эпохи национально-русского двуязычия в Дагестане и заимствования слов русского языка дагестанскими языками. Во-вторых, фонологическая система любого языка замкнута и непроницаема. Новая фонема в языке может появиться только лишь по законам его внутривидового развития, но не в результате заимствования. Иноязычное влияние может лишь способствовать актуализации той или иной потенциальной фонемы в процессе имманентного развития языковой системы. Произношение специфического русского звука [ф] аварцами-билингвами в словах, заимствованных из русского языка, в речи на родном языке не является доказательством тезиса о заимствовании фонемы <ф>. Кроме того, аварцы, не владеющие русским языком, не выговаривают звук [ф] в русизмах, освоенных аварским языком. Даже бilingвы в ситуации общения с монолингвальными носителями родного языка, соблюдая нормы речевого этикета, слова, заимствованные из русского языка, как правило, произносят без соблюдения орфоэпических норм русского языка, т. е. так же, как монолингв-собеседник. Считаем вполне справедливым тезис Е. М. Верещагина: «Критерием, на основании которого можно судить, заимствована фонема или нет, следует считать факт появления её в речи монолингвов. Если она наблюдается в речи монолингвов, то она заимствована» [Верещагин,

1968: 170]. Решение вопроса заимствования фонем наталкивается на такую её особенность как языкового феномена, которая идентифицирует её в ранге знака семиотической системы, существенного лишь в противопоставлении коррелятивным единицам. Следовательно, если предположить заимствование фонемы практически осуществимым, она должна быть представлена в заимствующем языке в функции члена релевантной фонологической оппозиции, характерной для парадигматики и синтагматики фонологической системы исходного языка. В свою очередь, и оппозиции дихотомически противоположенных фонем связаны между собой, поэтому вырвать из сложно переплетенной фонологической системы отдельную оппозицию и заимствовать её, очевидно, невозможно. По словам В. В. Иванова: «И только после падения редуцированных звук [ф] получил широкую лексическую базу, возникнув на восточнославянской почве сначала в качестве глухой разновидности фонемы [в], а потом и в качестве самостоятельной фонемы» [Иванов, 1983: 190].

Ошибочен также тезис о взаимодействии языков народов Дагестана между собой и заимствовании друг у друга языковых средств. И это объясняется тем, что они функционально равнозначны, а заимствование осуществляется, если один из контактирующих языков отличается от другого лексическим богатством, высоким уровнем развитости структуры, системы, стилистическим совершенством, максимальным набором социальных сфер функционирования. При самом внимательном анализе лексической системы того или иного дагестанского языка невозможно обнаружить в нём заимствований, пришедших из другого дагестанского языка в советскую эпоху. При этом имеем в виду заимствования, которые были бы достоянием всего общенародного языка, а не те, которые бытуют в языках обитателей сопредельных ареалов функционирования разных дагестанских языков. Такие явления, в основном, восходят к более давним временам.

Проблема научно-теоретического освещения взаимодействия компонентов национально-русского двуязычия в Дагестане компетентными, высококвалифицированными лингвистами и этноязыковой идентификации дагестанца-билингва и сегодня актуальна. Её решение требует квалифицированного социолингвистического анализа структурных и функциональных характеристик русского и национальных языков. Однако успешному решению данной актуальной проблемы не способствуют умозрительные обобщения лингвистически некомпетентных авторов, наподобие А. Г. Агаева, ориентированных лишь на политико-идеологическую конъюнктуру, специально не занимающихся исследованием языковой жизни дагестанцев, законов развития языковой ситуации в Дагестане. Ошибочные суждения и выводы неспециалистов могут быть использованы в популистских воззваниях дилетантов к спасению родных языков от мнимого давления русского языка, придерживающихся научно несостоятельной концепции ассимиляции родных языков дагестанцев русским языком [Магомедов М. И., 2010: 153]. Только на базе данных квалифицированного и компетентного лингвистического анализа и можно определить лингвокультуроведческую

компетенцию и этноязыковую идентификацию языковой личности дагестанца-билингва.

Сегодня никто не сможет отрицать, что только один язык — русский — успешно выполняет свою государственную функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в Дагестане. От фактов никуда не уйти, они, как известно, вещь упрямая. Так уж сложилась ситуация в Дагестане, что надо быть реалистами и, отбросив амбиции, трезво смотреть на факты.

Ни один другой язык в Дагестане, как бы он ни декларировался, не выполняет и не может выполнять высокую миссию — быть государственным языком, хотя на аварском языке говорит треть населения. Ни один язык Дагестана, кроме русского (которым владеет свыше 90 % населения), не является языком, объединяющим все дагестанское общество. А ведь принципиальной целью языковой политики является обеспечение условий для функционирования языка как культурного фактора, способствующего общенациональной интеграции. Другими словами, языковая политика состоит в воздействии на языковую ситуацию, подталкивая её развитие в некоем предпочтительном направлении, где вектор реальных изменений приближает ситуацию к некоей идеальной картинке национального будущего. И этому критерию в Дагестане отвечает только один язык — русский. Он стал как бы «республикообразующим» языком.

Не может быть государственным языком на всей территории Дагестана, например, гунзибский язык. Представьте себе ситуацию, при которой, например, рутульцу объявляют, что его государственным языком, является чамалинский язык. Или же, как будет выглядеть, например, чиновник-даргинец, приехавший в Ахвах и на русском языке объявляющий ахвахцам, что их государственным языком является агульский язык. Довольно абсурдная ситуация, которую можно ещё скорректировать, внося соответствующие поправки в готовящийся закон «О языках народов Дагестана». Лингвисты Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского научного центра РАН разработали и внесли на рассмотрение в Народное Собрание Республики Дагестан свои обоснованные предложения по проекту закона «О языках народов Дагестана» и твёрдо будут отстаивать научные профессиональные позиции, не принимая во внимание какие-либо идеологические и политические мотивы.

Видимо, все согласятся, что, объявляя какой-либо язык государственным, то, очевидно, что государственным языком надо элементарно владеть и на нём должна быть письменность. Не может быть государственным язык, не имеющий письменности и которым не владеет население. А овладеть всеми языками Дагестана просто невозможно, хотя бы в силу их многочисленности.

Чтобы исправить такое положение, предлагаем в законе «О языках народов Дагестана» юридически закрепить фактическое положение русского языка в Дагестане в качестве государственного языка (впрочем, как государственный язык России русский язык является таковым для всех субъектов

РФ). Думается, что такое решение было бы и политически грамотным и научно обоснованным. А все четырнадцать письменных языков Дагестана, как нам кажется, следует признать «официальными языками Дагестана» с соответствующими полномочиями. При этом законодательно объявить их национальным достоянием, важнейшим элементом культуры, национально-го и гражданского самосознания дагестанцев, что, впрочем, и сказано в Конституции РД.

Известно, что для большинства народов Дагестана исторически было характерно многоязычие. Здесь издавна существовало несколько языков межнационального общения регионального типа. В различные периоды языковой ситуации в Дагестане на её территории выделялось несколько регионов со сложившимися языковыми особенностями. Каждый регион обладал своей спецификой развития и характеризовался функционированием определенного языка общения. Так, в Южном Дагестане в качестве второго языка общения выступал азербайджанский язык. В Северном и Центральном Дагестане таким языком был кумыкский, в контактах андо-цезской группы этносов языком общения всегда выступал и выступает аварский язык.

По нашему мнению, для создания реальных условий для самобытного развития многочисленных языков следует принять не противоречащий федеральному республиканский закон, который в полной мере учитывал бы всю этноязыковую специфику Дагестана. В нём должен быть чётко определён статус каждого языка во избежание всякого рода спекуляций на эту тему. Здесь должно содержаться однозначное определение понятий «язык», «наречие», «диалект», «говор», «подговор» и дано научное объяснение существующей между ними разницы. Но даже в этом сугубо узко-профессиональном вопросе до сих пор не консолидирована позиция ученых-языковедов.

В этом законе должен быть приведён полный список всех языков, диалектов и говоров языков Дагестана. Здесь должна быть объяснена разница между понятиями «государственный язык», «письменный язык», «бесписьменный язык», «младописьменный язык» и т. д. Если будут оставлены двусмысленные, обтекаемые формулировки, то ещё долго будут продолжаться спекуляции на эту тему, грозящие приобрести национальную окраску.

Одновременно с этим необходимо принять и глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков народов Дагестана. Но, прежде всего, необходимо выработать единую республиканскую государственную концепцию языковой политики с широчайшим привлечением всех заинтересованных специалистов и провести солидную конференцию для научного решения всех возникающих вопросов на эту тему.

Сегодняшнее состояние дагестанских языков следует охарактеризовать как критическое. С одной стороны, звучат бесконечные призывы к изучению родного языка горожанами, не знающими его, с другой — реальная не-

возможность создать даже минимальные экстралингвистические условия, которые бы стимулировали желание или необходимость знать его. Забвение родного языка, как справедливо считают специалисты, озабоченные состоянием экологии языков малочисленных дагестанских народов, ведёт к отходу от культуры и традиций своих предков, к эрозии генофонда этноса. В то же время подобная критика не учитывает объективных обстоятельств утраты индивидом, семьёй или целой диаспорой своего родного языка. И сейчас как никогда необходима всесторонняя поддержка со стороны родителей и общественности. Однако в последнее время приходится всё чаще сталкиваться с такой ситуацией, когда родители школьников сами выступают против изучения родных языков, мотивируя соображениями «целесообразности в дальнейшей жизни» [Магомедов Д. М., 2016: 95].

Субъективных причин, драматизирующих языковую ситуацию, немало. В Дагестане, например, вызывает серьёзную тревогу такое положение, когда все начальные школы в сельских районах отказываются от программы для национальных школ, где обучение должно вестись на родных языках, и переходят на городскую программу обучения. Не лучше обстоит дело с обучением родному языку и родной литературе в городских и поселковых школах со смешанным национальным контингентом учащихся. Разумеется, здесь существенно сказывается роль урбанизационных и миграционных процессов.

В Дагестане в среднем 30–40 % людей от каждого коренного народа (а от лакцев — более 70 %) живут в городах и находятся «в зоне повышенного риска» — они во втором-третьем поколении, по сути, полностью отрываются от родного языка со всеми вытекающими отсюда последствиями [Магомедов М. И., 2008: 68].

К сожалению, в системе общего образования не решены вопросы должного обеспечения преподавания родных языков и литератур учебной и учебно-методической литературой. Например, в последние десятилетия не издаются в необходимом количестве учебники по родному языку и литературе для дагестанских национальных школ. В связи с этим учащиеся, осмысливая лишь отдельные литературные явления, приобретают недостаточные знания о творчестве писателей и произведениях как элементах культуры (не определяется их место в ряду других), не получают целостного представления об историко-литературном процессе, закономерностях развития национальной литературы. Усугубляет сложившуюся ситуацию недостаток современных методических пособий для учителей по родному языку и литературе.

В последние десятилетия учёные обращают внимание на размывание литературных норм дагестанских языков, сокращение числа говорящих на них, ухудшение качества владения национальными языками и целый ряд других неблагоприятных явлений, вызывающих, по меньшей мере, озабоченность.

Городские жители Республики Дагестан, особенно младшее поколение, оторваны от стихии родного языка, родной этнокультурной почвы.

К сожалению, молодое поколение плохо знает культуру, быт, традиции, обычаи своих предков. Оно почти не знакомо с национальной литературой, фольклором, своими обрядами и обычаями. Не владеет родным языком и значительная часть нашей интеллигенции. И этот процесс продолжается.

В Дагестане наблюдается постоянный процесс миграции населения в города. Это касается и «больших», и «малых» народов. В этой ситуации языки подвержены большому риску, так как вне своей исторической родины они не смогут выжить.

В Дагестане, например, многонациональность, многоязычие мы рассматриваем как большое богатство республики. Однако права наших языков оказываются ущемленными из-за их многоязычия. Так, ни на одном из дагестанских языков не ведутся новостные программы на телевидении. Передачи на национальных языках с продолжительностью в один час ведутся всего лишь раз в неделю. По данным наших ученых, до 92 % школьников в Махачкале не владеют родными языками. Это серьёзный и тревожный сигнал. К сожалению, с каждым годом сужаются функции дагестанских литературных языков, а о бесписьменных языках говорить и не приходится. Статус дагестанских языков как государственных будет формальным до тех пор, пока они не займут надлежащего места в сферах культуры, образования и науки.

Послевоенная урбанизация и усиление миграционных процессов в Дагестане привели к отчуждению всей воспитательной и образовательной системы республики от народа, его культурных корней и традиций. Исчезновение национального из школы, детского сада способствовало исчезновению национальной экологии из семьи. В результате родной язык потерял свои позиции, а в некоторых случаях исчез из семейно-бытовой сферы общения. А это привело к ослаблению позиций родного языка в духовной сфере. Так произошло нарушение естественных механизмов, этапов передачи родного языка из поколения в поколение.

Учёные, выступающие за сохранение языков народов Дагестана, никогда не ставили своей целью монолингвизм и не отвергали русский язык как таковой. Напротив, они всячески пропагандировали и пропагандируют двуязычие, поскольку именно благодаря ему национальная культура может держаться на уровне современного развития. Наше основное требование состоит в том, чтобы языки народов Дагестана не рассматривались как «языки второго сорта» и были полностью уравнены в правах как государственные языки. В этом, как мы считаем, заключается для наших языков их единственный шанс на выживание [Магомедов Д.М., 2015: 59].

Наши наблюдения показывают, что гармоничное сочетание родного и русского языков в школьном обучении позволяет детям добиваться лучших результатов в учёбе, развивает их интерес к познанию и способности к обучению. С самого раннего возраста дети должны получать поддержку при использовании родного языка в школе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллаев А. А.* Билингвистическая синонимия // Совершенствование преподавания русского языка в вузе и школе. Махачкала, 1983.
2. *Агаев А. Г.* К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965.
3. *Бадальян С. А.* О несостоятельности некоторых буржуазных трактовок роли русского языка как языка межнационального общения // Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи. Орджоникидзе, 1985.
4. *Бурбак Е. Ф.* Общественно-политические реалии в свете соотношения национального и интернационального в языке и культуре // Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи. Орджоникидзе, 1985.
5. *Верещагин Е. М.* О проблеме заимствования фонем // Язык и общество. М., 1968.
6. *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
7. *Магомедов Д. М.* Языковая жизнь полиэтнического Дагестана: взаимодействие русского и дагестанских языков // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). Книга 2. Уфа, 2015.
8. *Магомедов Д. М.* Актуальные проблемы функционирования дагестанских языков // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста, 2016.
9. *Магомедов М. И.* Этноязыковые проблемы и пути их решения в Республике Дагестан // Взаимодействие народов и культур на юге России: история и современность. Ростов-на-Дону, 2008.
10. *Магомедов М. И.* Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010.
11. *Меньшиков И. И., Серый Н. П., Столярова Л. П.* Роль русского языка в формировании общего языкового фонда народов СССР // Русский язык как средство интернационального воспитания учащейся молодежи. Орджоникидзе, 1985.
12. *Тарланов З. К.* Русский язык как фактор сплочения и культуросозидания в Евразии // Материалы международной научно-теоретической конференции «Русский язык и языки народов России: функционирование и структурное взаимодействие». Владикавказ, 2001.

З. В. Канукова

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ

Языковая политика, в частности статус осетинского языка, является самым обсуждаемым вопросом общественного дискурса Республики Северная Осетия-Алания в течение длительного времени — от первых петиций 1980-х годов до современных законодательных инициатив и социально-культурных практик. Важно отметить, что состояние русского языка не вызывает никаких тревог, поскольку он традиционно занимает безоговорочно доминирующие позиции в жизни республики.

Проникновение русского языка в Осетию началось со второй четверти XVIII века, задолго до официального присоединения Осетии к России, вместе с появлением русских православных миссий — Осетинского Подворья, затем Осетинской Духовной комиссии. Кроме церковно-практической деятельности, миссионеры активно занимались просветительством, прежде всего созданием церковно-приходских школ. В 1764 году в Моздоке была основана первая осетинская школа, обучение в которой проводилось на родном языке. Однако в июне 1767 года вышел указ Св. Синода, согласно которому обучение должно было проходить «на российском, а не на каком другом диалекте» [Материалы по истории осетинского народа..., 1942. Т. 5: 40].

Усилиями православных миссий и при активной поддержке российской администрации открывались сельские школы, в образовательную практику которых русский язык входил как основной язык обучения, что расценивалось как надежное средство приобщения горцев к русской культуре и гражданственности.

В пореформенный период организация учебного дела в начальной школе целиком и полностью возлагалась на церковные учреждения православного ведомства, служители которого были осетинами, получившими образование на русском языке, что значительно укрепляло позиции последнего. Практику основания церковно-приходских школ и распространения русского языка продолжило Общество восстановления православного христианства на Кавказе, основанное в 1861 году. «Положением о начальных народных училищах» (1864 г.) русский язык был утвержден единственным языком преподавания предметов, включенных в обязательный курс [Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLII. Отд. 1-е. № 44748: 614].

В правительственной образовательной политике на Кавказе русский язык всегда рассматривался как «главнейший фактор объединения разно-

племенного коренного населения края с Империей» [Гатагова, 1993:103–104], поэтому за русским языком закрепился устойчивый приоритет в процессе преподавания в местных учебных заведениях.

Последовательность избранной стратегии подтверждает инициатива наместника Кавказа Великого князя Михаила Николаевича, который в 1867 году утвердил принципы унификации школьного дела на Кавказе и в других частях империи [Полное собрание... Т. XLII. Отд. 1-е. № 44748]. При этом допускались некоторые компромиссы относительно русского и «природных» языков: увеличение количества учебных часов, отведённых на преподавание русского языка, некоторым образом компенсировалось разрешением преподавания местных языков, включённых в учебный курс в качестве предмета обучения в начальных училищах.

Издание в 1897 г. Министерством народного просвещения примерных программ дисциплин для начальных училищ окончательно подтвердило позиции русского языка как единственно возможного языка обучения даже на начальных уровнях [Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения..., 1902:658]. Осетинский язык оставался лишь предметом изучения в начальной школе, а также в духовных училищах.

Судя по отчёту попечителя Кавказского учебного округа за 1903 г., из 2086 начальных школ в 1928 школах (92,3 %) языком преподавания служил русский язык, и лишь в 158 школах допускался родной язык [Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода..., 1889: 225–226].

Просветительская деятельность православных российских миссий, как показывают современные исследования [Дзалаева, 2017; Канукова, 2016: 40–50 и др.], способствовала распространению грамотности, русского языка, приобщению к русской и мировой культуре и играла роль связующего звена, соединявшего Осетию с политическим и культурным полем Российского государства.

Самим населением русский язык воспринимался с практической точки зрения — как социальный лифт, важный инструмент освоения нового социального контекста. Потребность в овладении государственным языком была своеобразным механизмом адаптации к новым социальным вызовам и приняла формы национального движения: повсеместно открывались школы за счёт местного населения, в том числе и женские [Кобахидзе, 2016:42–55], составлялись «общественные приговоры», поддерживавшие школьное строительство [Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований... Ф. 10. Оп. 1. Д. 21; 22, 55–56].

Знание русского языка значительно поднимало общественный вес осетина, становилось для него «окном возможностей», перспективой занять должность в сельской администрации, в церковном приходе, в школе, найти работу в городе. Поэтому сельчане предпочитали в своих школах русских учителей, охотно отдавали детей в услужение в казачьи станицы и русские хутора для обучения русскому языку [Канукова, 1989: 123–138]. В 1868 году начальник Владикавказского округа в своем рапорте областному начальству указывал: «ныне не редкость встретить осетина, умеющего, хотя и плохо, но

написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого» [Материалы по истории осетинского народа..., 1942. Т. 5:129].

Для осетин русский являлся и языком межэтнического общения, посредником в межкультурной коммуникации. Наиболее выраженной эта языковая функция оказалась в равнинных поселениях, соседствующих с казачьими станицами и городами. На этих контактных площадках проходило активное межэтническое и межкультурное взаимодействие и взаимовлияние, которое обеспечивало укрепление позиций русского языка.

Развитие образования и общественно-культурной среды способствовало формированию осетинской интеллигенции, первые группы которой (военная и духовная) сложились еще в 1840-х годах [Гутиева, 2009]. В пореформенное время в Осетии резко возросло количество людей, занятых умственным трудом, сложилась социальная страта, представленная священнослужителями, военными, педагогами, технической и творческой интеллигенцией, управленцами. Интеллигенция становилась социально и культурно доминирующей группой, осуществляла активную просветительскую, педагогическую, научную, переводческую и издательскую деятельность.

Общий контекст пореформенной общественной и культурной модернизации и политика российского правительства содействовали широкому проникновению русского языка в местную среду, сформировали позитивную мотивацию к его усвоению и навсегда обеспечили его приоритет.

Будучи проводником российской культуры, интеллигенция вместе с тем ставила задачи формирования национального самосознания осетин и выработала идею осетинского языка как центрального ядра национальной культуры, поставила вопрос о повышении его общественного статуса.

Движение за приобщение школы к целям национальной культуры активизировалось в начале XX века. Летом 1901 года Съезд учителей церковноприходских школ Северной Осетии постановил приступить к составлению учебников осетинского языка; в 1905 году Съезд учителей Северной Осетии потребовал ввести в программу родной язык как обязательный предмет; аналогичное требование содержалось и в петиции Владикавказского Осетинского Ольгинского женского приюта [Бзаров, 2005: 30–77].

Позиция осетинской интеллигенции была поддержана Кавказским наместничеством в 1905 году. Известный своей приверженностью принципам регионализма наместник граф И. И. Воронцов-Дашков, решая задачу «успокоения края», считал необходимым учитывать интересы местного населения, поэтому согласился на преподавание всех учебных предметов в начальных училищах на осетинском языке.

Осетинская школа с родным языком обучения стала важной составляющей новой национально-культурной инфраструктуры. Создавались азбуки, учебники, переводы на осетинский язык русской классики, богослужебной литературы, появлялись осетинские литературные произведения, осетиноязычные газеты и журналы.

В 1917 г. Первый Всеосетинский¹ учительский съезд постановил, что осетинская начальная школа должна быть национализирована, т. е. основана на родном языке. Национальную школу поддерживали все быстро сменявшие друг друга политические режимы, и к 1920-м годам был осуществлен переход осетинской начальной школы на родной язык обучения. Осетинский язык использовался не только в качестве изучаемого, но и языка обучения на уровне начального и частично основного общего образования. Такая политика продолжалась и после установления советской власти, которая первоначально, как известно, декларировала признание права народов многонациональной страны строить национальную культуру. «Коренизация» осетинской школы была прервана войной и возобновилась во второй половине 1940-х годов.

Во второй половине прошлого столетия основным направлением национальной и культурной политики государства становится сближение культур, интернационализации общественной жизни, развитие русского языка как языка межнационального общения. Новая политика сопровождалась постепенным свёртыванием национально-культурного строительства, утратой достигнутых результатов языковой политики первой четверти XX века. Наиболее ощутимые потери понесли образование, литература и театр.

Актуализировался вопрос о переводе обучения в национальных школах на русский язык. Сказались и трудности послевоенного восстановительного процесса, обнажившие многие проблемы, в том числе: острый дефицит учителей, способных на должном уровне преподавать учебные дисциплины на осетинском языке; большой недостаток в учебной литературе; несовершенство методики преподавания предметов на родном языке.

Северная Осетия одной из первых в Советском Союзе осуществила переход преподавания с 5 класса на русский язык, за что исполнители такого преобразования по сей день подвергаются нещадной критике. Они обвиняются в закрытии национальных школ, отмене обязательного и введении факультативного изучения осетинского языка, в оттоке творческой молодежи из национальной культуры, а также в том, что инициированное ими прекращение языкового строительства и сокращение социальных функций лишило осетинский язык действенных механизмов воспроизводства. Происходило снижение социального престижа осетинского и уровня владения им большей частью населения, особенно городского, вытеснение языка в бытовую сферу. Всё это отразилось и на лексическом фонде языка: огромное количество новых понятий, реалий, предметов не находило отражения в национальной лексике. Вместе с тем, следует признать, что реформированная школа обеспечила высокий уровень преподавания русского языка и предопределила абсолютное владение им всего населения республики. Таким образом, исторические условия развития языковой ситуации в Северной Осетии обусловили абсолютное функциональное доминирование русского языка.

¹ Название Всеосетинского учительского съезда определяется участием в его работе педагогов Северной и Южной Осетии, что впервые произошло в 1917 году.

«Этноренессансные» настроения как реакция на смену исторических реалий конца XX века, вызовы новой эпохи побудили осетинскую интеллигенцию к поиску механизмов этнической интеграции. Таковым совершенно безальтернативно был признан осетинский язык. Представление об «этно-синхронизирующей» значимости этого ресурса сформулировано В. С. Уарзиати: «Важнейшими представляются сюжеты, связанные со всемерной пропагандой и использованием осетинского языка. Как факт гуманитарной культуры и его активный инструмент, язык поможет преодолеть многие центробежные силы» [Уарзиати, 1995: 102–108].

Существенное влияние на языковую ситуацию оказала война в Южной Осетии, приток значительного числа беженцев и переселенцев, для которых основным языком общения был осетинский. Южные осетины отличались знанием грузинского и русского языков, но сохранили родной язык и трепетное к нему отношение. Известно, что в самом начале грузино-осетинского конфликта борьба шла именно за права осетинского языка, которые пыталось ущемить руководство Грузии².

Известно, что многие языки, в том числе и осетинский, включены в «Атлас языков мира, находящихся в опасности», составленный ЮНЕСКО. Это широко распространенное и обсуждаемое опасение породило панические заявления о скором исчезновении осетинского языка и, как следствие, об угрозе разрушения национальной культуры, размывания этнического самосознания и распада этноса.

Впервые была создана Комиссия по сохранению и развитию осетинского языка при Президенте Республики Северная Осетия-Алания в статусе консультативного органа. Задачи Комиссии заключались в представлении Президенту республики информационных и аналитических материалов по проблемам сохранения и развития осетинского языка, в разработке и внесении предложений и рекомендаций по поддержке осетинского языка как государственного языка Республики Северная Осетия-Алания, расширению его функций в социально-политической и культурной жизни. Комиссия разрабатывала предложения по улучшению подготовки специалистов, деятельность которых связана с профессиональным использованием осетинского языка; вносила рекомендации по развитию фундаментальных и прикладных научных исследований в области осетинского языка, готовила предложения о мерах по популяризации знаний об осетинском языке через средства массовой информации и путем издательской деятельности. По инициативе Комиссии были учреждены специальные премии за вклад в сохранение и развитие осетинского языка, в том числе премии для молодых ученых, аспирантов и студентов.

Исходя из непреложной истины приоритета системы образования как основы языковой политики и решения языковых проблем, осетинская обще-

² Речь идёт о появившихся в госучреждениях пишущих машинах с грузинским алфавитом, приказах перейти на грузинское делопроизводство, обязательном изучении грамматики грузинского языка даже на естественно-технических факультетах и пр.

ственность, обеспокоенная сохранением и развитием родного языка, сосредоточила свои усилия на школе. Группа учёных и педагогов разработала Концепцию национального образования и программу её реализации, основанную на изучении мирового и отечественного опыта. Суть концепции заключалась в использовании осетинского языка в качестве языка обучения, формировании содержания образования и воспитания в соответствии с целями сохранения и трансляции национальной культуры в широком общероссийском и мировом культурно-цивилизационном контексте.

Главным принципом Концепции национального образования был провозглашён принцип полилингвальности. Система поликультурного образования, по мнению её разработчиков, должна развиваться в трёхмерном пространстве национальной, российской и мировой культуры. Она основана на принципе паритетного двуязычия в школьном обучении и углубленного изучения иностранных языков. Такой подход совмещает «сохранение образовательно-воспитательных функций осетинского языка со специфическим усилением роли русского языка, который становится активным посредником в функционировании родного языка и действенным катализатором диалога культур» [Бзаров, Камболов, Кучиева, 2011].

Решая проблему сохранения и развития осетинского языка в сфере образования, создатели Концепции брали на себя обязанность и по сохранению традиционно высокого для РСО-Алания качества русской языковой компетенции. Более того, концепция предусматривала знание хотя бы одного иностранного языка.

Таким образом, современная осетинская школа представляется как поликультурная: дошкольная ступень и начальная школа основаны на осетинском языке и культуре, на средней и старшей ступени содержание образования рассчитано на приобщение к российской и мировой культуре. Выпускники такой школы, владея родным, русским и английским языками, должны получить возможность максимально широкого выбора для продолжения образования.

Важно отметить, что такая модель образования предлагала решение ещё одной серьёзной проблемы, а именно исправление допущенной в 1930-е годы ошибки в языковом строительстве, когда в качестве литературного языка был объявлен только иронский (восточный), что якобы ущемляло права носителей дигорского (западного) диалекта. Эта ошибка стала одним из препятствий для принятия республиканского закона об осетинском языке. Современное видение проблемы заключается в признании двухвариантности осетинского литературного языка.

Правительство Республики Северная Осетия-Алания поддержало инициативу. Эксперимент был введён в нескольких школах, созданы новые методики преподавания на осетинском языке и учебники нового поколения для владеющих и не владеющих родным языком. Реализация программы полилингвального образования осуществлялась отчасти в рамках республиканских целевых программ. Промежуточные результаты эксперимента неоднократно апробировались на международных конференциях, были признаны пионерскими и перспективными.

Эксперимент имел противоречивые оценки, зачастую подвергался критике; трудно преодолевалась инертность большей части учителей, от которых требовалось существенное совершенствование профессиональных компетенций. К тому же, в связи с периодическим сокращением часов, отведённых на изучение осетинского языка, приходилось менять программы и переиздавать учебники. Система работает уже более 10 лет, до сих пор воспринимается неоднозначно, но даёт позитивные результаты. С целью её дальнейшего продвижения и распространения в марте 2018 года по инициативе Комиссии по сохранению и развитию осетинского языка при главе республики был созван Первый съезд учителей осетинского языка и литературы, участниками которого стали около 500 педагогов. Глава республики в своём приветствии к делегатам съезда призвал педагогов понимать и учитывать требования сегодняшнего времени и обещал создать все возможности для изучения осетинского языка. В выступлениях учителей освещались проблемы преподавания осетинского языка, были сформулированы стратегические задачи по сохранению и развитию осетинского языка.

Государственная, на республиканском уровне, поддержка осетинского языка осуществлялась посредством республиканских программ «Осетинский язык», «Историко-культурное наследие и духовные ценности Осетии: изучение, сохранение и актуализация», «Комплексное научное осетиноведение: фундаментальные и прикладные исследования».

В 2017 году в РСО-Алания впервые принята масштабная государственная программа «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2017–2020 годы, которая наряду с важными мероприятиями социально-культурной направленности предусматривает совершенствование правовых основ использования осетинского языка и подготовку кадров для работы в условиях функционирования осетинского языка как государственного. Программа предлагает организацию курсов повышения языковой квалификации и создание центра тестирования по осетинскому языку государственных и муниципальных служащих, формирование штата осетиноязычных переводчиков в структуре органов государственной власти и местного самоуправления.

Особое внимание в программе уделено совершенствованию лингво-терминологической системы осетинского языка для нужд государственного и муниципального управления, в частности развитию, нормированию и кодификации осетинского языка в области терминологии по делопроизводству и общественно-политической терминологии. Поставлена задача обеспечения переводчиков соответствующим языковым инструментарием для адекватного перевода на осетинский язык текстов официальных документов и публичных выступлений, а также обеспечения лексикографическим материалом курсов повышения квалификации и переподготовки кадров в области осетинского языка. Признана также необходимость создания осетинско-русского и русско-осетинского словарей по делопроизводству и словарей общественно-политической лексики.

Отдельный подраздел Программы посвящен созданию системы дошкольного и школьного полилингвального образования. Он включает из-

дание учебно-методических материалов на осетинском языке для младшей, средней, старшей и подготовительной групп детских садов; организацию экспертизы учебно-методических комплексов на осетинском языке для начальной школы, их включение в федеральный перечень обязательных учебников; проведение курсов переподготовки и повышения квалификации кадров учителей для подготовки к работе в условиях полилингвального образования; проведение широкой информационной работы в родительской среде о преимуществах предлагаемой системы образования.

Планируется проведение лингвообразовательного лагеря для молодёжи, не владеющей осетинским языком. Мероприятия по пропаганде осетинского языка включают организацию глобального диктанта по осетинскому языку, празднование Дня осетинского языка и литературы, проведение конкурсов и олимпиад по осетинскому языку и осетинской литературе, популяризацию литературного наследия осетинских поэтов и писателей, создание бесплатных курсов обучения осетинскому языку. Предложена организация системы дистанционного обучения осетинскому языку, обеспечение учебно-методического и кадрового сопровождения образовательного процесса.

Большое внимание уделено созданию качественного цифрового контента на осетинском языке — аудиокниги сказок и сказаний, произведений классиков осетинской литературы, дублирование на осетинский язык классических отечественных и зарубежных кинопроизведений, создание цикла социальной видео- и аудиорекламы. Предусмотрено также создание, развитие, модернизация, популяризация официальных интернет ресурсов печатных изданий, выходящих на осетинском языке, создание мультфильмов по национальной тематике, по нартовскому эпосу.

Многие мероприятия программы уже реализованы или находятся в процессе реализации.

В 2017 году была открыта Аланская гимназия, образовательный процесс в которой основан на осетинском языке, за исключением двух предметов — русского и английского языка. Учреждение функционирует в круглосуточном режиме, в рамках дополнительного образования созданы музыкальная и хореографическая студии, условия для занятия спортом и шахматами. Весь этот процесс также ведётся на осетинском языке, что позволяет погружать детей в языковую среду. Программа предусматривает обеспечение деятельности школы-интерната «Аланская гимназия».

В рекордно короткие сроки реализован проект Осетия-Ирыстон – национальная телекомпания с круглосуточным вещанием. Национальный телеканал отличается креативный подход и самые востребованные темы, особое внимание уделено национальному сегменту вещания. Выпуски новостей, линейное вещание и специальные культурно-просветительские и информационно-аналитические проекты готовит сплоченная команда амбициозных и инициативных молодых специалистов, которые прошли подготовку в академии медиаиндустрии в Москве, мастер-классы с участием ведущих журналистов страны и стремятся создать качественный медиа-продукт. Вещание происходит 24 часа в сутки на осетинском и русском языках. Телезрители

видят программы в пакете спутникового телевидения «Триколор» и в Интернете, а также в кабельных сетях. Предполагается также войти в ТВ-пакеты мобильных операторов и интернет-провайдеров.

Энтузиасты создают электронные словари, приложения к телефону, переводы мультфильмов. Реализуются многочисленные инициативы по созданию курсов осетинского языка — элитных высокобюджетных и бесплатных, рассчитанных на разные возрастные категории. Например, детская развивающая студия «Фæндиаг» основана на методике Берлица, или полного погружения в языковую среду. Все занятия для детей дошкольного возраста проводят в игровой форме, даже во время игры с кинетическим песком педагоги включают песни на осетинском языке или читают стихи. Практика показывает, что после 2–3 месяцев появляются первые результаты: дети понимают родную речь и могут говорить. В новом учебном году из студии «Фæндиаг» в образовательные учреждения республики пойдёт уже третий выпуск детей, подготовленных к изучению осетинского языка.

В 2018 году была создана Экспертная комиссия РСО-Алания по вопросам сотрудничества с Республикой Южная Осетия (Государством Алания) в сфере национально-культурного развития осетинского народа — консультативный орган, созданный в целях определения наиболее эффективных направлений и форм взаимодействия с Республикой Южная Осетия (Государством Алания). Основной задачей Комиссии является участие в разработке планов и программ развития сотрудничества Северной и Южной Осетии в сфере национально-культурного развития осетинского народа.

Современная языковая ситуация характеризуется появлением различных норм языка на севере и на юге Осетии. Поэтому при правительствах обеих республик созданы Терминологические комиссии по осетинскому языку в целях совершенствования лингво-терминологической системы. Основными задачами Терминологической комиссии являются разработка предложений по нормированию осетинского литературного языка и повышению культуры владения языком, организация экспертизы предложений по развитию осетинского литературного языка, его письменной и устной форм; организация консультаций в целях обеспечения единых подходов к вопросам нормирования и кодифицирования осетинского языка. Предусмотрено осуществление мониторинга соблюдения норм осетинского литературного языка.

Обе Комиссии активно приступили к работе. Экспертная комиссия РСО-Алания по вопросам сотрудничества с Южной Осетией сформировала предложения в формате отдельных программ.

Программа приоритетных научных исследований включает подготовку академической описательной и нормативной грамматики осетинского языка, составление диалектологического атласа осетинского языка, полной научной библиографии осетиноведения с биобиблиографическим справочником и ежегодным бюллетенем-указателем, подготовку свода письменных источников по истории Алании-Осетии, академических собраний сочине-

ний классиков осетинской литературы; создание Энциклопедии нартовского эпоса осетин; проведение совместных комплексных экспедиций.

Программа создания учебной и учебно-методической литературы по национально-культурному компоненту для всех уровней образования предусматривает создание единого комплекта учебной и учебно-методической литературы для факультетов осетинской филологии, создание единого комплекта учебной и учебно-методической литературы для учреждений дошкольного и среднего образования.

Программа единой системы повышения квалификации и переподготовки кадров основана на проведении курсов повышения квалификации для преподавателей вузов и стажировок для сотрудников научно-исследовательских институтов, учителей осетинского языка и литературы, для государственных и муниципальных служащих, а также проведение мастер-классов с участием лучших учителей осетинского языка и литературы.

Программа совместной деятельности в области образования и воспитания предусматривает проведение совместных конкурсов «Мастер осетинского художественного слова» для обучающихся общеобразовательных организаций, олимпиад по осетинскому языку и осетинской литературе для обучающихся общеобразовательных организаций, включение учителей осетинского языка и литературы Республики Южная Осетия в конкурсный отбор на участие во Всероссийском мастер-классе учителей родных языков: включение обучающихся профессиональных образовательных организаций Республики Южная Осетия в конкурс профессионального мастерства «Молодые профессионалы» по стандартам WorldSkills.

В рамках *Программы совместной издательской деятельности* планируется издание научной, учебной и учебно-методической литературы по национально-культурному компоненту для всех уровней образования, издание общего Свода объектов культурного наследия Осетии-Алании.

Программа проведения научных, образовательных и культурных мероприятий предусматривает организацию научно-практических конференций и круглых столов по проблемам преподавания осетинского языка и литературы, ежегодной международной научной конференции «Абаевские чтения», форума молодых журналистов «Алания-Медиа 2018», конференций и круглых столов по проблемам формирования единого информационного пространства Осетии-Алании. Планируется и проведение совместных летних школ и других научных мероприятий для молодых ученых.

Представлены также программы совместной деятельности в области литературы и искусства, музейного дела, охраны объектов культурного наследия и туризма.

Терминологическая комиссия по осетинскому языку разработала предложения, среди которых следует отметить издание правил осетинской орфографии и пунктуации и орфографического словаря осетинского языка (иронский и дигорский литературный варианты), создание рабочих групп для составления специализированных словарей осетинского языка по делопроизводству, словарей лингвистических, юридических и общественно-по-

литических терминов. Признано необходимым обсуждение и утверждение системы транскрипционных знаков осетинского языка, а также разработка и утверждение школьных терминологических словарей по математике, окружающему миру, изобразительному искусству, английскому языку, физической культуре, музыке и информатике.

Следует признать, что государственная поддержка и беспрецедентные общественные инициативы по сохранению и развитию осетинского языка привели к определенному повышению его престижа. Впервые заседания всех вышеуказанных комиссий стали проходить на осетинском языке, увеличилось число его носителей среди молодежи. Публичная демонстрация владения языком становится модной среди социально активных и хорошо образованных молодых людей. Особенно это характерно для мужской части молодого поколения: знание языка сопряжено для них с определенным этапом социализации, возможностью полноправного участия в престижном этикетно-ритуальном комплексе, который будучи основой архаичной культуры не только сохраняется, но и является важной составляющей современной социальной культуры, вполне органично вписываясь в этнический облик современного осетина.

Статус, социальные функции, методики преподавания осетинского языка относятся к числу социально не остывающих вопросов последних десятилетий. Новым поводом для их обсуждения стало поручение Президента Российской Федерации В. В. Путина Генеральной прокуратуре РФ проверить добровольность изучения родного языка, количество часов русского языка в учебных планах на соответствие их федеральным стандартам и т. д.

Проверка показала полное соответствие количества часов русского языка федеральным стандартам и в этом пункте не вызвала внимания общественности. А вытекающая из поручения Президента РФ и подтвержденная на уровне региональных властей отмена обязательности изучения осетинского как государственного языка республики ожидаемо привела к новой волне дискуссий. Острой критике, вплоть до требований роспуска, подверглись депутаты парламента РСО-А, большинство которых поддержало закон о добровольном изучении родного языка.

Наряду с главным тезисом о необходимости защитить и сохранить осетинский язык достаточно убедительными представляются доводы лиц, не относящих себя к осетинскому этносу, не желающих изучать язык и тратить время на бесполезный с их точки зрения предмет. Прежде всего, речь идет о детях военных и других прикомандированных, которые находятся на территории республики по службе на краткосрочный период. Разумеется, заставлять этих детей учить осетинский язык совершенно бессмысленно. Новость о том, что можно отказаться от обязательного изучения осетинского языка, муссировалась в родительских группах в социальных сетях, где многие родители-осетины высказывали претензии к качеству преподавания языка в школах и свою готовность избавить детей от лишних экзаменов.

В этой связи Министерство образования и науки РСО-Алания выступило с разъяснением, что согласно Порядку проведения государственной ито-

говой аттестации по образовательным программам основного общего образования, утверждённому приказом Минобрнауки России от 25.12.2013 № 1394, экзамены по осетинскому языку, осетинской литературе сдаются по выбору обучающихся. В одиннадцатых классах государственная итоговая аттестация по осетинскому языку и осетинской литературе законодательством в сфере образования не предусматривается и не проводится.

Министерство также рекомендовало с января 2018 года в группах, изучающих осетинский язык как второй, ввести безотметочную систему обучения, что вызвало новую волну критики, было воспринято как неизбежное снижение качества преподавания и престижа языка. Министерство вынуждено было внести коррективы в свои рекомендации: безотметочное обучение не исключает проведения процедур контроля знаний обучающихся; оценка знаний осуществляется по зачётной системе с использованием записей в школьной документации (журналы, личные дела и т. д.) «зачтено», «не зачтено» (или «зачёт», «незачёт») и записи «зачтено» («зачёт») в документах об образовании.

Общественники-активисты считают изучение осетинского языка как второго государственного обязательным и убеждены, что добровольное изучение означает не что иное, как постепенный отказ от национального языка. Утрата родного языка однозначно приравнивается к утрате этнической идентичности. «Несознательных» родителей убеждают в том, что, не зная осетинского языка, их дети не познакомятся с замечательными культурными достижениями — фольклором, эпосом, литературой, национальный театром; среди них не будет осетинских писателей, поэтов, журналистов, актеров. Отметим, что на фоне невысокой престижности гуманитарного образования, эти доводы трудно назвать убедительными.

Многие общественные организации выступали с заявлениями и обращениями в различные инстанции о неприемлемости принятия закона о добровольном изучении осетинского языка. В частности, организация «Голос Беслана» 30 апреля 2018 года обнародовала открытое обращение к Президенту РФ, Председателю Правительства РФ, Председателю Совета Федерального Собрания РФ, Председателю Государственной Думы, Федеральному Собранию РФ [<https://www.kavkazr.com>]. В Обращении организация отстаивает право на сохранение и развитие родных языков в национальных республиках Российской Федерации и требует незамедлительно снять законопроект с повестки, как несущий угрозу общественно-политической стабильности.

С большим воодушевлением было воспринято Обращение европейских лингвистов в Госдуму РФ в июле 2018 года. Свыше сотни представителей научной сферы, лингвисты из ведущих европейских университетов обратились к депутатам Госдумы РФ с призывом не принимать закон, который лишит народы Российской Федерации их исконного права на обладание родным языком через систему образования и станет сокрушительным ударом по сообществам носителей миноритарных языков страны. «Широкая палитра языков коренных народов России — это уникальное культурное достоя-

ние всего мира, всего человечества, и гибель этих языков будет жестоким ударом по мировому языковому многообразию и значительно обеднит интеллектуальное наследие человечества» [<http:kazan.bezformata; rutatpolit.com>].

Принятый Закон «О внесении изменений в статьи 11 и 14 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» имеет неоднозначные оценки.

Республиканское руководство, несмотря на очевидное несоответствие новой языковой политики системе эффективных мер по сохранению и развитию осетинского языка, сформированной в последние годы при его действенной поддержке, стало успокаивать общественность рассуждениями о том, что независимо от правовой базы, необходимо развивать язык в семье, работать с родителями, мотивировать их и детей для согласия изучать осетинский язык.

Другой позиции придерживается радикально настроенная часть общественности, среди которых — создатели Концепции национального полилингвального образования, разработчики выше рассмотренной масштабной государственной программы «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2017–2020 годы и других инициатив по сохранению и развитию осетинского языка. Они считают, что принятые поправки обернутся массовым угасанием и исчезновением родных языков народов России.

Новый закон вносит в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» два принципиальных изменения: первое касается придания русскому языку, наряду с его положением государственного языка РФ, статуса родного языка. Второе изменение затрагивает статью 14 часть 6, в которой прописано: «...свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей несовершеннолетних обучающихся» [<http://www.consultant.ru/document>].

Внесённые в закон поправки вызвали обеспокоенность общественности национальных регионов РФ, убеждённой в том, что они нанесут серьёзный удар по перспективам сохранения и развития сотен миноритарных языков России. Противники закона считают, что оказавшись перед выбором родного языка для детей, родители-осетины выберут русский язык, расценивая его углубленное изучение в качестве конкурентного преимущества своего ребенка при поступлении в вуз. Эти настроения усугубляются напоминаниями о печальных последствиях добровольности и факультативности, введённых реформами середины XX века.

Советник Главы РСО-Алания, доктор филологических наук, профессор Т. Т. Камболов посчитал не правильным «философски взирать на процессы, ведущие к уничтожению культурного разнообразия в нашем государстве» и обратился в ООН с просьбой защитить родные языки народов России. В письме указано, что «закрепление в принятом законе положения о добровольности изучения государственных языков республик в составе РФ прямо

противоречит Основному закону страны. В соответствии с Конституцией РФ (ст. 68 ч. 2) республики «вправе устанавливать свои государственные языки...». Это положение подтверждено и федеральными законами «О языках народов РФ» и «Об образовании». Автор обращает внимание на последний документ (глава 1, ст. 6, п. 6), в котором прописано, что «вопросы изучения государственных языков республик в составе Российской Федерации регулируются законодательством этих республик», и высказывает опасение, что «реализация заложенных в законе принципов образовательно-языковой политики способна привести к разрушению и утрате культурно-языкового разнообразия России».

Перспективы предпринятой акции ученый связывает с надеждой на озачленность ООН «возможной утратой значительной доли общечеловеческого культурного наследия». Профессор рассчитывает на то, что ООН может предложить РФ рассмотреть целесообразность усовершенствования модели, которая включала в себя национально-региональный компонент, «позволявший субъектам страны решать в рамках своих конституционных и законодательных полномочий вопросы образовательно-языковой политики в сфере родных языков и государственных языков республик» [<https://www.business-gazeta.ru/news/391428>]. Обращение поддержали и черкесские общественники [<https://onkavkaz.com/articles/4974>].

Разочарованы законом и многочисленные организации и частные лица, принимавшие участие в разработке и реализации государственной Программы «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2017–2020 годы. Заложенные в ней важные и перспективные мероприятия имеют смысл только при наличии потенциальных потребителей, а таковыми могут быть только новые поколения носителей языка, полноценно обучившиеся ему в школе.

Общественность Северной и Южной Осетии также опасается, что принятие нового закона ставит под угрозу сотрудничество в сфере национально-культурного развития осетинского народа, в частности совместную учебно-методическую работу, возможность разрабатывать единые программы и учебники при разном подходе к изучению языка, и разных учебных планах.

Закон о добровольном выборе родного языка поддерживают представители русского населения и многочисленных диаспорных групп. Среди последних немало людей, которые владеют осетинским и считают это полезным для своих детей, но предпочитают ограничиться «бытовым» уровнем владения языком, без перегрузки насыщенной школьной программы. Наиболее крупные и хорошо организованные этнические сообщества греков и армян ставили вопрос о преподавании для своих детей родных языков, но сталкиваясь с объективными сложностями, ограничились их изучением в формате воскресных школ.

Панические настроения и опасения за судьбу осетинского языка представляются существенно преувеличенными. Однако созданная ими социальная напряжённость имеет и позитивные последствия: адаптация к новой ситуации рождает и новые инициативы по развитию осетинского языка,

способные придать ему ценность инструментального характера. Качественное улучшение обучения осетинскому языку на базе использования новых программ, учебников нового поколения и новых образовательных технологий должно стать стимулом для добровольного изучения языка. Сложившаяся ситуация наряду с протестными настроениями пробуждает и патриотические всплески среди родителей. По предварительным прогнозам, в наступающем учебном году массовых отказов от осетинского как от родного языка не ожидается, а реализация законного права некоторой части родителей-осетин отказать от его изучения не окажет серьезного влияния на общую ситуацию. Принудительные практики в таких социально чувствительных вопросах редко дают желаемые результаты, чаще они становятся источником общественной напряженности. Заложенный в Законе принцип добровольности выбора родного языка имеет и очевидные плюсы: он покажет состояние языковой ситуации, реальный уровень востребованности осетинского языка, что необходимо для грамотного выстраивания дальнейшей языковой политики.

Культурная политика, языковая и образовательная, должна быть направлена на сохранение и повышение традиционно высокого уровня владения в Осетии русским языком и достигнутых достижений в области развития осетинского языка, создание условий для планомерного достраивания национально-культурной инфраструктуры, основанной на новейших тенденциях российской и мировой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бзаров Р. С.* Очерки истории осетинской школы //Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 30–77.
2. *Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А.* Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательной школы. Владикавказ, 2011.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1887 г., 1889.
4. *Гатагова Л. С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.
5. *Гутиева Э. Ш.* Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации (вторая половина XIX в. — начало XX в.). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Владикавказ, 2009.
6. *Дзалаева К. Р.* Формирование российской государственности и общероссийской идентичности на Северном Кавказе в XIX в. — начале XX в. Владикавказ, 2017.
7. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб, 1902.
8. *Канукова З. В.* Русское население в этнической структуре Северной Осетии (вторая половина XIX в. — начало XX в.) // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989.

9. *Канукова З. В.* Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII — начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2016. № 20 (59).
10. *Кобахидзе Е. И.* Русский язык в образовательной практике кавказской начальной школы в XIX–начале XX века // Культурная политика России на Кавказе как фактор утверждения российской государственности и общероссийской идентичности. Материалы научного семинара. Владикавказ, 2016.
11. Материалы по истории осетинского народа: Сборник материалов по истории народного образования в Осетии, 1942. Т. 5.
12. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНИЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21, 22.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLII. Отд. 1-е. № 44748.
14. *Уарзиати В. С.* Между вечным и преходящим // Дарьял. Литературно-художественный журнал. 1995. № 2.
15. <http://www.garant.ru/hotlaw/osetia/1156826>
16. <https://www.kavkazr.com>
17. <http:kazan.bezformata>; [rutatpolit.com](http:rutatpolit.com).
18. <http://www.consultant.ru>
19. <https://www.business-gazeta.ru/news/391428>
20. <https://onkavkaz.com/articles/4974>

В. А. Тишков

ЯЗЫКИ НАЦИИ¹

Мой исследовательский и общественно-политический опыт подсказывает, что в странах со сложным этническим и языковым составом населения проблемы и кризисы возникают там и тогда, где и когда государство и институты гражданского общества не могут предложить адекватную формулу национальной идентичности, выстроить саму государственность под сложный состав населения, а не переделывать «народ под государство», выработать позитивную программу и механизмы обеспечения этнокультурного развития, не умеют предотвращать и разрешать противоречия и конфликты. Поэтому в качестве желаемой цели говорить следует не только о «дружбе народов», а о «дружном народе», когда групповые и регионально-местные различия составляют единое целое, когда разные традиции, языки и верования обогащают друг друга, составляют сложное сообщество на основе общегосударственной идентичности, общих историко-культурных ценностей, совместно пережитых драм и достижений.

Сходные условия-цели касаются всего мира. Российский опыт и научные разработки могут использоваться во многих странах, но и для России полезно самоосмысление вне изоляционистской парадигмы, особенно если учесть дебаты вокруг полиэтничности и политики мультикультурализма, а также жгучую проблему совместимости последователей христианства и ислама в рамках одного государства. Несмотря на множество научных трудов и практик, без должного ответа остаётся ряд важнейших вопросов: в какой мере этнокультурное, расовое, языковое и религиозное разнообразие государства способствует или мешает его стабильному существованию и развитию? В какой мере государство должно выступать спонсором или противником подобного разнообразия? Что обещается миру — всеобщее культурное перемешивание, сопровождаемое конфликтом жизненных устоев и ценностей, или национальные государства, в которых политические (гражданские) нации сохраняют фундаментальную значимость, но будут переосмысливаться в пользу собственной культурной сложности?

16 мая 2013 г. американская газета «Вашингтон пост» опубликовала материал под названием «Карта самых многоэтничных и самых моноэтничных стран мира». Речь шла о научном проекте, выполненном группой обществоведов Гарвардского института экономических исследований на основе национальных переписей населения, энциклопедий, базы данных ЦРУ, из-

¹ Данная статья опубликована в 2016 г. в журнале «Вестник Российской академии наук» (том 86, № 4). Здесь дана с правкой автора.

данного Институтом этнографии АН СССР в 1964 г. «Атласа народов мира», а также исследования 1998 г. «Этнические группы мира» [Moseley, 2010.]. Авторы «обсчитали» 650 этнических групп в 190 странах. Степень «этнической фрагментации» измерялась степенью разницы в ответах на вопрос об этнической принадлежности. В итоге были составлены таблицы корреляций, и на их основе американские коллеги сделали, на мой взгляд, как тривиальные, так и спорные выводы.

Авторы считают, что наиболее гомогенные в этническом плане — страны Европы и Северо-Восточной Азии, среди которых самые моноэтнические — Япония и Корея. Здесь этничность и национальность почти совпадают. Посередине располагаются страны Америки. Они достаточно полиэтничны, кроме Чили и Аргентины. Самые полиэтничные — африканские страны. Наиболее высокий индекс «этнической фрагментации» — в Уганде, за ней идёт Либерия. Ближний Восток — разный, но в целом полиэтничный. Россия со своей, как представляется, «уникальной многонациональностью» находится где-то в третьем десятке. Конфликты, по мнению авторов проекта, имеют место чаще в многоэтнических странах, но их причиной может быть и бедность, ибо этническое разнообразие коррелирует с низким уровнем развития. Богатые страны более моноэтничны, сильная демократия тоже больше коррелирует с моноэтничностью. Наличие многих этнических сообществ в фрагментированных обществах накладывает ограничения на политическую свободу из-за стремления одних групп обеспечивать контроль над другими. Существование культурно различающихся групп требует собственных лидеров, манипулирования, лоббирования, а политики часто используют фрагментацию для мобилизации «своих» или для исключения «других». В моноэтнических обществах управлять демократическим путём легче в связи с меньшим числом конфликтов. Главный вывод проекта состоял в том, что этническая и языковая фрагментация коррелирует (чем выше индекс фрагментации, тем хуже показатели) с экономическим развитием, социальными условиями и качеством институтов управления. Однако, по признанию авторов, убедительных закономерностей выявить не удалось [Alesina, La Ferrara, 2000: 847–904; Alesina, Easterly, 2002: 17–18; Arctic Languages, 1990].

В чём-то с этими выводами можно согласиться, но в главном мы расходимся: разнообразие — это в большей степени ресурс, а не источник риска, стабильность и развитие не имеют прямой корреляции со степенью этноязыковой фрагментации населения. Точно так же обстоит дело и с уровнем демократии. Моноэтничность ряда стран сложилась в результате дискриминации и даже насилия с целью обеспечения этнической «чистоты» некоторых наций. А, скажем, судьбы 15 государств бывшего СССР, от моноэтничных Армении и Туркменистана до самой полиэтничной Российской Федерации, никак не совпадают ни с показателями их экономического развития (душевой доход от ВВП) и демократичностью устройства, ни с наличием или отсутствием конфликтов. Стабильность и согласие разных обществ определяют другие факторы и обстоятельства, без жёсткой корреляции

с числом и обликом входящих в то или иное общество культурно отличительных групп. Само этническое и языковое разнообразие во многих случаях есть историческая данность для многих государств, которая имеет собственную динамику, в чём-то подвижную, а в чём-то не меняющуюся десятилетиями. Что происходит с этим разнообразием в тех или иных странах, и прежде всего в России?

Миф о вымирании языков. В 1996 г., а затем двумя новыми изданиями в 2001 и 2010 г. ЮНЕСКО опубликовала «Атлас языков мира, находящихся в опасности», в котором из существующих на планете 6 тыс. языков исчезающими были объявлены 2,5 тыс. В последнем издании утверждалось, что после 1950 г. исчезли 230 языков. Находящимися под разной степени «угрозой исчезновения» были названы и 116 языков на территории Российской Федерации. В атласе указывалось, какие языки умирают бесповоротно, каким угрожает исчезновение и какие находятся в опасном положении. Среди исчезающих языков значились все языки малочисленных народов Севера и Сибири, удмуртский, калмыцкий, языки народов Северного Кавказа; среди находящихся в опасности — 20 языков, в том числе чеченский, тувинский, белорусский.

Публикация атласа явилась итогом многолетнего проекта, с которого началась международная кампания за сохранение языкового разнообразия в мире. ЮНЕСКО приняла несколько нормативных документов: Всеобщую декларацию культурного разнообразия, Конвенцию по сохранению нематериального культурного наследия, а также Рекомендации по распространению и использованию многоязычия, принятые на Генассамблее ЮНЕСКО в 2003 г. По проблемам сохранения языков, языковой политики и языковых прав состоялись многочисленные публичные акции и научные обсуждения. Выводы инициаторов и участников кампании оказались неутешительными: к концу нынешнего века в мире останется всего несколько сот языков, остальные исчезнут. Рекомендации были разными, но главное — изучение и документирование умирающих языков, поддержка их преподавания и использования, противодействие дискриминации носителей малого языка, особенно тех, для кого он является основным или единственным языком знания и общения. В целом эта кампания сильно подействовала на научное сообщество, и уже во многих трудах, обобщающих мировые процессы, авторы приводят в качестве неоспоримых такие постулаты: «В XXI веке, как ожидается, исчезнет до 70 % существующих языков. А через пару столетий выживут 500–600 языков. Каждые две недели один язык становится мёртвым. То есть в год умирает 24 языка, и так будет продолжаться дальше... Для того чтобы язык сохранялся, количество его носителей должно превышать 100 тыс. человек. Сегодня исчезающими считаются 400 языков» [Никонов, 2015: 27].

Стремление сохранить языки малочисленных народов как часть мирового культурного наследия, конечно, похвально. Тем не менее, в этом вопросе ЮНЕСКО и авторы проекта оказались в плену кабинетно-романтических и политизированных представлений о языке, его роли в жизни современных

людей, обществ и государств. Здесь проявилась недостаточная осведомлённость составителей мировых атласов языков о реальной языковой ситуации в разных странах и регионах. Плохую услугу оказал своего рода языковой этно-национализм, когда вопросы статуса и использования языков становятся частью борьбы за самоопределение, за власть и другие ресурсы, а также средством подавления одних культурно отличительных групп и доминирования других.

Что касается российской ситуации, то её анализ и рекомендации выглядят поверхностными и политизированными. Отметим, что материал по России готовился с участием отечественных специалистов, в основном социолингвистов. В середине 1990-х годов они подготовили «Красную книгу» языков Российской Федерации, в которую занесли по примеру исчезающих видов животных и растений более половины бытующих в нашей стране языков. О неизбежном вымирании языков сибирских народов и народов Кавказа писали разные путешественники и некоторые учёные ещё в конце XIX — начале XX в. [*Козьмин*, 1916: 99–108; *Патканов*, 1911; *Рычков*, 1923: 182–192], но, по крайней мере, в XX в. языки в России не исчезали, за исключением двух-трёх диалектных вариантов миноритарных языков. Изучавшая этот вопрос Е. А. Пивнева пришла к выводу, что дискурс о «вымирании» северных аборигенов на всех исторических этапах носил в большей мере эмоционально-политический характер, хотя сокращение их численности, эпидемии и бедственное положение со здоровьем и медобслуживанием действительно имели место [*Пивнева*, 2006: 31–40]. Рост численности некоторых групп в последние десятилетия связан не только с улучшением условий жизни, но и со своего рода «обратной ассимиляцией», то есть переходом в эту категорию лиц, некогда утративших свою идентичность или имеющих смешанное происхождение. Это происходит благодаря законодательным и другим преференциям, которые получили коренные малочисленные народы Российской Федерации.

Тем не менее, языковая мозаика мира не остаётся неизменной. В своё время на смену огромному числу разных вариантов языков (диалектов) приходили стандартизированные литературные языки, что, безусловно, было позитивным явлением и необходимым моментом становления централизованных государств современного типа, а также развития индустриальной экономики и урбанизации. Так, диалект региона Иль-де-Франс стал основой для французского литературного, а московский вариант русского (тогда он назывался российским) — основой стандартного варианта русского языка. Конечно, в ходе колонизации территорий Сибири и других регионов империи могли исчезнуть варианты аборигенных языков, но едва ли можно согласиться, что 100 лет тому назад в этом регионе бытовало значительно большее число языков. Отечественные переписи населения, начиная с 1897 г. и вплоть до последних, дают сходный перечень языков, хотя их названия менялись вместе с изменением номенклатуры этнических групп и их консолидацией в так называемые «социалистические нации и народности». Что действительно изменилось в России, так это сузилась сфера бытования ма-

лых языков, сократилась численность знающих и говорящих на языке, произошёл переход значительной части, если не большинства, представителей малочисленных народов на русский язык. Применительно к народам Севера Н. Б. Вахтин назвал это «языковым сдвигом» [Вахтин, 2001]. Я предпочитаю более определённое название — языковая ассимиляция в пользу русского языка. Возможно, в какие-то моменты и в каких-то местах использовались методы принуждения, но в целом это был добровольный выбор в пользу более мощного и более важного для жизни языка коммуникации в нашей стране. В одних регионах (прежде всего Дагестане и Поволжье) этот процесс был вызван необходимостью преодолевать чрезмерное языковое разнообразие через утверждение единого языка общения, в других языковая ассимиляция (или русификация) происходила под воздействием развития экономики, образования, роста городов, миграции населения.

Неадекватное отношение к языковым проблемам проявилось и в период позднесоветской и постсоветской либерализации. Как отмечает В. М. Алпатов, «в годы перестройки и в первые постсоветские годы по всей территории современной России распространились представления, согласно которым функционированию малых языков мешала лишь «тоталитарная система», а смена строя может привести к их «возрождению», как тогда говорили. При этом под «возрождением» часто имелось в виду приобретение языком функций, которых он ранее не имел или имел как раз в начале советского периода. В пылу борьбы не учитывался реальный опыт стран, общественный строй которых принимался за образец» [Алпатов, 2005]. Но в этот период на территории бывшего СССР, включая Россию, в языковой сфере шёл другой важный процесс, а именно «национализация» языков бывших советских меньшинств, которые обрели полную государственную независимость или же через «парад суверенитетов» получили более высокий статус в рамках обновлённого российского федеративного устройства.

Я назвал свою статью «Языки нации», что есть некая ревизия, поскольку под национальным языком обычно понимают язык этнической общности, а два или три языка у одного народа — большая редкость (мордва и марийцы в России). Несколько иной смысл в это понятие вкладывают энтузиасты национального государства на основе одной доминирующей этнической общности. Они понимают национальный язык вполне корректно — как государственный язык, но само государство объявляется исключительной собственностью доминирующей этнонации. Делиться языком — важнейшим капиталом и символом суверенной титульности — данная этнонация с другими аналогичными, но численно меньшими группами внутри одного государства никак не желает. К сожалению, на пространстве бывшего СССР все государства, кроме России, Белоруссии и Казахстана, следуют именно этому варианту.

На мой взгляд, «язык нации» — понятие условное, оно употребляется как язык (или языки) доминирующего большинства или значимых этнических групп, которые становятся языком институтов государства–нации, от армии и правосудия до технических регламентов и массовой культуры. Дру-

гими словами, это чаще всего и есть государственный язык, если таковой объявлен в государстве. Язык нации в его единственном варианте применительно к человеческой общности политико-гражданского и даже этнокультурного типа — чаще всего националистическая утопия. Она не соотносится с языковой ситуацией в реальной жизни, которая почти всегда многоязычна и которую многим хочется упростить, подогнать под свой собственный язык. Что же касается государства и его институтов, то здесь действует и оправдала себя мировая практика конституирования одного или двух государственных языков, на которых общается не только бюрократия, но и большинство населения. В России таким языком является русский, в Китае — китайский (ханьский с его шестью диалектами), в Японии — японский, в США — английский, и т. д.

Но так происходит далеко не везде. Единственный государственный язык лучше всего принимается населением, когда явное большинство граждан относится к одной языковой общности или когда такого большинства нет вообще. В последнем случае на роль государственного языка претендует язык элиты, доставшийся, как правило, от колониальной системы (например, английский язык в Индии), который используется в таком статусе. Кстати, в Индии к государственному английскому со временем был добавлен второй государственный — язык хинди с диалектами как язык наиболее многочисленной и доминирующей языковой общности (на нём говорят более 400 млн. человек, или 41 % населения).

Если в стране есть демографически и культурно вторая значимая языковая общность, претендующая на равенство в статусе наряду с первой, то здесь бесконфликтный вариант заключается в официальном двуязычии (Канада, Бельгия, Финляндия и др.) или трёхязычии (Сингапур). Случаи официального четырёхязычия на уровне страны крайне редки (Швейцария). В регионах некоторых стран их может быть и больше (14 официальных языков в Дагестане, 11 официальных языков в канадской провинции Северо-Западные Территории).

Я считаю, что для гражданской нации важно иметь языковое единство, но это условие не является обязательным. Для двухобщинных государств лучший вариант — установление двух государственных (официальных) языков. Борьба за официальное двуязычие бывает долгой и упорной (как в Канаде и Бельгии), иногда выливается в открытые конфликты (как в Шри-Ланке и Украине), но, судя по мировому опыту, итогом всегда становится признание официальным не только одного языка.

Государственный язык — особая забота власти и общества, ведь это не только язык большинства, но часто та или иная страна является единственным на Земле местом, где данный язык имеет такой статус и где его существование гарантировано в конкурентном мировом порядке. Именно поэтому односторонняя увлечённость сохранением многоязычия, и прежде всего малых языков, вступает в противоречие с интересом ныне существующих гражданских наций обеспечивать своё языковое единство и защищать статус «больших» (доминирующих) языков. Подобная увлечённость может

идти вразрез с частными предпочтениями семьи и личности, интересы которых больше заключаются не в сохранении «языка предков», а в конкурентном владении доминирующим в стране языком. Современный мир и наука пребывают в поиске своего рода баланса: как сочетать языковую централизацию и обеспечивать на её основе общегражданскую идентичность с необходимостью и потребностью части граждан той же страны сохранять языки своих этнических сообществ (этнонаций). Баланс между языком большинства и языком меньшинств не найден до сих пор во многих странах. Есть проблемы и в России.

Прежде всего, следует уточнить такие фундаментальные категории с чрезмерной эмоционально-символической нагрузкой, как «родной язык» или «национальный язык» в смысле «язык своей национальности». В современной науке нет удовлетворительного определения этих понятий, как и не существует общепринятого мнения, что у человека должен быть родной язык и что это может быть только один язык. В России также сохраняются упрощённые взгляды. Например, как полагает Е. О. Хабенская, «родной язык» — это язык той этнокультурной общности, с которой ассоциирует себя индивид, то есть, строго говоря, «материнский язык» [Хабенская, 2004]. Такой же позиции придерживаются отечественная наука и общественная практика [Ибрагимов, 1990: 8–12.; Козлов, 1995: 157; Мамардашвили, 1992: 85–93]. Особо рьяно её защищает титульная общественность в российских республиках, а также представители таких дисциплин, как этнопсихология [Исламшина, 1996.].

Наиболее близкая мне позиция заключается в том, что «материнский язык — не обязательно родной, родной язык — не обязательно первый» [Вахтин, 2001: 46]. Однако этой констатации недостаточно. До сих пор многие считают, что родным следует считать язык матери [Шахнарович, 1999], что не может быть двух родных языков, как не может быть двух матерей. Например, по словам В. Г. Костомарова, «выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остаётся матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [Костомаров, 1991: 11]. На самом деле в жизни дело чаще всего обстоит далеко не так: родным становится язык основного знания и общения, а первый выученный или слышанный от матери язык никаких особых предрасположений не имеет.

Язык — не только один из столпов культуры, этнической идентичности, групповой солидарности. Не менее важно, что это инструмент гражданского националстроительства. Язык и языковая политика могут быть причиной межэтнической, социальной и иной напряжённости и даже открытых конфликтов, а адекватная языковая политика — одно из условий обеспечения национальной безопасности государств со сложным (в том числе многоязычным) составом населения. Язык в прошлом и ещё в большей степени сегодня является средством идеологического и политического воздействия (индоктринации), межгруппового и межгосударственного доминирования и соперничества, сферой особой государственной ответственности вплоть до законодательного регулирования. В то же время язык, его формы и вари-

анты, выбор и владение им, сферы употребления, языковое общение — это одно из фундаментальных прав человека, одна из важных гражданских свобод, которая гарантируется конституциями, законами страны и её отдельных образований, а также системой международных деклараций и хартий. Здесь также проявились новые тенденции, например, о праве на языковую ассимиляцию как столь же фундаментальном праве, как и право на сохранение и использование языка.

Наконец, можно и нужно говорить о равноправии языков, но не о равенстве. Существует особая иерархия, высшее место в которой занимают так называемые мировые языки (top world languages), куда входит и русский. При этом имеют значение не только число носителей языка, но и созданный на нём культурный капитал, а также общественно-политическая роль, которую этот язык играет, прежде всего, благодаря влиянию государств, где он признан государственным, а вместе с тем и одним из официальных языков международного общения.

Между мировыми языками происходит глобальное соперничество. Сегодня наблюдается мировая экспансия английского языка как языка политического и делового мира, науки и массовой культуры, информации и коммуникации. В такой ситуации роль русского языка в нашей стране обретает новый аспект: он становится защитным барьером для малых языков, носители которых овладевают русским, а не английским языком в качестве второго языка, оставаясь в родной (!) языковой среде со своими соплеменниками, которые также им владеют.

Языковая картина мира: новые тенденции. Одно из фундаментальных проявлений культурной сложности современных наций — языковое разнообразие населения государств мира. Разнообразие возникло не сегодня: оно существовало с момента появления ранних государственных образований и формирования централизованных и современных государств. Например, население Древнерусского государства, Московского царства, Российской империи и СССР говорило на разных языках [Российское государство от истоков до XIX века..., 2012; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства, 2012]. Попытки нацистских руководителей современных государств с момента Вестфальской системы и Французской революции уничтожить «диалекты» и сделать только один язык языком нации редко где завершались успехом. Во Франции, помимо большого числа диалектов французского, на протяжении всей её истории сохранялись бретонский и корсиканский языки, в Великобритании возрождаются гэлльский и уэльский языки, не говоря уже о шотландском и ирландском диалектах английского. В США, несмотря на жёсткую ассимиляционную доктрину «плавильного котла», всегда сохранялись языки основных стран эмиграции, индейские языки, а после аннексии в середине XIX в. мексиканских территорий к югу от Рио-Гранде в стране оказались и миллионы испаноговорящих граждан.

Лингвист Р. Фэйсолд приводит таблицу языкового разнообразия государств мира (табл. 1), которая составлена на основе данных о так называе-

мом автохтонном, в лучшем случае, или о постоянном населении к началу 1980-х годов, когда проходил очередной цикл всеобщих переписей населения. С тех пор ситуация существенно изменилась.

Табл. 1. Число языков в странах мира

Число языков в стране	Число стран с таким числом языков	% по отношению к общему числу стран
1	6	4
2	22	14
3–5	27	18
6–10	24	16
11–50	46	30
более 50	28	18

Источник: Fasold R. The Sociolinguistics of Society: Introduction to Sociolinguistics. V 1. Oxford UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1995 (1984).

В последние 30 лет шли процессы не только языковой ассимиляции и исчезновения языков малочисленных групп, но и ревитализации языков, укрепления правового статуса региональных языков и языков национальных меньшинств. В странах Европы и Америки, в азиатских государствах, а также странах бывшего СССР, включая Россию, успешно осуществлялись научные и общественные инициативы по сохранению языкового разнообразия и внедрению преподавания малых (миноритарных) языков [Языки народов России: Красная книга..., 2002]. Мир переживал скорее языковой ренессанс, чем массовое вымирание языков, которое предполагали некоторые эксперты и общественные активисты.

В постсоветских государствах произошло масштабное «возвращение» языков больших и некоторых малых народов во все сферы жизни, а также обретение языками новых «титულных»² этнонаций более высокого статуса, прежде всего, через систему конституционных положений и законодательства о языках [Губогло, 1994; Губогло, 1998]. Правда, далеко не везде это означало усложнение языкового состава населения новых государств. Языковой национализм новых титульных наций укреплял позиции новых государственных языков за счёт сокращения сфер употребления русского языка и уменьшения численности русскоязычного населения. Для этого процесса были некоторые оправдательные аргументы, ибо языковая руси-

² Термин «титулный» (для замены термина «коренной») употребляется применительно к этническим общностям (этнонациям), названия (этнонимы) которых используются в наименовании государств и внутренних этнотерриториальных автономий (в России это республики, автономные области и округа), а также тех групп, языки которых признаны государственными, но в названиях (титулах) не отражены (абазины и ногайцы в Карачаево-Черкесии, народы Дагестана).

фикация в бывших союзных республиках (чаще всего по инициативе местных руководителей) существенно потеснила позиции языков крупных советских наций (в Киеве, Ташкенте, Алма-Ате и в других республиканских столицах звучал в основном русский язык). При этом в союзных республиках наблюдался также расцвет языкового творчества через профессиональную культуру и науку. Так называемое национально-русское двуязычие становилось почти всеобщей нормой советских людей нерусской национальности [Арутюнян, 1999; Губогло, 1979; Современные этнические процессы в СССР, 1975].

В годы перестройки и после распада СССР укрепились, прежде всего, позиции новых государственных языков, а в ряде случаев, вопреки официальной политике, и языков отдельных меньшинств (польского, русинского, венгерского на Украине, каракалпакского в Узбекистане, узбекского в Киргизии, гагаузского и цыганского в Молдове и т. д.). Некоторые этнополитические конфликты сепаратистского характера имели сильную языковую составляющую, что в итоге привело, например, к укреплению позиций абхазского и осетинского языков в частично признанных государствах Абхазия и Южная Осетия. В Грузии оживилось движение за укрепление позиций сванского и мингрельского языков. В России почти все языки крупных нерусских народов обрели официальный статус на региональном уровне.

Именно в эти 30 лет происходил масштабный миграционный обмен населением, особенно по линии юг-север, когда в Европу и Северную Америку переселились и там укоренились, в том числе и с языковыми правами, новые этнические группы иммигрантов. К категории принимающих стран и стран с усложняющимся этноязыковым составом населения относятся все государства Западной Европы и Северной Америки, Австралия и некоторые государства Азии (Малайзия, Сингапур). К странам с усложнившимся этноязыковым составом населения относится и Российская Федерация, ставшая после 1991 г. второй в мире принимающей мигрантов страной после США [Новые этнические группы в России..., 2009]. Таким образом, предложенная Р. Фэйсолдом таблица должна быть скорректирована в сторону увеличения числа многоязычных и уменьшения числа моноязычных государств. Другими словами, все современные нации мира многоязычны.

Это — важный вывод. Он влечёт за собой коррекцию такого распространённого в отечественном обществознании понятия, как «национальный язык», или «язык нации» [Степанов, 1990: 325, 326; Тавадов, 2011: 34–36]. До сих пор данная категория использовалась преимущественно в отношении этнических групп, которые часто действительно оформляются как сообщества по языковому сходству. Но, во-первых, есть этнические общности, которые оформляются не по принципу языкового различия (например, в арабском или испаноязычном мире), а есть, которые имеют более одного языка, но воспринимают себя (или воспринимаются внешним окружением) как одна группа. Во-вторых, для большинства нерусского населения России основным языком знания и общения, то есть первым языком (термин, который может быть предложен как аналог понятия «родной язык»), является

русский язык, а не язык, совпадающий с этнической идентичностью индивида. Аналогичная ситуация сложилась и среди коренных народов Нового Света, говорящих в подавляющем большинстве на английском, французском, португальском или испанском языках, за исключением некоторых арктических групп Канады, индейских общин Амазонии и аборигенных народов Центральной Америки (индейцы Гватемалы и мексиканского штата Чиapas).

Поскольку в мировой науке и в общественной практике отсутствует категория «национальный язык» («national language»), и поскольку как политические, так и этнические нации отличаются многоязычным составом, данное понятие целесообразно заменить более адекватным хотя бы в научном и правовом языке. В отношении наций-государств (гражданских или политических наций) операциональными являются понятия «государственный язык» и «официальный язык», а в отношении этнических групп существуют понятия «этнический язык» или «язык национальности» (последнее — как компромиссный вариант, учитывающий отечественную практику использования термина «национальность»). Такой подход лучше учитывает мировую тенденцию языковых процессов и международную социолингвистическую и антропологическую терминологию.

О роли федерализма и статусе языков в России. Принцип федеративного устройства государств, а тем более федерализма с этнической асимметрией, когда некоторые федеративные составляющие (регионы, штаты, провинции) имеют статус этнотерриториальных автономий, многими критикуется. Особой критике подвергается «этнический федерализм» в России [Тощенко, 2003]. При этом часто звучат заявления, особенно со стороны шовинистически настроенных политиков, что этнические республики как субъекты Федерации с некоторыми особыми правами и статусом являются неудачным наследием советского режима и что это положение должно быть исправлено через упразднение республик или же их радикальную реорганизацию с учётом демографии и ареала проживания представителей той или иной национальности. На этот счёт у меня есть существенные возражения.

Этнический федерализм (крайне условный термин) не является сугубо советским изобретением. Все крупные страны с культурно сложным населением являются федерациями, а их внутренние административные границы учитывают этнический или языковой фактор (кроме США и Германии). В некоторых странах давно и успешно существуют внутренние этнотерриториальные автономии в виде районов или округов (в Китае), кантонов (в Швейцарии), федеративных округов (в Бельгии), провинций (в Испании и Канаде) и т. д. Почти все эти образования имеют особый статус, по крайней мере, особый языковой статус (например, закон о французском языке в Квебеке или статус каталанского языка в статуте испанской провинции Каталония и баскского языка в конституции провинции Страна басков) [Тишков, 1977: 207–224]. Кроме того, в царской России также был накоплен исторический опыт внутренних автономий и языкового регулирования,

а советский опыт национально-государственного строительства был признан мировым сообществом и зарубежными специалистами как один из успешных вариантов обеспечения этнокультурного и языкового развития многоэтнического населения крупного государства [Аманжолова, 2010; Каддио, 2010; Красовицкая, 2011; Мартин, 2011; Hirsch, 2005].

С образованием новой России старый федерализм с республиками и автономными областями и округами обрёл новое содержание, но его суть осталась: это форма внутреннего самоопределения для большинства нерусских народов, сохранивших более или менее компактные ареалы проживания и отдельные традиции государственности или самоуправления [Тишков, 2013]. Довольно существенные новации были внесены и в постсоветскую языковую политику по части правового статуса нерусских языков после придания русскому языку статуса общегосударственного. По региональному (республиканскому) законодательству 35 языков обрели статус официальных языков в республиках даже тогда, когда говорящие на них этнические группы не составляли большинства населения, а в ряде случаев были своего рода «двойными меньшинствами» (меньшинством среди преобладающих групп региона, как, например, в Адыгее, Башкирии, Карелии, автономных округах). Это сыграло важную роль в сохранении языкового разнообразия и обеспечении межэтнического мира и стабильности в России. Большинство носителей нерусских языков в современной России имеют возможность изучать свой язык и обучаться на нём, а также получать государственные услуги и информацию на территории российских республик, автономных округов и в крупных городах страны. Это важный аргумент в пользу сохранения нынешнего российского федерализма, включая существование республик и автономных округов.

Языковая ситуация в нашей стране имеет некоторую специфику, прежде всего, по части её экспертного и политического оформления. Многие россияне (около четверти населения) родились и выросли в этнически смешанных семьях и часто владеют в равной мере языком матери и отца; многие, вырастая в одной языковой среде, затем, во время учёбы, воинской службы, работы и т. д., оказываются в другой среде. Поэтому два или три языка используют миллионы наших соотечественников. По данным переписи населения 2010 г. жители России владеют 230 языками, из которых 170 — языки российских национальностей или их отдельных групп. У марийцев и у мордвы по два отдельных языка, у андо-цезских народов, входящих в аварскую нацию, около дюжины сохранившихся языков. Есть так называемые одноаульные языки, когда одно-два горных селения в несколько сот человек веками сохраняют свой «сельский» язык и при этом владеют языками более многочисленных групп, а также русским языком. Среди малочисленных северных народов есть языки, на которых говорят сегодня всего десятки человек. Однако в переписной список языков, которыми владеют жители страны, включены языки временных жителей, а также языки, которые изучают те или иные профессионалы и любители. Так, в списке присутствуют афри-

канские и прочие экзотические для российского населения языки, не имеющие отношения к языковой ситуации. Но даже уменьшенная на 50–60 языков цифра требует критического анализа. Рост численности этнических категорий населения России (128 в 1989 г., 157 в 2002 г. и 193 в 2010 г.) был вызван не только более свободным волеизъявлением по части этнокультурного самоопределения, но и групповым этническим лоббированием, увеличением числа иммигрантов и коррективами в проведении и публикации материалов переписи [Этнография переписи..., 2005]. В итоге в списке российских народов, или «этносов», присутствуют те, которые не обладают отдельным языком, если только его в спешном порядке не изобретают этнические активисты или эксперты-романтики (речь идёт, например, об ассирийцах, бессермянах, казаках, камчадалах, кряшенах, поморах, сойотах, черкесо-гаях и других). Кроме того, имеет место фактическая утрата знания языка, особенно ассимилированными потомками давних переселенцев или автохтонных жителей российского государства (например, присутствующими в списке российских народов голландцами, датчанами, российскими немцами, шведами, французами, японцами). Их далёкие предки перешли на русский язык, а старые языки были забыты. По нашим оценкам, в Российской Федерации бытует около полутора сотен языков, но и это, конечно, много. Отсюда потребность в лингвистических исследованиях и в более адекватной языковой политике.

По моему мнению, среди языков под угрозой исчезновения нет большинства тех российских языков, которые названы в Атласе ЮНЕСКО. Чеченский, якутский, тувинский, бурятский и другие — это мощные языки со своей письменностью, литературой, фольклором и даже с местной бюрократией по обеспечению «национального языка» и «национального образования» в соответствующих республиках. Более того, на основе данных переписи 2010 г., можно выделить категорию мажоритарных этничностей и языков (30 групп с численностью более 50 тыс. человек) — это народы, которые имеют этнотерриториальные автономии и языки которых получили официальный статус наряду с русским государственным.

Данные переписи населения 2010 г. свидетельствуют, что степень владения языком среди нерусских народов, имеющих этнотерриториальные автономии в виде республик, высокая: от 37 % у карел до 99 % у чеченцев от численности проживающих в республиках титульных групп. Число носителей этих языков достаточно большое: от 17 тыс. у карел и 38 тыс. у хакасов до 1,2 млн. у чеченцев. Степень сохранности и использования языка определяется не только демографией (чем больше группа, тем выше среди неё процент знающих этнический язык), но и характером расселения. Чем менее дисперсна группа и чем выше её доля в населении «своей» республики, тем лучше владение, шире использование и благополучнее положение нерусского языка. Решающее воздействие на языковую ситуацию оказывают сам факт существования автономии и конституционное признание официального статуса языка (или нескольких языков) наравне с русским.

Далеко не последнюю роль играет и исторический фактор, а именно: насколько давно произошла интеграция территории основного проживания этнической общности в состав Российского государства, и насколько масштабно было присутствие русских и русскоязычных на территории республики. Например, дисперсно расселённая и 400 лет тому назад интегрированная (в том числе обращённая в православие) в состав России мордва разительно отличается от чеченцев и аварцев, которые вошли в состав Российской империи гораздо позднее, расселены более компактно, поголовно исповедуют ислам, среди них гораздо выше рождаемость. В прошлом десятилетии аварцы и чеченцы оказались в первой десятке самых многочисленных национальностей страны, сохранив компактное проживание на территории своих республик. Степень владения этническим языком среди этих двух, да и других народов Северного Кавказа очень высокая (от 70 % у адыгейцев до 99 % у чеченцев, проживающих в соответствующих республиках). Даже 14 лет коллективного изгнания и ликвидация автономий не изменили языковые установки представителей чеченцев и других этнических групп, подвергшихся сталинским депортациям. В то же время депортации и проживание за пределами исторической малой родины способствовали и высокой степени владения русским языком народов Северного Кавказа [Тишков, 2001]. В этом отношении они не уступают, казалось бы, более интегрированным с исторической и конфессиональной точки зрения нерусским народам Поволжья и Сибири. Иначе говоря, среди мажоритарных национальностей существуют этнические общности, которые фактически почти целиком являются двуязычными. На первом месте здесь аварцы и чеченцы. В эту же группу входят даргинцы, лезгины, карачаевцы, балкарцы, осетины, черкесы, кабардинцы и другие. Примечательно, что двуязычие у большинства северокавказцев не в пользу этнического языка: число владеющих русским выше, а если считать тех, кто живёт за пределами «своих» республик, то его знание и использование заметно выше, чем языка своей национальности. Например, среди дагестанских чеченцев (аккинцев) 64,6 % владеют чеченским языком и почти 100 % — русским.

Несколько ниже уровень владения этническим языком среди народов Поволжья и Сибири (кроме тувинцев, татар и якутов: 96,7 %, 92,4 % и 86 % соответственно). Самые обрусевшие в языковом отношении после карел — калмыки, удмурты, мордва. Но и среди этой части мажоритарных групп носителей этнического языка десятки тысяч, и об угрозе исчезновения этих языков речи быть не может. По крайней мере, это не случится в среднесрочной исторической перспективе.

К сожалению, действующий формат вопроса в российской переписи не предполагает выявление уровня знания языка и сфер его использования. На ответы могут влиять личное представление о том, что значит владеть языком, внутренние и внешние морально-идеологические установки по отношению как к языку своей национальности, так и к русскому языку. И всё же данные переписи остаются всеохватными и в целом достоверными, хотя

требуют критического анализа и знания процедуры переписи [На пути к переписи, 2003].

Проблемы малых языков. В таблице 2 представлены 60 миноритарных групп (менее 50 тыс. человек) и зафиксированное переписью 2010 г. число носителей этнического языка. Эти данные требуют коррективов относительно некоторых малочисленных народов Дагестана. Аварское и даргинское доминирование в Дагестане проявляется и в том, что группы аваро-андо-цезских и лезгино-язычных народов включаются в качестве этнографических групп в состав аварцев или даргинцев. На протяжении нескольких советских переписей представители этих малых народов переписывались местными организаторами переписей или же люди сами называли себя аварцами или даргинцами, как бы отказываясь от своей малой группы [Тишков, Кисриев, 2008]. Судя по двум постсоветским переписям, такая практика сохраняется в арсенале местной политики. Возьмём, к примеру, арчинцев, язык которых принадлежит к лезгинской языковой группе. В первой советской переписи 1926 г. было зафиксировано 863 представителя этой национальности, затем арчинцы исчезли. В 2002 г. арчинцами назвали себя 89 человек, в 2010 г. — 12 человек (причём проживающих за пределами Дагестана). Между тем, по данным дагестанских этнографов, численность арчинцев составляет около 5 тыс. человек [Алимова, 2002: 283]. Становится понятным, почему почти 1 тыс. дагестанцев в 2010 г. показала знание арчинского языка. Конечно, необходимы меры по сохранению этого языка, в частности преподавание его в начальных классах школ в сёлах проживания арчинцев. Но следует также учитывать, что в условиях длительного совместного проживания и доминирующего в республике аварского языка арчинцы подверглись языковой аваризации. Многие из них владеют аварским или даже перешли на аварский либо на русский язык. Иными словами, знающие свой этнический язык арчинцы являются трёхязычными, а утратившие его — двуязычными. Сложным является и их самосознание: в этническом плане арчинское и аварское, в региональном — они считают себя дагестанцами, в общегражданском — россиянами.

Ещё один малый дагестанский народ андийской группы — багвалинцы (или багулалы). По переписи 1926 г. их было 3054 человека, переписи 2002 г. — 40 и переписи 2010 г. — 5 человек (и опять за пределами Дагестана). Но последняя перепись показала, что знают этот этнический язык почти 1,5 тыс. дагестанцев. Ясно, что это автохтонные носители, а не выучившие язык ради любопытства некие чужаки. Следовательно, живы и язык, и соответствующая этническая общность. Багулалы сильно аваризированы в языковом отношении и, возможно, почти все предпочли называться в переписи аварцами, если только над ними не было совершено некое административное насилие или идеологическое воздействие. Багулалы не являются «статусным» народом в республике, и в местных условиях всякое продвижение по жизни по этой причине может столкнуться с трудностями.

Табл. 2. Миноритарные языки и этнические группы РФ (менее 50 тыс. человек)

Этничность	Численность	Число знающих этнический язык	Этничность	Численность	Число знающих этнический язык
Абазины	43341	37831	Ороки*	295	47
Алеуты*	482	45	Орочи*	596	8
Андийцы	11789	5800	Рутульцы	35240	30360
Арчинцы	12	970	Саамы	1771	353
Ахвахцы*	7930	210	Селькупы	3649	1023
Багуалалы	5	1447	Сойоты*	3608	Нет данных
Бежтинцы	5958	6072	Тазы*	274	Нет данных
Ботлихцы*	3508	206	Таты	1585	2012
Вепсы	5336	3613	Теленгиты	3712	Нет данных
Водь*	64	68	Телеуты	2643	975
Гинухцы*	443	Нет данных	Тиндалы*	635	Нет данных
Годоберинцы*	427	128	Тофалары*	762	93
Гунзибцы	918	1012	Тубалары*	1965	229
Долганы	7885	1054	Удэгейцы*	1496	103
Ижорцы*	266	123	Ульчи*	2765	154
Ительмены*	3193	82	Ханты	30943	9584
Камчадалы*	1227	Пользуются ительменским	Хваршины	527	1737
Каратинцы*	4787	255	Цахуры	12769	10596
Кайтагцы*	7	Нет данных	Цезы/ дидойцы	11683	12467
Кереки*	4	10	Чамалалы	24	19500
Кеты*	1219	213	Челканцы	1181	310
Коряки	7953	1665	Чуванцы*	1002	Пользуются юкагирским
Кубачинцы*	120	Нет данных	Чукчи	15908	5095
Кумандинцы*	2892	Нет данных	Чулымцы*	355	44
Манси	12269	938	Шорцы	12888	2839
Нанайцы	12003	1347	Эвенки	37843	4802
Нганасаны*	862	125	Эвены	22383	5656
Ненцы	44640	21926	Энцы*	227	43
Нивхи*	4652	???	Эскимосы	1738	508
			Юги*	1	1
			Юкагиры	1603	370

* Языки, находящиеся под угрозой исчезновения.

В таблице нет данных о носителях кайтагского языка, а относительно числа самих кайтагцев приводится цифра 7, хотя, по этнографическим и лингвистическим источникам, их число достигает 25 тыс. [Алимова, 2002: 321–334]. Почему нет сведений о числе владеющих этим языком — вопрос к статистическим органам республики. Кайтагцы и их язык не могли просто так исчезнуть с мировой карты. Совершенно необъяснимы приведённые в таблице данные, касающиеся чамалалов, компактно проживающих в Цумадинском районе Дагестана и в других районах республики, а также в Чечне. Специалисты считают, что численность этого народа составляет около 10 тыс., в том числе 7 тыс. проживают в Дагестане и 2 тыс. — в Чечне [Алимова, 2002: 222]. В переписи 2010 г. 19,5 тыс. человек указали, что владеют чамалинским языком. Почему только 24 человека назвали себя чамалинцами — вопрос, скорее, не для научного анализа, а для анализа процедуры переписи. Аналогичная картина с хваршинами, народом цезской группы, численность которого, по оценкам этнографов, около 2,5 тыс. человек [Алимова, 2002: 273], а в переписи указаны 527 человек и 1737 человек, владеющих хваршинским языком. Если представителей этой группы в реальности насчитывается хотя бы 2–3 тыс., и половина их знает свой этнический язык, то считать этот народ и его язык вымирающими опрометчиво. В переписи не указано число знающих тиндинский язык, хотя, по оценкам специалистов, число тиндалов (тиндинцев) — 8,5–10 тыс. [Алимова, 2002: 214]. Налицо явное занижение численности тиндалов (635 человек), проживающих в основном в Цумадинском районе Дагестана. Таким образом, уникальная этническая и языковая мозаика Дагестана отягощена жёсткими политическими установками и стремлением свести население к официально установленным 14 местным нациям, между ними и делятся властные позиции, престижные места и некоторые другие ресурсы. Происходит аваризация и даргинизация почти 20 народов, которым фактически отказано в признании в качестве самостоятельных общностей. Этот процесс зашёл далеко, но в языковой сфере предпочтительней остаётся трёхязычие: местный этнический язык (его ещё называют «сельским»), аварский или даргинский (последний для кайтагцев и кубачинцев) и русский язык.

Если вести речь о языках Дагестана, действительно находящихся под угрозой исчезновения, то это ахвахский, ботлихский, годоберинский, гинухский, кайтагский, каратинский, кубачинский, тиндальский. Носители остальных малых языков исчисляются сотнями и даже тысячами, и к категории исчезающих их языки отнесены быть не могут. Что касается 14 крупных народов Дагестана, которые пребывают вместе со своими языками в официальном статусе, можно говорить только о поддержке и развитии их языков, о гармоничном сочетании обучения и пользования ими наряду с общегосударственным русским языком.

Особая история — с малочисленными народами Севера и Сибири, которые в отличие от малых народов Дагестана имеют особый правовой статус, закреплённый Федеральным законом «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Российской Федерации». Следует при-

знать, что около 20 языков этой группы находятся в критической ситуации из-за крайней малочисленности носителей языка и их преклонного возраста. К таким языкам только условно можно отнести алеутский (45 носителей), ибо этот язык знают ещё около 450 алеутов США, где после принятия в начале 1970-х годов законов о правах аляскинских аборигенов введено двуязычное школьное обучение [Русский язык в России и странах СНГ, 2007: 181], водский (68 человек, знающих язык), ижорский (123), камчатдальский/ительменский (82), керекский (10 знающих при наличии 4 керек-ков), кетский (213), нганасанский (125), орокский (47), ороцкий (8), тофалар-ский (93), тубаларский (229), удэгейский (103), ульчский (154), чулымский (44), энский (43), юкагирский (370). Таким образом, 15 языков малочисленных народов Севера и Сибири пребывают в опасности, то есть состоянии возможного исчезновения, но зачислять все языки этой группы российских народов в категорию исчезающих было бы ошибкой.

Русский язык как язык гражданской нации. Каждая национальная (страновая) ситуация различается степенью распространения и использования языков, а также государственной политикой, которая проводится по отношению к языкам. В Российской Федерации с её многообразием языков накоплен уникальный опыт «языкового строительства» в советский период, и налицо постсоветские правовые и другие инициативы по признанию и поддержке больших и малых языков. И всё-таки — когда можно говорить о языке нации не только как о государственном языке, но и как о языке всеобщего знания и общения? Такая постановка вопроса в отношении русского языка в России вполне правомерна, чего, кстати, нельзя сказать о многих других странах с культурно сложным составом населения. Согласно переписи 2010 г., в России 99,4 % постоянного населения владеют русским языком. Это свидетельствует о высокой степени ассимиляции в пользу русского языка и (или) о распространении двуязычия среди нерусских.

Некоторые политики и специалисты считают это явление негативным, своего рода предательством по отношению к языку своей национальности. Их аргумент: «умер язык — умер народ». Но есть право человека и право родителей на выбор языка для самих себя и для своего ребёнка, который делается не просто из идеологических соображений или под влиянием эмоций, представлений, но и из практических, рациональных расчётов. Обычно выбирается язык, на котором говорит большинство жителей страны и который обладает официальным статусом, и потому, зная его, легче добиться жизненного успеха. Как пишет Е. И. Филиппова, «конкурировать с языком-кормильцем, языком «ремесла и хлеба», открывающим доступ к социальному росту и к лучшей, более обеспеченной жизни, сложно, если не невозможно» [Филиппова, 2013: 7]. Известно, что эмигранты из России если не первого, то второго поколения переходят на язык принимающей страны. Ревнителями сохранения «родного языка» это редко когда осуждается, более того, в отличие от аналогичной ситуации смены языка внутри собственной страны, рассматривается как норма языкового поведения.

В России доминирующим всегда был и остаётся русский язык. Многоэтнический российский народ способен общаться на одном языке, и это можно назвать языковым единством российской нации, а русский язык — языком нации или национальным языком. Во многих случаях это не просто владение русским языком, а полный или частичный переход на русский язык как второй родной или как единственный родной. Это важно знать и признавать как норму, а не как аномалию.

Благодаря преимущественно добровольному выбору в современной России нерусские народы используют русский язык в большей степени, чем язык соответствующей этнической принадлежности гражданина. Самый низкий уровень владения этническими языками — среди белорусов (24 %), украинцев (35 %), бурят (45 %). Утратили знание этнических языков многие представители народов, которые давно пребывают в составе Российского государства и среди которых распространено православие. Это поволжские народы (мордва, марийцы, удмурты), из северокавказских групп самая большая языковая ассимиляция в пользу русского — у православных осетин, кабардинцев и адыгейцев. На русский язык в качестве первого языка перешли малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также представители тех национальностей, которые живут в городах (евреи, цыгане, российские немцы и другие).

Самое важное в проблеме смены языка в пользу русского — это добровольность и преимущества, которые получает гражданин, свободно владеющий им с самого детства. Здесь важно не только признать право на смену языка и на указание двух родных языков, но и поощрять русско-этнонациональное двуязычие. Признание права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками. Для России это особенно важно, ибо большинство нерусского населения владеет в равной степени русским и своим этническим языком или даже в большей степени русским. К сожалению, реальное распространение русского языка в качестве родного языка не находит должного отражения в переписях и в исследованиях.

Язык имеет огромное значение для государства и для того народа, который объединён под его суверенной властью. Государство — это, прежде всего, институты, бюрократия, армия, тексты законов, технические инструкции и т. д. Конечно, лучше, дешевле и даже безопаснее, если в государстве говорят на одном языке — языке большинства населения. Ясно, что армейские приказы и технические регламенты электростанций и реакторов должны быть изложены на одном языке. Язык демографического большинства, а в редких случаях язык политически господствующего меньшинства устанавливается в качестве государственного (официального) языка. В нашей стране по Конституции и по принятому в 2005 г. Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» им является русский язык, который находится под защитой в разных сферах его использования,

в частности, в средствах массовой информации, коммуникации, рекламе, оформлении вывесок, документов. В законе говорится о «нормах современного русского литературного языка», о «правилах русской орфографии и пунктуации», о том, что порядок их утверждения определяется Правительством РФ. Трудности в этом вопросе связаны с пониманием языковой нормы, обязательностью её применения, значимостью в жизни современного социума. На мой взгляд, необходимо сосредоточиться на соблюдении языковой нормы русского языка, прежде всего, в самой России. В странах СНГ и Балтии складываются свои, несколько отличительные национальные варианты русского языка [Русский язык в России и странах СНГ, 2007], которые заслуживают признания и изучения.

Отечественная система языков представляет собой оригинальный вариант отечественной языковой хартии в отличие от европейской языковой хартии [Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств в Российской Федерации, 2012]. В целом в России сочетаются две выдающиеся языковые ипостаси. С одной стороны, наша страна обладает уникальным, сохраняющимся и поддерживаемым государством языковым разнообразием, с другой стороны, несёт перед миром и самой собой ответственность за свой национальный язык — русский, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию.³

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алимова Б. М.* Кайтаги // Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 321–334.
2. *Алпатов В. М.* Что делать с малыми языками? Пленарный доклад на круглом столе «Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения». 27–28 октября, 2005 г., Москва. http://ling-sib.iea.ras.ru/ra/round_table/plenary_session.shtml
3. *Аманжолова Д. А.* Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. М.: Собрание, 2010.
4. *Арутюнян Ю. В.* Постсоветские нации. М.: Флинта, 1999.
5. *Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
6. *Губогло М. Н.* Национально-русское двуязычие. М.: Наука, 1979.
7. *Губогло М. Н.* Мобилизованный лингвицизм. М.: ИЭА РАН, 1994.
8. *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Языки славянской культуры, 1998.
9. Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств в Российской Федерации / Под ред. А. С. Кожемякова, С. В. Соколовского. М.: ИЭА РАН, 2012.

³ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15–31–11109 «Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности в развитии российского общества»

10. *Ибрагимов Г. Х., Зачесов К. Я.* О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. 1990. № 8. С. 8–12.
11. *Исламшина Т. Г.* Этнические ценности полиэтничного общества. Социологический очерк. Казань: Казанский государственный технический университет, 1996.
12. *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940 / Пер. с франц. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
13. *Козлов В. И.* Язык: Этнические и этно-социальные категории. Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В. И. Козлов. Вып. 6. М.: Наука, 1995.
14. *Козьмин Н. Н.* К вопросу о «вымирании» инородцев // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 99–108.
15. *Костомаров В. Г.* Ещё раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. 1991. № 1. С. 9–15.
16. *Красовицкая Т. Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину. М.: Новый хронограф, 2011.
17. *Мамардашвили М.* Законы инакомыслия // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 85–93.
18. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
19. На пути к переписи / Под ред. В. А. Тишкова. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.
20. Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / Под ред. В. В. Степанова, В. А. Тишкова. М.: Наука, 2009.
21. *Никонов В. А.* Современный мир и его истоки. М.: Изд-во МГУ, 2015.
22. *Патканов С. К.* О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племён. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911.
23. *Пивнева Е. А.* Проблема вымирания коренных народов Севера: мифы и реальность // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 3. М., Сыктывкар, 2006. С. 31–40.
24. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Под ред. Ю. А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012.
25. Русский язык в России и странах СНГ / Под ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделина, В. А. Тишкова. М.: Наука, 2007.
26. *Рычков К.* К вопросу о вымирании северных народностей Сибири // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 182–192.
27. Современные этнические процессы в СССР / Под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1975.
28. *Степанов Г. В.* Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
29. *Таватов Г. Т.* Этнология. Современный словарь-справочник. М., 2011.
30. *Тишков В. А.* Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 1977. С. 207–224.
31. *Тишков В. А.* Общество в вооружённом конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

32. *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
33. *Тишков В. А., Кисриев Э. Ф.* Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнические категории и статистика: дебаты в России и во Франции / Под ред. Е. И. Филипповой. М.: ФГНУ «Росинформгротех», 2008. С. 93–124.
34. *Тоценко Ж. Т.* Этнократия. История и современность (Социологическое очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
35. *Филиппова Е. И.* Предисловие. Судьба языков в глобализующемся мире // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / Отв. ред. и пер. с франц. Е. И. Филиппова. М.: ФГНУ «Росинформгротех», 2013. С. 5–17.
36. *Хабенская Е.* «Родной язык» как этнический символ // Казанский федералист. 2004. № 1(9). <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/7/>
37. *Шахнарович А.М.* Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.
38. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Под ред. Т. Ю. Красовицкой, В. А. Тишкова. М.: Новый хронограф, 2012.
39. Этнография переписи — 2002 / Под ред. Е.И. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: ОАО «Авиаиздат», 2005.
40. Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 2002.
41. *Alesina A .F., Easterly W. et al.* Fractionalization // Harvard Institute Research Working Paper. 2002. № 1959. P. 17–18.
42. *Alesina A., La Ferrara E.* Participation in Heterogeneous Communities // Quarterly Journal of Economics, 2000. V. 115. № 3. August. P. 847–904.
43. Arctic Languages. An Awakening / Ed. By D.R.F. Collins. UNESCO, 1990.
44. *Hirsch Fr.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell U. Press. 2005.
45. *Moseley Ch.* Atlas of the World's Languages in Danger. 3 rd. ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010.

ЧАСТЬ 2
Научная сессия Общего собрания
Отделения историко-филологических наук РАН
«О стратегических направлениях развития
гуманитарных наук»
(12 ноября 2018 г.)

В. А. Тишков

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В РОССИИ¹

Гуманитарные науки — это блок научных знаний о человеке и обществе, к которым относятся, прежде всего, такие комплексные дисциплины, как история (включая археологию и этнологию) и филология (включая лингвистику и литературоведение), а также философия и политология, но две последние вне сферы моей компетенции. Вместе с социальными науками — экономикой, социологией, правом, психологией — этот комплекс составляет круг так называемых общественных наук. Указанное деление довольно условно, некоторые науки трудно отнести к какой-то одной категории, здесь многое зависит от метода, исследовательской задачи и темы.

Можно выделить некоторые отличительные особенности гуманитарных наук:

- необходимость и самостоятельная значимость не только вывода, но и самого описания во многих гуманитарных дисциплинах и, соответственно, специфика научного продукта (монографии, словари, энциклопедии и др.);
- обращённость гуманитарных научных знаний не только к узкому профессиональному сообществу, но и к более широкой аудитории, ибо историю и литературу хотят знать многие, это необходимая часть культурного багажа современного человека, его идентичности;
- большой объём в исследованиях архивных, текстологических, полевых работ (раскопки, этнографические и фольклорные экспедиции, опросы и т. д.);

¹ Данная статья опубликована в конце 2018 г. в журнале «Вестник Российской академии наук» (том 88, № 10)

- первостепенное значение публикации различного рода материалов: архивных документов, памятников письменности, первоисточников и т.д.

Итоги последних десятилетий и общие тренды

В последнее время так называемые междисциплинарные исследования занимают ведущее место, ибо именно на стыке разных дисциплин чаще всего рождается новое знание [Ковальчук, 2011; Лебедев, 2014]. Не приди 40 лет тому назад к археологам в новгородский археологический раскоп лингвист А. А. Зализняк, не состоялись бы многие открытия в чтении берестяных грамот и истории русского языка. Нынешние антропологи, археологи, искусствоведы сотрудничают с биологами, генетиками, медиками, проникая в тайны артефактов, древних текстов, современного языка и мышления человека.

Наши коллеги физики и математики любят шутить по поводу того, что «есть науки естественные и есть неестественные», имея в виду под последними общественные науки. Но должен сказать, что нужны и важны все науки, а не только расширяющие наши знания о природе и законах её развития. В отличие от естественных наук, для которых характерны общемировые тематики и тенденции развития (не существует отдельных российской, французской, немецкой химии или биологии), гуманитарные науки имеют более явную страновую специфику с точки зрения приоритетов и решаемых задач. Но и в области общественных наук присутствует общемировая повестка, ибо человек и производимые им культурные явления носят во многом универсальный характер [Тишков, 2012].

Для России как страны с мировым геополитическим статусом характерен глобальный и универсальный интерес к явлениям общественного развития, эволюции человечества и отдельных обществ и государств, культурным феноменам и процессам. Поэтому, имея в виду научную стратегию, важно не впасть в две крайности: одна из них — глобальные претензии на изучение всего мира с неизбежным ослаблением интереса к отечественной проблематике; другая — изоляционистская позиция, когда во внимание принимается только Россия, а что происходит, к примеру, в Бразилии или Австралии — не наша забота. Тренд российского общественнознания конца XX и начала XXI века — возрастание отечественных приоритетов по причине, утвердившейся в России интеллектуальной свободы, «открытия общества» и его драматичного развития. Кстати, автор этой статьи — далеко не единственный учёный-гуманитарий, перешедший с конца 1980-х годов с зарубежной тематики на российскую, ибо здесь открылись новые возможности, и собственная страна стала интереснее, чем зарубежье. Поворот к отечественной тематике подкреплялся формировавшейся в России в 1990-е годы государственной грантовой политикой, а также более живым запросом власти и общественных институтов на разнообразную аналитику и информацию вместо практиковавшихся в советское время зачастую убогих «записок в инстанции» или рефератов малодоступных зарубежных публика-

ций для незнающих иностранные языки учёных и партийных работников.

Несмотря на кризисные явления начала 1990-х годов и многие сохраняющиеся трудности, прошедшие два-три десятилетия можно оценить как наиболее плодотворный в истории отечественного обществознания период, с которым трудно сравнить какие-либо предшествующие. Достаточно сказать, что в институтах Отделения историко-филологических наук РАН, например, была радикально расширена тематика и увеличено число публикуемых работ, выполнены крупные научные проекты, вошедшие в золотой фонд российской науки. Это открытия в области ранней истории человечества и освоения им Ойкумены (Государственные премии РФ 2004 и 2012 гг.), исследования новгородских древностей и языка (Государственная премия РФ 2009 г.), создание многотомной «Всемирной истории» и исторической энциклопедии (Государственная премия РФ 2014 г.), энциклопедия «Народы и религии мира» и историко-этнографическая серия «Народы и культуры» (Государственные премии РФ 2001 и 2015 гг.), труды в области китаеведения (Государственная премия РФ 2009 г.). Помимо этих работ, нужно назвать фундаментальные труды по истории России, создание корпуса русского языка, академических словарей, подготовку собраний сочинений русских писателей, изучение сибирского фольклора, миноритарных языков, истории религий.

Необходимо признать, что основной объём фундаментальных научных исследований, как это было и в прошлом, выполнялся штатными научными сотрудниками 15 так называемых центральных (Москва и Санкт-Петербург) и примерно 10 региональных (Новосибирск, Екатеринбург, Владивосток, Уфа, Улан-Удэ, Махачкала, Петрозаводск и другие) научно-исследовательских институтов, входящих в состав РАН, с 2013 г. — в систему ФАНО России, а с 2018 г. — в систему вновь созданного Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, и находящихся под научно-методическим руководством профильного отделения РАН. Все эти годы институты с числом научных сотрудников немногим более трёх тысяч имели скромное, но стабильное государственное финансирование и фактически самостоятельно определяли приоритеты и разрабатывали свои научные планы [Наука России в цифрах: 2014. Статистический сборник, 2014]. Конечно, такая система устарела, ибо обладает большой инерционностью и недостаточной ориентированностью на общественный запрос (или так называемый социальный заказ). Однако в тот же период важную роль в развитии и обновлении гуманитарных наук сыграла поддержка со стороны созданного в 1992 г. Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), который в 2016 г. вошёл в состав Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В какой-то мере грантовый отбор научных тем и проектов корректировал низовую научную инициативу, и в этом проявлялось внешнее научное воздействие со стороны экспертов и советов научных фондов [Семёнов, 1996; Воротников, 2004].

В условиях явного бюджетного недофинансирования за эти годы грантовую поддержку получили более 250 тыс. российских учёных-гуманитариев.

К началу 2017 г. было профинансировано более 50 тыс. научных проектов, в том числе: выполнено более 30 тыс. проектов научных исследований; опубликовано в рамках их выполнения свыше 150 тыс. научных статей; проведено около 2,5 тыс. симпозиумов, конференций, семинаров и других научных мероприятий; поддержано около 3 тыс. экспедиций, других полевых исследований; создано более 1 тыс. информационных ресурсов в сети Интернет; издано около 6 тыс. научных книг.

Особенно впечатляет издательская программа в области гуманитарных наук. За 25 лет более 200 российских библиотек бесплатно получили почти 1 млн экземпляров научных книг, изданных при грантовой поддержке. По сути дела, такая поддержка в наиболее сложные времена спасла научное книгоиздание в области социогуманитарных наук. И не только спасла, но и помогла вывести его на новый уровень, ведь для учёных-гуманитариев в большинстве случаев книга — это и единственный способ введения полученного в ходе исследований нового знания в научный оборот, и способ внедрения нового знания в практику. Установленные в последние годы контрольно-финансовыми органами ограничения на тираж и на право продажи изданных по грантам научных книг, на мой взгляд, ошибочны и требуют срочного пересмотра. Научная книга очень редко приносит коммерческую прибыль, она должна продаваться и присутствовать на книжных полках магазинов не один год, отвечая на запросы каждого нового поколения учёных и студентов. По крайней мере, такова практика магазинов научной книги в университетских кампусах мира. В России же система продажи научной книги просто разрушилась, в том числе и из-за неповоротливости издательства «Наука», несмотря на бесспорные заслуги последнего.

С 1998 г. в гуманитарной сфере стали проходить региональные конкурсы РГНФ в соответствии с соглашениями, заключёнными с администрациями и правительствами субъектов Российской Федерации. Эти конкурсы способствуют развитию гуманитарной науки не только в традиционно сложившихся научных центрах, но и по всей стране, они нацеливают учёных на решение проблем региона. Региональные проекты посвящены изучению языков, литератур, культурного наследия народов России, проблемам социального и экономического развития региональных и местных сообществ и способствуют активизации социогуманитарных исследований в субъектах Российской Федерации. Всего за время проведения региональных конкурсов было поддержано более 11 тыс. научных проектов социогуманитарной направленности, на их финансирование выделено более 1 млрд руб. Учитывая, что поддержка региональных проектов, как правило, осуществляется фондом и субъектами Российской Федерации в равных долях, получается, что и из местных бюджетов к финансированию региональной гуманитарной науки была привлечена почти такая же сумма.

Эффективным способом реагирования на запросы общества, включая интересы органов власти, стало проведение целевых конкурсов проектов междисциплинарных исследований. В связи с объявлением 2006 г. Годом гуманитарных наук, культуры и образования — Годом академика Д. С. Ли-

хачёва — был проведён конкурс «Культурное наследие России». 2007 год стал Годом русского языка, и РГНФ провёл тематический конкурс «Русский язык в современном мире». Первый, собственно, целевой конкурс «Россия в условиях мирового кризиса» прошёл в 2009 г. Начиная с 2011 г. целевые конкурсы проводятся ежегодно. За это время в их рамках поддержано 250 научных проектов на общую сумму более 688 млн руб. Среди успешных по своим результатам можно, в частности, назвать конкурсы: «1150 лет российской государственности», «1812 год в истории и культуре России», «Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)», "Творческое наследие М. Ю. Лермонтова и современность", "Россия в 1917 году", "Крым в истории, культуре и экономике России", "Подготовка словарей русского языка различного типа и назначения".

Этот позитивный тренд развития отечественной тематики в сфере гуманитарных наук может и должен получить подкрепление, если не только государство, но и частные лица и компании почувствуют вкус и потребность в поддержке гуманитарного знания, в том числе и такого, которое не приносит прямых и быстрых дивидендов. Пока же спонсоры, дающие деньги на изучение, скажем, русских летописей, фольклорную экспедицию, подводную археологию и что-то подобное, воспринимаются преобладающей частью делового сообщества как щедрые чудики, а не как норма. Приведу один пример. Из почти 40 томов серии "Народы и культуры", посвящённых народам России и сопредельных стран, большинство вышли в свет благодаря поддержке РГНФ — РФФИ, несколько томов о титульных народах российских республик получили поддержку от республиканских властей. А вот труднее всего, оказалось, найти спонсоров на тома "Русские" и "Евреи". В первом случае непонятно было, к кому обращаться за поддержкой: "все за русских, но денег нет"; во втором — труднообъяснимая экономность и внутриеврейские "диспозиции" затянули решение вопроса почти на два года при уже готовой рукописи труда.

Подведу итог. Научная стратегия в развитии гуманитарного знания должна опираться на триединую составляющую: инициативу самих учёных, запрос и поддержку государства и частное спонсирование не только бизнесом, но и институтами гражданского общества, для чего требуется разъяснительная работа [Лебедев, 2014. 506–513]. Нужно убедить потенциальных спонсоров, что дать деньги на научную экспедицию или издание академического труда не менее достойно, чем оплатить гала-концерт или престижный приём.

Сколько и какой гуманитарной науки нужно в современной России?

Отечественная гуманитарная наука с момента её становления развивалась на мультидисциплинарной основе и отличалась всеохватными установками и амбициями, которые во многом были оправданы и подтвержда-

лись реальными достижениями. Достаточно привести примеры комплексных кругосветных экспедиций Академии наук времён Российской империи (И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, О. Е. Коцебу и другие) или советской номенклатуры академических научных институтов общественно-гуманитарного профиля, которая охватывала все основные дисциплины, регионы и страны, а также мировые процессы в целом. Так, в годы краха колониальной системы и рождения десятков новых стран в АН СССР создали Институт Африки, случилась Кубинская революция — появился Институт Латинской Америки, в период войны во Вьетнаме Институт востоковедения получил 100 новых ставок. После 1991 г. сформированная в СССР система НИИ сохранилась как феномен всеохватного интереса с отсылкой на роль страны в мире, отчасти — по инерции. Какие здесь возможны перемены — вопрос важный и явно не предполагающий волюнтаристских решений. Однако, на мой взгляд, в России нет смысла сохранять глобальный фронт гуманитарных исследований в старом советском варианте, но нужно без крайностей изоляционизма скорректировать научные приоритеты вокруг отечественной проблематики и части глобальных проблем, имеющих прямое отношение к национальной безопасности, к обеспечению экономической и культурной конкуренции во внешнем мире.

В области исторических наук это, прежде всего, история России, в области археологии и этнологии — историко-культурное наследие, этническое и религиозное многообразие на территории исторического Российского государства, в области востоковедения — евразийский компонент российского прошлого и настоящего. Корректировка в пользу собственно российской тематики возможна и необходима по всему комплексу гуманитарных дисциплин, конечно, в разумных пределах. Потребность в знании о внешнем мире и о прошлых эпохах человеческой истории должна сохраняться в образовательных целях и в целях внешней политики, российской дипломатии и бизнеса.

В области филологических наук следует поддерживать мировой уровень российской лингвистики, хотя увлечённость структурной лингвистикой проходит, а на передний план выходят современные языковые процессы, языковая политика и так называемая корпусная лингвистика. Нам бы следовало возродить интерес к классическому литературоведению, особенно в том, что касается изучения истории русской литературы и её мирового значения. Нынешние поколения россиян всё меньше «читают и перечитывают классику», как к тому призывает известная передача на телеканале «Культура». Кстати, в планах РФФИ — организация целевых конкурсов, посвящённых творчеству Ф. М. Достоевского, А. М. Горького, В. В. Маяковского.

Особое место с учётом многонациональности нашей страны занимают гуманитарные исследования в республиках Российской Федерации. Здесь почти повсеместно существовали один-два научно-исследовательских института гуманитарного профиля, входивших в систему АН СССР, а позднее — в РАН. Эти коллективы не отличались особо выдающимися достиже-

ниями, но свой скромный хлеб обрабатывали вполне достойно, а самое главное — здесь велась разработка не только локальных проблем, но, что очень важно, и таких, которые имеют общероссийское и даже мировое значение. Ну, скажите, где ещё в мире лучше всего изучать калмыцкий язык и эпос «Джангар», как не в самой Калмыкии? Где ещё возможно полноценное исследование уникального для всего мира языкового разнообразия Дагестана — этой «горы языков», как не в профильном гуманитарном институте Дагестанского научного центра РАН? И так по всем республикам, где сохраняется и изучается историко-культурное наследие народов России как часть мирового культурного достояния. Не говорю уже о том, что республиканские учёные-гуманитарии работают на сохранение языков, традиций и поддержание этнокультурной идентичности титульных народов республик. В то же время их принадлежность к Российской академии наук и связь с её ведущими институтами обеспечивают подготовку кадров учёных, должны научные стандарты и предохраняют от риска впасть в периферийный изоляционизм. Это замечание важно, ибо часть гуманитарных институтов в республиках уже попала под нож проводимой ФАНО России реструктуризации академических научных учреждений.

Какие старые приоритеты стоит сохранять и какие новые можно предложить? Есть ряд так называемых классических дисциплин и научных занятий, требующих постоянной поддержки и развития как бы по самому факту своего существования и российской ответственности за их развитие. Назовём наиболее важные из них:

- исследования в области русской словесности и культуры, языков и культур народов России и общенационального историко-культурного наследия;
- исследования образа жизни, интересов и потребностей, традиций и ценностей жителей страны, жизненных смыслов и стратегий современных россиян;
- основы социальной жизни и организации общества на всех его уровнях — от общенационального до регионального и локального;
- исторический опыт управления и самоуправления культурно сложным обществом;
- условия, механизмы и формы воспитания ответственного гражданина, правовой культуры;
- психологическое состояние общества, гражданская солидарность и согласие.

Достижения по всем этим направлениям различаются с точки зрения уровня разработок, но везде ощущается недостаток в объединении усилий представителей гуманитарных дисциплин вокруг крупных проектов, есть потребность в инновационных исследовательских методиках.

Грантовая политика последних лет и шаги по инвентаризации системы научных учреждений, казалось бы, ориентируют на междисциплинарность,

создание творческих коллективов с охватом, в том числе и вузовской профессуры. От последней требуют научной продукции самого высокого уровня, и за это Минобрнауки России было готово щедро платить, но, к сожалению, не всем, а только вузам-лидерам, избранным для вхождения в число ста ведущих вузов мира. Однако линия поддержки вузовской науки, в том числе за счёт сокращения поддержки академического сектора, вошла в конфликт с установкой на резкое повышение заработной платы профессуры, ибо последнее оказалось возможным только при условии увеличения учебной нагрузки. Не нужно обманываться: нынешние чрезмерные нормы аудиторной занятости преподавателей не оставляют им времени и сил для занятий наукой. К этому добавились разные «укрупнительные» инициативы в университетах, в результате которых стали исчезать классические исторические и филологические факультеты, а также самостоятельные кафедры по научным направлениям, где и делалась вузовская наука.

В итоге вузовская гуманитарная наука в России как была, так и осталась провинциальной, вторичной, ожидаемых прорывов здесь не произошло, кроме хороших показателей четырёх-пяти главных университетов страны, способных привлекать совместителей из академических институтов. Вузовские учёные российской провинции пытаются пробиться в число научных авторитетов, но без среды, контактов, командировок, а самое важное — без продолжительных творческих отпусков — особых сдвигов не произойдёт. Как минимум, каждый пятый учебный год должен быть для вузовских преподавателей свободным от учебных занятий и отведён для научных изысканий. Такова мировая практика, которая никак не утвердится в России. Но даже если произойдёт существенное улучшение качества гуманитарной науки в вузах, что можно только приветствовать, всё равно Российская академия наук и её научно-исследовательские институты останутся главными центрами фундаментальной науки в нашей стране. Именно отсюда и частично от зарубежных коллег исходят научные новации по части тем и методик.

Несмотря на фактически сохранившуюся за 25 лет систему научно-исследовательских институтов в системе РАН и их кадрового и финансового обеспечения, всё же происходит некоторая перегруппировка в соотношении основных обществоведческих дисциплин хотя бы на уровне грантовой научной политики. В этой связи интересные выводы можно сделать из анализа поддержанных за 25 лет деятельности РГНФ проектов по различным областям социогуманитарного знания. Традиционно среди таких проектов особенно высока была доля историко-филологических наук. Так, в 1996 г. по истории, включая археологию и этнографию, было поддержано 31 % от всех профинансированных проектов, по филологии — 20 %, итого — 51 % всех поддержанных проектов были по истории и филологии. В 2004 г. ситуация была следующая: история — 26,6 %, филология — 18,4 %, итого — 45 %. В 2016 г. проекты по истории составили 22 % от числа поддержанных, по филологии — 21 %, итого — 43 %. Как видим, распределение поддержанных проектов историко-филологического блока не остаётся постоянным, но всегда лидировала история, а весь этот блок, оставаясь по-прежнему лиде-

ром, несколько уступил свои позиции и уже не дотягивает до 50 % в общем количестве предоставленных грантов.

Кстати, уменьшилась и доля одобренных проектов по комплексу наук, объединяемых обычно под рубрикой «общественные науки» (с 23,1 % в 1996 г. до 19 % в 2016 г.). Зато значительно увеличилась поддержка грантов по блоку наук, объединяющему психологию, педагогику и комплексное изучение человека (с 8,5 % в 1996 г. до 19 % в 2016 г.). Доля экономических наук выросла не так значительно (с 12,5 % в 1996 г. до 15 % в 2016 г.). Возникло новое направление, по которому поддерживаются научные проекты, — «глобальные проблемы и международные отношения», однако их доля невелика: в 2016 г. всего 2 %.

Анализируя приведённые цифры, конечно, вряд ли правильно будет делать окончательные выводы о каком-то глобальном переструктурировании поля гуманитарных наук. Но всё же можно отметить одну тенденцию, подтверждаемую, кстати, и наблюдениями других исследователей: повышается интерес к тем сферам социогуманитарного знания, которые предполагают более короткий путь от фундаментальных разработок к их прикладному использованию. Таковыми, без сомнения, являются психология, педагогика, социальные проблемы здоровья и экологии человека, экономика. Не берусь оценивать эту тенденцию, однако, судя по всему, это общее веяние времени, выражаемое кратко словом «прагматизм».

Признавая первичность инициативы самих учёных, рискну предложить перечень перспективных тем и приоритетов в области социогуманитарных наук.

1. Исследование феномена коллективной и личностной идентичности россиян, включающей в себя такие составляющие, как чувство сопричастности с Родиной, понятие общественного блага, ответственности за собственные здоровье и семью, соблюдение прав и обязанностей.
2. Проблема жизненных приоритетов и смыслов разных возрастных категорий и социальных групп с учётом не только прошлого опыта и традиций, но и современных ценностей и интересов.
3. Пространственное развитие российской нации с учётом географического и хозяйственного факторов, исторического опыта освоения природных ландшафтов и ресурсов, а также динамики этнического состава и миграции населения.
4. Проблема индоктринации и рекрутирования представителей разных групп, возрастов и национальностей в радикальные идеологии и общественные практики как условие для проявления экстремистского насилия, включая терроризм.
5. Проблема «культурных пригородов» в виде районов массовой застройки с отсутствием форм социального контроля, общественной самоорганизации и чувства жизненной удовлетворённости.
6. Грозящие конфликты на основе культурных и социальных различий между старожильческим населением посёлков и деревень и населением новых мегаполисов.

7. Проблема сохранения природной и исторической среды обитания, культурной памяти, сакральных мест в условиях рыночной экономики и частной собственности на землю и ресурсы.

Это очень широкие темы, разработка которых невозможна без участия экономистов, социологов, политологов и специалистов других направлений, научные интересы которых лежат за пределами сугубо гуманитарных дисциплин.

Институциональное обеспечение развития гуманитарного знания

В этой области существуют серьёзные проблемы, и самая главная из них — разрушение профессиональных стандартов, нравственно-этических норм и ответственных межличностных отношений в среде научных работников и профессорско-преподавательского состава. В сферу образования и науки, не изжив практики старого советского так называемого номенклатурно-телефонного права, агрессивно внедрились коммерческо-денежные интересы и погоня за научными степенями (к сожалению, преимущественно в области социальных и гуманитарных наук) со стороны «людей с ресурсами», амбициозных и полукриминальных личностей.

Научное сообщество не смогло выстроить барьеры этому явлению, а часть его представителей сами приняли участие в изготовлении учебных и научных работ «на заказ», в «остепенении» чиновничьей братии. До последнего времени не было никаких ограничителей для госслужащих и других влиятельных лиц на приобретение (покупку) степени и звания. Предыдущий руководитель верхней палаты российского парламента как-то хвастался, что три четверти сенаторов имеют научные степени и звания, поэтому особой нужды в научном обеспечении своей деятельности такой сенат не имеет! Проблема недостаточной компетенции при выработке политических решений не входит в задачу данной статьи, но такая проблема, безусловно, существует.

Длительное существование своеобразной формы академической коррупции, особенно в вузовской среде и в части академических институтов, привело к воспроизводству поколения малоквалифицированных представителей научной интеллигенции, деградации представлений о научности как таковой и научной этике. Это новое кризисное явление усугубило старые проблемы организации гуманитарных исследований: наличие в кадровом составе значительного числа малопродуктивных и даже неспособных к науке работников институтов и вузов, инерция в исследовательской деятельности, отсутствие инициативы в поиске источников и заказчиков-потребителей научных результатов. По Институту этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, которым я руководил 26 лет, могу сказать с уверенностью, что примерно треть научных сотрудников утратила способность или прекратила свою научную деятельность, ещё треть довольствуется ми-

нимальными показателями, и лишь на оставшуюся треть приходится основной объём значимых научных результатов. Всякие разговоры, что для научных «звёзд» нужен «бульон» из середняков и слабых, несостоятельны, скорее они носят оправдательный характер. Может быть, в каких-то учреждениях этот балласт не так велик, но проблема научных коллективов как своего рода «собеса», где можно годами жить за счёт других, остаётся. Возможно, она самая главная, ибо отсюда проистекают уравниловка и недоплата тем, кто заслуживает большего. Пока проводимое ФАНО кадровое обновление институтов и вузов этой проблемы никак не касается. Одним из вариантов её решения могут быть своего рода «научные пенсии» для уходящих в отставку работников и более четкие квалификационные требования. Печально известные «ПРНД» в научных учреждениях не работают, а придуманные кабинетными умниками новые показатели носят ещё более неадекватный характер. Как раз самые нерадивые и ловкие оказываются первыми по разным формальным показателям, проплатив в том числе для себя даже «зачётные» публикации.

Инициативы последних четырёх лет по реорганизации академической науки мало что дали российским гуманитариям: балласт (малопродуктивные и фактически неработающие люди в науке) не был затронут реорганизацией институтов, проникновение случайных людей и их «остепенение» не прекратилось, морально-нравственный климат в системе научных сообществ не стал чище. Ко всему этому добавилась растущая индустрия изготовления платных публикаций и надувания наукометрических показателей, в чём опять в большой степени отличились именно гуманитарные науки. Оказавшиеся в списке рейтинговых, по сути, «мусорные» журналы (за давние заслуги или за громкие имена на титулах) стали пухнуть от денежных заказов на публикацию статей, но так и остались низкопробными изданиями. Качественные научные журналы, где есть обязательное анонимное рецензирование и где работают редакционные коллегии, вынуждены тратить массу усилий, чтобы попасть в эти престижные списки без лоббистских усилий.

Или другая болезненная проблема: вдруг выясняется, что интернет-версия журнала невозможна, ибо сам он когда-то и кем-то был продан коммерческой фирме, которой важно не донести знание до специалистов, а продать побольше подписных экземпляров. Такова, например, история с компанией «Ист-Вью пабликейшн», которая подобрала под себя зарубежную подписку научных журналов и в запутанном тандеме с издательствами «Наука» и «Плеядес паблишинг» лишила издательских прав научные институты, создавшие эти журналы и обеспечивающие их работу поныне. Приведу в качестве примера некогда главный академический журнал историков «Вопросы истории», который 25 лет тому назад приватизировал коллектив редакции и который превратился в хилый семейный междусобойчик, но пребывает в списке Web of Science за свою давнюю славную историю. Теперь, благодаря платным статьям, денежные дела у журнала пошли в гору, но никак не в смысле научного уровня публикаций.

Невиданная вещь стала твориться в науке: теперь статьями по гуманитарным наукам могут считаться тексты в 3–5 страниц, лишь бы были ключевые слова, английское резюме и список литературы. В одном из таких новомусорных журналов по этносоциальным проблемам я обнаружил в каждой из статей в списке литературы работы главного редактора журнала, и так — из номера в номер и независимо от темы! Это явный пример паразитической системы «выращивания» наукометрических показателей. Но сам журнал тронуть трудно: на самом вершине в председателях попечительского совета стоит такая фамилия, что лучше не связываться.

Вынужден отметить, что в России в самые последние годы наблюдается падение престижа учёных-гуманитариев, пренебрежение профессиональным знанием, расцветает паранаука и эзотерические, антинаучные конструкции и намеренные фальсификации [Тиликов, 2011]. Политики и пропагандисты не выдерживают искушения так называемым презентизмом, проявляющимся в формулировании и навязывании таких концепций и оценок истории и явлений культуры, которые годятся на потребу дня и совсем необязательно находятся в согласии с наукой. Миф объявляется истиной, если в него уверовали конструкторы субъективных предписаний и вместе с ними — массовый потребитель. Обращение к подлинности считается ненужным и даже вредным.

Принятые отечественной наукой концепции истории России подвергаются ревизии со стороны внешних политизированных интерпретаторов русофобской направленности и внутренних неопитов разного толка — от ультраконсервативных активистов до авторов сугубо скандальной направленности. Объясните мне, зачем крупному российскому издательству публиковать книгу некоего Понасенкова с бредовой версией истории Отечественной войны 1812 года? Если с целью заработать копейку на скандальности, то это очень плохо, если же по причине некомпетентного отбора — тогда ещё хуже. Создаётся впечатление, что российские издатели перестали заботиться о репутации и воздействии своей продукции на мораль, психику и компетенции россиян, главное для них — продать и заработать.

Уже три десятилетия полки наших книжных магазинов заставлены историческими «трудами» с золотыми обрезками, авторы которых намеренно выступают разрушителями научно-академических взглядов на историю, сочиняют эзотерические версии происхождения человека, человечества и отдельных народов, не гнушаясь расизмом и экстремистскими трактовками. Эта антинаучная муть по своему вредному воздействию на читающих граждан мало чем отличается от антироссийских фальсификаций, вызывающих справедливое осуждение общественности. На наших глазах популярные ненавистники России типа Т. Снайдера и Э. Аппелбаум натаскивают нынешнее поколение западной молодёжи на полную ревизию фундаментальных научных версий истории XX столетия. Мало чем отличаются по своей антинаучной заданности и отечественные реабилитаторы Сталина и массовых репрессий или создатели ореола святости вокруг российской монархии. В такой ситуации профессиональных гуманитариев зачастую охватывает чувство безыс-

ходности и желание закрыться в академических «башнях из слоновой кости», что, по сути, является ошибочной позицией.

Нынешняя ситуация в российской гуманитарной науке требует программы мер концептуально-теоретического, институционального, научно-организационного характера. Среди них можно предложить следующие:

1. Поднять престиж важнейших направлений социально-гуманитарных наук, включив некоторые из них в перечень соответствующих важнейших научных направлений, утверждённых на уровне государства.
2. Провести общественные дискуссии и выработать разделяемые научным сообществом нормы и подходы к критериям научности и профессионализма в области гуманитарных наук.
3. Выработать качественные и репутационные критерии в оценке эффективности деятельности исследовательских институтов, групп, отдельных ученых в области гуманитарных наук.
4. Провести реформу ВАК, обновить советы по присуждению учёных степеней и выполнить внешнюю экспертизу правомочности вузов самостоятельно присуждать учёные степени.
5. Принять более строгие критерии для учреждения научных изданий и их включения в так называемый список ВАК, а также условия и критерии для грантовой поддержки и проведения конференций в области социально-гуманитарных наук.
6. Повысить персональные требования к учёным и их ответственность за подготовку диссертаций, отзывов о работах, рецензирование публикаций и оценку грантовых заявок.
7. Снять излишние бюрократические ограничения по части условий расходования средств, отчётности и реализации итогов выполненных по грантам исследований.

Но самое важное предложение — хотя бы частично отыграть назад дискриминационную политику в отношении академических научно-исследовательских институтов, которые и без того отстали от вузовской профессуры по части оплаты труда, а за последние четыре года пережили сокращение доли и в грантовых субсидиях. Применительно к социогуманитарным наукам в 1996 г. доля выполняемых в институтах РАН и других государственных академий наук проектов составила 54 % от всех поддержанных. В 2013 г. она снизилась до 52 %, а в 2016 г. — 26,3 %. В вузах (включая МГУ) в 1996 г. выполнялось 20 % поддержанных проектов, в 2013 г. — 33 %, а в 2016 г. — 53 %. Здесь налицо резкий рост числа и объёма финансирования выполняемых в вузах проектов и драматическое сокращение числа проектов, выполняемых учёными академических институтов, причём именно в последние три года (с 52 % в 2013 г. до 26,3 % в 2016 г.). Некоторые полагают, что это всего лишь последствия слияния двух фондов, но мне представляется, что без намеренных установок и настроений экспертов здесь дело не обошлось, и эту не-

благоприятную для академических учёных ситуацию следует исправить.

Хотя всё высказанное отражает мою личную позицию как учёного, смею надеяться, что предложенный анализ ситуации станет предметом обсуждения и поводом для возможных корректив в области отечественной научной стратегии².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воротников Ю. Л.* Российский гуманитарный научный фонд: 10 лет в системе государственной поддержки гуманитарных исследований // Благий фонд, благое дело. К 10-летию Российского гуманитарного научного фонда. М.: РГНФ, 2004.
2. *Ковальчук М. В.* Наука и жизнь: моя конвергенция. Т. 1. М.: ИКЦ «Академкнига», 2011.
3. *Лебедев С. А.* Основные модели развития научного знания // Вестник РАН. 2014. № 6. С. 506–513.
4. Наука России в цифрах: 2014. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 2014.
5. *Семёнов Е. В.* Явь и грёзы российской науки. М.: Наука, 1996.
6. *Тишков В. А.* Новая историческая культура. М.: Изд-во МГОУ, 2011.
7. *Тишков В. А.* О пользе гуманитарного знания // Независимая газета. 2012. 12 сентября.

² Исследование поддержано грантом РНФ, проект № 14–18–03090

С. П. Карпов

**ВИЗАНТИЯ И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XIII–XV ВВ.:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Изучение истории Византии и Причерноморья в XIII–XV вв. имеет особое значение как для всемирной истории, так и для истории Отечества. Именно в этот период произошли кардинальные изменения во всей политической карте Европы, связанные с образованием монголо-татарских империй и борьбой государств Восточной Европы за независимость от ордынского ига. Упадку Византии и османскому натиску сопутствовало более глубокое усвоение византийского культурного наследия как на Востоке, так и на Западе Европы. Новые реалии экономической жизни Европы были связаны с появлением новых форм предпринимательства, банков и торговых факторий итальянских морских республик, открытием новых путей из Европы к рынкам Востока, проходящих именно через порты Причерноморья. Документы итальянских архивов того времени представляют первостепенный интерес, приоткрывая завесу непознанного в истории государств Руси/России, архивы которой серьёзно пострадали в годы татаро-монгольских завоеваний, смут и пожаров той эпохи. Именно фонды архивов Венеции, Генуи, других итальянских городов сохранили ценнейшие свидетельства жизни возникших ещё в XIII столетии факторий, осуществлявших интенсивный товарообмен Запада и Востока, Севера и Юга, равно как и данные по политической, экономической и культурной истории обширного ареала Евразии, недоступные и неизвестные из других источников. Изучением именно этих проблем занимается коллектив Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, труды которой, а также сотрудничающих с ней ученых в рамках общих исследовательских проектов РНФ за последние годы, я и представляю здесь.

Прежде всего, важно отметить коренной методологический принцип и специфику подходов к теме в работе коллектива: это комплексное изучение истории региона, во взаимосвязи всех его областей с учётом их политической, экономической и культурной взаимодополняемости. Ключом к пониманию происходящих процессов является историческая эволюция XIII–XV вв., когда Причерноморье превратилось из относительно замкнутого византийского бассейна в перекресток мировой торговли, контролируемой итальянскими морскими республиками. В регионе происходили сложные этнические процессы, сам он был своего рода плавильным котлом цивилизаций. В итоге на берегах Крыма, где итальянские фактории особенно тесно соприкасались с ордынскими владениями, появлялся новый синкретический стиль в культуре, новые формы организации жизни.

Часто эти феномены определяются в терминах колониализма [Khvalkov, 2018], что не совсем верно, ибо средневековую колонизацию, со всеми её негативными и позитивными проявлениями, необходимо отличать от колониализма нового времени. Это разные концепты. В качестве примера укажу на характер отношений «латинских» колонистов-предпринимателей с местным населением и Византии, и Крыма. Местное предпринимательство не исчезало вовсе, но его носители становились младшими партнерами генуэзцев или венецианцев, обслуживали большую международную торговлю, в которую были вовлечены разные этносы. Греки и армяне, к примеру, участвовали в коммерческих сделках, были владельцами небольших судов, обеспечивавших фрахт, служили в иррегулярных воинских отрядах, где именовались «социями» и «стипендиариями», казаками и «оргузиями». Мусульмане были, напротив, «внешними» торговыми партнерами или, если речь шла о подданных хана, «ханлюками» на подчиненных генуэзцам землях, находились под опекой генуэзцев, подчиняясь статутам и правилам факторий. Возникает интересная проблемам «двойного суверенитета» самих факторий и его эволюции. Находясь на территории Орды на основании договоров с её правителями, итальянские колонисты признавали верховную власть хана, но сохраняли коммунальные привилегии городов (как Каффа или Солдайя) и поселений, живших по римскому/городскому праву Италии [Карпов, 2003, 2009].

В XIII–XV вв. происходили серьезные экономические сдвиги, затрагивающие весь европейский регион. Многие из них были связаны именно с регионом Причерноморья, откуда поставлялись важнейшие для экономики городов Западной и Центральной Европы товары и где, в частности, и начинался знаменитый кризис середины XIV столетия [Карпов, 1999; Карпов, 2015; 2016 б; Карпов, 2017 б]. Поэтому пристальное внимание исследователей привлечено к проблемам экономической истории, истории торговли, бухгалтерии и банковского дела [Карпов, Ryabova, 2017; Ryabova, 2018; Нестерова, 2018], навигации [Карпов, 2019], денежного обращения (с применением новых методик квантитативной нумизматики) [Пономарев, 2011]. Одним из аспектов является история работорговли, ее эволюции, ее масштабов, этнического состава рабов, облика работорговцев [Карпов, 2014; Карпов, 2017б]. Наконец, первостепенное значение имеет изучение самих государств и факторий Причерноморья, в частности Трапезундской империи [Карпов, 2017а], Таны [Карпов, 2009, 2015а, 2016; Карпов, 2017], Каффы [Бочаров, 1998, Пономарев, 2000; Мыц, 2009, Еманов, 2018, Джанов, 2018], других факторий, составлявших ядро так называемой Генуэзской Газарии [Генуэзская Газария, 2015; Бочаров, 2015, 2017, 2017б]. Изучение истории городов и поселений Крыма проводится ныне в сопоставлении письменных источников с данными картографии, топографии и археологии [Бочаров, 2015б, 2015в, 2017в; Фоменко, 2007]. Введен в научный оборот большой комплекс составленных в городах Причерноморья, прежде всего — в Каффе, генуэзских нотариальных актов. Это было осуществлено в сотрудничестве итальянских архивистов и сотрудников Лаборатории

истории Причерноморья и Византии в средние века МГУ [Причерноморье, 2018]. Результаты обработки венецианских нотариальных грамот позволили восстановить сложную этническую, социальную и топографическую историю Таны (Азова) [Карпов, 2001, 2015б; Khvalkov, 2016]. Подготовлен в соответствии с международными стандартами издания «Корпуса источников по истории Византии» (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, CFHB) греческий текст и комментированный русский перевод «Трапезундской хроники» Михаила Панарета по рукописи, хранящейся в венецианской библиотеке Марчиана [Панарет, 2019].

Другой регион Средиземноморья — Кипр, где существовало управляемое французской династией Лузиньянов независимое королевство со своей необычной синкретической культурой и широкими международными связями — исследовался С. В. Близнюк [Близнюк, 2016; 2016б, 2017, 2018а, Близнюк, 2016], подготовившей также и публикацию на русском языке основного источника по истории этого королевства — «Хроники» Леонтия Махеры [Близнюк, 2018б].

Р. М. Шукуров исследовал проблему многоязычия в Византии (IV–XV вв.) и степень его распространения в интеллектуальной среде и в обыденной жизни империи ромеев [Шукуров, 2017б]. Им был издан новаторский труд о тюрках в византийском мире, а также разрабатывается еще более глобальная тема — «Византия и Азия в XI–XV вв.: очерки гибели цивилизации», которой посвящена ныне подготовленная им монография [Шукуров, 2017, 2019; Shukurov, 2016]. Другая связанная с этими сюжетами тема — происходящие в Золотой Орде процессы социальной трансформации, кризисные явления и образование нового государства — Крымского ханства. Это исследовалось на основании новых, не введенных ранее в научный оборот, документальных источников итальянских архивов [Пономарев, 2013, 2014; Карпов, 2018].

Все указанные результаты достигнуты в значительной мере благодаря новым методикам исследования, основанным на создании и подготовке больших и комплексных баз данных и тщательной верификации информации.

Переходя к собственно византийским сюжетам, следует отметить исследование среднегреческой риторики [Крюков, 2011, 2017], хронологических систем, эсхатологии [Кузенков, 2015; Грацианский, Кузенков, 2018; Заболотный, Кузенков, 2018], византийско-русских отношений X–XII вв., роли и места в них Афона и Херсонеса Таврического [Кузенков, 2011, 2012, 2015б, 2016, 2016б], а для более ранних периодов — сферы церковных отношений Византии и папства. М. В. Грацианский, в частности, показал, что развитие идеи папского примата протекало в борьбе с доминировавшим в Римской империи позднеантичного периода церковно-правовым строем и общепринятой практикой, согласно которой император осуществлял координирующую роль в жизни церкви [Грацианский, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018; Грацианский, Кузенков, 2018]. Изучая императорский культ в поздней античности и раннем Средневековье, Е. А. Заболотный доказал, что встречаю-

щееся в христианской экзегезе сопоставление Христа и Октавиана Августа вызвано не только распространенной типологией небесного и земного царя, но и взаимодействием христианских и языческих идей, в частности — развитием в Римской империи персидского культа непобедимого солнца (*sol invictus*), представлением о Христе как о «Солнце правды» [Заболотный, 2017].

Важнейшее значение имеет изучение истории академической науки. Ей, в частности знаменитой научной экспедиции в Трапезунд в 1916–1917 гг. под руководством академика Ф. И. Успенского, были посвящены созданные на основе архивных материалов работы А. Г. Цыпкиной [Цыпкина, 2015, 2016а, 2016 б, 2016в, 2017а, 2017б, 2018а, 2018б; Захарова, Цыпкина, 2016].

Перспективами работ на будущее является продолжение комплексного изучения фондов итальянских и иных архивов, относящихся к истории Причерноморья и к «россике» в широком смысле слова. Благодаря многолетнему и целенаправленному труду мы знаем теперь, где и как искать необходимые материалы. В частности, необходимы продолжение работы по изучению массарий Каффы в Генуэзском архиве, научная обработка и издание актов венецианских нотариев, трудившихся в Тане (Николо Натале, Пьетро Пеллакан, Нассумбене Скарена и др.), исследование фонда сохранившихся завещаний купцов, изучение греческих рукописей в отечественных и зарубежных собраниях, составление максимально полного реестра археологических памятников средневекового Крыма и Приазовья. Важно провести специальную работу по поиску материалов, относящихся к Причерноморью, в актах нотариев, работавших не только в факториях Крыма, в Тане или Трапезунде, но и в самих метрополиях, в Венеции и Генуе. Среди таких документов (как, например, это продемонстрировал зондаж картуляриев генуэзского нотариуса Томмазо Казановы XIV в.) содержатся ценнейшие сведения о торговых связях региона, о политических событиях, о ремесле, работоторговле и т. д. Но таких актов — десятки тысяч, и их исследование требует и времени, и ресурсов.

В применении к истории ранней Византии нельзя не отметить преобладание в современной историографии своего рода «инструментализма», ухода в частные, узкие темы с подчеркнутым иногда презрением к комплексности и проблемности исследования. Мне представляется, что подобную тенденцию можно и нужно преодолевать системным анализом фактов, событий, реалий.

Положительные результаты исследований, отмеченные выше, были достигнуты именно благодаря планомерной работе в архивах, созданию больших баз данных и их верификации, полевым исследованиям. Значительных ресурсов требует подготовка кадров палеографов, источниковедов, владеющих специальными приемами работы с древними языками и специфическими источниками, нумизматов, археологов. Всё это возможно как в результате прямого бюджетного финансирования работы научных коллективов, так и особенно благодаря поддержке грантами исследовательских проектов, одним из которых был и наш — «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» (грант

Российского научного фонда № 14–28–00213). Хотелось бы отметить, что грантовая поддержка именно долгосрочных и перспективных научных проектов в настоящее время — залог научного успеха в гуманитарной сфере. Это создаёт основу для формирования и развития научных школ, является своего рода «инкубатором», в котором в сотрудничестве с маститыми учеными зреет мастерство молодых исследователей. Продолжение такой поддержки — условие успеха и гарантия значимых для российской и мировой науки результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Близнюк С. В.* Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М., 2016а.
2. *Близнюк С. В.* Что читали киприоты в 14–15 вв. // *Византийский временник* 2016 б. Т. 74 (99). С. 148–162.
3. *Близнюк С. В.* Живописный портрет короля Кипра Гуго IV Лузиньяна (1324–1359): вопросы и гипотезы к миниатюре из рукописи BSB. Clm. 10268. Michael Scotus. f. 1r. // *Византийский временник* 2017. Т. 101. С. 213–222.
4. *Близнюк С. В.* Ремесло и ремесленники на Кипре в XIII–XV вв. // *Античная древность и Средние века* 2018а. Т. 46. С. 206–224.
5. *Близнюк С. В.* Леонтий Махера и его хроника «Повесть о слажкой земле Кипр». М., 2018 б.
6. *Бочаров С. Г.* Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV вв.) // *Причерноморье в средние века*. М., 1998. Вып. 3. С. 82–116.
7. *Бочаров С. Г.* Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро в XIV–XV вв. // *Причерноморье в средние века*. М., 2015а. Вып. 9. С. 127–147.
8. *Бочаров С. Г.* Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV — первая половина XV вв.) // *Исторический журнал: научные исследования*. 2015б. № 6 (30). С. 703–708.
9. *Бочаров С. Г.* Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато // *Stratum Plus*. 2015в. № 6. С. 305–317.
10. *Бочаров С. Г.* Фортификация генуэзских городов Крыма // *Вопросы истории фортификации*. 2017. Вып. 6. С. 106–111.
11. *Бочаров С. Г.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское // *Поволжская археология* 2017. № 2. С. 204–223.
12. *Бочаров С. Г.* Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове // *Поволжская Археология*. 2017. № 4. С. 81–98.
13. *Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde / Под ред. С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдикова.* Казань-Симферополь-Кишинев, 2015.
14. *Грацианский М. В.* Возникновение и развитие концепции папского примата в I–V вв. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия*. 2014. № 2 (52). С. 9–29.

15. *Грацианский М. В.* Дело Иоанна Талаи и начало «акакианской схизмы» (484 г.) // *Византийский временник*. 2015. Т. 74 (99). С. 31–46.
16. *Грацианский М. В.* «Акакианская» или всё же «феликианская» схизма? Проблема обоснованности одного историографического клише // *Византийский временник*. 2016. Т. 100. С. 44–63.
17. *Грацианский М. В.* Властные прерогативы римской кафедры в пределах Италии в понтификат Льва Великого (440–461) // *Византийский временник*. 2017. Т. 101. С. 57–75.
18. *Грацианский М. В.* Борьба римского папы Льва Великого за церковное первенство в контексте восточных Соборов и императорской церковной политики // *Византийский временник* 2018 Т. 102. С. 45–70.
19. *Грацианский М. В., Кузенков П. В.* Папа Лев Великий и пасхалистические споры середины V века в контексте межцерковных и церковно-государственных отношений // *Византийский временник* 2018. Т. 101. С. 71–95.
20. *Джанов А. В.* Каффа и Крым во второй половине XIV в. (преимущественно по данным книг массарии Каффы) // *Сугдейський збірник*. Киев, 2018. Вып. 1 (VII). С. 44–303.
21. *Еманов А. Г.* Между полярной звездой и полуденным солнцем. Кафа в мировой торговле XIII–XV веков. СПб., 2018.
22. *Заболотный Е. А.* Sol Invictus и римский император: к вопросу о прообразах Христа в экзегезе Ефрема Сирина // *Византийский временник*. 2017. Т. 101. С. 76–94.
23. *Заболотный Е. А., Кузенков П. В.* Хронология в «Откровении» Псевдо-Мефодия Патарского // *Византийский временник*. 2018. Т. 102. С. 156–169.
24. *Захарова А. В., Цыпкина А. Г.* Малоизвестные росписи трапезундских храмов по материалам экспедиции Ф. И. Успенского 1916–1917 гг. // *Византийский временник*, 2016, Т. 100. С. 178–196.
25. *Карпов С. П.* Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики* / Отв. ред. акад. Г. Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220–238.
26. *Карпов С. П.* Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–60 гг.) // *Причерноморье в Средние века* Вып.5. М.–СПб, 2001. С. 9–26.
27. *Карпов С. П.* Гражданский статус и этнический состав населения итальянских факторий Причерноморья в XIV–XV вв. // *От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь профессора Л. М. Брагиной*. СПб., 2003. С. 36–42.
28. *Карпов С. П.* Греки и латиняне в венецианской Тане (середина XIV — середина XV вв.) // *Причерноморье в средние века* Вып.7. М.–СПб, 2009. С. 164–173.
29. *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // *Причерноморье в Средние века*. Вып. 9. СПб., 2015а. С. 8–43.
30. *Карпов С. П.* Корпус завещаний венецианского нотариуса Бенедетто Бьянко как источник по истории Таны в середине XIV в. // *Византийский Временник*. 2015 б. Т.74 (99). С. 139–148.
31. *Карпов С.П.* Modus vivendi жителей венецианской фактории в Тане (Азове) в XIV–XV вв. // *Российская история*. 2016а. № 3. С. 27–32.
32. *Карпов С. П.* Тана — колыбель Кризиса середины XIV века // *Stratum plus*. 2016 б. N 6. С. 203–214.

33. Карпов С. П. История Трапезундской империи. Второе издание, исправленное и дополненное. СПб: Алетей, 2017а.
34. Карпов С. П. Работоторговля в Тане в XIV–XV вв. (преимущественно по данным венецианских нотариальных источников) // Византийский временник. 101. 2017 б. С. 98–113.
35. Карпов С. П. Начало смуты в Орде и переворот Навруза // Золотоордынское обозрение, 2018. Т. 6. № 3. С. 528–536.
36. Крюков А. М. Византийцы и русские в сфере искусства проповеди (на примере поучений Михаила Хониата и Серапиона Владимирского) // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов. М.; СПб, 2011. С. 139–160.
37. Крюков А. М. Кодекс 62 Великой школы нации: состав и вероятное происхождение // Византийский временник. 2017. Т. 101. С. 188–202.
38. Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 году // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб., 2011. С. 7–35.
39. Кузенков П. В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник, 2012. № 1. С. 54–99.
40. Кузенков П. В. Христианские хронологические системы. М., 2015а.
41. Кузенков П. В. Топография походов руси на Константинополь // Византийский временник, 2015 б. Т.99, С. 83–101.
42. Кузенков П. В. Росон–Русик–Росикон: из истории названия Русского монастыря на Афоне // Византийские очерки. СПб., 2016а. С. 111–119.
43. Кузенков П. В. «Русский вектор» византийской политики при Романе IV Диогене и Михаиле VII Дуке (К гипотезе академика В. Г. Васильевского) // Византийский временник, 2016 б. Т. 100, С. 254–278.
44. Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
45. Нестерова Е. Р. Некоторые аспекты евразийской торговли накануне и в ранний период установления монгольского владычества в Китае (по данным «Описания всех дальних земель» Чжао Жугуа и «Книги о разнообразии мира» Марко Поло) Средние века. 2018. Вып. 79 (3). С. 148–179.
46. Панарет Михаил. О Великих Комнинах (Трапезундская Хроника). Критическое издание и перевод под ред. акад. РАН С. П. Карпова. Введение С. П. Карпова, Издание греческого текста А. М. Крюкова. Перевод и комментарии С. П. Карпова и Р. М. Шукурова. Санкт-Петербург, «Алетейя», 2019.
47. Пономарев А. Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги — массарии казначейства за 1381–1382 г. // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М.–СПб., 2000. Т. 4. С. 317–443.
48. Пономарев А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011.
49. Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
50. Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1 (3). С. 128–162; 2014. № 2 (4). С. 191–225.
51. Причерноморье в средние века. Вып. 10. Акты генуэзских нотариев, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / под

- ред. С. П. Карпова. Составители: М. Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. СПб, 2018.
52. *Фоменко И. К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье XIII–XVII вв. М., 2007.
53. *Цыпкина А. Г.* Трапезундская научная экспедиция 1916–17 гг.: новые архивные материалы // Причерноморье в Средние века. Вып. 9. СПб., 2015. С. 212–237.
54. *Цыпкина А. Г.* Изобразительные материалы Трапезундской экспедиции: предварительный обзор и опыт характеристики // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ, № 5, 2016а, С. 280–236.
55. *Цыпкина А. Г.* Описание материалов трапезундской экспедиции Ф. И. Успенского (1916–1917) // Византийский временник, Т. 75 (100), 2016 б, С. 197–212.
56. *Цыпкина А. Г.* Трапезундская экспедиция (1916–1917) и археологические общества // Вестник Московского университета. Серия 8: История, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2016в, Т. 4, С. 64–80.
57. *Цыпкина А. Г.* «Прибыл в Трапезунт на миноносце...» Записная книжка академика Ф. И. Успенского. 1916 г // Исторический архив, 2017а, № 3, С. 158–181; 2017а, № 4, С. 123–159.
58. *Цыпкина А. Г.* О планах русских археологических исследований на Востоке // Вестник Московского университета. Серия 8: История, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2017 б, № 1, С. 77–89.
59. *Цыпкина А. Г.* Мастера российской историографии: Фёдор Иванович Успенский (1845–1928) // Исторический архив, 2018а, № 1, С. 62–77.
60. *Цыпкина А. Г.* «...Вы и впредь не оставите Институт своим сочувствием». Документы фонда графини П. С. Уваровой как источник по истории российского византиноведения: письма академика Ф. И. Успенского // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России, М., 2018 б, С. 372–380.
61. *Шукуров Р. М.* Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017а.
62. *Шукуров Р. М.* Многоязычие в Византии (IV–XV вв.) // Византийский временник 2017 б. Т. 101. С. 15–41.
63. *Шукуров Р. М.* Византия и Азия в XI–XV вв.: очерки гибели цивилизации. М., 2019 (в печати).
64. *Bliznyuk S. V.* A «Sacral» Budget of Genoese Famagusta // Actes of the International Congress «Sacrum in the City: Cultural, Religious and Social Aspects», Krakow, 25–27 November, 2015. Krakow, 2016. P. 53–62.
65. *Karpov S. P.* Schiavitù e servaggio nell'economia europea. Secc. XI–XVIII // Schiavitù e servaggio nell'economia europea. Secc. XI–XVIII. Serfdom and Slavery in the European Economy 11th–18th Centuries. Atti della «Quarantacinquesima Settimana di Studi» 14–18 aprile 2013. Fondazione Istituto Int. di Storia Economica «F. Datini», Prato/ A cura di S. Cavaciocchi. Firenze, 2014. P. 3–10.
66. *Karpov S. P.* La Tana Veneziana. Vita economica e rapporti sociali: le tentativi di superare la grande crisi della metà del Trecento // Rapporti mediterranei, pratiche documentarie, presenze veneziane: le reti economiche e culturali (XIV–XVI sec.) / A cura di G. Ortalli e A. Sopracasa. Venezia, 2017. P. 237–251.
67. *Karpov S.* What is a ciguda/ciguta? On the Venetian navigation in the Azov Sea area in the fourteenth–fifteenth centuries // Crusading and Trading between West and East.

- Studies in Honour of David Jacoby / edited by S. Menache, B. Z. Kedar and M. Balard. London; NY: Routledge, 2019. P. 284–288.
68. *Karpov S., Ryabova M.* Libri contabili della fraterna Soranzo nell'Archivio di Stato di Venezia // *Thesaurismata*, № 45 (2015): Studi in onore di Maria Francesca Tiepolo, Venezia, 2017, P. 171–179.
69. *Khvalkov E. A.* The Society of the Venetian Colony of Tana in the 1430s based on the Notarial Deeds of Niccolò Di Varsis and Benedetto Di Smeritis // *Studi Storici*. 2016. Anno 57. № 1. P. 93–110.
70. *Khvalkov Evgeny.* The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation. NY, London: Routledge, 2018.
71. *Ryabova M.* The Account Books of the Soranzo Fraterna (Venice 1406–1434) and Their Place in the History of Bookkeeping // *Accounting Historians Journal* 2018. Vol. 45. No. 1. P. 1–27.
72. *Shukurov R.* The Byzantine Turks, 1204–1461. Leiden; Boston: Brill, 2016.

В. Е. Багно, С. И. Николаев

О НОВОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В последние десятилетия в филологической среде укоренилось неоднозначное и даже скептическое отношение к истории литературы как жанру исследования в целом и к самой возможности создания полноценной «Истории русской литературы», в частности, у нас на эту тему проводились круглые столы и были публикации.¹ Иногда можно услышать и о «конце большого нарратива». Вместе с тем насущная потребность в таком обобщающем труде, где с учётом новейших достижений давалось бы систематическое изложение и научное освещение литературного процесса от древнейших времен до наших дней, становится все более и более очевидной. Примечательно, что за рубежом истории русской литературы появляются с завидной регулярностью: в 1987–1990 гг. во Франции вышли три тома «Истории русской литературы» под редакцией Е. Г. Эткинды, И. З. Сермана, Ж. Нива и В. Страда; в Италии в 1997 г. в трех томах вышла «История русской литературной цивилизации» под редакцией Р. Пиккио и М. Колуччи; в Голландии в 2003 г. вышла «История русской литературы» Э. Вагеманса; в 2018 г. в Оксфорде вышла «История русской литературы», написанная англо-американским научным коллективом — Э. Кан, М. Липовецкий, И. Рейфман и С. Сандлер [см.: *Etkind et al.*, 1987–1990; *Colucci, Picchio*, 1997; *Waegemans*, 2003; *Kahn et al.*, 2018].

В ноябре 2015 г. Пекинским центром славистики при Пекинском педагогическом университете была организована международная конференция на тему «Национальные истории русской литературы». Речь шла и об академических «Историях русской литературы», подготовленных сотрудниками Пушкинского Дома, и о разного типа «Историях русской литературы», в разное время опубликованных в России, Германии, Англии, Франции, Италии, Испании, Японии, Китае и Южной Корее [см.: *Лю*, 2017]. Вскоре после завершения конференции в Пекине под руководством профессора Лю Вэньфэя, директора Центра Пушкинского Дома в Пекинском педагогическом университете, началась работа над шеститомной «Историей русской литературы». Одновременно в Италии началась подготовительная работа над новой трёхтомной «Историей русской литературы». Вполне естественно, что мы работаем в тесном контакте с нашими китайскими и итальянскими коллегами.

¹ Показательны в качестве примера острые дискуссии, разгоревшиеся по этому поводу на XI и XII Тыняновских чтениях в 2002 и 2004 гг. соответственно и нашедшие отражение в ряде статей и сборников по этому вопросу.

За рубежом появляются и истории литературы, посвящённые отдельным периодам, а затем выходят в русском переводе, например, «История русской литературы XVIII века» И. Клейна, которая на немецком языке вышла в 2008 г., а уже через два года появился русский перевод [см.: Klein, 2008; Клейн, 2010].

Отечественные академические истории русской литературы это: «История русской литературы» в 10-ти (фактически в 13-ти) томах, выпущенная Пушкинским Домом в 1941–1956 годах, за которой спустя почти тридцать лет последовала 4-томная «История русской литературы» 1980–1983 гг., также подготовленная Пушкинским Домом. Не говоря уже о снятии идеологических барьеров, за истекшие годы осуществлены значительные конкретные исследования и накоплено колоссальное количество новых фактов, имеющих непосредственное отношение к истории литературы на всех этапах её существования, в том числе в областях, которые ранее традиционные «Истории...» оставляли в стороне. Так, под грифом Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН вышло около 20-ти томов энциклопедического характера: «Словарь книжников и книжности Древней Руси» (9 тт.), «Словарь русских писателей XVIII века» (3 тт.), «Русские писатели. 1800–1917» (вышло 5 тт.) и «Русские писатели XX века» (3 тт.). Но актуальность создания новой академической истории русской литературы определяется не только снятием идеологических барьеров и не только накопленными за последние десятилетия новыми знаниями — изменилась сама эпоха. Происходящее на наших глазах переосмысление ценностей отодвигает прежние академические истории русской литературы в прошлое. При всей своей важности и даже ценности они стремительно устаревают, и не столько по всем очевидному недостатку материала, сколько по комплексу идей, лежащих в их основе [см.: Алексеева, 2018: 7–8].

Кстати, «о снятии идеологических барьеров». За последние два десятилетия это словосочетание превратилось в стершееся клише. Что за ним скрывается, покажем на небольшом примере из близкого нам материала. В XVI–XVIII вв. в европейских литературах, и в русской тоже, получила развитие духовная поэзия, в частности, стихотворные переложения псалмов. Первое полное переложение Псалтыри появилось у нас во второй половине XVII в., Симеона Полоцкого. В XVIII в. полные переложения Псалтыри выполнили Тредиаковский и Сумароков. Переложения отдельных псалмов написали едва ли не все поэты XVIII в., от Феофана Прокоповича до Державина [см.: Луцевич, 2002]. Как эта поэзия выглядит в 1 томе «Истории русской литературы» (1980)? Подчеркнем, что историю литературы XVIII века в этом томе написали наши старшие коллеги и учителя, очень компетентные исследователи, труды которых мы высоко ценим. Первое упоминание относится к Тредиаковскому: «автор религиозно-философских стихов (псалмы)». В 1743 г. состоялось известное поэтическое состязание Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова в переложении 143 псалма — не упомянуть о нём невозможно, поскольку это был спор и о дальнейших пу-

тях русского стихосложения. Затем названо переложение 81 псалма Державина — это хрестоматийное «Властителям и судиям», которое ценили за обличительный характер. Далее Ломоносов и Сумароков «своими переводами псалмов создали замечательные образцы философско-политической лирики», а Радищеву был близок опыт тех поэтов, «которые, обращаясь к переложению псалмов, придавали библейскому тексту смелый тираноборческий смысл». Это всё, что сказано в томе о духовной поэзии XVIII века [см.: История русской литературы, 1980, Т. 1: 512, 516, 636–637, 709]. Думается, что подобные трактовки связаны не только с идеологическими барьерами, но и с иным пониманием духовной поэзии. А эта большая и очень важная часть поэзии XVIII века, которая фактически осталась за пределами истории.

Одним из основных упреков, выдвигавшихся в адрес предшествующих «Историй...», являлся позитивистский, эволюционистский характер заложенной в их основу концепции, которая неизбежно подразумевала идею прогресса в художественном развитии. Сложно не согласиться с тезисом В. Н. Топорова: «наиболее ценное в литературе часто оказывается наименее “историчным”», а конструируемые в истории литературы «в качестве объяснения единства» нередко «синтезируют факты таким образом, что при этом теряется их полнота и глубина» [Топоров, 1985: 4].

Вопрос о том, какой должна быть новая «История русской литературы», достаточно острый и дискуссионный и, вне всякого сомнения, может иметь не одно решение. Как показывают стенографические отчеты заседаний Ученого совета Пушкинского Дома за 1969–1970 гг., концепция всем нам известной последней академической «Истории русской литературы», ставшей уже почти «классической»,² рождалась в самых ожесточенных спорах и претерпела за время выработки кардинальные изменения: от 7-томной истории *новой* русской литературы до восьми томов, которые должны были охватывать всю историю русской литературы, включая советскую. В конечном счёте, была подготовлена 4-х томная «История», последний том которой охватывал период: «Литература конца XIX — начала XX века (1881–1917)».

Концепция предлагаемого труда определяется стремлением осмыслить историко-литературный процесс во всём его многообразии и разнородности, дать по возможности максимально полную и объективную, деидеологизированную картину.

В ходе обсуждения высказывались самые различные точки зрения, подчас совпадавшие с теми мнениями, которые были выражены во время дискуссии на заседаниях Учёного совета ИРЛИ РАН в 1969 и 1970 гг. о концепции новой «Истории русской литературы» в Пушкинском Доме. В частности, во многом повторяя аргументы академика М. П. Алексеева, упоминавшего справочные издания, сориентированные на западногер-

² В настоящее время завершается ее перевод на китайский язык.

манские Grundsätze, было предложено подготовить издание, аналогичное Handbuch (нет эквивалентного термина в русском языке), т. е. не словарь, не библиографию, но все же своеобразное справочное академическое пособие.

Речь пока идёт о результатах обсуждения концепции будущей «Истории русской литературы», которые были выработаны на заседаниях редколлегии и сформированной в Пушкинском Доме рабочей группы, проходивших при участии заведующих всех исследовательских отделов и всех членов РАН нашего Института.

Традиционно история литературы изучает литературные явления (литературный процесс, литературные направления и стили, творчество отдельных авторов и т. д.) в их наиболее зрелом и завершённом виде, а переходные периоды, с их кажущейся хаотичностью и неустойчивостью, зачастую воспринимаются как безвременье и даже деградация, но именно в эти относительно краткие периоды формируется новое, более того, в литературе и искусстве зачастую новое угадывается задолго до его проявления в общественной жизни. В русский обиход аксиому «столетнего века» ввёл Петр Первый. Это историософское понятие стало ключевым как для русской истории, так и для русской культуры, в том числе для литературы. Именно на рубежи веков приходятся самые решительные преобразования: рубежи XVII–XVIII, XVIII–XIX, XIX–XX, и, наконец, XX–XXI веков. Между тем, систематическое изучение этих рубежных периодов не проводилось, исключением здесь является, вероятно, только эпоха реформ Петра I, времени решительных перемен в истории России. Представляется, что совместная и комплексная работа историков литературы над указанными периодами не только позволит понять механизмы смены культурных циклов в отечественной истории. Подобные научные задачи еще не ставились ни в отечественной, ни в зарубежной славистике.

Необходимость изучения этих переходных и одновременно переломных периодов отмечалась неоднократно, но конкретные и плодотворные пути изучения были намечены в относительно недавнее время в трудах академиков А. М. Панченко и В. Н. Топорова [см.: *Панченко*, 1984; *Топоров*, 1985].

При разработке общей концепции редколлегия учитывает предложенное В. Н. Топоровым в этой статье фундаментальное понятие *историко-литературной циклизации*. Связанные с ним понятия «узлов» и «циклов» представляются в настоящее время оптимальным способом упорядочения материала при описании тех разноприродных элементов, из которых складывается историко-литературный процесс, «более ёмкой рамкой, чем направление, школа, стиль». Ключевыми при таком построении становятся эпохальные по значению, но короткие по времени переходные периоды, совмещающие в себе свертывание предыдущей структуры и завязь новой и осуществляющие связь соседних циклов. Суть предлагаемого подхода заключается «в переакцентировке внимания с “законченных” и “самодовлеющих” периодов» на переходные («узлы»).

Редколлегия считает, что опираясь на исследование каждой из переходных эпох (или, по Топорову, «узлов»), можно попытаться вскрыть динамический аспект истории русской литературы, генезис тех или иных явлений, соотношение случайного и необходимого. Редколлегия думает, что наиболее ценное в идее Топорова — само выделение «узлов», то есть моментов, связанных не с эволюцией, не с динамикой определенной литературной традиции (цикла), а с радикальным переструктурированием её глубинных оснований.

Не меньшее значение имеет и представление о сосуществовании, прежде всего в переходные эпохи, различных эстетических тенденций, подобных тем, которые возникают в любого рода «узлах», когда соединяются два фрагмента, два явления, лишь формально представляющие единое целое, представление о культурных эпохах, которые продолжают в творчестве значительного числа писателей в новое время, когда, казалось бы, их «эпоха» хронологически осталась в прошлом.

Впервые в «Истории русской литературы» достойное место должна занять переводная художественная литература, служившая, по замечанию М. Л. Гаспарова, «связующим фильтром между русской и мировой литературой» [Гаспаров, 2003: 143]. При этом, хотя художественный перевод является неотъемлемой и важнейшей частью русской литературы, все наши общие историко-литературные труды страдают известной односторонностью и все «Истории русской литературы» описывают исключительно оригинальную литературу, не обращая никакого внимания на переводную. Тем самым история национальной литературы представляется с позиций «производителей», т. е. писателей, принимавших непосредственное участие в её создании. Но если встать на позицию «потребителей», т. е. читающей публики, то мы увидим, насколько велик вклад переводной литературы в становление национального самосознания. Значительно больше внимания, чем в «Историях», предшествующих нашей, будет уделено теме «Русская литература в контексте мировой». Прежде всего, потому, что, с нашей точки зрения, в переходные эпохи, в периоды смены веков, международные связи усиливаются и наряду с некоторыми другими факторами имеют определяющее значение.

Помимо переводной литературы предполагается включение таких областей, которые ранее выпадали из традиционной истории литературы, например, массовая литература. Особое внимание планируется уделить также своеобразию и механизмам формирования национального литературного канона. Большое внимание будет уделено идее фольклоризма в литературе. В контексте литературы второй половины XIX столетия достойное место займёт творчество представителей традиционалистских тенденций. При рассмотрении литературы советского периода будет поставлен вопрос о «нишах» подцензурной литературы (детская, переводная литература и т. д.), в которых укрывались от идеологического давления и цензуры или которые создавали выдающиеся писатели, которые хотели, чтобы их произведения доходили до читателя.

В ходе многочисленных дискуссий и споров редколлегия пришла к решению, что новая академическая история русской литературы будет состоять из 8 томов (в 12 книгах):

1. «Древнерусская письменность. XI–XIV вв.»
2. «Древнерусская письменность. XV–XVII вв.»
3. «XVIII век»
4. «Золотой век» (в двух книгах)
5. «Эпоха реализма (в двух книгах)»
6. «Эпоха модернизма (в двух книгах)»
7. «Русское зарубежье»
8. «Литература советского периода (в двух книгах)»

Следуя академическим традициям соблюдения временной дистанции в гуманитарных исследованиях, «История» доводится до того хронологического барьера (пятьдесят лет), который принято считать желательным в такого рода работах.

Каждый том состоит из трёх больших разделов.

Раздел I содержит монографическое концептуальное описание историко-литературного процесса эпохи в его динамике.

Раздел II состоит из отдельных глав, посвященных важнейшим факторам, характеризующим литературную жизнь эпохи (литературные общества, периодика, книжное дело, центры книжности и т. п.).

Раздел III — персоналии и произведения (если речь идёт о древнерусской письменности), то есть главы, посвященные отдельным авторам и произведениям, сыгравшим особую роль в истории русской и мировой литературы.

Раздел II не является справочным, а предполагает исследовательское изложение проблемы.

Приведем примеры глав Раздела II, которые будут в томе, посвященном XVIII веку:

Автор. Изменение авторского типа. Типы авторов. Литературный быт. Кружки. Школы.

Читатель. Типы читателей. Грамота. Круг чтения. Роль чтения. Читательский быт. Читательницы-дамы. Детское чтение.

Литературный язык. Становление нового литературного языка.

Поэзия. Стих и поэтическая форма. Темы поэзии. Силлабика. Метрический репертуар. Формы, жанры, тематика. Реформа стихосложения. Силлаботоника. Метрический репертуар. Формы, жанры, тематика.

Драма и театр. Школьная драма. Трагедия. Комедия. Новая драма. Театр.

Переводная литература. Репертуар. Организация переводческой работы. Издания. Переводы в журналах.

Проза. Документальная проза. Ораторская проза. Художественная проза.

Журналистика. Роль журналистики в становление поэзии, прозы.

Книгопечатание и цензура. Организация книжного дела. Условия печатания. Меценаты. Посвящения. Цензура. Типографии. Распространение книг.

После долгих споров было принято решение о монографических главах, посвящённых отдельным писателям. Как показывает опыт, примеры «безличных» «Историй» оказались в подавляющем большинстве неудачными. Критерии отбора персоналий будут объективно отбираться в ходе исследования и утверждаться главной редакцией тома и редколлегией. При этом определяющим станет выявление в творчестве того, что А. Н. Веселовский назвал «личным почином» в дополнение к литературному «преданию».

А. Н. Веселовский был убежден, что историку литературы не дано познать тайны личного творчества, между тем как он вполне в силах вплотную приблизиться к их разгадке, по методу исключения как бы отсекая все то, что унаследовано творцом как в области идей, так и формы, от предания, традиции, навыков, школы. Так, в его лекциях «Теория поэтических родов в их историческом развитии» читаем: «Я отнюдь не мечтаю поднять завесу, скрывающую от нас тайны личного творчества, которыми орудуют эстетика и которые подлежат скорее ведению психологов. Но мы можем достигнуть других отрицательных результатов, которые, до известной степени, укажут границы личного почина. Понятно, что поэт связан материалом, доставшимся ему по наследству от предшествующей поры; его точка отправления уже дана тем, что было сделано до него. Всякий поэт, Шекспир или кто другой, вступает в область готового поэтического слова, он связан интересом к известным сюжетам, входит в колею поэтической моды, наконец, он является в такую пору, когда развит тот или другой поэтический род. Чтобы определить степень его личного почина, мы должны проследить наперед историю того, чем он орудует в своем творчестве...» [цит. по: *Симони*, 1921: 29–30].

Для Веселовского было очевидно, что оригинальность, уникальность, своеобразие (литературы, автора или произведения) не постулируются, а доказываются, познаются в сравнении данного явления с явлениями, ему родственными. Свообразие — вопрос не веры, а знания.

Нам представляется, что взгляды Веселовского, его убеждение в том, что для определения «личного почина» в литературе необходимо изучение «предания», должны стать основополагающими в работе над новой академической «Историей русской литературы».

Все эти проблемы показывают структуру, жизнь и формы существования литературы в данную эпоху. Перечень глав Раздела II в разных томах, конечно, не совпадает, а определяется характером эпохи.

На каком этапе работы мы находимся сейчас? Определено количество и структура томов новой академической истории русской литературы. В журнале «Русская литература» опубликовано несколько статей членов редколлегии или членов рабочей группы, посвящённых общей концепции нового труда [см.: Багно, 2017; Виролайнен, 2017; Алексеева, 2018]. Написаны предварительные варианты проспектов томов, которые обсуждаются редколлекцией и рабочей группой. Намечены ответственные редакторы отдельных томов. Мы предполагаем в начале 2019 г. утвердить ответственных редакторов, а затем и проспекты томов. Ответственными редакторами будут как ведущие учёные Пушкинского Дома, так и учёные ИМЛИ РАН и СПбГУ. В 2019 г. начнется и авторская работа. В состав авторского коллектива войдут сотрудники Пушкинского Дома и ИМЛИ РАН, а также российских университетов и зарубежные исследователи, уже выразившие желание принять участие в нашем труде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н. Ю. Некоторые замечания по поводу работы над Историей русской литературы // Русская литература. 2018. № 4. С. 7–14.
2. Багно В. Е. О новой академической «Истории русской литературы» в Пушкинском Доме // Русская литература. 2017. № 1. С. 16–20.
3. Виролайнен М. Н. «Узлы» и «циклы» в истории русской литературы // Русская литература. 2017. № 3. С. 5–13.
4. Гаспаров М. Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
5. История русской литературы. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980.
6. Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010.
7. Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002.
8. Национальные истории русской литературы. Пекинская славистика. Вып. 1 / Под ред. Лю Вэньфэя. Пекин: The Oriental Press, 2017.
9. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

10. *Симони П. К.* Список трудов академика А.Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: По случаю десятилетия со дня его смерти. Пг., 1921.
11. *Топоров В. Н.* К вопросу о циклах в истории русской литературы // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы научн. конф. Таллин, 1985.
12. *Etkind E., Nivat G., Serman I., Strada V.* Histoire de la litterature russe. Paris, 1987–1990. Vol. 1–3.
13. *Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler St.* A History of Russian Literature. Oxford, 2018.
14. *Klein J.* Russische Literatur im 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2008.
15. *Storia della civiltà letteraria russa / A cura di M. Colucci e R. Picchio.* Torino, 1997. Vol. 1–3.
16. *Waegemans E.* Histoire de la litterature russe / Traduit du neerlandais par Daniel Cunin. Toulouse, 2003..

Л. А. Беляев

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ РОССИИ: НЕОЖИДАННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Историческая археология — недостаточно привычный пока термин, которым в западной литературе обозначают позднейший период истории государств, существующих к настоящему времени. Обычно — от конца Средних веков или начала Нового времени до завершения сложения национальных государств Европы и американского континента, образования современного мира (в некоторых случаях позднее, до Второй мировой войны включительно). В последние годы, в связи с бурным развитием этого направления и в России, и во всем мире, к обсуждению его перспектив автор обращался неоднократно, так что уже образовался историографический фундамент, к которому можно отослать коллег для более полного ознакомления с историей вопроса, современным состоянием источников, законодательством по охране культурного наследия и подробной библиографией [Беляев, 2012: 307–320; он же, 2014а: 11–18; он же, 2014б: 563–566; он же, 2016а: 7–11; он же, 2017а: 66–70; Средневековая личность, 2017; Жизнь в Российской империи, 2018: 3–6].

Как у всякого быстро растущего направления, в нём многое меняется буквально каждый месяц: множатся полевые открытия, совершенствуются методики, постепенно строится проблематика, раскрывается потенциал практического участия в общем движении страны. Все это неизбежно открывает новые, зачастую, действительно, неожиданные перспективы и, кроме того, требует все новых интерпретаций, сравнений с опытом других направлений в России и мире, выводов и обобщений. Последнему и посвящена данная статья.

Применительно к России историческая археология охватывает время от возвышения Московского княжества (с естественным в этом случае уходом в археологию ранней Москвы как будущей столицы государства) до XIX–XX вв., или, в традиционной периодизации: последнее столетие Древней Руси, раннемосковский (удельный) период, переход от великого княжества к Московскому царству и два века Российской империи (в отдельных случаях — даже с частью советского периода). То есть чуть ли не всю историю России. В этом отношении историческую археологию можно смело назвать также национальной или государственной археологией России.¹

¹ Почти одновременно, в 1990-х годах, началось усиленное изучение археологами периодов формирования национального самосознания в соседних с Россией странах. Так, на Украине тогда началась серьезная работа по исследованию постмонгольского Киева, памятников казацкой старины и даже объектов XVII–XIX вв. См. об этом: [Моця, 2017: 8–10; Моця, Томашевский, Борисов, Павленко, Мисак, 2017: 11–12]; с 1990-х гг. издается ежегодник о новых открытиях в археологии и истории позднего средневековья: [Нові дослідження...]. Аналогичным образом усиленное внимание уделяется памятникам этого периода в археологии Белоруссии, Литвы и др. постсоветских государств.

Конечно, и термины, и сама область исследования выглядят, с привычной точки зрения на археологию как науку о самых отдаленных периодах истории человечества, своего рода нонсенсом. Однако для сравнительно молодого государства, каким является Россия, приобретшая близкие к современным очертания только во второй половине XVII–XVIII в., эта область важна с точки зрения построения основ самоидентификации. К её изучению побуждает также исключительная многочисленность материала, характеризующего материальную и духовную культуру Московской Руси и Российской империи.

Во многих случаях историческая археология рисует картину исторического развития параллельно письменным памятникам и даже независимо от них. Её материал позволяет, с одной стороны, обнаружить элементы складывающегося единства на огромных и до поры, казалось бы, ничем не связанных друг с другом пространствах Европейской России, Зауралья, Сибири и Дальнего Востока. В то же время историческая археология позволяет определить положение России в пространстве глобальной истории, включая процесс его формирования в эпоху Великих географических открытий, взаимодействия с «открываемыми» цивилизациями, участия в строительстве современной мировой культуры. А ведь именно в этих процессах роль России существенно недооценена или, точнее сказать, недопонята, как бы невидима для мирового научного сообщества. Это своеобразная слепота порождена в том числе нерешенностью вопроса о нашем месте в историко-культурном пространстве. Принадлежит ли народ и государство Россия к открывающим нациям — или к открываемым ими территориям?

В этом отношении показательно почти полное молчание западных «глобальных историков»: на карте открытий около 1492 года России попросту нет, она не была представлена ни на очень представительной выставке к празднованию открытий Колумба [Circa 1492, 1991], ни на больших интерконтинентальных археологических экспозициях, посвящённых приморским мегаполисам XVII–XIX вв., в число которых, несомненно, должен был бы входить Санкт-Петербург [Unearthed Cities, 1996]. Не оказалось её и в тех курсах глобальной истории, которые сформировались в 1990–2000-х годах в Великобритании. Так, для известного семинара О'Брайена поле глобальной истории включало Европу, Африку, Китай, Индию и Японию, но не Россию [O'Brien, 2006: 3 а. о.].

Уже в силу этого одним из первых направлений формирования исторической археологии следует считать выявление и осмысление *российского присутствия*, фиксируемого методами археологии и связанных с нею комплексных исследований.

Предложу пример, показывающий русскую историческую археологию, так сказать, в работе, в географически далеких от России местах. В 2018 г. в Иерусалиме, вблизи французского компаунда за стенами Старого города, между его Яффскими и Дамасскими воротами, началась работа по строительному освоению давно заброшенного участка. При охранных раскопках израильская служба древностей вполне ожидаемо обнаружила слои визан-

тийского и арабского периодов. Но их перекрывал фундамент более позднего (не ранее XIX в.) здания, несомненно, европейской планировки. Здание нужно было идентифицировать, так как до начала работ увидеть его здесь не ожидали. На одной из фотографий начала XX в. обнаружился отличный трехэтажный дом характерной архитектуры. На карте времён английского Мандата он назван неопределенно-туманно: District Offices. Подробный план, напечатанный под руководством Конрада Шика, главного архитектора Иерусалима второй половины XIX в., в 1895 г. этого здания не знает. Но предпринятый поиск позволил найти подготовительный лист, где дом изображён с рукописным пояснением: «Wohnung der russischen Konsulats beamten». Ситуация прояснилась: археологи «нечаянно» раскрыли одно из русских владений в Иерусалиме XIX в., идентифицировав его как участок «Хомси» у Новых ворот (3436 кв. м), где после длительной переписки, оформления в турецких и русских канцеляриях и иных мытарств был выстроен необходимый для чиновников Русского генерального консульства дом [см.: *Чехановец, Вах*, 2019, в печати; архивные материалы: *Вах*, 2018: 82–107].²

Этот выразительный факт археологии русского присутствия подкрепляют более традиционные примеры, связанные, прежде всего, с паломничествами: мемориальные надписи и простые граффити на стенах храмов и монастырей [*Беляев, Вах*, 2019: 94–99]; удивительная находка при раскопках массового погребения эпохи Средневековья в Акелдаме... печатного синодика русской женщины 1900-х гг. [*Re'em*, 2018: 153–154]; предметы, оставленные первыми русскими миссиями в Иерихоне, Хевроне и на других русских участках, археологические работы на которых уже проводятся или планируются.³ В этом смысле далекий, кажется, Иерихон византийского периода (и даже более ранний) — правомерный сюжет русской исторической археологии, отражённый не только в предметах XIX в. с русских владений, но и в местных архивах, где ещё в 1930-х гг. фигурируют найденные на участках «Russian mosaics» [см.: *Беляев*, 2016б: 47–82 и др.]. Такая археология чрезвычайно важна и в практическом отношении как орудие мягкой силы, культурного воздействия — очевидно, мы недаром постепенно вводим формулы типа «Археология — ресурс дипломатии».⁴

Конечно, речь не только об археологии за пределами России. Выявление русского присутствия методами археологии сохраняет научный смысл (а также политическую значимость) и внутри границ нашей страны, будь то

² Благодарю за возможность предварительно ознакомиться с материалами этих исследований, а также находок в Акелдаме (см. ниже) археолога Яну Чехановец (Управление Древностей Израиля, Иерусалим).

³ В 2019 г., 6 марта, в Тель-Авивском университете прошёл совместный с Институтом археологии РАН российско-израильский коллоквиум «Russian Archaeological Project, 19th – 21st Centuries», посвященный археологии «русских участков» XIX– начала XX вв., см.: https://www.academia.edu/38444376/Russian_Archaeological_Project_19th_-_21st_Centuriesseминар

⁴ Впервые витрина с таким заголовком экспонировалась на археологической выставке 2018 г. в Русском историческом обществе.

прошлых или современных. Глубина хронологии археологического исследования при этом не имеет заданного верхнего предела, он может оказаться то выше, то ниже, в зависимости от глубины корней государства и структуры национального исторического нарратива.

Когда при раскопках в Дербенте (М. Гаджиев, 2015 г.) обнаружили могилы трёх сотен солдат Дербентского гарнизона Низового корпуса русской императорской гвардии, поставленного здесь во время Персидского похода в 1722 году Петром I, это стало знаковым событием и культуры, и собственно — науки. Как хорошо известно, археологу важно иметь предметы с, условно, точными датами: здесь они представлены целой серией личных крестиков, что помогает датировкам по всей территории страны. Впечатляет и само распространение таких типов — на другом конце Евразии, в Албазинском остроге, находят подобные крестики, оставшиеся на телах казаков, погибших при обороне от маньчжуров на четверть века раньше, в 1680-х годах [Артемов, 1999. Рис. 76]. Добавим к этому, например, форму для отливки таких крестиков, найденную при раскопках на, пожалуй, самом известном сегодня памятнике исторической археологии — Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, и разбегание артефактов до всех границ рождающейся Империи приобретет центр, которым традиционно окажется древнее Московское княжество.

Говоря о такого рода памятниках, как Албазинский острог и землянка Петра I, нельзя пройти мимо факта «археологического» интереса к ним уже в XVIII–XIX вв. Так, перед иконой Богородицы, вынесенной в 1690 г. из Албазина, служили молебны перед отправкой экспедиции Н. Н. Муравьева-Амурского 1854 года; его офицеры опознали остатки городища на месте как конкретный военно-исторический объект, вспомнили его осаду маньчжурами, провели глазомерную съёмку и даже пытались вести раскопки с целью обнаружить памятные реликвии [Глен, 1889: 642–652; см. тж.: Беляев, 2017а: 66–67]. Да и землянку Петра I на берегу Каспийского моря сохраняли и демонстрировали как «мемориал» задолго до раскопок на её месте.

Неслучайно, что тема освоения пространства России в памятниках исторической археологии фиксируется благодаря поистине бесчисленным острогам, прежде всего в Сибири, хотя не только там. Их названия часто мало известны истории, другие значимы для неё, такие как Белозерск, Мангазея, Пустозерск (см. последний обзор: [Вершинин, 2018]; там же литература). Такие удалённые от центра страны объекты обращают нас к теме постоянного соединения «чужого» со «своим» (и даже «чужого» с «чужим»). В этом отношении чрезвычайно показательны работы последних десятилетий в Приазовье, где в XVIII в. русские гарнизонные города [Аваков, Гусач, Дедюлькин, 2016: 379–397] благодаря контакту с местными жителями (в том числе в бывших турецких крепостях) усвоили новые черты быта, такие как широкое употребление кофе, а также внесли изменения в некоторые бытовые пристрастия, такие как курение. При этом они вошли в резонанс с процессами развития модных пристрастий в Европе, двигавшейся в направлении ориентализма. Это выражено в распространении чашечек для кофе,

которые примерно тогда же становились обычными в кофейнях Европы (в коренной России их спокойно использовали как по назначению, так и в качестве елейниц, см. ниже), а также в вытеснении характерными турецкими трубками тех северных форм, которые были ранее заимствованы из Голландии [Гусач, 2016].

Таким образом, речь идёт не только о фиксации физического присутствия на той или иной территории, не только об изучении движения народа в пространстве, но и о формах усвоения цивилизационного опыта и обмена им, то есть о трансфере. Не только, разумеется, в бытовой, но также в технологической сфере, о чём нужно говорить отдельно, разбирая литьё уже не крестиков, а колоколов и пушек, но также керамическое производство, строительство крепостей, текстильное, стекольное, металлургическое производства, словом, индустрию в целом.

Естественная функция исторической археологии, ясно понимаемая и на практике необходимая не только ученым — *верификация и развитие ключевых эпизодов традиционного исторического нарратива* [см. подробнее: Беляев, 2012б: 179–191]. Это направление формирует, защищает и укрепляет историческую память (попутно парадоксальным образом наращивая свою собственную толщину за счёт продолжения в современность), противостоит как фальсификациям, так и добросовестным ошибкам историков. Примеров бесчисленное множество.

С задачи восстановления памяти и помещения исторических событий в реальное пространство начинал уже отец русской археологии Алексей Сергеевич Уваров. Изучив погребения семьи Пожарских и Хованских [см.: Беляев, 2013], он в 1850-х гг. заложил основы династической археологии, первые следы которой теряются в пространстве XVIII века, в «портфелях Мюллера» и публикациях надгробий Архангельского собора А. Ф. Сумароковым.

В этой плоскости нужно рассматривать и внимание к находкам в Старой Рязани в 1820-х гг. Их значение не только в том, что они дали толчок к научному исследованию памятников Древней Руси: сквозь эпизоды работ в Рязани ясно проглядывает нарратив в его «карамзинской» версии и потребность в самоидентификации путем создания собственного мира древностей, «своей» археологии, способной состязаться с классической, служащей базисом общеевропейскому нарративу.

Двигаясь дальше, мы обнаружим, что уже более 250 лет идёт, и всё ещё не полностью заверена, работа по локализации легендарного Куликова поля в реальном географическом пространстве между Непрядвой, Мечей и Доном (она зародилась в первой половине XVIII в. на уровне «добросовестных фальсификаций» [см.: Лаврентьев, 2013], к сожалению, не исключённых и в наши дни⁵). Активность полемики в этом вопросе, не снижающая

⁵ Так, например, в 2006–2007 гг. группой учёных из различных институций была предпринята фактически паранаучная попытка выдать почвенные аномалии за братские могилы Куликова поля. И только серьёзные раскопки [Наумов, 2007] опровергли «открытие».

накала, а скорее возрастающая по мере умножения археологических данных, указывает на сохраняющуюся актуальность.

Формирование *династической археологии*, давно существующей в реальной работе, но терминологически не обозначенной, а, следовательно, всё ещё не оформленной как особая область работ, в наши дни не только продолжилось, но и приобрело крайне актуальный, острый характер. К сожалению, поиск под Екатеринбургом останков семьи Романовых прошёл без опоры на археологию. Но к ярким страницам истории управлявших Россией династий апеллируют все новые эпизоды отечественной истории. Среди них один из самых свежих — разбор сюжета с «некрополем Никитичей» □ последних бояр Романовых и их родичей (Сицких, Черкасских, Шереметевых) — в Новоспасском монастыре [Беляев, Медникова, 2018]. Он позволил по-новому взглянуть на достоверность ряда традиционных источников. Очень многое обещает и взятый сейчас в работу некрополь знати эпохи Ивана Грозного в Новодевичьем монастыре.

Исключительно важна историческая археология для выделения *маркеров идентичности*, которые осознанно или неосознанно пытались формировать московское общество XV–XVII веков. Поиск этих элементов коренной «московскости», конечно, ведётся не только с помощью археологии, но и в области исторического предания [Плюханова, 1995], и в оригинальных элементах государственного устройства (таких как приказная система [см.: Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015: 7–27]). Однако, например, в области погребального обряда маркеры обретают особую предметность и убедительность. Укажу на такие явления, как собственный, сугубо московский, тип надгробных плит; как распространённость в ранний царский период антропоморфных саркофагов; как недавно выявленный вариант особых каменных крестов [Алексеев, Кузьменко, 2018] и сосудов для обряда посмертного елееосвящения ([см.: Беляев, 2017: 119–136], в настоящее время тему исследует К. И. Панченко).

Казавшиеся «проклятыми» вопросы русской культурной идентичности всё проще и нагляднее решаются в традиционных областях художественной и архитектурной археологии. Так, в пресловутом отождествлении с Западом или Востоком культуры XV–XVII вв. археология всё определеннее высказывается в пользу Запада, что заметно и в базовом для Средневековья керамическом ремесле (последние работы В. Ю. Коваля), и в декоративном искусстве (изразцовая традиция XVII в.), и в церковном зодчестве [Баталов, Беляев, 2013; Баталов, 2016].

Сосредоточенная на локальном и национальном, историческая археология во многом идёт тем же путем, что историческая антропология и родственные ей история быта, микроистория, локальная история [см., напр.: Кром, 2000], даже «новая культурная история». Но она не замкнута в этом пространстве, а, напротив, представляет собой широкую, уже довольно проторенную западными коллегами дорогу в сравнительно новый еще мир глобальной истории, с которой они близкие родственники, поскольку имеют, по крайней мере, одну общую задачу: точно и убедительно определить место страны во всемирном хронотопе.

Важно сходство исторической археологии с глобальной историей в подходе, в исследовательском инструментарии: они обе стремятся сохранять индифферентность к познанию общих закономерностей истории и удерживаться в рамках описательных и сравнительно-аналитических процедур. Иными словами, историческая археология, работая с материалом крайне ограниченным по времени, стремится выявить в нем элементы, характеризующие *процессы большой длительности*, способные влиять на развитие данного сообщества через многие поколения, в сущности, даже вне пределов существования изучаемого объекта (предмета, явления).

Конкретных примеров можно найти десятки, но здесь ограничусь двумя. Государствообразующий центр России, город Москва, приобрёл устойчивые очертания, как известно, в течение примерно 100 лет, прошедших от строительства «итальянского» Кремля до возведения кольцевого Земляного города. Три из четырёх элементов возникшей при этом фортификационной системы (Китай-город, Белый город, Земляной город) давно не работают и в основном просто исчезли, но как градообразующие элементы они до сих пор воздействуют и на центральные районы Москвы, и на город в целом. Поскольку именно они определяют и линии круговых объездов, и ленты въездов/выездов через давным-давно не существующие ворота. Кроме того, они сохраняются как важные элементы топонимической сети Москвы, её нематериального наследия (тут нужен особый анализ, который оставим для другого исследования).

Второй пример — из области исторической социальной психологии. При исследованиях последних десятилетий на Ямале установлено, что жилища русских первопроходцев, во всяком случае в зоне тундры, где было крайне мало леса, а жесточайшие морозы требовали предельной экономии тепла, отличались исключительной теснотой [Визгалов, Пархимович, 2008]. Это наблюдение в известной степени объяснило зафиксированную историческими и археологическими источниками высокую населенность дворов в укрепленных частях Москвы XV–XVII вв., явно перенаселённых (конечно, и по другим причинам тоже). Видимо, этот факт истории культуры нужно учитывать и при интерпретации такого социального феномена, как коммунальное жильё советского периода: то, что жители городов оказались в состоянии психологически вынести резкое сокращение индивидуального пространства, возможно, объяснимо многовековым опытом общежития.

Задачи исторической археологии и глобальной истории, по крайней мере, в отношении хронологии и пространства, сущностно совпадают: обе они изучают локальные процессы с глобальной точки зрения, отмечая общее, но активно выискивая уникальное, собственное, те коренные отличия, что давно обозначены, например, для Англии как её *englishness*. Инструментом этого служит, конечно, постоянное сравнение, исключительная активность в выявлении бесчисленных культурных трансферов как узлов зарождающейся сети глобальной культуры. Здесь, кстати, заключено и противоядие, позволяющее сбалансировать неизбежный уклон в националь-

ный нарратив, имманентно присущий глубоко локальным по вектору исследованиям).

Так что каждая из национальных археологий, занятых, казалось бы, глубоко локальной проблематикой и глубоко погруженных в бесчисленные *case studies*, демонстрирует единство материального мира Нового времени по всей тогдашней ойкумене. Тем самым выстраивается картина глобальной истории, которой историческая археология глубоко родственна хронологически, тематически и методически. Недаром один из авторитетных создателей глобальной истории как особого направления О'Брайен в программе для обучения в числе её особенностей выделил комплексность, сосредоточенность на изучении *долгосрочной ретроспективы развития «материальной жизни» человечества* и на поиске ответа на большой вопрос: когда и почему небольшая часть сообществ Земли, сосредоточенных на западе и севере планеты, совершила прорыв к преуспеянию, в то время как остальной мир от них отстал.

Где же на этой шкале место для нас? Этот вопрос молчаливо задаётся все той же проблематикой глобальной истории, где в базовых курсах учитывают данные по Европе, Африке, Китаю, Индии и Японии, но в список опять не попадает территория современной России. Это объяснимо: глобальная история просто не решила, как обозначить место Северо-Востока Евразии. Включать её в состав западных стран, рассматривая роль первопроходцев как один из сюжетов эпохи Великих открытий? Или как одну из территорий, всё ещё ждущих колонизации? При любом ответе процесс решения выглядит далёким от завершенности, а перспектива остаётся открытой. Таким образом, решая задачу построения исторической археологии, мы вносим значительный вклад и в ответ на один из главных вопросов мировой истории.

Вернувшись теперь на территорию собственной страны, мы видим, что историческая археология — это гигантское поле самых разнородных возможностей. Но эти возможности особые, они наделяют направление явными преимуществами, однако налагают и своеобразную ответственность.

Во-первых, если археологи в России вплоть до Средневековья посредством разведки ищут памятники, то в исторической археологии памятники, так сказать, ищут их. Они лежат по всей стране буквально под ногами. И дело не столько в объёме материала, сколько в отсутствии обычной в археологии дискретности: историческая археология не состоит из набора точек, ею сложен весь слой русских городов и деревень.

Обилие материала, впрочем, тоже важно, ведь оно сопоставимо с его массой в классической археологии — это многие тонны керамики (бытовой и строительной), камня, металла, стекла, цветных металлов, а при сохранности органики, разумеется, и дерева. Аналогией более ранним цивилизациям выглядит и развитая эпиграфика, как лапидарная (парадная и граффити), так и в виде «остраконов», а на стадии XIII–XV вв. — и берестяная. Это масса исключительно ценных новых массовых письменных источников, дополняемая именно с конца XIV в. изобильным нумизматическим (русским, европейским, восточным) материалом, а также сфрагистикой, в том числе

связанной с международной торговлей. Некоторые виды археологических комплексов в этом отношении поистине уникальны, такие, например, как клады московских служилых людей и горожан XVI–XVII вв., образующих своего рода систему.

Далее. Историческая археология невероятно востребована в практике, её просто захлестывает волна перспективных проектов. Различно несколько потоков. Один — собственно научные потребности, ведь историческая археология остается главным полем научного эксперимента и ключом к построению естественнонаучных хронологий на практически любой основе (начиная с дендрохронологии). Ею же проверяют традиционные материалы, письменные и графические. Классический случай — апробация разнородных планов Казанского собора на Красной площади методом раскопок, план пресловутого Коломенского дворца, верифицированный археологически, и многие другие. Недаром мы часто слышим пожелания от историков сейчас же, немедленно заняться тем или иным объектом, причём не обязательно в охранных целях. Недаром один из докладов недавней конференции по XVIII веку так и назывался — «В ожидании археолога» [Баранова, 2018].

Предельно перспективна с точки зрения соединения науки с практикой такая часть исторической археологии, как некрополь близкого нам по времени XVII–XIX вв. И в России, и на Западе это чрезвычайно быстро растущая область, близкая *forensic archaeology*, хотя ничего криминального в ней нет. Это серии задач на идентификацию и реконструкцию, решаемые, в том числе и прежде всего, традиционными методами. Это тот синтез различных наук, от наук о природе и антропологии до эпиграфики, фольклористики, всех видов искусства, интегральности, которой мы так упорно ищем в наших ежегодных отчётах. В России актуальность этого раздела усилена состоянием исторических некрополей, а без сохранных кладбищ трудно формировать историческую память и устойчивое чувство родовой сопричастности к национальному прошлому.

Особый раздел совмещения науки с практикой культурного строительства — создание музеев. Они стали появляться всюду, где идут историко-археологические работы: на Русском участке в Иерихоне и в Зачатьевском монастыре на Остоженке, в Новом Иерусалиме и в Московском Кремле с его ставшими уже брендом «археологическими окнами» и готовящимся подземным кластером музея.

У исторической археологии есть и методическая особенность. Она требует работы больших коллективов, оперирующих *разными* видами источников, текстами и визуальными материалами в первую очередь (что не типично для археологов), а также методиками естественных наук, как антропологии, так и совершенно не связанных с науками о человеке лазерным сканированием, анализами химического состава и др. Это истинно мультидисциплинарная область, для работы в которой сегодня явно недостаёт учёных, способных руководить такими синтетическими по характеру исследованиями. Что очень жаль — историческая археология именно сейчас выходит в России на оперативный простор. Тут есть возможность самосто-

ятельного исследования для молодых ученых: огромная масса материала, актуальные и практически востребованные темы (в том числе связанные с сохранением культурного наследия страны).

Многого в исторической археологии уже удалось добиться. Она признана в России и как область охраняемых памятников, и как направление науки. По отдельным направлениям с 1980-х годов издаются базовые труды, хотя ситуация на разных участках далеко не одинакова. Удалось нащупать методически перспективные формы включения работы археологов в область собственно истории. Среди них — формы совместной работы, такие как историко-археологические конференции, которых проведено уже значительное количество, причём они перекрыли период существования Древней Руси и России почти без пробелов. Важным шагом к соединению проблематики становятся и археологические разделы к томам «Истории России», готовящихся к изданию Институтом российской истории РАН. Осваивается общероссийский и общеевропейский формат обсуждений исторической археологии на Археологических съездах (где постоянно проводятся специальные сессии) и на встречах Европейской археологической ассоциации. Он подтверждает правильность выбранного пути, во всяком случае — его сочетаемость с общемировым.

Конечно, историческая археология России находится в начале пути. Она всё ещё озабочена разработкой собственной проблематики. Ясна необходимость подготовить курс лекций и, соответственно, учебник или фундаментальную, убедительную книгу очерков по археологии Московской Руси, включающей как её предысторию (от позднего железного века и Древней Руси), так и самый поздний (XVIII–XIX вв.) период, а также разработки особых разделов, таких как археология исторической личности и династическая археология, индустриальная и военная археология, археология социальных катастроф и многие другие, находящиеся в стадии становления.

В этой статье специально обойден вопрос исторической археологии как инструмента конструирования этнополитических идентичностей (с ним на протяжении многих лет успешно работает В. А. Шнирельман).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аваков П. А., Гусач И. Р., Дедюлькин А. В.* На границе империй. Фортификационные сооружения Турции и России в Северо-Восточном Приазовье по данным археологии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы науч. конф. / Отв. ред. Беляев Л. А., Юрасов А. В. / М.: РАН, ОИФН, Институт археологии, Институт российской истории. — М.; Вологда: Древности Севера, 2016.
2. *Алексеев А. В., Кузьменко С. В.* «Московские» каменные кресты XV–XVI вв. с геометрическим декором. Каталог памятников // Археология Подмосковья. Вып. 14. М., 2018. В печати.

3. *Артемьев А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН, 1999. 336 с.
4. *Баранова С. И.* В ожидании археолога: неизвестные дворцы Коломенского XVIII–XIX вв. // Жизнь в Российской империи. Новые источники в области археологии и истории XVIII века. Материалы международной научной конференции Москва, 31 октября — 1 ноября 2018 г. / Отв. ред. Беляев Л. А., Захаров В. Н. / М.: ИА РАН, ИРИ РАН, 2018. С. 15–17.
5. *Баталов А. Л.* Собор Покрова Богородицы на Рву. История и иконография архитектуры. М.: Лингва-Ф, Лингва Ф, 2016. 476 с.
6. *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. М.: МГОМЗ, 2013.
7. *Беляев Л. А.* Историческая археология России Нового и Новейшего времени: шаг к формированию // 1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию РАН, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012а. С. 307320.
8. *Беляев Л. А.* Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2012б. С. 179–191.
9. *Беляев Л. А.* Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., ИА РАН; Нестор-Традиция, 2013.
10. *Беляев Л. А.* История России в начале Нового времени и памятники археологии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань: «Отечество», 2014а. С. 563–566.
11. *Беляев Л. А.* Археология позднего средневековья и нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. Сборник научных статей. Т. I. Омск–Тюмень–Екатеринбург, 2014б. С. 11–18.
12. *Беляев Л. А.* Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы науч. конф. / Под ред. Беляева Л. А., Юрасова А. В. М.: РАН, ОИФН, Институт археологии, Институт российской истории. — М.; Вологда: Древности Севера, 2016а. 520 с., илл. С. 7–11.
13. *Беляев Л. А.* Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. Под редакцией академика Н. А. Макарова. М.: Индрик, 2016б. 500 с., илл.
14. *Беляев Л. А.* Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы науч. конф. / Отв. ред. Беляев — Л. А., Юрасов А. В. / М.: РАН, ОИФН, Институт археологии, Институт российской истории. — М.; Вологда: Древности Севера, 2016в. С. 400–417.
15. *Беляев Л. А.* Археология России Нового времени: тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2017а. № 49. С. 66–70.
16. *Беляев Л. А.* К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей

- к 60-летию Н. А. Кренке // Институт археологии РАН. — Смоленск: Свиток, 2017б. С. 119–136.
17. *Беляев Л. А., Вах К. А.* Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // *Славяноведение*. 2019. № 1. С. 94–99.
18. *Беляев Л. А., Медникова М. Б.* В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1. М., 2018.
19. *Вах К. А.* Русский консульский дом в Иерусалиме на участке «Хомси»: история строительства // *Иерусалимский православный сборник*. Вып. 8. Иерусалим–Москва, 2018. С. 82–107.
20. *Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
21. *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск: изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
22. *Глен Н. А.* Первый амурский поход Н. Н. Муравьева / Записал А. Данилов // *Исторический вестник*, 1889. Т. 36. № 6. С. 642–652.
23. *Гусач И. Р.* Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. М. Азов: «Голден-Би» Азовский музей-заповедник, 2016.
24. Жизнь в Российской империи. Новые источники в области археологии и истории XVIII века. Материалы международной научной конференции Москва, 31 октября — 1 ноября 2018 г. / Отв. ред. Беляев Л. А., Захаров В. Н. / М.: ИА РАН, ИРИ РАН, 2018. 116 с.
25. *Кром М. М.* Историческая антропология русского средневековья: контуры нового направления // *Историк во времени: Третьи Зимин. чтения: Докл. и сообщ.*, (26–28 янв. 2000 г.) / Сост. Антонова, Е. А. / М., 2000. С. 61–68.
26. *Лаврентьев А. В.* Кабинет-министр Артемий Петрович Вольтинский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Вольтинский. Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М.–СПб: Альянск–Архео, 2013. 100 с.
27. *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.–СПб, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 305 с.
28. *Моця О.* Деякі нагальні проблеми археологічних досліджень пам'яток післямонгольських та козацьких часів // *Нові дослідження...*, 2017. Вип. 26. С. 8–10.
29. *Моця О., Томашевський А., Борисов А., Павленко С., Мисак В.* База даних археологічних пам'яток України 2-ї половини XIII — початку XVIII ст.: завдання та методика // *Нові дослідження...*, 2017. Вип. 26. С. 11–12.
30. *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні.* Збірник наукових статей. Вип. 1–27. Київ: “Часи козацькі”, 1992–2018.
31. *Наумов А. Н.* Отчет о работах в Тульской области в 2007 году. В 2-х тт. Тула, 2008 // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН, ф. Р-1.
32. *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб: Акрополь, 1995. 336 с.

33. От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы науч. конф. / Отв. ред. Беляев Л. А., Юрасов А. В. / М.: РАН, ОИФН, Институт археологии, Институт российской истории. — М.; Вологда: Древности Севера, 2016. 520 с., илл.
34. Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. / Отв. ред. Беляев Л. А., Рогожин Н. М. / М.: Институт археологии, Институт российской истории, 2016. 256 с.
35. *Сумароков А. П.* Надписи, означающие лета преставления высочайших персон фамилии царской в московском Архангельском соборе опочивающих // Ежемесячные сочинения. Т. 6. СПб., 1757 (ноябрь). С. 387–404.
36. *Чехановец Я., Вах К. А.* Византийский монастырь и консульский дом в Иерусалиме (по материалам раскопок 2018 г.) // Российская археология, 2019. № 4. В печати.
37. *Circa 1492. Art in the Age of Exploration.* Ed. Jay A. Levenson. Washington D.C., National Gallery of Art — New Haven, Yale University Press, 1991. 671 p.
38. *O'Brien P.* Historiographical traditions and modern imperatives for the restoration of global history // *Journal of Global History.* 2006. № 1.
39. *Re'em A.* The Medieval Burial Structure at Acedama: Terminological and Chronological Reflections and Some New Insights in Light of the Archaeological and Textual Evidence // J. Uziel etc. eds. *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region XII.* Jerusalem, 2018. Pp. 134–167 (Hebrew).
40. *Unearthed Cities: Edo, Nagasaki, Amsterdam, London.* New York. Tokyo: Tokyo Metropolitan Edo–Tokyo Museum, 1996.

М. А. Липкин

**НОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ЗАДАЧА СОЗДАНИЯ МАКРОИСТОРИЧЕСКИХ
НАРРАТИВОВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Рассмотрение вопроса о стратегических направлениях развития гуманитарных наук, которому была посвящена научная сессия общего собрания Отделения историко-филологических наук Российской академии наук в ноябре 2018 года, предполагает определение нового места и роли гуманитариев в современном мире в целом и исторических наук в частности. Можно много говорить о вызовах и сложностях, с которыми сталкиваются современные ученые, но очевидно, что общим моментом является воздействие на научные знания, оказанное в результате информационной революции конца XX — начала XXI веков, одним из проявлений которой стала цифровизация и демократизация науки, появление области «открытой науки», в частности — «публичной истории».

«История всегда находится в процессе конструирования, но, вероятно, сильнее чем когда бы то ни было, в XXI веке. Ведущие парадигмы XX столетия полностью обветшали. Культурные теории, подорвавшие их господство, показали свою структурную слабость, не создав задел для какой-либо альтернативы. Разговоры о глобализации расширили горизонты, но не привели пока к устоявшейся парадигме», — так характеризует состояние мировой исторической науки бывший президент Американской исторической ассоциации профессор Линн Хант в своей книге «Написание истории в глобальную эру» [Hunt, 2014: 119].

Оставляя за скобками высокотeorетические рассуждения о природе этих явлений, хотелось бы обозначить новый характер гуманитарных знаний в целом и исторических в том числе. Как представляется, в век технологий, именно термин «гуманитарные технологии» (некоторые говорят даже о «высоких гуманитарных технологиях» — high-hume technologies) позволяет лучше, чем любые прочие понятия, подчеркнуть новое качество и новую миссию гуманитарных знаний в современном обществе.

Существует узкое и широкое толкование этого термина. В узком смысле термин используется в публицистике и политологии преимущественно в негативной коннотации. Ряд авторов понимают под ним некий набор практик и способов манипуляций с гуманитарными знаниями для достижения каких-то узких прикладных задач. Речь не о познании мира, а о препарировании знаний о нём в каком-то заданном ключе. Представляется, что в таком толковании это просто калька с политехнологий и не имеет ничего общего с глобальным видением тех задач, которые стоят перед гуманитариями в XXI столетии.

Мне больше импонирует широкое определение «гуманитарных технологий», где акцент делается на практичности, публичности, стратегическом характере получаемых результатов. Принципиальным моментом такого толкования понятия выступает систематизация знаний с использованием особых «нематериальных» элементов: различного типа знаний, идей, схем, гипотез, знаковой среды и т. д. Систематизация и структурирование огромных массивов данных о человеческом прошлом за периоды большой длительности может рассматриваться как пример современных гуманитарных технологий.

С этой точки зрения бурное развитие в мировой историографии на рубеже веков, особенно в начале 2000-х годов и до настоящего времени, такого нового направления как «глобальная история» (и демонстрируемое ею возрождение общественного запроса на объяснение исторических трендов развития человечества в длительной перспективе с использованием нового языка и новых технологий подачи текстового и визуального материала) является логичным следствием произошедшего информационного бума и важнейшим вызовом для историков-гуманитариев.

В современной исторической науке возрождение и упадок того или иного направления четко коррелирует с названиями журналов и специальных «словарей». В силу иерархичности современных знаний сколь-нибудь заметные историографические явления контролируются ведущими англоязычными издательскими домами, которые уже давно монополизировали рынок научного контента. Это либо крупнейшие университетские издательские дома (Оксфорд, Кембридж), либо такие транснациональные корпорации, как «Блэквел», «Бриль», «Палгрейв» и т. д.

Применительно к рассматриваемой тематике характерным стал не просто прогрессирующий рост региональных ассоциаций с прилагательным «глобальный» в названии, а появление в 2006 году в линейке журналов «Кембридж юниверсити пресс» издаваемого на базе Лондонской школы экономики специализированного журнала «Глобальная история» [о центральном для направления печатном органе и его тематическом наполнении см. три: Slaa, 2006–2011]. Мало того, знаменитая французская школа «Анналов», проповедовавшая микроисторический подход и в известной степени оппонировавшая как марксизму, так и другим универсалистским подходам, в 2015 году фактически признала необходимость диалога с макроисториками, целиком посвятив тематический номер своего печатного органа — журнала «Анналы: история, науки об обществе», повороту в сторону больших длительностей и макроисторических исследований [La longue durée en débat. Annales. Histoire, Sciences Sociales, 2015. V.2: 285–287]. Самым последним актом «признания» глобальной истории стал тематический номер другого авторитетного журнала — «Прошлое и настоящее» (Past and Present), издаваемого в Оксфорде и целиком посвятившего свой ноябрьский номер 2018 года теме «глобального средневековья» [The Global Middle Ages. Past and Present, 2018. V. 238].

Парадокс глобальной истории заключается в том, что несмотря на активное развитие целой плеяды ассоциаций, лабораторий и исследовательских

групп, несмотря на конституирование научного направления в виде введения крупнейшими западными университетами в номенклатуре специальностей должности «профессор глобальной истории», никто так и не дал четкого определения, что это такое. Впрочем, стоит вспомнить, что и в случае цивилизационного подхода чёткого и разделяемого всеми определения «цивилизации» так и не появилось. Вероятно, не стоит строго судить о новом научном направлении, переживающем стадию бурного роста.

По сути, речь идёт лишь об описательном подходе, определяющем «глобальную» либо в качестве антитезы других (в том числе традиционной «всемирной») методом от обратного, либо путём перечисления тем, которые, несомненно, к ней относятся, — в том и другом случае путем длинного перечня характеристик, которые никак не сводятся к емкому определению. Несмотря на появление ряда работ российских историков [См. например: *Репина*, 2011: 197–250; *Ионов*, 2015; *Шестова*, 2012: 77–82], пытающихся внести ясность в этот вопрос, пожалуй, самой понятной и легко читаемой для столь непростой темы является переведенная в 2018 г. на русский язык книга немецкого историка Себастьяна Конрада «Что такое глобальная история» [Конрад, 2018]. В ней он выделяет три разновидности глобальной истории: *модель «истории всего»* при взгляде на человеческую историю в планетарном масштабе из космоса (противостоящая евроцентричной «всемирной истории» прошлых веков); *модель обменов и связей* между различными частями мира в возможно более ограниченный спектр времени (противостоящая парадигме замкнутых на себя историй отдельных стран); *модель глобального контекста* развития стран и регионов (поиск и анализ синхронности в развитии стран и регионов в разные эпохи, больший акцент на внешних факторах, нежели внутренних) [Конрад: 23–37; 90–94].

Публикация в 2018 году Институтом всеобщей истории РАН завершающего 6-го тома из серии «Всемирная история» (2011–2018 гг.) под редакцией академика А. О. Чубарьяна, по сути, знаменовала собою ренессанс макроисторических исследований в Российской Федерации [Всемирная история, 2011–2018]. Со времён выхода десятитомной советской «Всемирной истории» в 1955–1965 годах прошлого века не было ни одного проекта такого масштаба, не говоря о применении методов глобальной истории в исполнении российских авторов. Интересно, что элементы глобальной истории разрабатывались параллельно с официальной марксистской парадигмой рядом советских историков. В процессе подготовки над новой «Всемирной историей» сотрудниками ИВИ РАН был проведён анализ имеющегося багажа и выявлена преемственность с новаторскими для второй половины XX века работами, оставленными нам такими исследователями, как Б. Ф. Поршнев и И. В. Можейко (он же Кир Булычев) [Можейко, 1989]. Приёмы сквозного обобщающего взгляда на исторические периоды «из космоса», «горизонтальные срезы» истории сквозь все континенты и регионы были впервые применены в введениях и заключениях томов «Всемирной истории» 2011–2018 гг. [Ouvarov, 2018]. Как показали отзывы на выход всей серии, результаты презентаций и встреч

с читателями 2018 г. на разных площадках в России и Франции, эти срезы пользуется большой популярностью, особенно у преподавателей вузов — как лодия в океане исторической информации по этапам мировой истории. Презентация проекта в российском представительстве при ЮНЕСКО в Париже показала конкурентоспособный потенциал данного подхода в исполнении российских историков (с учётом всех семи книг, проект по «Всемирной истории» объединил свыше 250 авторов и рецензентов со всей страны).

В ходе реализации проекта по «Всемирной истории» были апробированы не только новые методологические подходы, но и новые технологии подачи материала — современным языком, с большей визуализацией как через ассоциативный компаративистский ряд, текстовые «клипы», так и инфографику, новый картографический материал и т. д. Как и любой крупный проект, он принес институту ряд нелинейных решений, в частности придал импульс развитию собственных кадров по исторической географии, использованию ГИС-технологий в условиях развала тех центров и групп картографов «старой школы», которые обеспечивали качественным контентом крупнейшие научные издательства страны.

Институт всеобщей истории РАН продолжает развивать направление глобальной истории. Одним из примеров стало проведение 19–21 сентября 2018 г. в партнерстве с Институтом перспективных исторических исследований крупной международной конференции «Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны», посвященной общеевропейскому кризису XVII века [Три даты трагического пятидесятилетия Европы, 2018]. Другим примером стала популярная история Китая в средневековом мире [Уваров, Рябинин, 2017]. В этом же направлении развивается проект «Новой всемирной истории XX столетия», посвященный углубленному прочтению процессов и явлений ушедшего столетия с использованием наработанного ИВИ РАН арсенала технологий работы по макроисторической тематике.

Современный мир — это пересечение глобального и локального, это море информации, постоянно пополняемой и изменяемой. В этих условиях возникает естественный запрос на рамочное видение человеческого прошлого, на понимание сложных взаимосвязей, поведение сложных систем и т. п. Одной из особенностей познания прошлого с высоты сегодняшнего момента является способность селективно обобщать быстро растущую информацию. По сути, это способность создавать и воспринимать (уметь читать) глобальные исторические нарративы. Не каждая историографическая школа способна проводить исследования и создавать продукты в области глобальной истории. Не каждый читатель подготовлен к чтению такой сложной и системообразующей литературы. Но в той или иной форме наследие советской исторической школы, хотя бы даже в самом желании системно мыслить применительно к человеческой истории, пионерские разработки выдающихся ученых историков прошлого века и желание постичь

суть общемировых явлений говорят о перспективах ренессанса макроистории, об огромном потенциале этого направления и об ответственности макроисториков перед взыскательными читателями и современными потребителями продукции высоких гуманитарных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2011–2018. Т. 1, 2011, Т. 2, 2012, Т. 3, 2013, Т. 4, 2013, Т. 5, 2014, Т. 6, 2017–2018.
2. *Ионов И. Н.* Мировая история в глобальный век. Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015.
3. *Конрад С.* Что такое глобальная история? М.: НЛЮ, 2018. 312 с.
4. *Можейко И. В.* 1185 год. М.: 1989. 524 с.
5. *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
6. Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. / Назаров В. Д., Уваров П. Ю. (отв. ред.) М.: ИВИ РАН, 2018.
7. *Шестова Т. Л.* Истоки и перспективы глобальной истории // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества. Хрестоматия. Библиотека факультета глобальных процессов МГУ. Волгоград: Учитель, 2012. С. 7782.
8. *Уваров П. Ю.* Раннее Новое время: взгляд из Средневековья // Новая и Новейшая история 2011 № 2, С. 109–120.
9. *Уваров П. Ю., Рябинин А. Л.* Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории. М.: Наука, 2017. 286 с.
10. *Hunt L.* Writing history in the global era. New York, 2014. 208 p.
11. La longue durée en débat. Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2015. Vol. 2.
12. *Ouvarov P.* A propos de la coercion à l'interdisciplinarité // Espagne-Inde-Russie. Centres, Borderlands, and Peripheries of Civilisations/ Anniversary Book Dedicated to Professor Jan Kieniewicz on His 80th Birthday / Éditeurs J.S.Ciechanowski & C. González Cazán, Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Sub Lupa, 2018. P. 533–546.
13. *Slaa B.* The Journal of Global History. A critical journal review. 2006–2011 // [Электронный ресурс] URL: [https://www.rug.nl/\(...\)bal-history-slaa.pdf](https://www.rug.nl/(...)bal-history-slaa.pdf) (дата обращения: 01.04.2019).
14. The Global Middle Ages / Past and Present. November 2018, Volume 238, Issue suppl.13.

Ю. А. Петров

ЭПОХА «ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ» РОССИИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Эпохой «великих потрясений» в истории России, следуя крылатому выражению П. А. Столыпина, не дожившего до этих времён, в современной отечественной исторической науке принято обозначать период 1914–1922 гг. Менее чем за десятилетие Россия пережила мировую войну, Великую революцию и войну гражданскую, и эти события коренным образом изменили исторический вектор развития всего мира. На смену Российской империи пришел Советский Союз, заново собравший державу и провозгласивший курс на построение новой общественной формации. По силе воздействия на общемировые процессы Первая мировая война, Великая российская революция и начавшийся в ее результате «советский эксперимент» признаны одними из важнейших событий XX века.

Актуальность изучения этого судьбоносного этапа отечественной истории обусловлена, прежде всего, объективной потребностью современного российского общества после длительного периода идеологического и историографического мифотворчества перейти к объективному осмыслению эпохи 1914–1922 гг. как исторически закономерного звена исторического развития России. Немалый импульс исследованиям придали 100-летие начала мировой войны и российской революции, привлечшие повышенное внимание профессионального сообщества к событиям вековой давности [См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение..., 2014; Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918..., 2014; Российская революция 1917 года: власть, общество, культура, 2017; Великая российская революция: сто лет изучения..., 2017].

Следует отметить характерное для современных исследований стремление раздвинуть хронологию революционных событий в России, анализировать их в более широком историческом контексте, в продолжительных хронологических рамках «эпохи великих потрясений» 1914–1922 гг. В последние годы особое внимание уделяется роли Первой мировой войны в нарастании революционных процессов в стране. В период войны во всех воюющих странах на фоне падения уровня жизни населения, кризиса прежних властных институтов и ценностей наблюдалась резкая радикализация общественных настроений. Популярными становились идеи социального переустройства мира на «справедливых» началах. Россия оказалась в эпицентре этого катаклизма, здесь наблюдалось особенно сложное переплетение военных и революционных процессов, обусловивших масштаб, глубину и ожесточенность событий.

В советской историографии Первая мировая война десятилетиями находилась «в тени» Октябрьской революции и рассматривалась главным обра-

зом в контексте поиска объективных причин возникновения и становления коммунистического режима. В результате в современном российском обществе сложилось представление о Великой войне, как называли Первую мировую ее современники, как о «белом пятне» отечественной историографии, или «забытой» странице российской истории. Однако для профессиональных историков Первая мировая война никогда не была забытой. Ученым удалось многое сделать, несмотря на то, что долгие годы эта тема находилась на периферии общественного сознания. За последние годы в свет вышло множество публикаций исторических источников, статей и монографий, историографических исследований [См.: Белова, Гребёнкин, 2013; Сергеев, 2014].

Примером удачного обобщающего издания, «впитавшего» в себя современные историографические тенденции, стала энциклопедия «Россия в Первой мировой войне. 1914–1918» [Россия в Первой мировой войне..., 2014]. В издании, в подготовке которого приняли участие около 200 ведущих отечественных специалистов, освещены как военные события, так и внешне- и внутривосточные, экономические и социальные процессы периода войны, ее последствия для страны.

Первая мировая, ставшая и первой тотальной войной в истории человечества, потребовала мобилизации людских, финансовых ресурсов, производственных мощностей и перестройки системы управления народным хозяйством. Она стала громадным испытанием, которое Россия до 1917 г. в целом выдерживала благодаря тому, что в предвоенные годы страна по объему промышленного производства вошла в число пяти наиболее экономически развитых государств мира. Сокращение внутреннего валового продукта на душу населения за 1914–1917 гг. в России составило около 18 %, тогда как в Германии — свыше 20 %, а в Австро-Венгрии — более 30 %. Военные противники, таким образом, испытали больший экономический спад, чем Россия [См.: Маркевич, Харрисон, 2013]. Уровень жизни населения за годы войны в целом снизился, но не критически. В итоге в современной исторической науке поставлен под сомнение традиционный тезис советской историографии обо всё более ухудшавшемся материальном положении населения России в годы войны как основе расширения протестных настроений.

Экономический фактор в итоге признано считать недостаточным для объяснения того, почему именно в России в ходе войны произошла революция (в других странах — после завершения войны). Во всяком случае, может считаться преодолённым известный постулат В. И. Ленина о «пауперизации масс» как главной предпосылке нарастания революционного кризиса в России.

Конечно же, война так или иначе повлияла на состояние всех социальных групп империи, прежде всего рабочих и крестьян, она деформировала их сознание, нарушив привычный уклад жизни и сделав насилие повседневностью [См.: Поршнева, 2004]. Поэтому учёные обратились к изучению вопроса о том, насколько война изменила облик общества, настроения на

фронте и в тылу, поведенческие стереотипы населения, его повседневную жизнь. Изучаются изменения в общественном сознании, эволюция ментальности различных социальных слоев, созревание в них протестных, революционных настроений, формирование практик выживания в условиях Гражданской войны [Аксёнов, 2002; Семенова, 2012; Асташов, 2012]. Нынешнее поколение учёных, отечественных и зарубежных, с его особым интересом к микроистории, истории повседневности, исследует «войну жертв», что во многом обусловлено необходимостью осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между мировой войной, революционным движением и возникновением тоталитарных режимов [Kramer, 2014. Vol. 12. № 1: 5–26, № 2: 155–174; Первая мировая война..., 2014].

Для современной зарубежной историографии также характерен перенос акцента с революционных событий 1917 г. на Первую мировую войну. Так, американский историк П. Холквист в книге с примечательным названием «Революция ковалась в войне: непрерывный кризис в России 1914–1921 гг.» [Holquist, 2002] выдвигает тезис о том, что русскую революцию следует рассматривать в контексте общеевропейского кризиса 1914–1921 гг., учитывая те серьезные институциональные, политические и идеологические изменения, которые произошли в стране в годы войны. С ним солидарен другой американский ученый А. Коэн, который рассмотрел роль Первой мировой войны в истории русской культуры и ее воздействие на публичную сферу [Cohen, 2008]. По его мнению, для культурной жизни России война имела гораздо большее значение, чем революция.

В целом, в зарубежной русистике последних лет проделана значительная работа по изучению истории Российской империи в годы мировой войны. Наполняется новым фактами рассмотрение таких тем, как степень готовности России к войне, социально-экономическое положение и внутренняя политика последних лет империи, «цена» участия России в войне в связи революцией 1917 г. [Lieven, 1993; Figes, 1996; Wade, 2000]. Активно разрабатываются такие ранее слабо изученные проблемы, как межнациональные отношения и политика правящего режима по национальному вопросу, морально-психологическое состояние российского общества, политика по отношению к «вражеским подданным», беженцам и жертвам войны. Появляются исследования, затрагивающие важную проблему исторической памяти россиян о Первой мировой войне [Бэдкок, 2007: 103–112; Gatrell, 1999; Petrone, 2011].

В исследованиях последних лет отсутствует распространенный ранее жесткий детерминизм по формуле «революция есть прямое следствие неудачной войны». В «Кембриджской истории России», написанной ведущими представителями англо-американской русистики, подчеркивается, что основной причиной военных поражений России в 1914–1915 гг. чаще была не нехватка снарядов или плохая работа транспорта, а «человеческий фактор» — промахи в командовании. Тем не менее, несмотря на все тяготы войны, к началу 1917 г. военно-стратегическое положение России благодаря

мобилизации тыла улучшилось, и ее поражение далеко не было предопределено [См.: *Lieven*, 2006: 659, 662].

Вместе с тем, по устоявшимся в западной историографии традициям роль России в мировой войне и ее вклад в конечную победу лагеря Антанты над блоком Четверного союза, как правило, приуменьшаются; вооруженным силам России, их участию в боевых действиях, а также политическим и социально-экономическим процессам, происходившим в России в тот период, часто даются предвзятые оценки, зачастую граничащие с мифотворчеством.

Что касается современных подходов к исследованию российской революции, то благодаря усилиям отечественного исторического сообщества преобладающей тенденцией стала трактовка событий 1917–1922 гг. как единой Великой российской революции, прошедшей в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну. Важным достижением стало утверждение в научной среде представления о революции как о сложном и многофакторном процессе, а не одномоментном событии. Гражданская война рассматривается как прямое следствие и продолжение революционных событий 1917 года, как особый этап революции. Данный подход позволяет преодолеть сохраняющуюся в современном общественном сознании россиян дихотомию восхваляющего мифотворчества («революция — локомотив истории») и идеологически ангажированного негативизма («революция — абсолютное зло»).

Великая российская революция и начавшийся в ее результате «советский эксперимент» по силе воздействия на общемировые процессы признаются одним из важнейших событий XX века, как в свое время и Великая французская революция изменила вектор развития западной цивилизации в XIX веке. Вместе с тем, в постсоветский период коренным образом изменилось восприятие революции в исторической памяти населения нашей страны. События 1917–1922 гг. большинством россиян продолжают оцениваться как одно из решающих событий национальной и мировой истории XX в., но все более приходит осознание того, что революция и спровоцированная ею Гражданская войны принесли величайшие бедствия народам России (распад государства, экономический коллапс, громадная потеря населения от военных конфликтов и эпидемий и др.). В последний период изменилась и позиция власти, по инициативе которой день Октябрьской революции (7 ноября) перестал быть государственным праздником. Вместе с тем надо отметить, что современное государство не навязывает профессиональным ученым трактовок и оценок революции, как то было в советское время. Напротив, экспертные заключения науки являются основой для принятия государственных решений в области исторической политики.

Заметим, что если прежде отечественная и зарубежная историография в целом противостояли друг другу, то в постсоветскую эпоху наметилось формирование диалогового, единого историографического пространства. В последние годы отечественным и зарубежным исследователям по ряду дискуссионных проблем удалось преодолеть идеологическое и политиче-

ское противостояние, выработав общие взвешенные оценки, хотя это не исключает научных разногласий и острых споров. Удалось приступить и к реализации совместных исследовательских проектов [Критический словарь Русской революции..., 2014].

Одним из таких диалоговых направлений является анализ событий российской революции в качестве фактора, определившего все аспекты политической, социальной, экономической и культурной жизни страны. Основной тенденцией современной историографии следует признать отказ рассматривать революцию как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Великая российская революция рассматривается как часть системного кризиса государства, вызванного мировой войной и завершившегося только с окончанием войны гражданской.

Важная историографическая особенность — рассмотрение революции и Гражданской войны как явления, которому предшествовал длительный подготовительный процесс. Неслучайно в отечественной историографии появилась концепция В. П. Данилова о «великой крестьянской революции» в России 1902–1922 гг., согласно которой ключевые события в это время происходили в деревне, где «крестьянская революция» растянулась более чем на 20 лет [Данилов, 2011].

За последние годы произошли серьёзные изменения в теоретико-методологической базе исторических исследований, значительно расширилась археографическая база. В российской историографии всё активнее ставится вопрос о том, что причины революции надо искать в противоречиях, порожденных стремительным характером модернизации страны, в трудностях перехода от традиционного общества к современному, которые в силу ряда причин оказались для России непреодолимыми.

Остаётся дискуссионным вопрос о соотношении успехов и трудностей на пути модернизации: «оптимистам», подчёркивающим однолинейный и притом значительный рост уровня жизни подданных империи в начале XX в. [Миронов, 2012], противостоят «пессимисты», которые рост населения России связывают с уменьшением душевого потребления. Так, с точки зрения С. А. Нефёдова, быстрый рост населения страны в XIX в. привёл к нехватке продовольственных ресурсов и резкому увеличению молодёжи в возрастной структуре населения, что значительно усилило социальную активность и повысило агрессивность общества, выплеснувшуюся в форме революционного взрыва и гражданского противоборства [Нефёдов, 2011].

Основной акцент в поиске причин революции историками делается на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени, с так называемым кризисом развития, и понимала необходимость реформ. Политическая элита страны на рубеже веков использовала в государственном управлении консервативные модели, поддаваясь новациям только под внешним нажимом, таким как первая российская революция 1905–1907 гг. Под ее влиянием российский политический режим начал развиваться в направлении к конституционной монархии, была сформирована система пар-

ламентаризма, в которую были вовлечены все основные политические силы. Однако эти шаги не смогли предотвратить острый политический кризис, порожденный экстремальными условиями мировой войны.

Согласно подходу, который разделяет большинство профессиональных историков, революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом, и этот конфликт породил эскалацию социальной агрессии в форме открытого вооруженного противостояния.

Одним из центральных остаётся в историографии вопрос, были ли события начала Великой революции в феврале 1917 г. результатом стихийного народного выступления или заранее подготовленного заговора «верхов»? Доминирующим в исторической литературе является признание стихийного характера начала революции. Февральская революция стала триумфом бунтующей массы над ослабевшей властью, терявшей авторитет и даже веру в самое себя. В кризисные моменты стихийная сила иррационального, подсознательного, инстинктивного в человеке зачастую выходит на передний план, вызывая к жизни стихию «красной смуты» [Булдаков, 2010 а].

Вместе с тем, в связи со 100-летней годовщиной революции вновь вышла на поверхность и подзабытая «конспирологическая» концепция, согласно которой втягивание империи в войну, а затем и её падение интерпретируются как результат заговора внешних (германских или британских), либо внутренних «злокозненных» сил — либералов, революционеров, масонов, генералов и т. д. Революция в России, полагают сторонники этой версии, не имела серьёзных внутренних предпосылок, а была подготовлена и совершена сначала в феврале 1917 г. «безответственными либералами», а затем перехваченными у них власть большевиками на иностранные деньги.

Некоторые современные исследователи возвращаются к поиску «виновных», предлагая в этом качестве то «деструктивную деятельность» все той же российской либеральной общественности, то конспирологическую активность «элит». Так, О. Р. Айрапетов утверждает, что либеральная оппозиция смогла дискредитировать правительство, дезориентировать генералитет и в союзе с последним сокрушить правящий режим [Айрапетов, 2003: 203, 227–229]. По мнению С. В. Куликова штабом революции являлся Центральный военно-промышленный комитет, причём ключевую роль в свержении монархии сыграл альянс революционной и общественной «контрэлит» [Куликов, 2004: 394–401].

Конспирологический подход претендует на новизну, но на самом деле является достаточно архаичным и по характеру используемых источников (все они были хорошо известны ещё в период «первой волны» русской эмиграции), и по пониманию исторических процессов, подменяя осмысление глобальных событий поиском таинственных злодеев. У большинства профессиональных историков конспирологическая версия революции не находит поддержки, хотя и продолжает активно присутствовать в медиа-пространстве.

Дилетантское «переписывание» истории нередко осуществляется путем механической перестановки плюсов на минусы (раньше героями были «красные», теперь — «белые») и возведения на пьедестал тех, кто в советские времена считался «антигероями», начиная с императора Николая II и главы Временного правительства А. Ф. Керенского. Большинство современных российских и зарубежных исследователей отвергают такой подход, который явно противоречит накопленному исторической наукой массиву данных о событиях столетней давности. Важным вопросом современной историографии революции по-прежнему остаётся проблема исторической памяти, изучение механизмов актуализации образа революции и практики его использования в политических целях.

В истории революции особое внимание вызвал старый вопрос о роли Германии в финансировании политической деятельности большевиков. Научное сообщество исходит при анализе этой проблемы из того факта, что «пораженческая» позиция Ленина и его сторонников объективно была выгодна Германии и в условиях продолжающейся войны справедливо воспринималась в России как предательская. Однако Ленин как революционер-интернационалист не был платным агентом Германии, использовав помощь военного противника в собственных целях. Революция в России рассматривалась большевиками как «фитиль», от которого должен был вспыхнуть пожар мировой революции.

Не менее актуальным остаётся исследование влияния событий 1917–1922 гг. на процесс распада единого Российского государства и его возрождение в советской форме. Центр тяжести изучения революции все отчетливее смещается от событий 1917 года в Петрограде и Москве к анализу революционных процессов в регионах России. После Февраля 1917 г. наметилось расширение требований национальных политических элит, начавших активно выступать за политическую самостоятельность своих регионов. По сути, революция стала главным фактором распада единого Российского государства. В значительной степени тон в национально-сепаратистском движении задавала украинская Центральная рада.

При этом в деятельности национальных организаций, так называемых малых народов, преобладали вопросы культурного строительства (особенно у мусульман) и местной автономии. Мусульмане ожидали Учредительное собрание, возлагая надежды на новое государственное устройство. После его роспуска большевиками стало ясно, что Советская власть, вопреки своим официальным заявлениям и лозунгам, нарушила свободу самоопределения народов. Тем не менее, несмотря на усилия разных политических сил радикализировать российских мусульман, большинство их, под влиянием религиозных установок, придерживалось позиций социального непротivления.

Отметим, что в случае с «национальным» ракурсом революции до сих пор остро стоит вопрос, являлись ли революционные события на Украине, в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике и т. д. частью общероссийской революции или их следует рассматривать как особые «национальные» рево-

люции. Историки большинства постсоветских стран склонны их «национализировать», отрывая от общероссийского контекста. Напротив, российские учёные изучают события революции и Гражданской войны на всём пространстве бывшей империи как важнейший фактор складывания новой советской государственности.

Важно подчеркнуть, что в современной литературе пересматриваются многие догматы советского периода. В частности, Советы периода весны-лета 1917 г. представлялись органом власти, существовавшим параллельно с Временным правительством и до поры до времени делившим с ним полномочия (отсюда и хрестоматийный тезис о «двоевластии»). В реальности весной-летом 1917 г. Советы в большинстве случаев на власть не претендовали, от неё дистанцировались, однако, как это ни парадоксально, чаще всего на практике располагали ей. Они осуществляли власть, принимая фактически законодательные решения, и при этом полагали, что лишь осуществляют контроль над правительством. Влияние Советов на политическую жизнь свидетельствовало не столько о двоевластии, сколько о разрушении властной вертикали и утрате управляемости страной.

Не менее уязвимым оказалось и традиционное представление о «триумфальном шествии Советской власти» с осени 1917 до весны 1918 г., которое не подтверждается научными исследованиями последних лет. Период этот стал не триумфальным шествием новой власти, а очередным витком политической борьбы, которая пока не перешла в фазу масштабного вооружённого противостояния, но, по сути, являлась проявлением военизированной охлократии. На рост социальной агрессивности в городах значительное влияние оказывали солдаты и многочисленные мигранты (беженцы, эвакуированные, военнопленные и т. п.). Именно к ним, а не к Советам, прежде всего к солдатам-дезертирам переходила власть на местах осенью 1917 — весной 1918 гг. Структурирующим элементом складывавшейся политической системы становилось тотальное и неконтролируемое насилие, которое временно заменило силу государственной власти.

Революция со всей очевидностью показала, что ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) так и не смогли «укорениться» на российской почве. В ментальности большинства народа преобладали традиционные лозунги «земля и воля», к которым во время мировой войны добавился новый — «мир без аннексий и контрибуций». Те политические партии, которые безоговорочно поддерживали эти лозунги, получили массовую поддержку и, в конечном счёте, одержали победу.

За последние 25 лет настоящий бум исследовательского интереса, помимо собственно революционных событий 1917 г., пережила и история Гражданской войны. Тому способствовало как высвобождение профессионального сообщества из-под идеологического пресса советского периода, так и «архивная революция» 1990-х гг., открывшая историкам доступ практически ко всему документальному наследию эпохи. Более ста докторских и несколько сот кандидатских диссертаций, посвящённых различным аспектам

истории Гражданской войны в России, были защищены в России в постсоветский период. Наиболее значимым достижением этого периода стало введение в научный оборот огромного количества источников, которые пролили новый свет на события вековой давности.

Новая историография нашла и новые, нетрадиционные подходы к изучению Гражданской войны. В зарубежной русистике в 90-е годы XX в. сформировалось направление, именуемое «новой политической историей», активно использующее культурологические и антропологические методы. Зарубежные и отечественные авторы активно работают и в русле «новой культурной истории», изучая такие неизвестные прежде сюжеты Гражданской войны, как менталитет, язык, символы, ритуалы, культурные ориентиры, массовые действия, идеологию, пропаганду, психологию, сексуальные отношения и др. [См.: *Голдин*, 2012]. В конечном счёте, эти усилия устремлены к новому прочтению и пониманию сложнейшего и многогранного феномена Гражданской войны в России.

Однако, увлекшись новыми направлениями исследования, историки оставили без внимания подготовку работ, претендующих на обобщающий характер и посвященных общероссийской проблематике Гражданской войны. Большинство современных работ представляют собой отдельные фрагменты, из которых пока трудно складывается единая и соответствующая истине ткань истории. Например, до сих пор нет объективной научной картины рождения в годы Гражданской войны нового советского государства и общества. Из тех направлений, где можно говорить об известном прогрессе, следует назвать изучение антибольшевистского и Белого движения (при этом наметилась тенденция к его идеализации), политической истории, аграрно-крестьянских отношений [См., напр.: *Кондрашин*, 2009]. Существенно удалось продвинуться в изучении красного и белого террора в годы войны [*Литвин*, 2004].

Началом Гражданской войны в России фактически стал приход большевиков к власти. Следует признать, что курс советского правительства на гражданскую войну с вовлечением в неё огромных масс населения страны, был вполне сознательным. Провозвестником общероссийских событий явилось вооруженное противостояние в начале 1918 г. в отложившейся Финляндии, причём дело не обошлось без помощи «красным финнам» со стороны большевиков, что имело трагические последствия для русского населения Финляндии [См.: *Булдаков*, 2010 б].

В более широком хронологическом контексте можно говорить о генезисе Гражданской войны в связи с событиями российской революции 1905–1907 гг. Их результатом стала эскалация насилия, нарастание атмосферы взаимной ненависти. Полномасштабной гражданской войны тогда удалось избежать, но события 1905 г. оставили неизгладимый след в общественном сознании и создали почву для будущей братоубийственной войны [*Петров*, 2002].

В 1917 г., как и в 1905 г., речь шла о так называемой «малой» гражданской войне, которая имела регионально-локальные и очаговые проявления

и не приобрела пока общероссийских масштабов. Переход к «фронтовой» войне произошел весной-летом 1918 г. под влиянием разных факторов, в том числе интервенционистской политики держав Антанты. Военное противостояние стало определять и подчинило себе жизнь всего российского общества. В эту борьбу были втянуты все классы, социальные группы и слои населения [Голдин, 2012: 45–89].

Нельзя не отметить, что не все новации современной историографии представляются оправданными. Объективному постижению истины нередко препятствует политизированный подход, не до конца изжито и принципиально неприемлемое для науки разделение историков на «белых» и «красных». Так, отмечаются попытки расширить хронологию Гражданской войны до начала 1930-х гг. (в связи с протестным движением против коллективизации), а также объявить коллаборационистское власовское движение в годы Великой Отечественной войны «второй гражданской войной» [История России. XX век, 2009]. Эти взгляды не находят поддержки у большинства профессиональных историков, которые обоснованно исходят из того, что Гражданская война в истории России была одна, началась она осенью 1917 г., а закончилась в конце 1922 г. созданием нового, советского, государства [Поляков, 1992: 32–33].

Влияние политического фактора на историческую науку заметно и в трактовках истории войны в постсоветских республиках. После распада СССР здесь стала доминировать тенденция «национализации» истории, затронувшая, как отмечалось, и период революции, а также Гражданской войны. Так, тенденция восприятия событий 1918–1922 гг. на окраинах бывшей Российской империи через единый центр государства в республиках Центральной Азии и Закавказья заменена на трактовку, согласно которой Россия являлась главной угрозой созданию их собственного государства, а Гражданская война интерпретируется как война антиколониальная или межэтнический конфликт.

В современном историографическом пространстве подчас наблюдается своего рода идейная инверсия, смена полюсов без сколь-нибудь доказательного обоснования. Так, в советский период Русская православная церковь рассматривалась в качестве действенного пособника контрреволюционеров. В исследованиях постсоветского времени прежний взгляд на Церковь как на «оплот контрреволюции» окончательно отвергнут. Вместе с тем, некоторые «раскаявшиеся» историки стали приписывать советскому безбожному государству сатанинскую репрессивность, а церкви — роль беспомощной жертвы. Наименее разработанной при этом остается тема «духовенство и Белое движение».

Известно, что в боевых действиях на фронтах Гражданской войны со стороны красных и белых принимало участие не более 3 % населения России, основная его масса с трудом поддавалась «красно-белой» идентификации. Перед историками стоит задача более пристально рассмотреть положение широких социальных слоев, так называемых «обывателей», а по сути основной массы населения, вынужденного выживать в экстремальных ус-

ловиях вооруженного противоборства. Психология «маленького человека», в том числе так называемых «бывших», их повседневная жизнь и практики выживания постепенно становятся объектом изучения большой науки [Нарский, 2001].

Таким образом, современная историческая наука по ряду направлений изучения Гражданской войны в России действительно совершила исследовательский прорыв, но впереди предстоит большая работа по созданию обобщающей научной истории войны. Цели объединения профессионального сообщества была подчинена международная научная конференция, проведенная в 2018 г. Институтом российской истории РАН совместно с Государственным центральным музеем современной истории России к 100-летию начала гражданской войны [См.: Россия в годы Гражданской войны..., 2019]. На очереди — создание крупного обобщающего труда в рамках проводимой Институтом российской истории РАН работы по подготовке 20-томной академической истории России.

Подводя итог, можно констатировать, что непомерно высокая цена, которую заплатила Россия в XX в. за революционный эксперимент, во многом стала следствием того, что политические элиты страны не справились с исторической задачей обеспечить эволюционное движение страны по пути модернизации. Жёсткие, травмирующие действия пришедших к власти большевиков были этически неприемлемыми для значительной части населения страны, однако исторически обусловленными ответами на реальные, назревшие вопросы российской действительности.

Великая российская революция на долгие десятилетия предопределила развитие России, да и всего мира. Идеология социалистического мироустройства, под флагом которой большевики пришли к власти в октябре 1917 г., оказала серьёзное воздействие на страны Запада, где с 1920-х гг. под влиянием советской России начался переход от классической модели капитализма свободной конкуренции к строительству социального государства. На Востоке события российской революции вызвали мощную волну леворадикальных движений, приведших в ряде стран к установлению советской модели общественного устройства.

В исторической литературе давно утвердилось понятие «долгий XIX век», который в отличие от астрономического начался в 1789 г. Великой французской революцией, а завершился с началом Первой мировой войны. Исторический XX век для человечества оказался, напротив, короче, поскольку его досрочное окончание в 1991 г. оказалось связано с распадом того государства, которое было порождено Великой российской революцией.

Связанные с ней узловые проблемы истории России XX века неизменно актуализируются и по-своему прочитываются на каждом новом этапе исследования. Осмысление событий, которые привели к масштабному «советскому эксперименту», остается актуальной задачей современных историков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.
2. *Аксёнов В. Б.* Повседневная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
3. *Асташов А. Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012.
4. *Белова И., Гребёнкин И.* Первая мировая: великая забытая война // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013.
5. *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010 а.
6. *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010 б.
7. *Бэдок С.* Переписывая историю Российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4.
8. Великая российская революция: сто лет изучения: материалы Международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017.
9. *Голдин В. И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012.
10. *Данилов В. П.* История крестьянства в XX веке. Избранные труды: в 2-х тт. М., 2011.
11. История России. XX век: В 2 т. / под ред. А.Б. Зубова. М., 2009.
12. *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
13. Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / Сост. Э. Актон, У. Розенберг, В. Черняев. СПб., 2014 (1-е изд. — СПб., 1997).
14. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
15. *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922. М., 2004.
16. *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013.
17. *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012.
18. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
19. *Нефёдов С. А.* К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1.
20. Первая мировая война. Современная историография. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. Любин В. П., Минц М. М. М., 2014.
21. *Петров Ю. А.* 1905-й год: пролог Гражданской войны // Россия в начале XX в. М., 2002.
22. *Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6.

23. *Поршинева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
24. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред. Ю. А. Петров. В 2-х тт. М., 2017.
25. Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта. Материалы Международной научной конференции. Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2019.
26. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014.
27. Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров. М., 2014.
28. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3-х тт. Ред. кол.: А. К. Сорокин (отв. ред.), Ю. А. Петров и др. М., 2014.
29. *Семенова Е. Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.
30. *Сергеев Е. Ю.* Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2.
31. *Cohen A. J.* Imagining the Unimaginable: World War, Modern Art, and the Politics of Public Culture in Russia, 1914–1917. Lincoln: University of Nebraska press, 2008.
32. *Figes O. A.* People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. L., 1996.
33. *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.
34. *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge — London, 2002.
35. *Kramer A.* Recent Historiography of the First World War // Journal of Modern European History. Vol. 12. 2014. №1. P. 5–26; № 2. P. 155–174.
36. *Lieven D.* Nicholas II: Emperor of all the Russians. London, 1993.
37. *Lieven D.*, ed. The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge, 2006. P. 659, 662.
38. *Petrone K.* The Great War in Russian Memory. Bloomington, 2011.
39. *Wade R.* The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2000.

А. К. Аликберов

ОБ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПОДХОДАХ К ГУМАНИТАРНОМУ ЗНАНИЮ В ВОСТОКОВЕДЕНИИ

К идеалу целостного знания о народах и культурах Востока, подразумевающему междисциплинарный синтез входящих в состав востоковедения гуманитарных (в широком смысле) наук, стремилось не одно поколение ориенталистов. С момента своего возникновения востоковедение развивалось как комплексная дисциплина, а не просто как комплекс разрозненных дисциплин. Сами ориенталисты понимают комплексность по-разному, в зависимости от области своей научной специализации: как синоним системного подхода (учет многомерности и многофакторности изучаемых явлений и процессов), как источниковедческий подход (привлечение к исследованию самых разных письменных источников — от исторических до лингвистических, включая источниковедческие аспекты), как метод сопоставления и обобщения результатов исследований, проведенных методами разных наук, как археологический метод (сопоставление разнотипных источников, прежде всего археологических и письменных) и т. д. При этом большинство исследователей сходятся в том, что комплексность востоковедения обусловлена его мультидисциплинарностью.

На основе комплексности востоковедение изучает не только историю отдельных обществ, государств и народов, но и их языки, общественную и политическую структуру, этнический состав, экономику, материальную и духовную культуру, религию. Многие гуманитарные дисциплины развиваются почти исключительно в рамках востоковедения: история Древнего Востока, шумерология, угаритоведение, ассириология, урартология, семитология, арабистика, сабеистика, иранистика, тюркология, синология, монголоведение, индология, японоведение, османистика, арменистика, кореистика, малаистика и другие, а из дисциплин религиозоведческого профиля — гебраистика, библеистика, исламоведение, буддология и другие. Тибетология изучает не только язык, историю и культуру Тибета, но и религию, тибетскую буддийскую традицию. Некоторые научные направления продолжают появляться вследствие выдающихся научных открытий (например, кумранистика).

Понятно, что в силу комплексности научной специализации востоковеды гораздо острее ощущают потребность в общем междисциплинарном подходе. Как писал В. Ф. Генинг, комплексность является самой популярной версией междисциплинарного подхода, при котором представитель одной науки самостоятельно «осваивает методологию другой науки» [Генинг, 1982: 172], однако в современных условиях развития науки одной только комплексности явно недостаточно. Наука ушла далеко вперед от простого совмещения разных наук: Л. П. Репина описывает современную междисци-

плинарность как «последовательный переход: от «интердисциплинарности» через содержательно неразличимые “полидисциплинарность/мультидисциплинарность” к “трандисциплинарности”» [Репина, 2011: 28–29].

Вопреки господствующему мнению, востоковедение — не столько междисциплинарная, сколько трансдисциплинарная наука. Дискуссия об азиатском способе производства, которая в силу специфики предмета развернулась преимущественно в востоковедческой среде, не только стимулировала теоретические поиски в рамках марксистской теории, но и обеспечивала эту трансдисциплинарность. С 1990-х гг. отечественные востоковеды занялись освоением альтернативных теорий, включившись в процесс переосмысления глобальных проблем человечества, роли и места культуры и религии в современных восточных обществах (Л. Б. Алаев, И. М. Дьяконов, Б. С. Ерасов, Ю. М. Кобищанов, В. В. Наумкин, С. А. Панарин, С. М. Прозоров, И. В. Следзевский и др.). Мир-системная теория, использующая не только для исторических реконструкций, но и для объяснения явлений и процессов глобализации и даже прогнозирования будущего, претендует на роль интегратора истории и актуальной современности (А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин и др.).

Повышенный интерес востоковедов к интегративным подходам обусловлен, прежде всего, следующими причинами:

- 1) стихийным теоретическим и методологическим эклектизмом, противоречивостью парадигмальных оснований большинства современных востоковедческих исследований, продолжающейся конфронтацией европоцентристских и этноцентристских позиций;
- 2) фрагментацией и дроблением предметных областей гуманитарных и социальных наук, из-за чего специфика общего нередко упускается в угоду специфике частного;
- 3) существующим в гуманитарных науках и прежде всего в востоковедении запросом на транскультурный и трансдисциплинарный подход;
- 4) актуальными во всем мире дискуссиями об относительности фундаментального гуманитарного знания, в том числе о его относительной объективности и научности. Даже сама эта постановка вопроса является, по-видимому, отражением сомнений в обществе в необходимости и полезности гуманитарного знания в прагматическую цифровую эпоху (не так давно была предпринята попытка ликвидировать востоковедение как научную специальность путем включения его в состав регионалистики, несмотря на то, что направление *Oriental Studies* является общепризнанным во всем мире);
- 5) общемировой тенденцией движения гуманитарных наук в сторону сциентизации, обусловленной их растущей информатизацией, с требованием полной или частичной верификации полученных результатов;
- 6) дальнейшим развитием различных познавательных «поворотов» неклассической, постнеклассической и неоклассической науки;

7) потребностью в надежном «человекоразмерном» инструментарии для исследования как локальных, так и глобальных процессов.

Интерпретация истории человечества, в которой конкретный индивид, *Ego*, выступает как главное действующее лицо, ось репрезентации, при всех своих недостатках имеет и некоторые очевидные преимущества, главное из которых — связь повторяющихся закономерностей прошлого (*res gestae*) с живой реальностью, а через нее — с наиболее вероятными сценариями «будущего хода событий» [Tou, 2000: 33]. Это особенно важно для востоковедения, совмещающего академическое изучение истории с экспертным анализом современных социальных процессов. Как и философы, востоковеды проявляют к теории и методологии исторического познания особый интерес, поскольку им приходится совмещать исследования в области истории, начиная с древнейших времен, с теоретическим осмыслением проблем развития современных государств и обществ.

Избирательное применение теоретико-методологических принципов, взятых из разных парадигм, порождает стихийный теоретический и методологический эклектизм. Системный подход сам по себе не решает проблему, поэтому выбор здесь достаточно ограничен. Для согласования существующих парадигм были разработаны, в частности, мультиперспективизм И. Лакатоса, который подразумевает изменение парадигмы в интересах исследования, а также методология «перекрестной истории» (*Histoire croisée*) М. Вернера и Б. Циммерман, предлагающая кросс-культурную перспективу [Werner, Zimmermann, 2006]. Несравненно более универсальной, амбициозной и потому, возможно, гораздо менее удачной попыткой теоретического синтеза можно считать интегральную теорию сознания К. Уилбера, предлагающую с позиций *систематической холистической философии* совместить различные подходы к человеку, обществу и науке. Цель теории — «объединить уже существующее количество отдельных парадигм во взаимосвязанную сеть подходов» через систему личности, ее внутренние и внешние, персональные и коллективные перспективы [Wilber, 1997: 71–92].

Если история согласно «археологии гуманитарных наук» М. Фуко является их «прародительницей», образующей «среду» гуманитарных наук [Фуко, 1994: 385, 389], то востоковедение обеспечивает единство общего поля гуманитарного знания¹, по крайней мере, в той части, которая касается изучения Востока. Углубление предметной фрагментации гуманитарных наук объективно увеличивает и междисциплинарное поле знания. Понятно, что междисциплинарность в этом случае не является самоцелью, а имеет скорее прикладное значение: огромную важность представляет не до конца изученный познавательный потенциал пограничных сфер науки, особенно в областях их взаимопроникновения с другими науками, где формируется новое знание. Поэтому совершенно очевидно, что процесс дробления гума-

¹ Понятие «поле знания» применительно к предмету научного исследования обосновал Ф. Цвикки [Zwicky, 1969].

нитарных наук продолжится в той мере, в какой он представляет собой объективной потребностью (пусть и субъективно понимаемой) в развитии науки. Однако параллельно с этим должны существовать и надежные средства инструментализации результатов исследований в рамках различных наук в общей системе координат, как раз для этого и необходимы интегративные подходы.

Научные дисциплины сегодня все чаще пересекаются друг с другом, создавая новые дисциплины, не только в рамках востоковедения. В этнологии развиваются новые направления — этнической истории (на стыке с исторической наукой), этносоциологии (на стыке с социологией), этнополитологии, этнолингвистики, этнопсихологии и т. д. Появление новых дисциплин, связанных с историей, было бы не столь проблематичным, если каждая из них не формировала бы собственную методологию. Заявлено, что своя методология есть у средневековой истории [Проблемы методологии истории..., 1978–1979], новой и новейшей истории, современной истории [Бибицков, 2011], военно-исторической науки [Проблемы методологии советской..., 1972], истории внешней политики России [Проблемы методологии и источниковедения..., 1986] и др. Еще более странными выглядят попытки обоснования для отдельных исторических дисциплин нескольких методологий, в том числе и использующих чужой понятийный аппарат, например: социологическая методология отечественной истории [Попов, 1999].

Некоторые дисциплины исторической науки зарождаются прямо на наших глазах. К новой области знания относят «информационную историю» (*Information History*) [Weller, 2008: xiv]. Пытаясь обозначить предмет «международной истории» (*International History*), Дж. Майоло пишет, что эта новая дисциплина «должна отличаться от всеобщей и транснациональной истории (*Global and Transnational History*), вырисовывая четкие, но открытые дисциплинарные границы» [Maiolo, 2018: 576].

Современная информационно-коммуникационная (или цифровая) революция настолько стремительно меняет мир вокруг нас, что гуманитарное знание не всегда успевает в полной мере осмыслить весь масштаб и последствия происходящих изменений. Развитие компьютерных сетей, информационных технологий, искусственного интеллекта, растущая цифровизация и информатизация общества, автоматизация и роботизация важнейших отраслей мировой экономики, сопровождаются масштабным вытеснением с рынка труда рабочего класса, которого К. Маркс в свое время назвал «двигателем истории». Вместе с окружающим нас миром меняются и «большие» теории, его объясняющие, и науки, его познающие. Эти изменения побуждают востоковедов и представителей других гуманитарных и социальных наук если не пересмотреть, то, по крайней мере, пытаться адаптировать к новой реальности подходы, цели и задачи в областях своей научной специализации. Информационная среда, в которой приходится работать гуманитариям, требует и соответствующих ей общетеоретических подходов.

Общетеоретические подходы совсем необязательно подразумевают метатеорию, которую предлагал П. Сорокин, осознавая потребность в инте-

гральных методах социальных наук [Jeffries, 2005: 66–87], или общую методологию гуманитарных наук, о которой писали Н. Н. Кареев [Кареев, 1913] и М. М. Бахтин [Бахтин, 1979: 361–373, 409–412]. Ряд современных исследователей высказывал убеждение в том, что в XXI в. существует глубокая необходимость в подобной метаметодологии [Bhaskar, Esbjörn-Hargens, Hedlund, 2016: 1–34]. Г. П. Щедровицкий определял метаметодологию как «слой работы, назначение которого состоит в том, чтобы осознать и систематизировать собственную организацию методологической работы в системной области» [Щедровицкий, 1995: 106–107].

В востоковедении роль метатеории и общей методологии продолжают играть т. н. «большие теории», прежде всего формационная и цивилизационная, однако приходится признавать, что с развитием постнеклассических подходов их влияние и значимость постепенно уменьшаются. О плюрализме и субъективности метатеорий гуманитарных наук сказано достаточно много [Contemporary Issues..., 1979; Metatheory..., 1986], существенным из него является то, что интегрализм является их важным преимуществом [Edwards, 2010].

Ж.-Ф. Лиотар определял постмодернизм как «недоверие к метанарративам» [Liotard, 1984: xxiv]. На эпистемологические трудности при создании метатеории указывает и И. В. Следзевский [Следзевский, 2002: 62–82]. Согласно В. Вжосеку, представление о возможности единого философского обоснования прошлого является не более чем иллюзией, поскольку прошлое не дано нам непосредственно в ощущении [Wrzosek, 2009]. А. Мегилл убежден, что за попытками преодоления дисциплинарной фрагментации стоит желание «продвинуть то или иное видение исторического синтеза <...> Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу — это попытки навязать интерпретацию» [Мегилл, 2007: 257].

Коммуникативный подход к истории Ю. Хабермаса, известного своей критикой постмодернизма, как раз можно признать попыткой такого синтеза. Во всяком случае, Хабермас не стал возражать Х.–П. Крюгеру, когда он назвал его философию «коммуникативного разума» «попыткой фундаментального синтеза в области философии и теории общества» [Хабермас, 1995: 79]. Однако синтез может иметь задачу снятия внутренних противоречий, поиск новых оснований анализа. Одно дело — метанарратив, и совсем другое дело — общая логика научного объяснения, которую описал еще К. Гемпель [Hempel, 1970]. В наличии общей логики и единого основания — коммуникативного — этому «повороту» не откажешь. Возможно, именно поэтому Р. Крэйг определял направление коммуникативных исследований (Communicative Studies..., 1979) как научный метадикурс [Craig, 2008: 3707–3709].

Ускорение процессов кросс-культурного взаимодействия во всем мире, в том числе и в сфере международного научного сотрудничества, актуализирует проблему создания общего языка социального описания (в свое время Л. Витгенштейн предлагал программу построения «идеального» метанаучного языка через проекцию структуры знания на структуру мира), решения

проблемы культурного релятивизма, согласования различных видений истории, прежде всего евроцентрических (европоцентрических) и этноцентрических концепций истории.

Ориенталистика, изначально появившаяся в недрах западной науки с целью познания Востока, для мусульманских историографий стал символом колониальной науки. Вряд ли можно сказать, что эти опасения являются беспочвенными: колониальный аспект, как и культурологический и собственно научный, в востоковедении всегда присутствовал — в большей или меньшей степени, хотя в нем достаточно и восторженно-комплементарных и даже прозелитических реверансов в сторону Востока.

Дж. Хобсон поэтапно раскрывает все разнообразие евроцентризма как дискурса, который в той или иной степени отразился на всех политических концепциях западной, а вслед за ней, учитывая ее доминирующее положение, — и всей мировой науки. Исследователь справедливо полагает, что не только эти теории являются евроцентрическим конструктом, но и сама постановка проблем в них, и даже их логика [Hobson, 2012: 1–30]. Этот дискурс неотделим от развития гуманитарной науки. Так, Хобсон утверждает, что 1760–1914 гг. характеризуются научным расизмом, с делением народов на примитивные и развитые [Hobson, 2012: 31–32]. Евроцентричными по своей сути были как расистский империализм, либеральный антиимпериализм и культурный реализм, так и появившийся после краха фашизма «прогрессивный» либерализм (фабианизм). Грамшианизм и мир-системная теория, по мнению Хобсона, представляют критический евроцентризм [Hobson, 2012: 254–255]. Наконец, цивилизационные конструкты со столкновением цивилизаций, глобальной иерархией, градацией суверенитетов и глобализацией также построены вокруг Запада и для Запада [Hobson, 2012: 313–344].

Зеркальным отражением евроцентризма является не менее политически ангажированная критика ориентализма как западной идеи Востока, подвергающая сомнению любую попытку его объективного познания со стороны (Э. Саид). Конечно, и Европа, и Восток имеют основания считаться центрами мирового развития: в разные исторические периоды они ими были, сначала Восток (Передняя Азия, Индия, Китай), потом Запад (Древняя Греция, Рим), затем снова Восток (Арабский халифат) и снова Запад, который и поныне остается источником новых технологий и веяний, которые впоследствии становятся если не всеобщими, то определяющими. Исходя из этого, первейшей задачей обеспечения объективности исследования выступает преодоление в гуманитарных науках крайних форм евроцентризма, ориентализма и других подобных им подходов, диктующих свои системы координат и оценок. В этом смысле у российского востоковедения есть некоторые очевидные преимущества: Россия сама представляет собой синтез культур Запада и Востока.

В наше время развитие гуманитарных дисциплин, в том числе востоковедения, во многом определяется эпистемологическими «поворотами» (*Turns*) науки (*Regional Studies, Postcolonial Studies, Subaltern Studies* и др.): неслучайно эти «повороты» называют «новыми ориентирами в науках

о культуре» [Бахманн-Медик, 2017]. Из них наиболее универсальными и интегративными оказались цифровой и коммуникативный «повороты».

1. «Цифровой поворот», в наибольшей степени выражающий технологические изменения в развитии новейших научных направлений, привел к возникновению цифровой истории (*Digital History*) и цифровой гуманитаристики (*Digital Humanities*).
2. «Коммуникативный поворот», выступающий в качестве интегратора ряда других познавательных «поворотов» науки, предлагает объяснение и понимание всех форм проявлений социального на основе коммуникации. Одной из важнейших задач Франфуртской школы критической теории, из недр которой вышла теория коммуникативного действия Хабермаса, было как раз преодоление конфликта парадигмальных оснований социальных теорий [Morris, 2001: 10].

«Цифровой поворот», непосредственно связанный с коммуникативным, стал следствием проникновения информационных технологий и подходов в гуманитарные науки. Еще не до конца ясно, что собой представляет «цифровой поворот» в истории, получивший официальное признание на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) — новую информационную среду или новую парадигму? [Бородкин, 2017: 114]. В любом случае речь идет об исторической науке в эпоху цифровых технологий.

Цифровые технологии расширяют горизонты применения исследовательских методов практически на всех этапах исследования: выявления данных, их анализа, моделирования, презентации результатов и их распространения. В новейших исследованиях на эту тему:

- 1) обсуждаются возможности выхода истории за пределы ее традиционных источников, максимальный учет вторичных источников, исторического контекста, историографического контекста [Galvano, Arndt, Hyser, 2013: 40–42], а также возможности установления историей диалога с другими науками;
- 2) пересматриваются старые дебаты в истории, которые до сих пор остаются крайне важными;
- 3) исследуется вопрос о том, как историческая наука реагирует на вызовы в обществе — такие как цифровизация и глобализация (или «глокализация»), а также на новые направления развития гуманитарных и социальных наук, выраженные в различных эпистемологических «поворотах» (материальном, визуальном, прагматическом и др.) [Tamm, Burke, 2018].

Меняется и восприятие «поворотов» в различных научных школах, смешаются акценты, они отчасти локализуются: перекрестная история (*Histoire croisée*) Вернера и Циммерман — как раз один из примеров такой локализации [Werner, Zimmermann, 2006: 30–50]. Исследователи говорят о разветвле-

нии дискурсивного спектра, не ориентированного на познавательные «повороты», тенденции к интеграции «наук о культуре с социальными науками в *sciences humaines*» (точнее, в *sciences humaines et sociales*) в общем движении к плюрализму «в развитии науки и общества» [Бахманн-Медик, 2017: 43–44].

С каждым годом в университетах появляются новые факультеты по цифровой гуманитаристике, цифровой истории и исторической информатике (*Digital Information Science*). В отечественной историографии обозначения цифровой истории и исторической информатики нередко используются как синонимичные [см. об этом: *Бородкин, Гарскова, 2011: 5–12*], хотя историческая информатика в большей степени представляет историю информатики, чем информационную историю. В данной работе под цифровой историей мы понимаем дисциплину, которая в западной историографии обозначается также как «информационная история» (*Information History*) [Weller, 2008], или как универсальную дисциплину «науки исторической информации» (*Historical Information Science*) [McCrank, 2002].

Цифровая история включает в себя и цифровые направления вспомогательных исторических дисциплин, которые являются основой востоковедческой науки. Новые технологии позволяют исследователю выйти за рамки традиционного нарратива, стать соучастником реальных реконструкций, например, исторических источников или архитектурных памятников истории. Этими направлениями исследований в рамках источниковедения занимается цифровая текстология [в отечественной историографии — «компьютерное источниковедение», см. об этом: *Володин, 2015*].

Блестящим примером цифровой реконструкции навсегда, как считалось ранее, утраченных для науки текстов кавказско-албанских палимпсестов, является реализация в 2000-х гг. масштабного международного проекта по электронной документации кавказских языков ARMAZI, поддержанного Фондом Фольксвагена. Это событие открыло новую веху в изучении Кавказской Албании — древнейшего государства на Восточном Кавказе.

В 2004 г. при помощи специального оборудования в монастыре Св. Екатерины на Синае (Египет) были сделаны ультрафиолетовые фотографии рукописей, которые позволили восстановить стертый кавказско-албанский текст, находившийся под грузинским текстом, в двух палимпсестах Лекционария — Sin. Geo. N 13 и N 55 [Gippert, Schulze, Alexidze, Mahé, 2008, I: 29]. Мультиспектральные фотоснимки всех листов манускриптов вместе с последующей расшифровкой текста и сопоставлением его с другими (греческим, сирийским, армянским, грузинским, удинским, русским, английским) переводами Библии были опубликованы отдельно [Gippert, Schulze, Alexidze, Mahé, 2008: II].

Без цифровых технологий невозможно представить себе ни развитие отдельных востоковедческих дисциплин, таких, например, как кумранистика, ни анализ текстов восточных источников на основе различных критериев, с выявлением частотности упоминания тех или иных ключевых имен или событий во времени и пространстве, ни широкие исследования в области

цифровой лингвистики (*Digital Linguistics*). Российский читатель знаком с исследованиями в области разработки цифровых методов применительно к корпусу средневековых арабо-мусульманских источников [Romanov, 2016: 129–156].

Цифровые технологии открывают новые возможности в хранении и изучении архивных документов, в том числе из т. н. «темных архивов» (*Dark Archives*): в нашумевшем «Историческом манифесте» так обозначаются «архивы, которые не просто ждут посещения исследователя, а скорее должны быть построены путем реконструкции того, что было рассекречено или удалено» [Guldi, Armitage, 2014: 100]. Если Википедия является проектом кросс-культурной цифровой истории, то Викиликс можно считать примером цифрового архива (*Digital Archive*). Сегодня цифровые архивы являются важной частью цифровых библиотек, так же как и оцифрованные рукописные тексты и изображения.

Сохранение в виде цифровых копий и реконструкцию объектов историко-культурного наследия — не только виртуальную, но и реальную, с помощью технологии 3D печати — реализует цифровая археология. Так, проект *Million Image Database* Оксфордского института цифровой археологии позволил создать 3D-фотографии тысяч исторических памятников архитектуры в ряде стран Ближнего Востока, на основе которых они могут быть с высокой точностью воспроизведены в любом месте земного шара. В частности, эта технология оказалась востребована сегодня для восстановления разрушенных во время сирийского конфликта памятников Пальмиры [The Institute..., web].

На основе технологий оптического распознавания в нумизматике внедряется оптическая система анализа и распознавания монет (*Optical System for Coin Analysis and Recognition*), которая выводит работу с хранением и идентификацией разнообразных восточных монет на качественно новый уровень, тем самым создавая предпосылки к созданию цифровой нумизматики. Утверждается, что модификация этой системы позволит использовать ее и для работы с другими музейными артефактами [Facial Recognition..., web].

Познавательный потенциал информационных и коммуникативных подходов еще далеко не исчерпан. Из коммуникативных подходов выделяются две теории социальных наук, которые применимы и в востоковедении: теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и теория самореферентных социальных систем Н. Лумана. На основе этих теорий сегодня формируется системно-коммуникационный подход к изучению истории, в разработке которого автор принимает непосредственное участие.

Развитие идей философско-лингвистического направления коммуникации, в том числе опосредованно через антропосемиотику и особенно семиотику культуры (Г. Кнабе, Ю. А. Лотман, Б. А. Успенский, Д. О. Добровольский и др.), позволило сформулировать кросс-культурный метод семантических эквивалентов, который стал частью более общего системно-коммуникационного подхода. Этот метод может быть особенно востребован в научных дисциплинах, в которых язык одной культуры используется для изучения другой культуры, т. е. прежде всего в востоковедении.

Суть метода кросс-культурного анализа семантических эквивалентов, совмещающего в себе достижения лингвистического и когнитивного «поворотов», состоит в обращении к сущности обозначаемого явления, а не его номинативу. К.-О. Апель признавал, что «сегодня восточноазиатские и европейские языки, несмотря на значительные системные различия, могут выражать в практически *эквивалентной* по своему значению языковой форме существенные идеи научно-технической цивилизации. На основании этого можно считать вполне вероятным то, что и с трудом постигаемые сокровенные области различных культур или форм жизни благодаря углубленному знанию о различных структурах *смогут* взаимным образом *интерпретироваться* по крайней мере в смысле практического, например, этического и политического *взаимопонимания* [Апель, 2001: 255].

Формирующийся в недрах востоковедения системно-коммуникационный подход к изучению истории отличается своими особенностями, важнейшими из которых являются следующие:

1. Любое социокультурное целое (исторический факт, явление, процесс) в системном историческом познании разделяется на аспекты истории: общественный, политический, этнический, религиозный, правовой, этический и др. Через эти аспекты, рассматриваемые как исследовательские конструкты (поскольку в исторической реальности социальное или социокультурное целое существует лишь в своем единстве и целостности), востоковедение имеет возможность соприкасаться с предметными областями не только гуманитарных, но и социальных наук.
2. Логически взаимосвязанные друг с другом проявления социального/социокультурного в различных аспектах истории рассматриваются как особый тип системных образований.
3. Принцип интересубъектности, использующийся для описания коммуникативных действий и интеракций, дополняется принципом транссубъектности.
4. Метод информационного моделирования сложных социальных систем, также являющийся частью системно-коммуникационного подхода, рассматривает любую социальную общность (группу, общину, общество) не абстрактно, извне, а как систему непосредственных (реальных) и опосредованных коммуникативных связей конкретного *Ego*.
5. Частью системно-коммуникационного подхода является также системная логика, обеспечивающая не только линейную, но и межлинейную (в различных аспектах социальности) верификацию.
6. Понятие диалектической связи заменяется понятием коммуникативной связи и основанных на ней отношениях.
7. Наконец, использование интерактивного метода позволяет системно-коммуникационному подходу менять масштабирование фокуса исследования от уровня микроанализа до макроанализа с учетом множества промежуточных уровней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апель К.-О.* Трансформация философии. Пер. с нем. / Перевод В. Куренной, Б. Скуратов. М.: «Логос», 2001.
2. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре. Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое лит-ное обозрение, 2017.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
4. *Бибиков, Г. Н.* Методология современной истории: историографический очерк / Г. Н. Бибиков, Л. В. Бибикина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.
5. *Бородкин Л. И.* «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: новая информационная среда или новая парадигма? // Профессия — историк (к юбилею Л. П. Репиной). Отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 114–133.
6. *Бородкин Л. И., Гарскова И. М.* Историческая информатика: перезагрузка // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 16. С. 5–12.
7. *Володин А. Ю.* «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 8 (11) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001228-9-1> (дата обращения: 12.01.2016).
8. *Генинг В. Ф.* Комплексный метод // Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов. Киев: Наукова думка. 1982. С. 170–174.
9. *Кареев Н.* Теория исторического знания. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913.
10. *Мегилл А.* Историческая эпистемология / Пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М.: Канон+, 2007. С. 257.
11. *Попов А. С.* Социологическая методология отечественной истории: историографические очерки. Пенза: ПГПУ, 1999.
12. Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1986.
13. Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма / Редкол.: Ю. Л. Бессмертный и др. М.: [б. и.], 1978–1979.
14. Проблемы методологии советской военно-исторической науки. / Ред. коллегия: А. И. Бабин (гл. ред.) [и др.]. Москва: [б. и.], 1972.
15. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 561 с.
16. *Следзевский И. В.* Глобалистская метатеория: эпистемологические трудности // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М.: Наука, 2002. С. 62–82.
17. *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Из-во «Весь мир», 2000.
18. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. Санкт-Петербург: А-сад, 1994. 407 с.
19. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995.

20. Щедровицкий Г. П. Избранные работы. М.: Шк. Культ. Полит., 1995.
21. Bhaskar, Roy;† Esbjörn-Hargens, Sean;‡ Hedlund, Nicholas. Introduction: On the Deep Need for Integrative Metatheory in the Twenty-First Century // Metatheory for the Twenty-First Century: Critical Realism and Integral Theory in Dialogue (Ontological Explorations). Ed. by Roy Bhaskar, Sean Esbjörn-Hargens, and Nicholas Hedlund. London: Routledge, 2016. P. 1–34.
22. Craig, Robert T. Meta-discourse // The International Encyclopedia of Communication Vol. II. Ed. by W. Donsbach. Blackwell Publishing, 2008. P. 3707–3709.
23. Contemporary Issues in Theory and Research: A Metatheoretical Perspective. Ed. by William E. Snizek, Ellsworth R. Fuhrman, and Michael K. Miller. Westport, CT: Greenwood Press, 1979.
24. Edwards M. Organizational Transformation for Sustainability: An Integral Metatheory. New York: Routledge, 2010.
25. Facial Recognition for Coins // [Электронный ресурс] URL: <http://www.thehistoryblog.com/archives/54173>
26. Galgano, Michael J.; Arndt, J. Chris; Hyser, Raymond M. Doing History: Research and Writing in the Digital Age. 2nd Ed. Boston, MA: Wadsworth Cengage Learning, 2013.
27. Gippert J., Schulze W., Alexidze Z., Mahé J.-P. (Eds). The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Vol. I–II. Turnhout; Brepols Publishers, 2008.
28. Guldi, Jo; Armitage, David. The History Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
29. Hempel, Carl G. Aspects of Scientific Explanation: And Other Essays in the Philosophy of Science. Free Press, 1970.
30. Hobson, John M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
31. Jeffries V. Pitirim A. Sorokin's Integralism and Public Sociology // American Sociologist, Fall/Winter, 2005. P. 66–87.
32. Liotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1984.
33. Maiolo, Joseph A. Systems and Boundaries in International History // The International History Review. Vol. 40, 2018. No 3. P. 576–591.
34. McCrank, Lawrence J. Historical Information Science: An Emerging Unidiscipline. Medford, NJ: Information Today Press, 2002.
35. Metatheory in Social Science: Pluralisms and Subjectivities. Ed. by Donald W. Fiske and Richard A. Shweder. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
36. Morris, Martin. Rethinking the Communicative Turn: Adorno, Habermas, and the Problem of Communicative Freedom. New York: State University of New York Press, 2001.
37. Romanov, Maxim. Digital Age, Digital Methods // Ars Islamica. В честь Станислава Михайловича Прозорова. Под ред. М.Б. Пиотровского и А.К. Аликберова. М.: Наука Восточ. лит-ра, 2016. С. 129–156.
38. Tamm, Marek; Burke, Peter. Debating New Approaches to History. London — New York — Sydney — Delhi: Bloomsbury Publishing, 2018.
39. The Institute for Digital Archeology // [Электронный ресурс] URL: <http://digitalarchaeology.org.uk> (12/12/2018)

40. *Weller, Tony*. Information History: An Introduction. Exploring an Emergent Field. Oxford: Chandos Publishing, 2008.
41. *Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte*. Beyond Comparison. Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. No. 45, 2006. P. 30–50.
42. *Wilber, Ken*. An Integral Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies, 4 (1). 1997. P. 71–92.
43. *Wrzosek, W.* O myśleniu historycznym. Bydgoszcz: Epigram, 2009.
44. *Zwicky, Fritz*. Discovery, Invention, Research through the Morphological Approach. Transl. from the German ed. Toronto: Collier-Macmillan Canada Ltd., 1969.в

И. В. Тункина

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ:
АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА РАН:
ИТОГИ 300-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ)¹**

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) — первый научный архив России и крупнейшее в мире хранилище научной документации XVIII — первой половины XX вв. Его материалы отражают многовековую историю Российской академии наук, отечественной и зарубежной науки и культуры. Филиал проводит комплектование, научное описание и хранение архивных фондов, их изучение и публикацию — разрабатывает фундаментальные проблемы истории Академии наук, отечественной и мировой науки, объединяя исследования по общественным наукам с разработками в области естественных наук, проводит фундаментальные и прикладные исследования по архивоведению, источниковедению, истории науки, реставрации и консервации документов.

1. Основные вехи 300-летней истории академического архива

Академический архив, как и сама Российская академия наук, своими корнями восходит к Аптекарскому приказу, известному с 1593–1594 гг., первому органу государственного управления медицинским делом в России. Первоначально один из дворцовых приказов, он со временем превратился в центральное государственное учреждение, ведавшее государственной (светской) медициной в России, и к 1630-м гг. приобрёл общегосударственные функции по медицинскому обслуживанию. Аптекарский приказ посылал экспедиции травников (сборщиков-заготовителей лекарственных растений) по стране, в том числе в Приуралье и Сибирь, приглашал в Россию иностранных врачей и фармацевтов, регламентировал медицинскую практику и врачебную экспертизу, ведал подготовкой русских медицинских и фармацевтических кадров, борьбой с эпидемиями, контролировал аптеки и изготовление лекарств, красок, кислот и др., заведовал водочными изделиями, изготовлением и продажей спиртных напитков частным лицам, наблю-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-40075 и Программы Президиума РАН на 2018–2020 гг. № 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде».

дая за выполнением водочной монополии, занимался благотворительностью, собирал, хранил и переводил с классических, западноевропейских и восточных языков различные научные сочинения (медицинские печатные и рукописные книги, рукописные лечебники, травники и пр.). К концу XVII века Аптекарский приказ *«играл роль, подобную... Академии наук»* (выделено мной. — *И. Т.*), — ведал иноземными врачами, аптекарями, «астрологами, алхимистами, часовых дел мастерами, ... хранил, например, такие редкие для того времени книги, как описание Китая и китайский лексикон» [*Соколовский*, 1904: 28–29].

С воцарением Петра I науки в России получили мощный импульс к развитию благодаря его реформаторскому замыслу организации в России Академии наук, созревшему задолго до его практической реализации. В ходе путешествий по Европе царь внимательно изучал опыт университетов, академий наук, научных обществ, частных и государственных музеев и пр. Воплощением в жизнь указов Петра I по приглашению на русскую службу иностранных учёных и врачей занимался именно Аптекарский приказ. В числе придворных иноземных докторов, живших в Немецкой слободе в Москве, был немецкий врач Л. А. Блюментрост (1619–1705), лейб-медик царя Алексея Михайловича и царевны Софьи, служивший при московском дворе с 1668 по 1705 гг., и его сыновья, лейб-медики Иван и Лаврентий Блюментросты, младший из которых стал первым президентом Петербургской академии наук и художеств.

В 1703 г. был основан Санкт-Петербург, ставший новой столицей России. Параллельно с приказами в Москве в Петербурге был создан ряд канцелярий с функциями правительственных учреждений. 10 декабря 1706 г. в северной столице была открыта Главная аптека, существовавшая параллельно с Главной аптекой в Москве (так с 1706 г. зачастую именовался Аптекарский приказ, с 1714 г. — Канцелярия Главной аптеки, впоследствии переименована в Московскую медицинскую контору), причём было предписано «особливо приказ воспринимать от доктора Арескина» [ПСЗРИ. 1830. Т. 4. № 2121: 358]. В Санкт-Петербурге в 1707 г. при Главной аптеке была образована особая Аптекарская канцелярия, существовавшая параллельно с Аптекарским приказом [*Шершавкин*, 1958: 56]. Постепенно Аптекарский приказ утрачивал высшие административные функции, переходившие в Аптекарскую канцелярию в Санкт-Петербурге.

Шотландец Роберт Карлович Арескин, точнее Эрскин (Erskine Robert; 1677–1718), доктор философии и медицины (1700), член Лондонского королевского общества (1703), в числе других известных английских врачей был приглашён в Россию и в 1706 г. стал домашним врачом князя А. Д. Меншикова. Именно Р. К. Эрскин способствовал избранию первого губернатора Санкт-Петербурга в члены Лондонского королевского общества — сохранился черновик письма с извещением об избрании А. Д. Меншикова от 25 октября 1714 г., написанный рукой Исаака Ньютона [СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 952. Л. 1]. По рекомендации А. Д. Меншикова Петр I назначил Р. К. Эрскина в 1713 г. своим лейб-медиком, а в 1715 г. — руководителем

Надворной медицинской канцелярии с жалованьем 2000 руб. в год [ПСЗРИ. 1830. Т. 5. № 2881]. Образованнейший из придворных русского царя, Р. К. Эрскин везде сопровождал Петра, в том числе в 1716–1717 г. в путешествии по Германии, Голландии и Франции. Согласно грамоте статскому советнику Р. К. Эрскину, подписанной в апреле 1716 г. Петром I в Данциге, была введена должность архиатра, «президента всего медицинского факультета России» — главного врача Российского государства, руководившего Аптекарской канцелярией, который имел право личного доклада императору.

Р. К. Эрскин развил бурную деятельность, последствием которой явилось рождение фундаментальной науки в России: он ввёл строгий отбор иностранных специалистов, приезжавших искать службы в Аптекарской канцелярии и в проектируемой царем Петербургской АН, содействовал развитию основанного в 1706 г. Петром I Аптекарского огорода в Москве и в 1714 г. Аптекарского огорода в Санкт-Петербурге (ныне Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН, где хранится гербарий Р. К. Эрскина), стал первым начальником императорских Библиотеки и Кунсткамеры (с 1714 г.), которые до передачи в ведение Академии наук в 1724 г. финансировались из средств Аптекарской канцелярии, занимался пополнением фондов царских собраний, руководил экспедиционным изучением территории России, стал основателем отечественной бальнеологии, открыл и исследовал Полюстровские воды на Охте [Мирский, 1996: 67–84; 2005: 122–137]. Именно Р. К. Эрскин в Данциге пригласил на русскую службу доктора Д. Г. Мессершмидта, отправленного Петром I в Сибирь (1719–1727) «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корения и семен...» [СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 6 об.]. Д. Г. Мессершмидт регулярно получал инструкции из Аптекарской/Медицинской канцелярии и посылал туда рапорты с отчетами о ходе экспедиции [Тункина, Савинов, 2017: 12].

После смерти Р. К. Эрскина в начале 1719 г. пост архиатра Аптекарской канцелярии был отделён от должности лейб-медика и руководителя императорских Кунсткамеры и Библиотеки. Главой Аптекарской канцелярии стал И. Л. Блюментрост, с 1714 г. лейб-медик царевны Наталии Алексеевны, царевича Алексея, Петра I, Екатерины I. Царские Библиотеку и Кунсткамеру возглавил его младший брат, лейб-медик Л. Л. Блюментрост, первый президент (1725–1733) Академии наук и художеств, секретарём по иностранной переписке последнего стал помощник Р. К. Эрскина (с 1714 г.) И. Д. Шумахер, в 1724 г. назначенный первым руководителем Канцелярии Академии наук.

Именным указом Правительствующему Сенату от 14(25) августа 1721 г. Аптекарский приказ был ликвидирован, вместо него была создана Медицинская канцелярия в Санкт-Петербурге [ПСЗРИ. 1830. Т. 6. № 3811: 412], которая имела в качестве отделений контору в Москве (1722–1728) и контору в Санкт-Петербурге (1728–1732), когда двор перемещался из одной столицы в другую [Палкин, 1974: 65]. Канцелярия подчинялась императору,

фактически Сенату, а с 1732 г. — Кабинету министров. Главой Медицинской канцелярии стал И. Л. Блюментрост, который являлся автором утвержденного в 1721 г. проекта преобразования медицинской службы в России: в 1718–1722 гг. он исполнял должность архиатра, не будучи на неё назначен, а с 1722 по 1730 гг. являлся полноправным архиатром и президентом Медицинской канцелярии.

В феврале 1720 г. Петр I утвердил «Генеральный регламент государственных коллегий», для управления другими государственными делами следовало «учредить Канцелярии» [ПСЗРИ. 1830. Т. 6. № 3534]. В главе «О архивах» регламент впервые ввел понятие “архив”, которым ведал отдельный “архивариус”, и предписывал необходимость хранения текущего делопроизводства в коллегиях и канцеляриях с последующей передачей документов на постоянное хранение под расписку архивариусу своего ведомства. Это законодательно закрепило сложившуюся систему документооборота и систему ведомственного хранения документации в коллегиях и канцеляриях. Сегодня документы Аптекарского приказа/Аптекарской — Медицинской канцелярии хранятся в РГАДА в Москве (ф. 143, документы за 1629–1718 гг.), СПбФ АРАН (документы с конца XVII в., личные фонды Р. К. Эрскина, И. Д. Шумахера, Д. Г. Мессершмидта, документы ботаников И. Г. Аммана, И. Х. Буксбаума и др.) [Фонды, 2016: 232–234, 237, 239, 259] и Отделе рукописей и редкой книги Фундаментальной библиотеки Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге (документы с 1710 г., в том числе личный фонд всемирно известного лейденского врача Г. Бургаве (1668–1738) и его племянников — академика А. Каау-Бургаве и архиатра, почетного члена АН, главного лейб-медика Г. Каау-Бургаве) [Архивы России, 1997: 599–600].

Таким образом, медицинское ведомство с полным правом можно назвать предшественником и самой Академии наук, и академического архива, в недрах которого с конца XVII в. стал формироваться комплекс его первоначальных документов. Именно Аптекарская канцелярия была ответственна за приглашение в Россию иностранных специалистов и приобретение книг, инструментов, раритетов и пр., от имени царя вела оживленную переписку с заграничными учёными и коллекционерами и стала организатором Академии наук. Поэтому датой создания современного Архива РАН, вобравшего научные и научно-организационные материалы Аптекарского приказа/Медицинской канцелярии, следует считать 1707 год. Таким образом, архив старше Академии наук на 17 лет — в 2019 г. ему исполнится 312 лет.

Указом Петра I от 28 января 1724 г. в Петербурге была учреждена Академия наук и художеств («Академия или Социетет художеств и наук и университет») [ПСЗРИ. 1830. Т. 7. № 4443: 220, 223]. Ведение документации было разделено между Канцелярией АН, вобравшей документы Аптекарской/Медицинской канцелярии, и Конференцией (Ученым собранием), что привело к образованию двух самостоятельных архивов — архива Канцелярии для концентрации организационно-распорядительной документации и Архива Конференции для хранения научной документации [Тункина, 2017а].

Сохранился указ первого президента АН Л. Л. Блюментроста об определении к архиву Канцелярии (а не Конференции, как нередко упоминается в литературе) студента Г. Ф. Миллера от 6 (17) января 1728 г. С советских времен эта дата ошибочно считается днем основания Архива Академии наук. К несчастью для истории науки, в 1729 г. большая часть первоначального архива академической Канцелярии, включавшего и дела медицинского ведомства 1700-х–1720-х гг., сгорела при пожаре в доме первого президента Л. Л. Блюментроста [Тункина, 2016а: 21]. В доме президента проживал и его старший брат, архиатр и глава Медицинской канцелярии И. Л. Блюментрост. Академические архивы не без потерь пережили еще два пожара — в 1741 и 1747 гг.

Канцелярия АН, «уникальное учреждение, не свойственное ни одной другой академии в мире» [Копелевич, 2003: 149], стала одним из главных органов управления Академии наук XVIII в. В компетенцию президента и Канцелярии АН входило представительство и отстаивание интересов научного сообщества во властных структурах. Канцелярия фактически осуществляла административное руководство всеми академическими учреждениями (учёными, учебными, техническими), отвечала за их делопроизводство и текущие архивы. Она возглавила не только административно-хозяйственную, но и научно-организационную работу, ведала кадровыми вопросами академической жизни. *Архив Канцелярии* (в 1766–1783 гг. — Комиссии, с 1783 г. — Канцелярии при директоре Петербургской АН) с самого начала находился в ведении её руководителя И. Д. Шумахера, одновременно управлявшего Библиотекой и Кунсткамерой (1724–1761), поэтому с 1728 г. он располагался в здании Кунсткамеры. С 1769 по 1781 г. архивом Комиссии АН ведал её секретарь, ученик М. В. Ломоносова, профессор анатомии, академик А. П. Протасов (1724–1796) [Тункина, 2016а: 96].

Второй крупнейший академический архив — *Конференц-архив* (1725–1922) — был создан осенью 1725 г. и располагался во дворце царицы Пракскови Федоровны. Он находился в ведении секретаря Учёного собрания (по регламенту 1747 г. — конференц-секретаря, с 1803 г. — неперменного секретаря Петербургской АН). Конференц-архив упоминается в академических протоколах как Учёный, Профессорский или Академический архив. Он хранил протоколы заседаний Конференции и приложения к ним (протокольные бумаги), прочитанные в академическом собрании диссертации (трактаты), изданные и неизданные сочинения членов АН, научные отчеты, еженедельные журналы, учёную корреспонденцию (переписку с иностранными и отечественными учеными, государственными деятелями и военными), материалы экспедиций (включая рукописные карты), книги [Тункина, 2016 б]. В 1735 г. президент И. А. Корф распорядился хранить в Конференц-архиве неприкосновенный архивный (бронированный) экземпляр всех академических изданий [Тункина, 2017в: 125]. Архивариусами архивов Конференции и Канцелярии АН в XVIII — середине XIX вв. в основном являлись этнические немцы, выходцы из лютеранских земель Германии и Прибалтики, либо уроженцы Санкт-Петербурга [Тункина, 2017].

Согласно регламенту и штату Академии наук, утвержденному Александром I 25 июля 1803 г., был образован *Комитет правления*, ведавший бюджетными и внебюджетными средствами, учреждениями АН и решал все вопросы административно-хозяйственной жизни академии, включая подбор персонала. Делопроизводственные материалы Канцелярии Комитета образовали особый *Архив Комитета правления* (1803–1893) — Правления (1894–1927) — Управления делами (1927–1934) — Административно-хозяйственного управления (с 1934 г., впоследствии Управление делами АН СССР), который, как и архив академической Канцелярии XVIII в., существовал отдельно от Конференц-архива. До 1912 г. он хранил и документы Канцелярии/Комиссии АН и архив ликвидированной Российской академии (1783–1841). Архивы Конференции и Комитета Правления в XIX в. располагались в главном здании АН, возведённом на набережной Невы (ныне Университетская наб., д. 5) по проекту Дж. Кваренги в конце XVIII в.

После ликвидации Российской академии и присоединения ее к Императорской Академии наук в 1841 г. в виде II Отделения — русского языка и словесности (ОРЯС, ликвидировано по уставу АН СССР 1927 г.) — его текущий архив оказался в ведении председательствующего и письмоводителя в отделении. С 1902 г. делопроизводителем ОРЯС являлся фольклорист, диалектолог, лексикограф, историк славянской и русской письменности П. К. Симони (1859–1939), избранный членом-корреспондентом РАН (1921).

Значительную роль в истории и судьбе академических архивов сыграл непреременный секретарь АН (1904–1929) академик С. Ф. Ольденбург. В 1904 г. он доложил Общему собранию, «что Архив (Конференции. — *И. Т.*) подвергается самой серьёзной опасности в случае пожара». Общее собрание Императорской АН образовало особую комиссию под председательством вице-президента академика П. В. Никитина, в которую вошли академики С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман, А. А. Шахматов, А. С. Лаппо-Данилевский. Для приведения архива в порядок С. Ф. Ольденбург осенью 1907 г. пригласил младшего письмоводителя канцелярии Конференции Бориса Львовича Модзалевского (1874–1928). С годами он стал известным историком-генеалогом, библиографом, литературоведом-пушкинистом, историком русской литературы, публикатором и комментатором сочинений А. С. Пушкина, одним из инициаторов создания Пушкинского Дома, был избран членом-корреспондентом РАН (1918). Б. Л. Модзалевский нашел архив «в сильно запущенном состоянии», отметил «крайнюю ограниченность помещений» и приступил к систематизации, каталогизации и описанию связок архива.

В 1912 г. новым штатом Академии наук Архив Конференции впервые был включён в число самостоятельных учреждений в ведении Конференции, отнесённых к административному Управлению АН. Штат предусматривал особую должность заведующего архивом Конференции, на которую Общим собранием Императорской АН был избран Б. Л. Модзалевский,

и выделение отдельной строкой в бюджете Академии средств на нужды Архива Конференции.

В 1922 г. по инициативе С. Ф. Ольденбурга решением Общего собрания РАН был создан единый *Архив РАН*, объединивший Архив Конференции, Архив Правления, Архив Отделения русского языка и словесности и библиотеку (бронированные экземпляры академических изданий). Задачей Архива РАН было провозглашено «хранение рукописных и печатных материалов по истории Академии и русской науки».

Декреты СНК РСФСР о реорганизации и централизации архивного дела (создание Единого государственного архивного фонда), охране научных ценностей на территории РСФСР (1918), об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых (1919), о сосредоточении в Центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых (1923) и др. затрагивали интересы учреждений РАН. Документы Архива, Библиотеки, Пушкинского Дома, Азиатского музея и других академических учреждений подлежали централизованному учету Центрархива, оставаясь на хранении в РАН. Но постанова на учёт Архива РАН произошла лишь в январе 1925 г. [Тункина, 2016а: 425].

В период подготовки академического 200-летия административное руководство Академии наук пришло к закономерному выводу, что общеакадемический архив нельзя рассматривать как вспомогательное учреждение, так как он ведёт не только собственно архивную, но и научную работу по истории науки и просвещения. 17 февраля 1925 г. декретом Совнаркома РСФСР Архив РАН получил статус научного учреждения в год 200-летия Академии наук, а в связи с переименованием РАН с 27 июля 1925 г. он стал называться Архивом Академии наук СССР.

Комиссия СНК СССР по содействию работам АН СССР в 1926 г. приняла постановление о праве Академии наук СССР не передавать материалы в другие архивы и музеи союзных республик, что закрепило статус Архива АН СССР как ведомственного архива с постоянным составом документов. В том же году Президиум АН СССР принял решение о концентрации в Архиве личных фондов членов академии и выдающихся учёных. Это постановление зафиксировало одно из направлений его деятельности — комплектование, хранение, использование фондов личного происхождения [Тункина, 2016а: 431]. Сегодня архив хранит отдельные рукописи и личные фонды зарубежных и отечественных ученых XV–XXI вв.: Региомонтана, Тихо де Браге, И. Кеплера, Л. Эйлера, М. В. Ломоносова, И. П. Кулибина, П. С. Палласа, К. М. Бэра, И. Ф. Крузенштерна, Ф. П. Литке, Н. Н. Миклухо-Маклая, В. В. Докучаева, А. М. Бутлерова, И. П. Павлова, А. А. Шахматова, М. М. Ковалевского, В. В. Бартольда, П. Н. Лебедева, А. Ф. Иоффе, В. А. Стеклова, А. Н. Крылова, А. А. Ухтомского и многих других.

Нерешенной проблемой оставалась устаревшая инфраструктура архива, угрожавшая его сохранности. Благодаря стараниям президента АН СССР А. П. Карпинского и неперемного секретаря С. Ф. Ольденбурга в 1927 г. архив получил первое за свою 200-летнюю историю отдельное здание —

скромный двухэтажный флигель во дворе Зоологического музея АН СССР (помещения бывшего архива Горного департамента) по Университетской наб., дом 1, где он располагается и сегодня [Тункина, 2016а: 434–435].

В октябре 1929 г. скандал, инициированный Центрархивом во главе с М. Н. Покровским, о «неожиданной» находке части документов III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и документов членов императорской семьи в Библиотеке АН, Пушкинском Доме и Археографической комиссии, послужил поводом к «академическому делу» (1929–1931) и расстрелу заведующего Архивом АН СССР А. С. Путилова (1876–1931) [Тункина, 2016а: 455–456]. В «переломный» для Академии наук 1929 год руководить академическим архивом был назначен ставленник Центрархива Георгий Алексеевич Князев (1887–1969), занимавший эту должность вплоть до 1963 г. Опираясь на принципы советского архивоведения, Г. А. Князев перестроил всю деятельность архива и создал архивную службу АН СССР.

Под нажимом властей в 1930 г. при Президиуме была создана Комиссия для перераспределения архивных материалов Академии наук. Фонды учреждений академии, личные фонды её членов и выдающихся учёных из многих академических учреждений были переданы в Архив Академии наук СССР, фонды писателей — в Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН), древние документы и акты — в Историко-археографический институт (бывшая Археографическая комиссия, ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН). К 1933 г. значительная часть «посторонних и ненужных» документов из собраний академических учреждений, в том числе из Архива АН СССР, была передана в Ленинградское отделение Центрархива.

На Общем собрании АН СССР 29 ноября 1930 г. были утверждены положения об архивных и рукописных фондах и Архиве АН СССР. Г. А. Князев осуществил юридическое закрепление за Академией наук права постоянного хранения своих документов, которое в первые годы советской власти не было закреплено законодательно. Он наладил учёт, фондирование (классификацию документов по фондам и разрядам), рациональное размещение документов с созданием топографии архивохранилищ, разбор россыпи необработанных фондов, создание научно-справочного аппарата к ним и выделение макулатуры. На основе созданной Г. А. Князевым классификации и проведённому фондированию документов были сформированы фонды учреждений и личные фонды ученых, а также разряды — исторически сложившиеся коллекции. Если в 1929 г. было образовано 19 фондов, то к 1941 г. их стало уже более 400. При Г. А. Князеве были внедрены единообразные методы научно-технической обработки документов, разработана концепция и создан научно-справочный аппарат Архива АН СССР, заведены основные учётные документы: реестр фондов, реестр описей, книга поступлений, составлены картотека фондов и указатели к ним, расширена система каталогов, организована инспекторская работа и учёт документов в системе учреждений АН СССР, утверждён «Перечень документов» АН со сроками хранения (1939). Проявляя способности к лавированию сначала между Ака-

демией наук и Центрархивом, затем между АН СССР и Главным архивным управлением НКВД, Георгий Алексеевич пытался сохранить либеральные академические традиции и неуклонно придерживался принципа открытости архива для исследователей. В отличие от других архивохранилищ, в Архиве АН СССР ни один фонд не был закрыт по политическим или другим мотивам.

С 1933 г. стала издаваться серия «Труды Архива АН СССР», в том числе первые в стране «Обозрения архивных материалов» (вып. 1–8, 1933–1986), раскрывшие перед исследователями богатейшее содержание документов архива. В 1938 г. в архиве был организован Учёный совет, который возглавляли академики И. Ю. Крачковский, А. С. Смирнов и др. Именно при Г. А. Князеве Архив АН СССР превратился в научно-исследовательское учреждение, ставшее центром архивной системы АН СССР и прообразом для создания других научных архивов страны [Тункина, 2016а: 459–466].

Постановлением СНК СССР от 25 апреля 1934 г. Академия наук СССР была переведена из Ленинграда в Москву. В Ленинграде осталось большинство учреждений Отделения общественных наук и ряд институтов других отделений, а также учреждения при Президиуме АН СССР — Библиотека и Архив. К счастью для петербургской науки, они остались на месте своего основания. С переводом фондов Архива АН СССР в Москву были бы нарушены основные принципы отечественного архивоведения — неделимость исторически сложившихся комплексов документов и преемственность (в том числе территориальная) комплектования архивными материалами [Тункина, 2018].

В 1936 г. для обслуживания московских учреждений было создано Московское отделение Архива АН СССР, ставшее головным учреждением в 1963 г. во главе с Б. В. Лёвшиным (директор в 1963–2003 гг.) и В. Ю. Афиани (директор в 2003–2017 гг.). Архив АН СССР в Ленинграде стал Ленинградским отделением, которое в 1991 г. было преобразовано в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). В 1987 г. к нему была присоединена общеакадемическая Лаборатория консервации и реставрации документов (создана в 1934 г.), которая как центр научной и практической реставрации обслуживала всю сеть академических архивов северной столицы.

2. Проблемы деятельности и перспективы развития СПбФ АРАН в XXI в.

Сегодня СПбФ АРАН выполняет функции исторического архива отечественной и мировой науки и Санкт-Петербургского регионального архива РАН. Архив является учреждением комплексного характера, сочетающего исследовательские и хранительские функции, известным в мире научным центром, ведущим исследования по широкому спектру научных направле-

ний и представляющим архивные фонды для исследований ученым из 60 стран мира (от 350 до 450 читателей) в год.

В XXI веке активизировалась издательская деятельность филиала. В сотрудничестве с Учреждением А. Г. Франке (Галле, ФРГ), Копенгагенским университетом (Дания), Институтом истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск) с 1990-х гг. издаётся многотомная серия на русском и немецком языках «Документы по истории Сибири и Аляски из российских архивов», вводящая в научный оборот огромный комплекс ретроспективных документальных материалов о Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции под руководством Витуса Беринга [http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/cat/639/]. В 2011 г. основана серия книг «Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки», в рамках которой опубликовано свыше десятка изданий и Supplement'ов к ней, которая предусматривает ввод в научный оборот неизданных трудов по истории науки первостепенного научного значения, монографий, сборников документов, справочников по истории РАН и т. п. Двумя изданиями (2004, 2016) издан справочник о фондах и коллекциях СПбФ АРАН [Фонды, 2016], в 2018 г. начато издание серии справочников с биографическими справками об ученых-фондообразователях. Параллельно создается доступная в сети интернет база данных документов по личному составу [<http://db.ranar.spb.ru/ru/person>] учреждений Императорской/Российской/Всесоюзной академии наук [Тункина, 2017б]. В основу базы данных положен многоуровневый принцип структуры данных (фонд, описание, дело, документ), что соответствует Международному стандарту архивного описания документов (ISAD). В 2008–2011 гг. в ходе подготовки празднования 300-летия М. В. Ломоносова создана электронная база данных документов «М. В. Ломоносов и Ломоносовиана в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова» (свыше 2200 заголовков), размещенная на официальном сайте СПбФ АРАН [<http://ranar.spb.ru/rus/page/327>] и изданная на CD-R диске [Ломоносов, 2011], а в 2012–2013 гг. — тематическая база данных «Научные связи Российской академии наук и Национальной АН Беларуси. 1928–1941 гг.» [<http://ranar.spb.ru/rus/page/512>].

Доступ к архивным документам отечественных и зарубежных исследователей возможен только в том случае, если документы Архивного фонда РФ хранятся в надлежащих условиях, поэтому задача обеспечения сохранности является для СПбФ АРАН приоритетной. К началу 2019 г. архив хранит 779 фондов (203 фонда учреждений, 579 личных фондов) и 16 разрядов (коллекций), 490 330 дел за XV–XXI вв., необработанная россыпь составляет свыше 500 погонных метров полок. Количество выявленных к настоящему времени особо ценных дел — 263201 ед. хр., т. е. более половины фонда СПбФ АРАН.

Однако должный уровень материально-технического обеспечения научно-исследовательской и фондоохранной деятельности СПбФ АРАН в течение многих десятилетий невозможно поддерживать по объективным причинам. Все занимаемые архивом помещения не соответствуют необходимым

нормам хранения документов и условиям труда сотрудников, что отмечено в предписаниях комиссий Росохранкультуры (2010, 2011), Департамента государственного контроля и надзора в сфере культурного наследия Министерства культуры (2012), в ходе двух проверок Управления Роспотребнадзора по Санкт-Петербургу (2015, 2016).

Сегодня архив расположен в 8 зданиях и помещениях трех балансодержателей, подведомственных Минобрнауки. Документальные собрания мирового значения, национальное достояние страны десятки лет хранятся в неподобающих условиях. Отсутствие свободных площадей в архивохранилищах в течение последнего столетия фактически парализовало плановое комплектование фондами учреждений, которое полностью прекратилось с 1949 г. Фонды, уже оформленные и принятые на государственное хранение, размещать негде. Документы ряда старейших и крупнейших институтов, например, Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН (основан в 1918 г.), вообще не представлены в архиве. Документы постоянного хранения учреждения РАН вынуждены оставлять у себя, где зачастую не обеспечены необходимые условия их хранения. В условиях реорганизации институтов РАН, подведомственных Минобрнауки РФ, существует угроза того, что большая часть документального наследия фундаментальной науки Ленинграда/Санкт-Петербурга за советский и постсоветский периоды может быть безвозвратно утрачена. Это неизбежно приведёт к появлению документальных лакун о новейшей истории фундаментальной науки России.

Сегодня основными проблемами деятельности СПбФ АРАН являются:

- 1) отсутствие помещений для архивохранилищ, устаревшая инфраструктура, ненормативные условия хранения (в том числе заражённость части архивохранилищ микодетриями). Катастрофический дефицит свободных площадей и перегруженность архивохранилищ последние 70 лет деятельности архива привели к тому, что год от года в геометрической прогрессии увеличивается объём подлежащей приему на постоянное хранение документации постоянного хранения из учреждений, подведомственных Минобрнауки;
- 2) госбюджетное финансирование с 1963 г. лишь по остаточному принципу привело к полному замораживанию развития материально-технической базы СПбФ АРАН, значительному сокращению кадрового состава, уменьшению объёма описания фондов, сужению направлений научной деятельности и пр. Отсутствуют средства на основные нужды, в том числе на оформительские материалы, реставрацию и консервацию документов, на создание страхового фонда особо ценных дел, оплату коммунальных услуг и пр.;
- 3) ненормативная штатная численность парализует развитие СПбФ АРАН: в штате всего 34 сотрудника, включая 15 архивистов и 13 реставраторов, которые обслуживают полумиллионный фонд, осуществляют

методическое руководство 5 научно-отраслевыми архивами и 166 текущими архивами учреждений РАН в Санкт-Петербурге с объёмом хранения свыше 2,3 млн дел. Недостаток штата привел к ослаблению связей СПбФ АРАН с ведомственными архивами учреждений РАН, в которую с 2013 г. входят и учреждения РАН и РАСХН, в части организации и нормативно-методического обеспечения управления документацией, экспертизе ценности и отбору дел на государственное хранение. Норматив штата по паспорту архива на 2018 г. должен составлять как минимум 86 чел. (47 научных сотрудников);

4) завышенное государственное задание, не учитывающее специфику архивной и реставрационной работы (14 статей в год на одного научного сотрудника в 2018 г.).

Кардинальным решением многих проблем СПбФ АРАН станет переезд в новое специализированное здание. Еще в 1980 г. Президиум АН СССР принял решение о строительстве нового здания Ленинградского отделения Архива площадью 10 000 кв. м, однако строительство не было реализовано по ряду причин. Вопрос о строительстве нового здания академического архива в Санкт-Петербурге вновь был актуализирован в 2007 г., когда за подписью губернатора Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко и уполномоченного представителя Президента в Северо-Западном Федеральном округе И. И. Клебанова было направлено письмо Президенту РФ В. В. Путину о необходимости спасения бесценной исторической коллекции документов СПбФ АРАН. Эта просьба была поддержана несколькими обращениями деятелей науки и культуры РФ к первым лицам страны, в том числе руководством и членами Отделения историко-филологических наук РАН, по результатам которых появилось три поручения Правительству РФ. Наконец, в 2012 г. строительство нового здания было включено в Федеральную адресную инвестиционную программу (ФАИП), но вид разрешённого использования выделенного участка земли не отвечал требованиям под размещение здания архива, поэтому осуществлялся поиск другого участка. В ФАИП 2012–2014 гг. были предусмотрены средства на проектирование нового специализированного здания для СПбФ АРАН площадью 20 тыс. кв. м с вместимостью архивохранилищ не менее 2 млн. ед. хр., с учётом необходимого комплектования документами текущего делопроизводства академических учреждений и личными фондами ученых (около 1 700 000 дел).

Постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2014 г. № 956 строительство нового здания СПбФ АРАН было включено в Федеральную адресную инвестиционную программу с объёмом финансирования строительства более 2,3 миллиарда рублей. Проектирование объекта осуществлено ЗАО «Сигни Груп», в 2015 г. Санкт-Петербургский филиал «Главного управления государственной экспертизы» Минстроя РФ выдал положительное заключение по проекту. Строительство осуществляется в Санкт-Петербурге на Киевской ул., участок 4 (юго-восточнее пересечения Киевской улицы и Заозерной улицы) в районе бывших Бадаевских складов, площадь земель-

ного участка 1,1 га (ближайшая станция метро Фрунзенская, рядом строится станция Боровая). Площадь здания 18028,65 кв. м, заказчик ФКУ «Дирекция единого заказчика по строительству, капитальному и текущему ремонту» ФАНО/Минобрнауки РФ. В начале 2017 г. бюджетные ассигнования в рамках ФАИП на завершение строительства были заморожены, но после очередного поручения Президента РФ Постановлением Правительства РФ от 21 ноября 2018 г. № 1400 финансирование стройки было возобновлено, хотя срок ввода в эксплуатацию здания сдвинулся с 2017 г. на 2020 г. В новом здании СПбФ АРАН предусмотрены передовые системы безопасности и кондиционирования воздуха, передвижные стеллажи, современное лабораторное оборудование для реставрации архивных документов, высокопроизводительные сканеры и серверы, проложены локально-вычислительные сети. Это сложное инженерное сооружение, приблизительная стоимость эксплуатации в год составит до 25 млн. руб.

Переезд в новое здание даст возможность СПбФ АРАН в соответствии с действующим законодательством выполнять основные функции по обеспечению сохранности, комплектованию и учёту документов Архивного фонда РФ, научному изучению и вводу в научный оборот документов по истории науки, оказывать услуги по информационному обеспечению органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан. Модернизация инфраструктуры позволит создать нормативные условия, обеспечивающие вечное хранение документов, и существенно увеличить квалифицированный персонал архива. В новом здании должны быть реализованы современные логистические технологии хранения и поиска документов, что позволит снизить издержки на содержание Архивного фонда РФ.

Основными формами использования архивных документов является ознакомление с подлинниками в читальном зале архива, экспонирование на документальных выставках, публикация архивных документов в печатном виде и в сети Интернет, исполнение тематических и социально-правовых запросов юридических и физических лиц. Для большинства профессиональных историков и историков науки работа с подлинниками архивных документов в читальном зале останется главным способом исследования исторических источников на ближайшие десятилетия. Тем не менее, стремительное развитие информационного общества, распространение новых технологий и электронного документооборота ставит вопрос о скорейшей адаптации академического архива к новым реалиям жизни. К ним относится расширение доступа к архивным документам и научно-справочному аппарату к ним в режиме онлайн, поскольку для многих учёных интернет-пространство становится универсальным инструментарием работы с источниками. Для решения этой проблемы требуется перевести в цифровой формат основные информационно-поисковые средства СПбФ АРАН, прежде всего описи всех фондов, старые карточные именные и тематические каталоги документов, а также наиболее

ценные и востребованные документы на бумажных носителях. Оцифрованные описи фондов СПбФ АРАН уже доступны в интернете [<http://www.isaran.ru/?q=ru/funds&ida=2>]. Архиву крайне необходимо внедрение автоматизированной системы государственного централизованного учета документов. Электронные базы данных документов и описи вновь поступающих и проходящих научно-техническую обработку фондов следует сразу создавать в электронном виде.

СПбФ АРАН насущно необходимо возобновление предусмотренной по закону об Архивном деле в РФ (№ 125-ФЗ) работы по созданию страхового фонда на уникальные и особо ценные документы Архивного фонда РФ, составной части Единого российского страхового фонда документации. Несмотря на мировую известность своих документов, из-за ненормативного штата хранителей СПбФ АРАН вообще не принимал участие в формировании Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации. Работа по созданию страхового фонда не осуществляется с 1993 г. по причине отсутствия госбюджетного финансирования и соответствующей инфраструктуры. Однако в реализуемом проекте нового здания СПбФ АРАН в г. Санкт-Петербурге этот вид деятельности также не был предусмотрен. С целью его осуществления планируется создать Центр коллективного пользования по реставрации и созданию страхового фонда документов СПбФ АРАН и сети научно-отраслевых архивов Санкт-Петербурга — Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Института восточных рукописей РАН, Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургского института истории РАН, Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки РАН. Предварительно выявленный объём особо ценных дел в 7 академических архивах — 86 127 602 листов или 172 255 204 страниц. Стоимость оборудования Центра коллективного пользования для создания страхового фонда — 1 млн 789 тыс. евро в ценах 2018 г. При условии выделения госбюджетных средств на эти цели институтам с большим объёмом особо ценных дел следует обеспечить помещения для временного размещения аппаратов по микрофильмированию и сканированию. Это даст возможность осуществить постепенный переход на предоставление пользователям в читальных залах академических архивов электронных копий архивных документов, которые вместе с фондом пользования на плёночном носителе должны в перспективе стать основным объектом выдачи взамен подлинников. Создание страхового фонда снижает вероятность утраты (повреждения) архивных документов, обеспечивает право на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации и выполнение Российской Федерацией взятых на себя международных обязательств в соответствии с принятыми ЮНЕСКО Конвенцией о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. и Рекомендациями об охране движимых культурных ценностей от 28 ноября 1978 г., согласно которым каждое государство несёт моральную ответственность за охрану и сохранение движимых куль-

турных ценностей, включая архивные документы, перед всем мировым сообществом.

Документы СПбФ АРАН имеют непреходящее научное и историко-культурное значение как для специалистов, так и для широких кругов общественности. Их необходимо максимально использовать с целью популяризации достижений отечественной науки в преддверии 300-летия Российской академии наук и столетия создания большинства её институтов по всей стране. С этой целью в главном здании СПбФ АРАН на Университетской наб., д. 1 планируется открыть информационно-экспозиционный центр «Академическая наука Санкт-Петербурга», сочетающий элементы исторической и интерактивной экспозиции. Главная задача центра — популяризация деятельности Академии наук как общероссийского центра науки и культуры, пропаганда фундаментальных ценностей науки как социального института. На широкой документальной базе экспозиция представит 300-летнюю историю Российской академии наук во всем её блеске, расскажет о вкладе академических учёных в мировую науку, о значении фундаментальных исследований для экономического развития страны, роста её военного могущества, укрепления политического и международного престижа. Экспозиция будет иметь постоянную составляющую, временные выставки и интерактивную зону. Здесь будут представлены документы, характеризующие научную, научно-организационную, экспедиционную, издательскую и просветительскую деятельность Академии наук, материалы, освещающие биографии академических учёных, многие из которых были настоящими светилами науки и дают великое множество образцов беззаветного служения ей, служат благодатным материалом для воспитания подлинного патриотизма. Это позволит жителям и гостям Санкт-Петербурга ближе познакомиться с историей отечественной науки и деятельностью главного научного учреждения страны, а создание центра с лихвой компенсирует отсутствие в городе музея по истории науки и техники.

Планируемая штатная численность архива в новом здании — 208 чел. (36 научных сотрудников), Центра коллективного пользования по реставрации и созданию страхового фонда особо ценных документов для СПбФ АРАН и 5 научно-отраслевых архивов (ИРЛИ, ИВР, СПБНИИ, ИИМК, МАЭ, НИОР БАН) — 48 чел. (7 научных сотрудников), Информационно-экспозиционного центра «Академическая наука Санкт-Петербурга» на Университетской наб., д. 1 — 20 чел., всего 276 чел. (43 научных сотрудника). Следует отметить, что перевод архива в новое здание будет способствовать увеличению доли высокотехнологичных рабочих мест с конкурентоспособным уровнем оплаты труда, особенно для молодых ученых и архивистов.

С переездом в новое специализированное здание, на основе широкого внедрения информационных технологий и обновленного кадрового состава СПбФ АРАН сможет достичь принципиально нового уровня организации своей деятельности и достойно провести 300-летию юбилей Российской академии наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архивы 1997* — Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание / Гл. ред. В.П. Козлов, П. К. Гримстед; сост. П. К. Гримстед, Л. В. Репуло, И. В. Тункина. М., 1997.
2. *Копелевич Ю. Х.* Санкт-Петербургская академия наук и власть в XVIII веке // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 122–156.
3. Ломоносов и Ломоносовиана в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. СПб., 2011. CD-R (<http://db.ranar.spb.ru/lomonosov>)
4. *Мирский М. Б.* Медицина в России XVI–XIX веков. М., 1996.
5. *Мирский М. Б.* Медицина России X–XX веков: Очерки истории. М., 2005.
6. *Палкин Б. Н.* Возникновение Медицинской канцелярии в XVIII веке и первый период ее деятельности // Советское здравоохранение. 1974. № 4. С. 63–66.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830.
8. *Соколовский М.* Характер и значение деятельности Аптекарского приказа. СПб., 1904.
9. *Тункина И. В.* Хранители академической памяти (XVIII – первая треть XX вв.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016а (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 8).
10. *Тункина И. В.* К начальной истории Конференц-архива Петербургской Академии наук (1725–1742 гг.) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2015 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. Ижевск, 2016б. С. 88–109.
11. *Тункина И. В.* Складывание структуры академических архивов в XVIII в. // Aus Sibirien — 2017: Научно-информационный сборник. Тюмень, 2017а. С. 157–158.
12. *Тункина И. В.* Изучение персонального состава учреждений РАН: Прошлое и настоящее // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: Сборник статей / Отв. ред. В. Ю. Афиани, Ю. А. Петров; сост. Е. А. Воронцова. М., 2017б. С. 914–933.
13. *Тункина И. В.* Книжное собрание при Конференц-архиве Императорской Санкт-Петербургской академии наук: вехи истории (XVIII — нач. XX вв.) / The Book Collection of the Conference-Archive of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences: Milestones in History (the 18th — early 20th cent.) // Судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 г.: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, 26–28 октября 2017 г., Государственный Эрмитаж. СПб., 2017в. С. 125–127.
14. *Тункина И. В.* Архив АН СССР и перевод Академии наук в Москву в 1934 г. // Миллеровские чтения-2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Материалы Второй международной научной конференции 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 115–123.
15. *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017.
16. *Фонды 2016* — Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук: Краткий справочник / Изд. 2-е, испр. и доп. Отв. ред.

д.и.н. И. В. Тункина. Сост. И. В. Тункина и Н. В. Крапошина. СПб., 2016 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 6).

17. *Шершавкин С. В.* О реорганизации Аптекарского приказа // Советское здравоохранение. 1958. № 2. С. 56–58.
18. *Tunkina I. V.* Germans as archivists in the Archive of the Conference of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences // Aus Sibirien — 2017: Научно-информационный сборник. Тюмень, 2017. Р. 171.

Ю. М. Батури́н, Л. И. Боро́дкин

**ВИРТУАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ**

Первые приложения технологий 3D-моделирования в гуманитарных исследованиях датируются рубежом 1980–1990-х гг., когда стало возможным разрабатывать виртуальные реконструкции культурного наследия. С тех пор эти технологии шагнули далеко вперед, а визуальный и цифровой повороты, происходившие в исторической науке в XXI в., существенно повысили интерес к виртуальным реконструкциям культурного и научно-технического наследия. В настоящее время набор этих технологий включает виртуальные трёхмерные (3D) интерактивные модели, технологии лазерного сканирования, фотограмметрии, виртуальной и дополненной реальности, аппаратуру воспроизведения и интерфейс, специализированное программное обеспечение (в частности, трёхмерные редакторы и конверторы 3D-моделей, 3D-движки), компьютерную томографию и др. [*Жеребятьев*, 2014].

Данная статья даёт определенное представление об опыте применения технологий 3D-моделирования в задачах виртуальной реконструкции объектов историко-культурного и научно-технического наследия (соответственно, части I и II статьи)¹. В первой части представлены исследования кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, а во второй — Центра виртуальной истории науки и техники ИИЕТ РАН.

**I. Трёхмерное моделирование в исследованиях
по исторической урбанистике
(на примере виртуальной реконструкции московских монастырей)**

У истоков использования 3D-моделей в исторических приложениях стоят археологи. В данном разделе статьи обсуждается новый подход к созданию виртуальной реконструкции объектов историко-культурного наследия, основанный на передовых технологиях 3D-моделирования, применительно к задачам исторической урбанистики. Впервые в отечественной историографии рассматривается опыт использования технологий виртуальной

¹ Автором первой части статьи является Л. И. Бородкин (иллюстрации подготовлены Д. И. Жеребятьевым, В. В. Моором, М. С. Мироненко), второй — Ю. М. Батури́н.

и дополненной реальности для реконструкции утраченных объектов исторической городской застройки. Проводится апробация методики и технологии валидации/верификации результатов построенной виртуальной реконструкции, углубления возможностей репрезентации и визуализации этих результатов.

В современных условиях динамичного развития городов, изменяющегося городского ландшафта возрастает интерес к возможностям 3D-технологий, позволяющим создавать виртуальные реконструкции утраченной исторической городской застройки, её эволюции, нередко изменяющей облик зданий, улиц и площадей в ходе радикальных перестроек или в результате войн, пожаров, стихийных бедствий.

Среди объектов виртуальных реконструкций заметное место занимают монастырские комплексы. В XX в. в России была разрушена значительная часть монастырей, многие из которых представляют интерес для изучения не только с точки зрения архитектурных особенностей, но и с точки зрения их социокультурной роли и экономического значения. Ряд уничтоженных монастырей располагались в Москве. Важным критерием для выбора утраченного монастырского комплекса в качестве объекта виртуальной реконструкции является, наряду с его архитектурными достоинствами, степень сохранности источниковой базы.

Отметим, что число зарубежных проектов по виртуальной реконструкции монастырских комплексов рода пока невелико, хотя и имеет тенденцию к росту. Это, прежде всего, виртуальные реконструкции цистерианского монастыря Санта-Мария XVI в. (район Санзедаш, Португалия) [Lourenço P.B., Peña F., Amado M., 2011], монастыря Санта-Мария XII в. (г. Риполь, Испания) [Besora I., P. Brunet P., Callieri M., Chica A., Corsini M., Dellepiane M., Morales D., Moyes J., Ranzuglia G., Scopigno R., 2008: 89–96], монастыря Сент-Ави Сениер XII в. (департамент Дордонь, Франция) [Sharpe T., Pickering I., 2011], аббатства Клуни X в. (департамент Сона и Луара, Франция; проект Cluny III) [Père C., Landrieuet J., Rollier-Hanselmann J., 2010: 151–159], монастыря Христа Пантеопта XI в. (г. Стамбул, Турция) [Duran Z., Toz G., 2003: 523–528]. Что касается российских исследований в этой области, то можно отметить проект «Виртуальная реконструкция Спасо-Преображенского мужского монастыря г. Енисейска XIX в.» Гуманитарного института Сибирского федерального университета [<http://www.yeniseisk-heritage.ru>].

Широкий интерес вызвала работа французских исследователей, построивших виртуальную реконструкцию Собора Парижской Богоматери (Notre-Dame de Paris), восстановив его облик на 13-ти временных срезах, охватывающих соответствующие этапы расширения и перестройки собора за девять веков его истории [Sandron D. et Tallon A., 2013]. В этой работе использовались передовые технологии трёхмерного моделирования, основанные на лазерном сканировании, что позволило получить плотное облако точек поверхности всего собора (более миллиарда опорных точек).

В течение последнего десятилетия на кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ были реализованы три проекта по вирту-

альной реконструкции монастырских комплексов [Бородкин Л. И., Жеребятьев Д. И., 2016: 47–60; Мироненко М. С., 2015; Бородкин Л. И., Жеребятьев Д. И., Мироненко М. С., Моор В. В., 2014: 15–30; Жеребятьев Д. И., Ким О. Г., 2015]. Речь идёт о московских монастырях, утраченных в 1920–1930-х гг. Один из них — Страстной монастырь (московский женский монастырь), основанный в 1654 г. и просуществовавший до 1937 г., когда он был полностью разрушен (сейчас на том месте — Пушкинская площадь). В 2014–2016 гг. на кафедре при поддержке РФФИ был реализован исследовательский проект по виртуальной реконструкции Московского Страстного монастыря и прилегающей к нему исторической городской застройки конца XVI — начала XX вв. Этот продолжающийся проект имеет выраженный междисциплинарный характер: творческий коллектив включал историков, искусствоведов, реставраторов, архитектора, IT-специалиста (руководитель проекта чл.-к. РАН д.и.н. Л. И. Бородкин, к.и.н. Т. Я. Валетов, к.и.н. Д. И. Жеребятьев, О. Г. Ким, к.и.н. Р. Б. Кончаков, к.и.н. И. П. Кулакова, М. С. Мироненко, Е. М. Мишина, В. В. Моор, В. А. Рябов, к. иск. А. М. Лидов).

Рассмотрим некоторые результаты этого проекта.

* * *

Анализ эволюции рассматриваемой пространственной инфраструктуры Страстного монастыря проводился на основе комплекса источников, характеризующих объекты реконструкции на трёх временных срезах (рубеж XVII–XVIII вв., 1830-е гг., 1910-е гг.) с учётом социального контекста монастырской жизни и изменявшейся архитектурной среды Страстной площади (см. <http://www.hist.msu.ru/Strastnoy/>). Пространственная эволюция Страстного монастыря и прилегающей к нему Страстной площади получила отражение в целом комплексе разнообразных источников. К ним относятся проекты архитекторов, планы и чертежи основных построек комплекса, делопроизводственные материалы, документы, связанные с перестройкой, реконструкцией, реставрацией и другими изменениями внешнего облика зданий монастыря, гравюры и другие изобразительные материалы, а также фотографии конца XIX — начала XX вв.

В ходе построения виртуальной реконструкции решались задачи источниковедческого синтеза, включая выяснение последовательности возникновения источников, их сопоставления по степени достоверности и точности, полноты представления необходимой информации, устранения возможных противоречий. При воссоздании внешнего облика монастырского храма учитывались также архивные нарративные документы. Расположение в пространстве каждого объекта реконструкции определялось соотношением его с планами территории Страстного монастыря 1757, 1773, 1831 гг., а также со сводными топографическими картами, созданными на основе архивных документов участниками проекта (см. *рис. 1, 2*). На территории площади, прилегающей к Страстному монастырю, в 1830-х гг. существовало более 20 владений, 3D-модели которых в реконструкции

привязаны к Генеральному плану Страстной площади 1831 г. Существенно, что совокупность источников по каждому зданию включает чертежи фасадов. Это позволяет воссоздать виртуальную модель с документальной точностью.

Одним из ключевых объектов монастыря является колокольня Страстного монастыря. Старое здание колокольни, просуществовавшее вплоть до 1850 г., запечатлено на нескольких графических и изобразительных источниках. Наиболее подробным из них является чертёж колокольни [РГИА, Ф. 218, оп. 3, д. 1265, л. 1–2] и гравюра лицевого фасада монастыря после

Рис. 1. Модель расположения зданий монастыря на плане местности: начало XVIII в

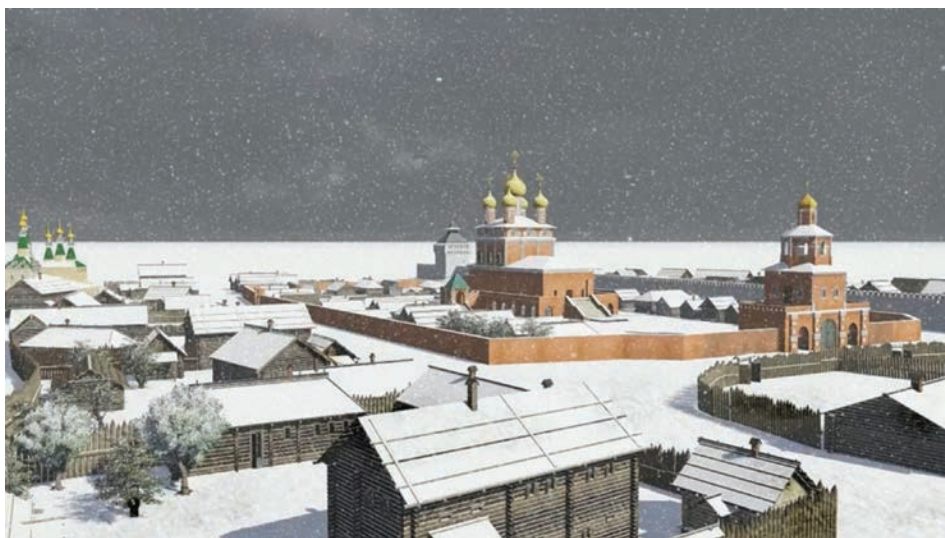

Рис. 2. Визуализация виртуальной реконструкции Страстного монастыря и окружающей городской застройки на рубеже XVII–XVIII вв.

пожара 1773 г. [РГИА, Ф 835, оп. 2, д. 95, л. 3]. На основе имеющихся источников в программе SketchUp была произведена виртуальная реконструкция старой колокольни Страстного монастыря (она нашла отражение и на рис. 2, 4).

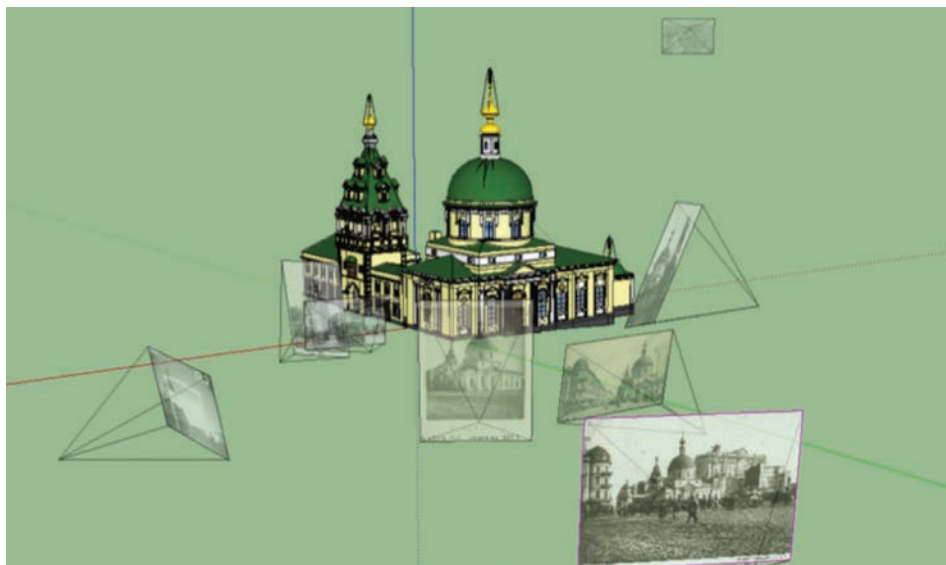

Рис. 3. Расчет точек фотосъемки храма Дмитрия Солунского (технология фотограмметрии)

Рис. 4. Визуализация виртуальной реконструкции храма Дмитрия Солунского и Страстной площади, 1830 г

Отметим, что по отдельным строениям до нас дошли только их планы, фотоизображения конца XIX — начала XX вв. и гравюры того же времени. Одним из таких строений Страстной площади является храм Дмитрия Солунского. К сожалению, существующие гравюры рубежа XVIII–XIX вв. дают достаточно смутное представление об архитектурных формах храма, искажая размеры отдельных его элементов. В таком случае наиболее информативным источником выступают старые фотографии здания, которые более точно передают его облик, хотя и относятся к более позднему времени. Опираясь на данные гравюр и текстовые упоминания о перестройках здания, из имеющихся фотографий делается «вычет» тех составных частей здания и деталей, которые позднее были пристроены. Здесь оптимальным программным обеспечением выступает программа SketchUp. Так, благодаря наличию фотограмметрического инструмента анализа перспективы фотографии и параметров строений MatchPhoto, определив уровень горизонта и указав определённые параметры перспективы в графических источниках, можно рассчитать угол съёмки здания фотографом, а затем и размеры всех строений. Количество загруженных фотоизображений при наличии разных ракурсов съёмки и «реперной точки» непосредственно влияет на точность полученного результата. Под «реперной точкой» мы подразумеваем объекты или отдельные их элементы, присутствующие на нескольких снимках. Реконструкция перспективы для всех графических изображений и определение размера «реперной точки» позволяет задать масштаб реконструкции. Полученная в итоге реконструкция храма Дмитрия Солунского представлена на *рис. 3, 4*.

Преимуществом построенных в нашем проекте 3D-моделей монастырского комплекса является возможность интерактивного просмотра создан-

Рис. 5. Визуализация виртуальной реконструкции Страстного монастыря и окружающей городской застройки с высоты птичьего полета (1910 г.)

Рис. 6. Визуализация виртуальной реконструкции комплекса Страстного монастыря (1910 г.)

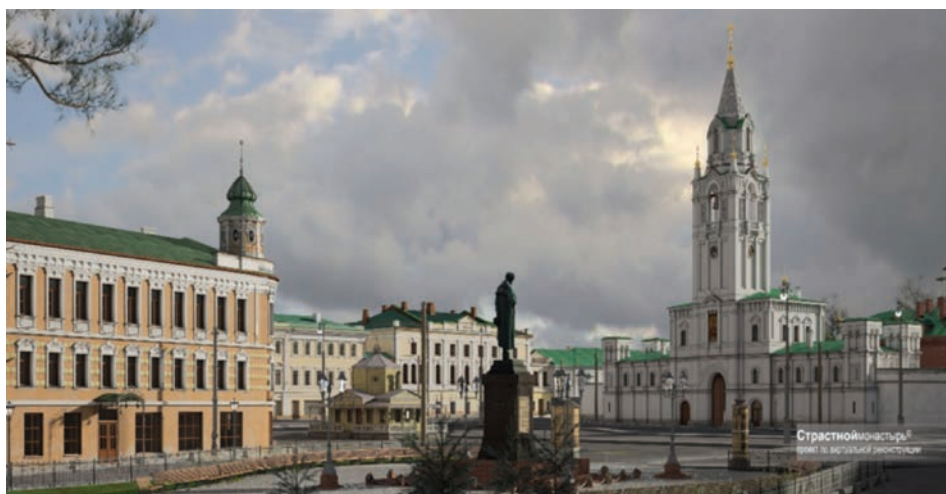

Рис. 7. Визуализация виртуальной реконструкции комплекса Страстного монастыря (1910 г.)

ной виртуальной реконструкции в онлайн режиме и её верификации. Предложенная в проекте процедура верификации подразумевает возможность взаимодействия пользователя с представленными на сайте источниками реконструкции и созданной на их основе виртуальной 3D-моделью, с подробным описанием методики её построения применительно к каждому зданию. Тем самым повышается источниковедческая достоверность 3D-реконструкции. Здесь возникает и новая источниковедческая задача — презентация всех источников, использовавшихся для восстановления рассматриваемого фрагмента комплекса (с соответствующей критикой источников). По сути, речь

Рис. 8. Дополненная реальность: схематичное отображение в AR виртуальной реконструкции Страстного монастыря на существующую городскую застройку Пушкинской площади

идёт о создании системы электронной документации виртуальной реконструкции монастырского комплекса. Эта задача решена в нашем проекте на основе разработанного программного модуля.

Построенная компьютерная реконструкция трёхвековой эволюции монастырского комплекса и окружавшей его исторической городской застройки Страстной площади показывает те новые возможности в развитии исторической урбанистики, которые открылись перед историками в контексте визуального и пространственного поворотов и – в последние годы — цифрового поворота в структуре исторического знания. Полученные результаты представлены в открытом доступе на сайте исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (<http://hist.msu.ru/Strastnoy/>), что дает возможность пользователю ознакомиться с источниковой базой исследования и построенной виртуальной реконструкцией, представленной с помощью современных средств 3D-визуализации, включая цифровое видео обзора монастырского комплекса на ранних и поздних временных срезах (см. *рис. 2, 4–7*), визуальные эффекты дополненной реальности (*рис. 8*) и т. д. В отличие от многих доступных иллюстративных 3D-реконструкций объектов культурного наследия, имеющих в основном экскурсионно-познавательный интерес, данный проект основан на твёрдой источниковой базе, с использованием верифицируемых методик.

* * *

На втором этапе этой работы (поддержана в 2017–2018 гг. фондом «История Отечества») в центре нашего внимания была адаптация технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) для создания новых воз-

Рис. 9. Визуализация интерфейса VR-модуля верификации на панорамной системе виртуальной реальности (в кружках показаны логотипы видов источников)

Рис. 10. VR-проекция плана строений 1830 г. на реконструированную модель (реализация модуля верификации)

возможностей валидации/верификации результатов построенной виртуальной реконструкции, углубления возможностей репрезентации и визуализации этих результатов. На этом этапе исследование проводилось кафедрой исторической информатики МГУ совместно с лабораторией математического обеспечения имитационных динамических систем (МОИДС) механико-математического факультета МГУ.

В качестве дополнительной возможности «погрузиться» в историческое прошлое мы создали исторические панорамы для использования их в планшете или смартфоне. Подразумевается, что пользователь находится на месте утраченного объекта исторической застройки и, наведя планшет на любую точку сегодняшнего городского ландшафта, увидит с помощью AR, как выглядело это место 100 или 200 лет назад. Появляется возможность изучения исторической застройки Страстной площади и монастыря с помощью AR и первой версии реконструкции, когда ранее существовавшие элементы исторической застройки «вырастали» на месте сегодняшнего городского ландшафта. Разработанные в МГУ шлем виртуальной реальности и специальные средства отслеживания движений пользователя, работающие совместно с панорамной системой виртуальной реальности, позволяют осуществить виртуальный тур по центру исторической Москвы с максимально возможной степенью «погружения» в историческую городскую среду (см. *рис. 9, 10*).

Результаты данного этапа проекта, характеризующего возможности нового подхода в исследованиях по исторической урбанистике, представлены на федеральном историко-документальном просветительском портале (<http://portal.historyrussia.org>).

II. Сохранение научно-технического и природного наследия

В 2011 г. в Институте истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН был создан Центр виртуальной истории науки и техники, которому была поставлена задача создания 3D-моделей, в первую очередь памятников науки и техники. Его возглавил к.ф.-м.н. А. В. Леонов (ныне доктор технических наук). Под его руководством были проведены работы, некоторые из которых описаны ниже.

Виртуальная Долина гейзеров

В качестве примера 3D-моделирования природного объекта можно привести проект «Виртуальная Долина гейзеров», выполненный при поддержке РФФИ (проект № 10-07-00407-а).

Долина гейзеров, расположенная в Кроноцком заповеднике на Камчатке, — уникальный природный объект, одно из крупнейших гейзерных полей мира. В 2007 году здесь произошёл катастрофический оползень, изменивший рельеф территории и уничтоживший часть гейзеров. После оползня было принято решение о создании виртуальной 3D-модели Долины гейзеров для сохранения информации о ней.

Рис. 11. Долина гейзеров на Камчатке

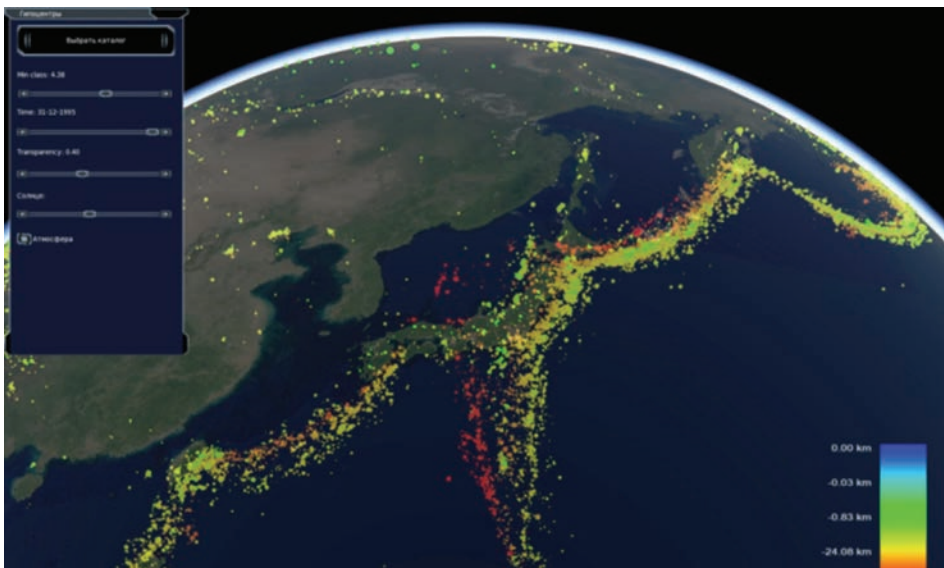

Рис. 12. Данные геофизических исследований на виртуальном глобусе

В результате проекта были созданы модель территории высокого разрешения (рис. 11), внедренная на виртуальный глобус (рис. 12); каталог объектов с информацией о них, включая стереокино; пользовательское приложение для просмотра виртуальной модели и связанной с ней информации, свободно доступное для научных и образовательных целей. Таким образом, информация об уникальном природном объекте была сохранена в виде набора 3D-моделей и связанной с ними информационной системы.

Виртуальная Денисова пещера

Другой пример 3D-моделирования археологического памятника — проект «Виртуальная Денисова пещера», выполненный в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (руководитель академик А. П. Деревянко).

Одним из наиболее перспективных археологических объектов для изучения древнейшей культуры человека и окружающей его природной среды на территории Северной Евразии является многослойная палеолитическая стоянка в Денисовой пещере на северо-западе Горного Алтая. В колонке рыхлых отложений пещеры выделено более 20 литологических слоев, которые содержат археологический материал различных эпох — от среднего палеолита до позднего средневековья. Собрано более 80000 экспонатов. Находки, сделанные в Денисовой пещере в 2008 г., привели к открытию новой эволюционной ветви в развитии человека. Коллекция находок из центрального зала, двух галерей и предвходовой площадки пещеры насчитывает десятки тысяч предметов. Наиболее важные открытия связаны с изучением палеолитических слоев Денисовой пещеры. Научной сенсацией мирового уровня стали антропологические останки ранее неизвестного науке подвида человека, обнаруженные в слое начальной стадии верхнего палеолита. Несомненную важность и актуальность представляет сохранение информации о Денисовой пещере как уникальном природном и археологическом объекте с использованием всего арсенала современных компьютерных методов, в частности, создание её виртуальной (цифровой, компьютерной) 3D-модели.

В 2012 г. был начат проект по созданию виртуальной 3D-модели пещеры: выполнено лазерное сканирование пещеры, ведётся создание текстурированной полигональной модели. Построенная 3D-модель фиксирует геометрию пещеры с высокой точностью. Модель привязана к археологической системе координат, что обеспечивает возможность её сопоставления с археологическими схемами и переноса в модель массива имеющихся данных (рис. 13).

Детальный обзор проектов по моделированию пещерных палеолитических объектов показал, что основная мотивация большинства работ — сохранение трёхмерной информации о наскальных рисунках и гравировках в пещерах. Гораздо меньшее внимание уделяется задаче визуализации археологических находок в виртуальном пространстве созданных 3D-моделей. Такая задача была в полном объеме реализована в проекте «Виртуальная Денисова пещера на Алтае», который является первым отечественным опытом виртуального 3D-моделирования пещерной палеолитической стоянки.

Сначала были выполнены лазерное сканирование и детальная фотосъемка пещеры. Сделано 37 сканов, полное облако точек содержит около 50 млн. точек. Затем по результатам лазерного сканирования и фотосъемки была создана текстурированная полигональная модель. Модель содержит 88254 полигона, из них 86000 занимает непосредственно пещера, 2254 полигона

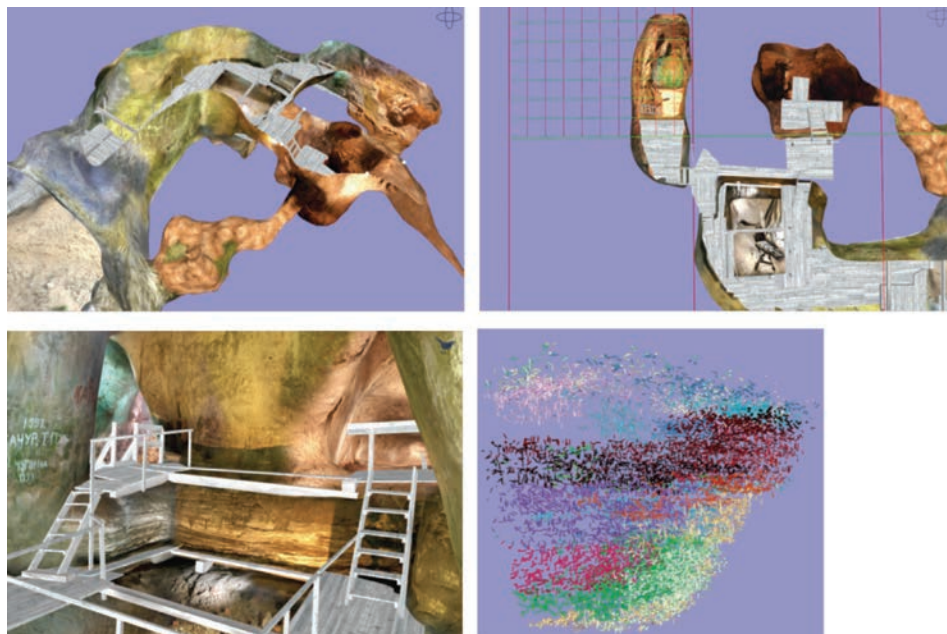

Рис. 13. Фрагменты 3D-модели Денисовой пещеры

приходится на искусственные объекты (настилы, перила, лестницы). Разрешение текстуры составляет для разных участков от 30 до 100 тыс. пикселей на 1 м² поверхности модели. Таким образом, была создана детальная 3D-модель пещеры, которая фиксирует её геометрию и внешний вид с высокой точностью.

Созданная 3D-модель была привязана к археологической системе координат (АСК), используемой в процессе раскопок для пространственной привязки (фиксации местоположения) находок. Ось абсцисс АСК повернута на 62 градуса по часовой стрелке относительно направления на север по истинному меридиану. Ось ординат перпендикулярна оси абсцисс. Ось аппликат направлена вертикально. Началом координат АСК является условная точка в пространстве, расположенная неподалеку от капельной линии пещеры. АСК зафиксирована на объекте при помощи серии реперов, засверленных в коренной стенке пещеры. Все реперы были сняты в ходе сканирования. При обработке данных модель пещеры была переведена в координаты АСК, точность привязки составила около 5 см. Таким образом, была обеспечена возможность сопоставления созданной 3D-модели с археологическими схемами, и непосредственного переноса массива имеющихся археологических данных в виртуальное пространство 3D-модели.

Отдельно были проведены лазерное сканирование, фотосъёмка и 3D-моделирование нескольких образцов каменных орудий, маркирующих различные культурно-хронологические этапы заселения пещеры. Созданные модели предметов содержат порядка 50 тыс. полигонов. При их тек-

стировании использованы карты смещений, полученные по более высокополигональным моделям (500 тыс. полигонов на предмет). Таким образом, была достигнута высокая визуальная реалистичность и детальность виртуальных моделей предметов при относительно небольшом объёме модели и текстуры — что особенно важно для задач интерактивной визуализации в стерео режиме.

Для визуализации созданной 3D-модели пещеры была разработана интерактивная 3D-презентация (программное обеспечение). Презентация поддерживает как моно-, так и стереорежим отображения и обеспечивает визуализацию облака точек, 3D-модели пещеры, 3D-моделей находок, 3D-моделей деревянных настилов, перил и лестниц, пространственного расположения находок в различных археологических горизонтах («облако находок»). Кроме того, поддерживается визуализация дополнительных данных — направлений на стороны света, осей и сетки АСК, местоположения реперов в АСК. Реализована возможность горизонтального среза виртуальной модели на любом уровне для удобства визуального анализа геометрии пещеры и расположения находок.

В презентации предусмотрено четыре окна. Пользователь может переключаться между ними в произвольном порядке. В окне «Глобус» отображается виртуальный глобус с внедрённой на него трёхмерной моделью пещеры — таким образом, можно изучить расположение пещеры на местности и окружающий рельеф. В окне «Пещера» отображаются модели пещеры и других объектов. В окне «Облако находок» визуализируется только местоположение находок в археологических горизонтах. В окне «3D-модель находки» отображаются модели отдельных предметов, с возможностью переключения между ними.

3D-модель Денисовой пещеры и программное обеспечение, созданные в результате проекта, могут использоваться для решения различных научных задач. В частности, функция горизонтальных срезов с шагом в 10 см позволяет вычерчивать точнейшие планы всей пещеры или её определённого участка на любой высотной отметке. Могут быть также созданы вертикальные сечения пещеры, рассчитаны объёмы и измерены расстояния между объектами внутри карстовой полости. Модель может использоваться для уточнения существующих археологических схем и создания новой топографической основы. Модель позволяет визуализировать пространственное взаиморасположение литологических слоев. Широкий набор фильтров в базе данных по находкам предоставляет возможность быстрого поиска любого интересующего артефакта (или группы находок) и установления его пространственного расположения в слое относительно других объектов. Существенным дополнением модели является возможность визуализации и анализа горизонтальной и вертикальной ориентации находки в слое. Модель позволять выполнять планиграфический анализ в любом масштабе — от квадрата до сектора или пещеры в целом.

Также созданная 3D-модель может быть адаптирована для просмотра в Интернете, выложена на общедоступный сайт для создания виртуальной

экскурсии. Это особенно актуально для Денисовой пещеры, которая является достаточно труднодоступным для посещения объектом [Леонов А. В., Аникушкин М. Н., Бобков А. Е., Рысь И. В., Козликин М. Б., Шуньков М. В., Дервянко А. П., Батурич Ю. М., 2014].

3D-моделирование Шуховской башни

Радиобашня на Шаболовке, построенная в 1919–1922 годах, — всемирно известный памятник архитектуры русского авангарда. Сегодня её чаще называют Шуховской башней, по имени её создателя — выдающегося русского инженера В. Г. Шухова (1853–1939).

Башня состоит из шести гиперболоидных секций (этажей, ярусов) общей высотой 144,16 м, которые в данной статье нумеруются снизу вверх, и надстройки (антенной секции). Оригинальная надстройка 1922 г. была реконструирована в 1937 г., а в 1991 г. демонтирована и заменена на современную.

Каждая гиперболоидная секция состоит из прямолинейных ног (опор, стержней, стоек, образующих), которые расположены по образующим гиперболоида, и промежуточных колец жёсткости, которые крепятся к ногам изнутри. В четырёх нижних секциях по 48 ног, в двух верхних секциях — по 24 ноги. В двух нижних секциях каждая нога составлена из двух швеллеров, расположенных спинками друг к другу, в четырёх верхних секциях — из уголков различного профиля. На стыках секций расположены опорные (соединительные) кольца, фиксирующие узлы стыков ног смежных секций. Конструкция стыков различается для разных секций.

Проектная и рабочая документация по башне практически не сохранилась.

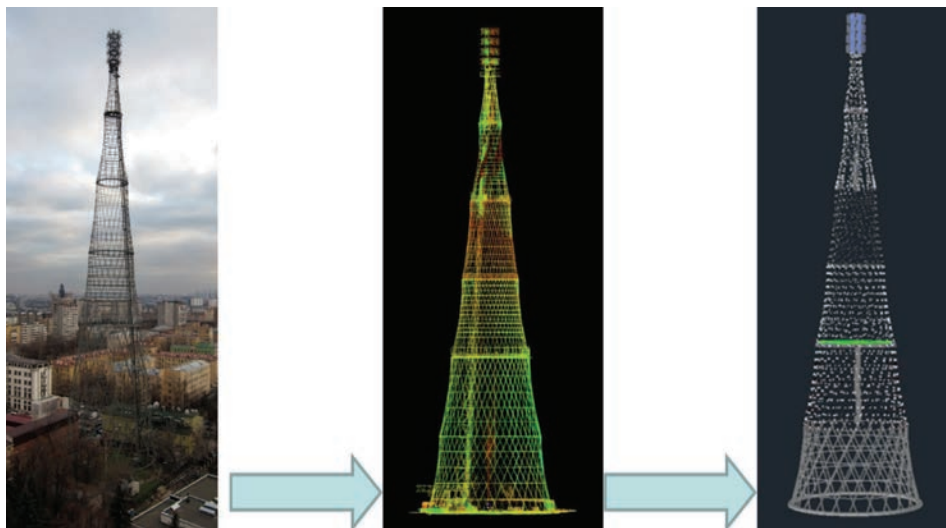

Рис. 14. Трёхмерное лазерное сканирование башни и построение модели

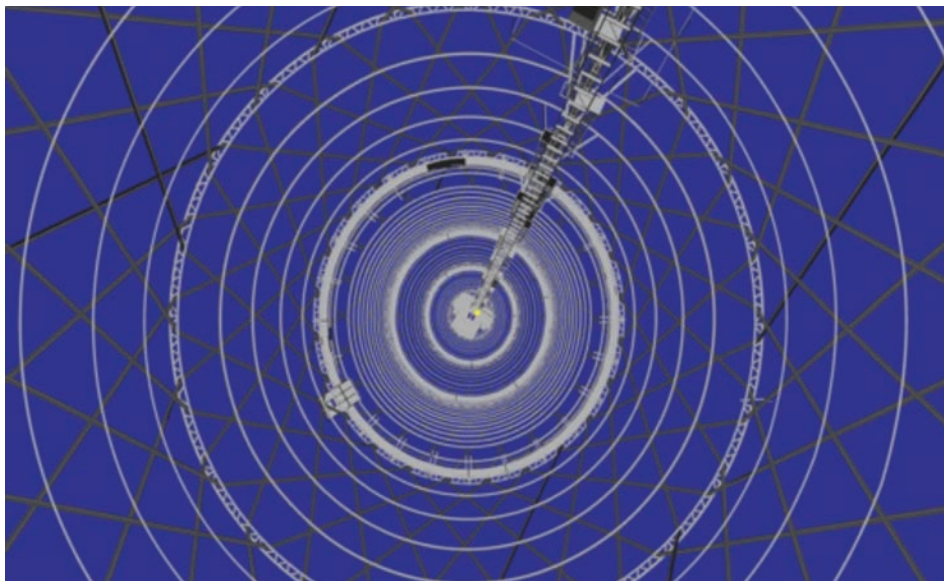

Рис. 15. Виртуальная модель башни (вид снизу)

Рис. 16. Фрагмент модели башни

Основа модели была получена с помощью трёхмерного лазерного сканирования, осуществленного компанией ООО «Триметари» (г. Санкт-Петербург) по заказу ИИЕТ РАН (М.Н. Аникушкин, к.т.н. А.Е. Бобков, к.т.н. А.В. Иванов, к.ф.-м.н. А.В. Леонов, С.В. Овчаров). Оно позволило получить «облако точек» (100 млн. т.). Затем по «облаку точек» строится виртуальная модель (рис.14 и 15). При этом можно индивидуально мо-

делировать фрагменты (рис.16) и каждый элемент конструкции. Точность модели составляет около 1 см.

Как известно, сохранились всего 4 чертежа В. Г. Шухова отдельных элементов (два в Архиве РАН, два в Российском государственном архиве научно-технической документации). Кроме того есть результаты обмеров, проведенных в 1947 и 1971 годах Центральным научно-исследовательским и проектным институтом строительных металлоконструкций им. Н. П. Мельникова.

На основе виртуальной модели становится возможным воссоздание всех чертежей башни, что само по себе является важным научным результатом для историков техники.

Кроме того, возникает задача постоянного мониторинга в масштабе десятилетий и даже веков памятников техники мирового значения (таких как Шуховская башня) с помощью виртуального моделирования, создавая интерактивные сцены с ландшафтом и документальными (включая фото- и видео-, иногда аудио-) комментариями всех значимых изменений. Можно снабдить памятник техники системой датчиков, с заданной периодичностью регистрирующих характеристики его старения: напряжения элементов, деформации и т. п. Это даст возможность проводить анализ изменения характеристик процессов во времени. Старение объекта нагляднее видеть, управляя временным параметром. Рассматривая планы реставрации памятника техники, можно провести анализ сценариев развития событий, возможные аварийные ситуации и последствия аварии. Можно представить, как будет выглядеть объект после реставрации, отслеживать, как меняется сочетание памятника техники с окружающим ландшафтом, и более того, смотреть, как повлияют при их реализации проекты изменения ландшафта (строительство близлежащих зданий, прокладка дорог и коммуникаций и т. д.) на состояние изучаемого объекта и его сохранность.

Проект по 3D-моделированию Шуховской башни на Шаболовке, представленный в данной статье, является не только примером 3D-моделирования памятника техники, но и демонстрацией возможностей создания виртуаль-

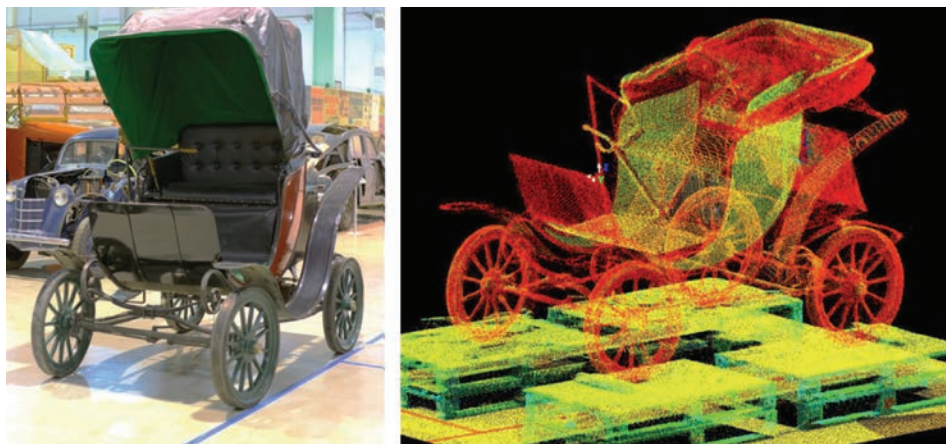

Рис. 17. Электромобиль «Колумбия» (1901 г.)

ного наследия в области истории техники [Леонов А. В, Батулин Ю. М., Петропавловская И. А., 2013].

Другие виртуальные проекты

Лишь упомянем другие проекты, осуществленные в ИИЕТ РАН. Совместно с Политехническим музеем в Москве была создана виртуальная модель электромобиля «Колумбия» (рис.17), причём удалось воссоздать утраченные рулевые тяги (рис.18) и тормозной механизм (рис.19).

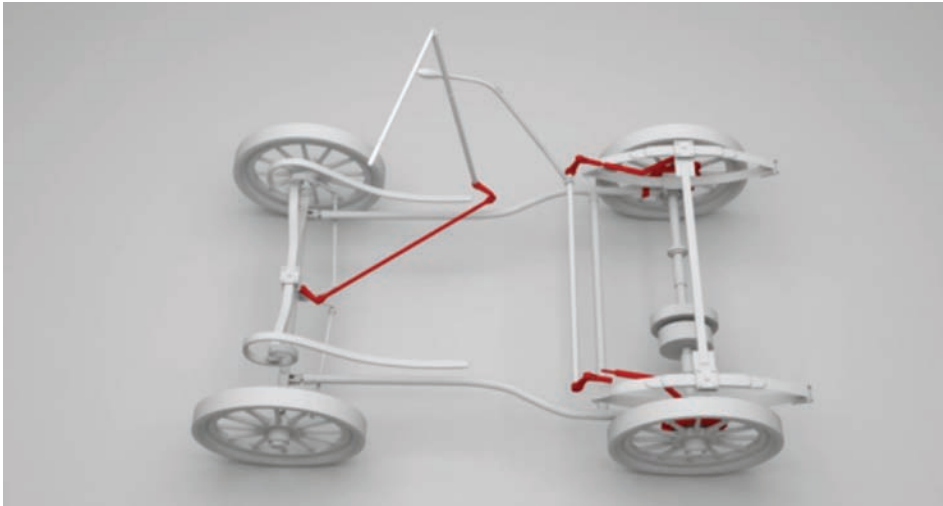

Рис.18. Рулевые тяги электромобиля «Колумбия»

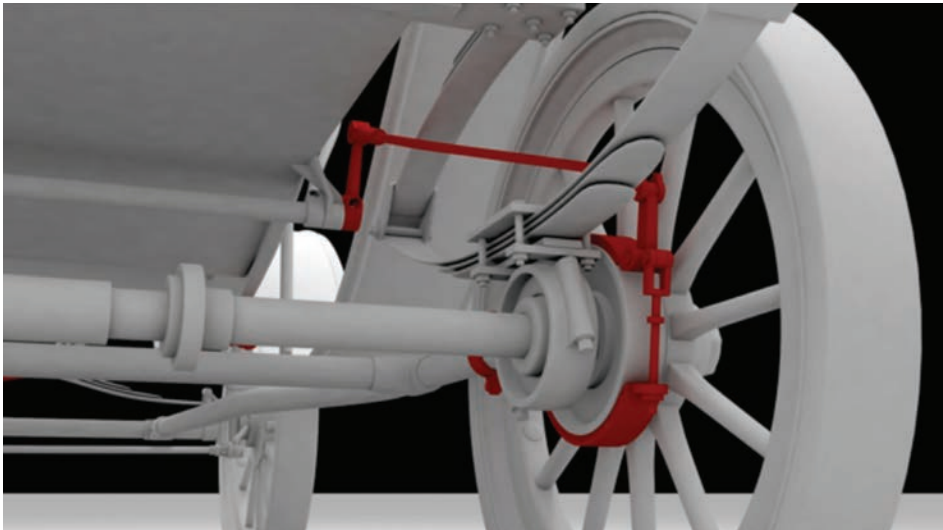

Рис.19. Тормозной механизм электромобиля «Колумбия»

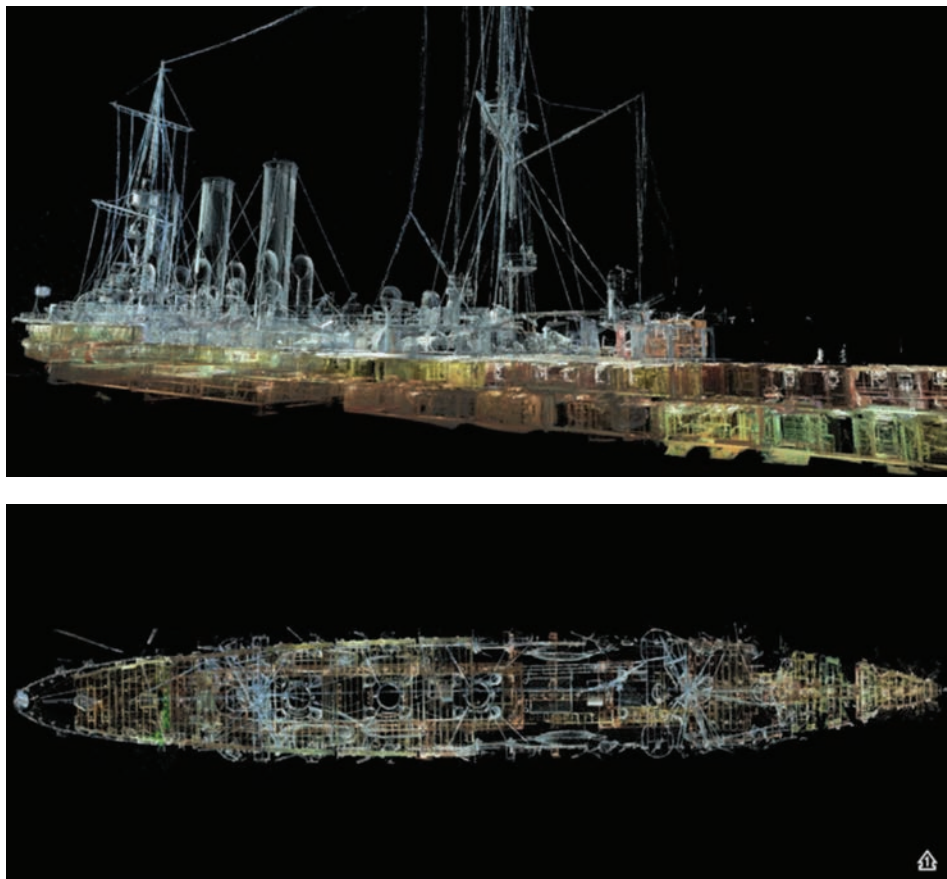

Рис.20. 3D-модель крейсера «Аврора»

Совместно с ООО «Триметари» было произведено сканирование и затем создана 3D-модель крейсера «Аврора» (рис.20)

В настоящее время ИИЕТ РАН совместно с Центром подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина работает над масштабным проектом создания 3D-модели Международной космической станции как крупнейшего расположенного в труднодоступном месте памятника науки и техники [Батурин Ю. М., Крючков Б. И., Леонов А. В., 2018].

3D-документ

13 ноября 2013 г. в новом здании Президиума Российской академии наук состоялась презентация цифровой 3D-модели знаменитой Шуховской башни на Шаболовке и церемония передачи модели на постоянное хранение в Российский государственный архив научно-технической документации. Модель башни, являющейся символом высочайших достижений русской инженерной мысли, создана на основе лазерного сканирования и сохранив-

шейся документации в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН при поддержке ООО «Триметари» коллективом молодых специалистов. 3D-модель — документ нового типа — впервые поступает в фонды архивного учреждения (рис. 21). Предполагается, что доступ к ней получают не только специалисты, но и все желающие.

Широкое использование 3D-моделей и основанных на них информационных систем привело к появлению понятия 3D-документа, которое употребляется в научной литературе, по меньшей мере, с 2007 г. Одной из сфер применения 3D-документов является виртуальное наследие (Virtual Heritage): цифровые копии (модели) рукотворных и природных объектов, представляющих общественную ценность.

Для историков науки и техники методы 3D-документирования представляют несомненный интерес, прежде всего как способ фиксации информации о памятниках техники. В первую очередь, это касается крупных технических объектов (башен, мостов, туннелей, гидротехнических и фортификационных сооружений, машин и механизмов большого размера), музеефикация или консервация которых представляет наибольшую сложность.

С технической точки зрения, документ — это информация, зафиксированная на материальном носителе для её длительного хранения и использования. Исторически способы закрепления информации на носителе и сами носители менялись, развивались, но вплоть до XIX века сводились к созданию текстов и рисунков. Принципиальный шаг вперед произошёл с изобретением фотографии, которая позволила сохранять изображение, полученное оптической системой, и фонографа, который позволил зафиксировать звук. Дальнейшее развитие техники в рамках этих идей привело к появлению киносъёмки, которая, по сути, представляет собой динамическую фотографию с синхронным звуком. Соответственно, возникли понятия фото-, фоно-, кинодокументов.

Современные технологии 3D-моделирования позволяют сохранить пространственную информацию о геометрии и структуре объекта в некоторой трёхмерной системе координат, связанной с объектом. В этом состоит их качественное отличие от рисунка, схемы, фото- и киносъёмки, которые сохраняют двумерные изображения объекта (точнее, проекции трёхмерных объектов на двумерную поверхность, например, плоскость). Поэтому информация, зафиксированная в виде 3D-модели, может рассматриваться как новый тип научно-технической документации — 3D-документ.

Виртуальная 3D-модель объекта может быть связана посредством взаимных ссылок с другими электронными документами (текстами, изображениями, аудио- и видеофайлами, другими 3D-моделями), сохранёнными в базах данных или файловых системах, в том числе на удалённых серверах, доступных через интернет. 3D-документом часто называют не только саму 3D-модель объекта, но и весь комплекс связанных с ней данных.

Таким образом, с технической точки зрения 3D-документ — это особым образом организованная информация, предназначенная для представления поль-

УТВЕРЖДАЮ
Директор ИИЕТ РАН

Ю.М. Батурич
_____ 2013 г.

УТВЕРЖДАЮ
Директор РГАНТД

А.С. Шапошников
_____ « 13 » _____ 2013 г.

АКТ
от 13.11.2013 № 1

приема-передачи архивных документов на хранение

На основании Договора № 1 от 13.11.2013

Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук сдал, а Российский государственный архив научно-технической документации принял

3D документ «Виртуальная модель Шуховской башни на Шаболовке» в количестве _____ ед.хр. и сопроводительные материалы к нему

Передачу произвели:

Руководитель Центра виртуальной истории науки и техники ИИЕТ РАН

А.В. Леонов
« 13 » ноября 2013 г.

Прием произвел:

Зав. архивохранилищем РГАНТД

А.В. Куракин
« 13 » ноября 2013 г.

Фонду присвоен № _____

Изменения в учетные документы внесены

« _____ » _____ 2013 г.

Рис.21. Акт передачи 3D-документа в РГАНТД

зователю трёхмерного (пространственного) визуального образа (3D-модели) объекта или процесса, а также разнообразной дополнительной информации, непосредственно связанной с этим визуальным образом.

Формат 3D-документа позволяет запоминать и сохранять намного более полную информацию о геометрии, структуре и внешнем виде объекта, чем набор чертежей или фото/кинодокументов. Более того, 3D-документ позволяет пользователю самостоятельно «исследовать» объект: рассматривать 3D-модель в разных ракурсах, менять параметры отображения, изучать связанную с визуальным образом дополнительную информацию.

3D-документирование является сегодня одним из основных методов создания виртуального наследия: цифровых копий (моделей) выдающихся рукотворных и природных объектов. 3D-моделирование позволяет точно воспроизводить, а иногда и воссоздавать утраченные объекты и сохранять их для последующих поколений, обеспечивать широкий доступ к информации о них [Батурин Ю. М., Леонов А. В., 2012; Леонов А. В, Батурин Ю. М., 2013].

Заключение

Современные технологии лазерного сканирования и 3D-моделирования позволяют с высокой пространственной точностью зафиксировать форму (геометрию) сложной конструкции в форме её виртуальной модели. Вместе с традиционной документацией (проектной, рабочей, обмерной), которая содержит информацию о внутреннем устройстве узлов и элементов, результаты лазерного сканирования позволяют создать точную и детальную 3D-модель технического объекта любого масштаба. Виртуальная модель, по сути, есть интерактивная графика в реальном времени с трёхмерными моделями, когда комбинируется специальная технология отображения, погружающая пользователя в мир модели, с прямым манипулированием объектами в пространстве модели. Визуальное погружение достигается за счет создания стереоэффекта наблюдаемой искусственной сцены.

Для историков современные технологии 3D-документирования являются мощным инструментом сохранения информации об уникальных исторических объектах. Виртуальная 3D-модель может использоваться для подробного анализа конструкции объекта, мониторинга его состояния, виртуальной реконструкции утраченных элементов, воссоздания истории постройки и дальнейших изменений конструкции объекта. На основе результатов лазерного сканирования и 3D-моделирования могут быть восстановлены утраченные чертежи конструкции, а также, при необходимости, созданы новые чертежи.

Цифровая 3D-модель может быть связана взаимными ссылками с другими электронными документами: фотографиями, видеосъёмками, историческими чертежам и др. Таким образом, на основе 3D модели может быть создана информационная система, где, помимо пространственных данных, хранится также историческая информация. Виртуальная модель позволяет

обеспечить интуитивный интерфейс для доступа к большому объёму графических и текстовых данных (например, фотографиям, чертежам и описаниям конструктивных элементов).

Наконец, виртуальная модель может использоваться для проведения виртуальных экскурсий, обеспечения широкого доступа к информации об объекте для широкой публики, в том числе посредством сети Интернет. Это особенно актуально для объектов, недоступных для посетителей, таких как Шуховская башня на Шаболовке, или утраченных, таких как Страстной монастырь в Москве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батурич Ю. М., Леонов А. В.* 3D-документирование объектов науки и техники. — В сб.: Документ. Архив. История. Современность. Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию подготовки документоведов в Уральском федеральном университете. Екатеринбург, 1–4 ноября 2012 г. — Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2012, с.124–127.
2. *Батурич Ю. М., Крючков Б. И., Леонов А. В.* Виртуальное 3D-моделирование реальных ППК в интересах историко-технических исследований и сохранения научно-технической информации об объектах — Пилотируемые полеты в космос, 2018, № 3, с.97–116.
3. *Бородкин Л. И., Жеребятьев Д. И., Мироненко М. С., Моор В. В.* Комплексные проекты по виртуальной реконструкции историко-культурного наследия: логистика, методы и технологии // Историческая информатика, 2014, № 4. С. 15–30.
4. *Бородкин Л. И., Жеребятьев Д. И.* Технологии 3D-моделирования в изучении пространственных аспектов городской истории: виртуальная реконструкция монастырского комплекса XIX — начала XX вв. // Вестник РФФИ, 2016, №3 (91), С. 47–60.
5. *Жеребятьев Д. И.* Методы трёхмерного компьютерного моделирования в задачах исторической реконструкции монастырских комплексов Москвы. — М.: Макс Пресс, 2014. — 224 с.
6. *Жеребятьев Д. И., Ким О. Г.* Особенности виртуальной реконструкции московского Страстного монастыря и прилегающей площади XVII — начала XVIII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т.6. Выпуск 8 (41).
7. Историко-культурное наследие города Енисейска (<http://www.yeniseisk-heritage.ru>).
8. *Леонов А. В., Батурич Ю. М.* 3D-документ — новый тип научно-технической документации // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 192–205.
9. *Леонов А. В., Батурич Ю. М., Петропавловская И. А.* О необходимости 3D-документирования памятников техники: пример Шуховской башни на Шаболовке // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С.156–170.

10. *Леонов А. В., Аникушкин М. Н., Бобков А. Е., Рысь И. В., Козликин М. Б., Шуньков М. В., Деревянко А. П., Батурин Ю. М.* Создание виртуальной 3D-модели Денисовой пещеры. — «Археология, этнография и антропология Евразии». 2014, № 3, с. 14–20.
11. *Мироненко М. С.* Современные подходы к 3D-реконструкции объектов культурного наследия: проблемы визуализации и восприятия (на примере Московского Страстного монастыря и Чудова монастыря Московского Кремля) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т.6. Выпуск 8 (41).
12. *Besora I., P. Brunet P., Callieri M., Chica A., Corsini M., Dellepiane M., Morales D., Moyes J., Ranzuglia G., Scopigno R.* Proc. 3DPVT08: Fourth International Symposium on 3D Data Processing, Visualization and Transmission (USA, GA, Atlanta, 18–20 June, 2008), USA, GA, Atlanta, 2008.
13. *Duran Z., Toz G.* Proc. The ICOMOS & ISPRS Committee for Documentation of Cultural Heritage XIXth CIPA International Symposium (Turkey, Antalya, 30 September — 4 October 2003), Turkey, Antalya, 2003. (<http://cipa.icomos.org/fileadmin/template/doc/antalya/138.pdf>).
14. *Lourenço P.B., Peña F., Amado M.* A Document Management System for the Conservation of Cultural Heritage Buildings, 2011, 32 pp. (<http://repositorium.sdum.uminho.pt/bitstream>)
15. *Père C., Landrieuet J., Rollier-Hanselmann J.* Actes du Colloque Virtual Retrospect 2009 (France, Pessac, 18–20 Novembre, 2009), Coll. Archéovision, Vol. 4. Eds R. Vergnieux, C. Delevoie, Bordeaux, Editions Ausonius, 2010.
16. *Sandron D. et Tallon A.* Notre-Dam de Paris. Neuf siècles d'histoire. Paris, 2013. — 190 p.
17. *Sharpe T., Pickering I.* The St Avit Project, 2011 (<http://www.chart.ac.uk/chart1999/papers/sharpe-pickering.html>).

ЧАСТЬ 3

Актуальные вопросы гуманитарных наук

Научные доклады на заседаниях Бюро ОИФН РАН

В. В. Полонский

М. ГОРЬКИЙ И КУЛЬТУРА МОДЕРНИЗМА

Тема, вынесенная в заглавие этой работы, может пониматься слишком широко — как претензия на целостный обзор чрезвычайно объёмной и сложной номенклатуры фактов схождений и расхождений одного из крупнейших русских писателей рубежа XIX–XX веков с разными явлениями культуры модернизма, во многом определявшей интеллектуально-художественную жизнь эпохи. Однако мы перед собой подобных целей не ставим. Наша задача не столь энциклопедически претенциозна и более локальна — проблематизировать коллизию «Горький versus модернизм?» внутри сформированных в современной науке о литературе представлений о культурном ландшафте столетней давности и ключевой позиции в нём писателя, чей 150-летний юбилей широко отмечался в 2018 г. А также наметить линии глубинной связи культуртрегерской деятельности Горького уже советских лет с модернистской парадигмой.

Максим Горький — художник трудного, во многом трагичного пути, непростых этико-эстетических маршрутов, но — несомненный классик. В своё время В. Н. Топоров заметил, что наиболее ценное — т. е. именно классичное с точки зрения большого времени — в литературе, как правило, оказывается наименее историчным, более всего выламывающимся из общих закономерностей культурного потока, задающего историю как поступательную динамику взаимообусловленных смыслов, так сказать — событийный нарратив [Топоров, 1985]. В общем и целом это очевидно так. Любой большой художник самим масштабом своего дара неизбежно меняет химический состав той культурной магмы, в которую погружается. Но далеко не любой из них ставит себе такую цель. Сознательно кидать перчатку своему историческому «сегодня» — это, по большей части, писательский

жест нового и новейшего времени. Особо востребованный в сценографии эпохи модерна, великого кризисного перелома, трансценсуса от традиции и гуманистической классики к новой парадигме — посттрадиции и авангардного проекта XX века.

Такая культурная модель неразрывно связана с Горьким, уже с первыми шагами в литературе этого носителя уникальной сложной, межеумочной, межстратной социально-культурной идентичности, выходца из низов, провинциала-бродяги и свободного самоучки, трансплантирующего кабинетные ницшеанские откровения новой кризисной антропологии на общественный гумус забродившей русской жизни и выведшего на сцену в образе босяка антисистемного резонера-деструктора, которому предстояло мистическое перерождение в пролетарского Заратустру — культурного героя великих утопий и великих проектов нового века.

Эти коннотации революционизирующей новизны феномена Горького на культурном фоне эпохи и его чужеродности в отношении её истории и устойчивых доминант — важнейшие составляющие и стратегий писателя по выстраиванию собственной репутации, и его рецепции ранней критикой, особенно программной, порождавшей на самом рубеже столетий ни с чем не сравнимые вихри моды на певца «босячества», а также сознательно формирующей его образ в сознании западного читателя. В этом смысле показательным началом раздела о Горьком в книге Ивана Странника (псевдоним Анны Митрофановны Аничковой, сотрудницы «Вестника Европы» и «Русской мысли», выступавшей также как франкоязычный литератор, переводчик и популяризатор русской литературы во Франции) «*La Pensée russe contemporaine*» (1903): «Максим Горький — бродяга без всякой систематической подготовки — внезапно вторгся в русскую литературу, привнося в неё совсем свежую непосредственность собственной мысли и собственного характера. Ничего подобного по новизне и своеобразию не раскрывалось со времен первых романов Толстого. Его творчество ничем не обязано предшественникам; оно являет себя как исключительное чудо. И потому оно не только стяжало художественный успех — оно произвело настоящую революцию» [*Strannik*, 1903: 85].

Аттестация громкая, далеко не во всем справедливая (особенно в части отсутствия связи горьковского творчества с предшественниками), но весьма показательная.

Нет смысла напоминать, что, взяв на вооружение подобную модель саморепрезентации, Горький — ещё на раннем этапе печатавшийся в «Северном вестнике» Волынского (по сути, первом русском журнале, который условно может быть назван модернистским), признававшийся в «любви» к «странным стихам» Гиппиус [*Горький*, 1997: 242] и коробивший respectable публику едва ли не декадентской метафорой «смеющегося моря» из «Мальвы» — будет все же последовательно отстаивать своё положение мэтра, особняком стоящего по отношению к главенствующим эстетическим изводам русской belle époque — «серебряного века», к разным направленческим вариантам модернизма. Он давал им нелестные оценки, аттестовал их

апологетов радателями «разрушения личности», вступал с ними в эстетические споры, ещё в 1907 году получил из их лагеря брошенное Дмитрием Философовым оповещение о собственном конце как художника (в статье «Конец Горького» из апрельского номера «Русской мысли»), тогда же отверг предложение Леонида Андреева о том, чтобы открыть сборники издательства «Знание» для писателей-символистов и т. д. и т. п. Именно с этого времени, с начала пресловутой эпохи реакции, сопрягшейся в горьковской биографии со вступлением в партию и переходом к революционному богостроительству, противостояние писателя модернистским литературным кругам становится, как кажется, открытым и последовательным. Уже в советский период идеологический официоз окончательно разведал Горького, которому назначено было выступать литературным флагманом пресловутого третьего этапа освободительного движения в России и начинателем нового проекта — «социалистического реализма», с культурным ландшафтом «упаднического» «серебряного века», противопоставит его самому духу сметенной 1917-м годом эпохи.

Но история иронична, а искусство зачастую смеётся над самыми убедительными формулами и выведенными закономерностями. И то, что делает, по Топорову, большого художника наименее историчным, в случае с Горьким оказывается самыми глубинными нитями связанным именно с историческим контекстом, с магмой эпохи, как бы ни противостоял ей автор. Всё наиболее ценное и до сих пор живое в наследии писателя — от терпкого синтеза красочной романтики с экспрессивно сниженным натурализмом ранних рассказов до вершинного сочинения — «Жизни Клим Самгина», сложнейшей аналитико-феноменологической конструкции, вскрывающей механизмы взаимодействия большой истории и субъективных преломлений времени в кризисном сознании распадающегося «я» в той же жанрово-поэтологической линии неклассической эпики, что воплотилась в романах Музиля, Пруста, Джойса, Томаса Манна, — все это находится в глубочайшей внутренней зависимости от основополагающих мирозерцательных и художественных импульсов «серебряного века», причём именно его модернистского субстрата. Зависимость эта — сложная, диалектичная, конфликтная, но ею во многом предопределен сам нерв горьковского письма.

По всей видимости, Горький особо явственно — и с сопутствующей внутренней тревогой — ощущал эту закономерность именно в отношении своей драматургии. Отсюда — отповеди в её адрес в 1930-е годы, попытка ревизии собственного дореволюционного драматургического опыта. Беспокойным желанием сокрыть следы близкого родства собственных пьес с поэтикой «новой драмы» рубежа веков в разных её ипостасях вызваны несколько манерные призывы Горького в статье 1933 г. «О пьесах» не изучать его драматургии: «Я написал почти двадцать пьес, и все они — более или менее слабо связанные сцены, в которых сюжетная линия совершенно не выдержана, а характеры — недописаны, неярки, неудачны. Драма должна быть строго и насквозь действительна, только при этом условии она может служить возбудителем актуальных эмоций, действительно необходимых в наши

дни, когда требуется боевое, пламенное слово, которое обжигало бы мещанскую ржавчину душ наших» [Горький, 1961: 379].

По тем же причинам писатель в поздние годы жизни не уставал, как бы оправдываясь за порочное эстетическое родство, настаивать на том, что главный его драматургический шедевр — «На дне» — безвозвратно устарел. Ведь уже первые критики нашумевших премьер в декабре 1902 г. на сцене МХТ и в январе 1903-го в Kleines Theater Макса Рейнгардта в Берлине усмотрели в ней исполнение чаяний одной из важнейших ветвей «новой драмы», подчеркивая, что Горькому удалось достичь того, к чему стремился и что так и не смог в совершенстве воплотить Гауптман. Глубоко знаменательно, что один из наиболее изошрённых критиков русского модернизма — Иннокентий Анненский — выбрал именно «На дне» в качестве идеального материала для апробации своего метода символистского субъективно-импрессионистского анализа применительно к драме — в статье 1906 г. из «Книги отражений». И не менее знаменательно то, что сам Горький уже много позже, в 1927-м, отвечая в письме блоковеду А. Я. Цинговатову на вопрос, какие критические статьи о собственном творчестве его «удовлетворяют более других», назвал лишь две — и обе ярко модернистские — работы, сильно его «удивившие»: «Не святая Русь» Мережковского и упомянутую статью Анненского [Горький, 2013: 271].

Примечательны именно соприродность и соответственность, когерентность объекта рассмотрения — пьесы Горького — изысканной модернистской оптике Анненского-критика. «На дне» идеально прочитывается им как образец нового лирического драматизма изнутри символистской парадигмы. Анненский подчеркивает, что свой разбор делает, не видя постановок «На дне», «без навязанных и ярких, но деспотически ограничивающих концепцию поэта сценических иллюзий». Для него это — чисто текстуальная, литературная реальность нового художественного лиризма, воплощение под разными ликами очень сложной и прихотливой индивидуальности сознания творца. «После Достоевского Горький, по-моему, самый резко выраженный русский символист», — бросает Анненский. И, разворачивая этот тезис, говорит «о загадочности и своеобычности тех масок, за которыми мелькает душа поэта, о той дразнящей неуловимости контуров, которую как-то странно рядить в типические шаблоны театра». Ничуть не умаляя напряженной социальности и «реалистичности» пьесы Горького, он выявляет их подчиненность двум важнейшим интенционалам искусства модерна: актуализации архетипических, мифопоэтических схем и примату поэтического субъекта, служащего — взамен сценической интриги былой классической эпохи — единственным цементирующим началом усложнившейся реальности. «Самое Дно Горького, как элемент трагедии, не представляет никакой новости. Это старинная *судьба*, та *épiqme*, которая когда-то вырвала глаза Эдипу и задушила Дездемону, — только теперь она оказывается довольно начитанной художницей *du nouveau genre*, и на ее палитре мелькают не виданные дотоле краски вырождения, порочной наследственности и железных законов рынка. Опустившись на дно, конечно, в безопасном колоколе, — дама эта оказалась

гораздо речистее, чем была она, живя над нашими головами, когда она лишь на минуту являла миру свои тяжкие и красные когти [...] драгоценный остаток мифического периода — *герой*, человек божественной природы, избранник, любимая жертва рока, заменяется теперь типической группой, классовой разновидностью. Интрига просто перестала нас интересовать, потому что стала банальной». И все же драматическую схему пьесы Анненский рисует с ориентацией на мифологический остов трагедии Рока: «В пьесе три главных элемента: 1) сила судьбы, 2) душа бывшего человека и 3) человек иного порядка, который своим появлением вызывает болезненное для бывших людей столкновение двух первых стихий и сильную реакцию со стороны судьбы». Но «цельность» этой модернистской мифоконструкции «новой драмы» «устанавливается исключительно *идеєю автора*, поэтически настроенная индивидуальность — вот единственное объединение пестрых жизненных впечатлений, вот та единственная власть, которую не может не признавать над собою драматизируемая поэтом жизнь». И эта индивидуальность — индивидуальность Горького — представляет, по Анненскому, «интереснейшую комбинацию чувства красоты с глубоким скептицизмом» [Анненский, 1979: 71–72; 74–75; 77].

Здесь Анненский прозревает неизбежность отчаянного кризиса горьковско-сатинской апологии величия Человека в обезбоженном мире: «Да, все это, и в самом деле, великолепно звучит. Идея одного человека, вместившего в себя всех, человека-бога (не фетиша ли?) очень красива. Но отчего же, скажите, сейчас из этих самых волн перегара, из клеток надорванных грудей полетит и взвоется куда-то выше, на сверхчеловеческий простор дикая острожная песня? Ох, гляди, Сатин-Горький, не страшно ли уж будет человеку-то, а главное, не безмерно ли скучно ему будет сознавать, что он — все, и что все для него и только для него?..» [Анненский, 1979: 81].

Изнутри самой, так сказать, модернистской пьесы Горького, из самой ее поэтико-миросозерцательной сути как образца «новой драмы» своим риторическим вопрошанием Анненский как бы выводит и неизбежность обращения писателя в поисках выхода из экзистенциального тупика к богостроительной мифологии (обезбоженной религии человеческого коллектива) — мифологии, которая, как бы пролагая пути к будущему пролетарскому искусству, тем самым реализует потенциал, заложенный модерном. Но — что важнее — одновременно оттуда же критик выводит и, в сущности, обреченность этих попыток.

Пьесы Горького, написанные с 1908-го по 1917-й год («Последние», «Чудаки», «Встреча», первый вариант «Вассы Железновой», «Фальшивая монета», «Зыковы», «Старик»), т. е. пьесы о России прошлой и будущей, созданные именно на подъеме горьковских богостроительных поисков, при всей своей социальности и политической актуальности глубинными структурами поэтики во многом реализуют матрицы «новой драмы». В основе большинства из них лежит инвариантная структура конфликта поколений «отцов и детей», которая разрешается по сценариям, где социальное онтологизируется, позитивистское подвергается бытийной дистилляции, по сценариям не только чеховской метафоры обреченности «Вишневого сада» как метафизиче-

ской данности жизни, но и в не меньшей степени — Ибсена, Стриндберга, Гофманстала, того же Гауптмана. Ибсеновская максима «Молодость — это возмездие» — ключ и к горьковской социалистической драме.

Показательно, что для критики русского модернизма творчество анти-модерниста Горького оказалось необходимым инструментом религиозно-философского символистского прочтения духа своего времени. Зачастую — в паре с Чеховым. Паре, надо сказать, комплиментарной. Один из них как бы завершает классику XIX века, другой — пролагает новые пути вглубь XX столетия. Но оба они оказываются тончайшими диагностами кризисной эпохи модерна, задают образно-метафорический ряд символично-метафизической дешифровки настоящего. В этом смысле знаменательно место обоих писателей в символистской историософии Мережковского. В статье «Чехов и Горький» (1906) он противопоставляет своих героев как воплощений срединного интеллигентского духа Толстому и Достоевскому — выразителям «глубочайшей народной стихии и высочайшего культурного сознания России» [Мережковский, 1997: 643]. В мифологии Мережковского «срединность» — синоним ноуменальной «серости» и главный атрибут черта, дьявола, отца лжи. Религиозная дешифровка критиком-символистом вскрывает внутреннее двойничество чеховского интеллигента и горьковского босяка, порождённых, соответственно, безбожием и человекобожеством. «Механическое мирозерцание, то есть утверждение, как единственно реального, того мирового порядка, который отрицает абсолютную свободу и абсолютное бытие человеческой личности в Боге и который делает из человека «фортепианную клавишу» или «органный штифтик» слепых сил природы, — вот общая метафизическая исходная точка интеллигента и босяка» [Мережковский, 1997: 656]. Средостение между «человеколюбивой ложью» Луки и возглашенной Сатиным верой в Человека Мережковский снимает, вскрывая демонические предпосылки обеих моделей. Жалость Луки, по Мережковскому (и тут критик, так сказать, задает альтернативную — религиозно-онтологическую — перспективу неустанным попыткам Горького постфактум разоблачить своего героя), есть прямое продолжение дьявольского человеколюбия Великого инквизитора Достоевского, а апология Человека, звучащая из уст Сатина под влиянием «странника», готовит явление Грядущего Хама, предтечи антихриста. Мережковский бросает, что «может быть, во всей русской литературе, после Достоевского, нет ничего страшнее» той достойной «отца лжи» «безмолвной улыбки старца Луки», какой он отвечает на вопрос, есть ли Бог [Там же: 664]. И показывает, что в сущности «Три сестры» и «Вишневый сад» — сценическая реализация все той же улыбки. Изнутри религиозно-философской мысли «серебряного века» счёты Чехову выставлялись самого высокого порядка. Так, Лев Шестов в статье «Творчество из ничего», которую и Бунин, и очень многие другие называл лучшей в чеховедческой критике, аттестовал писателя последовательным, метафизическим «убийцей человеческих надежд» [Шестов, 1905: 111–112]. Горькому же в этом неорелигиозном театре русского модернизма отводилась роль компенсатора: дарителя надежд. Вот только возлагались

они на тех, кого Мережковский окрестил Грядущим хамом. В символистской лаборатории таков был двойнический негатив чеховского «ничто».

Однако повторим, история иронична. Кажется, в уже цитировавшейся позднейшей советской статье «О пьесах» Горький недвусмысленно говорит «нет» художественному опыту «серебряного века» с его религиозно-философскими потугами. И предлагает совсем другие принципы — бодрой, социалистической, героической и, ясное дело, материалистической драматургии нового общества. Однако если приглядеться к горьковским рецептам, то мы увидим, что они во многом воспроизводят те эстетические установки, которые в первые пореволюционные годы (1918–1923) заставили творцов советского авангардного театра (Таирова, Василия Федорова, режиссеров I театра РСФСР, Камерного театра и др.) обратиться к постановкам — *horribile dictu!* — символиста-христианина Поля Клоделя, чей мистериальный опыт оказался чрезвычайно востребованным на волне поисков нового сакрально-эпического стиля для эпохи большого революционного авангардного проекта по созиданию эстетики нового титанизма с её программной безмерностью личностного порыва, обеспечивающего тотальное преобразование реальности, пересотворение мира прометеями современности, носителями «сверхчеловеческих» чувств и сил.

В 1921-м Таиров, который годом ранее поставил в Камерном театре клоделевское «*Annonce faite à Marie*» (под названием «Благовещение»), писал, что понимает под мистерией «такое театральное представление, в котором исходным мотивом динамизма является заложенная внутри человеческой души вера, сила и искренность которой может двигать горами, вера, влекущая спектакль по пути максимальной насыщенности и напряженности чувств (эмоций)» [Таиров, 1921: 8].

Подобная «вера», понятно, с верой католика Клоделя соотносится очень условно, зато тесно льнёт к «вере» именно Горького-богостроителя и мистагога в «новый мир». И потому финальное воскресение умершего младенца в изводе Таирова непосредственно скликается, скажем, с чудом излечения героини горьковской повести «Исповедь», которое происходит «по вере масс» как плод не нуждающейся в небесных откровениях религии монолитной общей воли коллектива.

Творчество Горького во всей многогранности этого выдающегося художественного явления — наглядный пример того, что на глубинном уровне символизм, рожденный «прекрасной эпохой» в Европе и «серебряным веком» в России, не отменяется, не застывает в плюсквамперфекте, а мимикрирует и продолжает питать своими подспудными токами совсем иную культурную среду. Даже если она ему идеологически враждебна.

Отдельный вопрос — оценка культуртрегерской деятельности позднего Горького — Горького советских лет — в ракурсе интересующей нас темы.

Внутренний напряженный драматизм самоопределения писателя вначале в соррентийской эмиграции, а затем — в сталинском СССР, кажется, точно передали двое западных его коллег по цеху. Так, Стефан Цвейг по следам своего посещения Горького незадолго до его отъезда из Италии записал:

«Горький хорошо знает, что весь мир ждёт от него свидетельств: Советы ждут, чтобы он высказался за них и всё одобрил, а другие ждут, чтобы он всё осудил. А он молчит...: ведь не станешь же ругать собственное дитя, даже если оно уродилось не таким, как нам хотелось». В конце концов Цвейг заключает, что положение Горького «абсолютно трагично» [цит. по: Горьковские чтения 1990, 1991: 155].

Другое яркое свидетельство оставил Ромен Роллан в «Московском дневнике» после посещения СССР в 1935 г., когда он гостил в доме писателя на Малой Никитской: «Горький бросился, забыв обо всём, в русскую революцию <...> его заворожила новая Россия, казавшаяся ещё блистательнее с далеких берегов муссолиниевского Средиземноморья. <...> Тщетно пытается он видеть в деле, в котором участвует, только величие, красоту, <...> он видит ошибки и страдания, а порой даже бесчеловечность этого дела. <...> Несчастный старый медведь, увитый лаврами и осыпанный почестями, равнодушный в глубине души ко всем этим благам <...> он пытается заглушить свой застарелый пессимизм опьяняющим энтузиазмом и верой окружающих масс» [Роллан, 1989: 182].

Замечание проникновенное. И все же открытость Горького «опьяняющему энтузиазму и вере окружающих масс», наверное, не только дань механизмам психологической компенсации. Были у неё и собственно мировоззренческие истоки, коренящиеся в той культурной модели, которую писатель принял для себя на рубеже столетий.

Модель же эта во многом была порождена коренным изменением в восприятии так называемого традиционного канона гуманистических ценностей.

«Гуманизм Максима Горького» — тема, столь же избитая в официозном отечественном литературоведении, сколь по сути своей проблематичная, в чем-то парадоксальная и даже провокативная. Она скорее вопрошает, чем констатирует. Горький — один из крупнейших мировых писателей XX века — был слишком мощной фигурой, чтобы легко уложиться в любые упрощающие формулы, тем более в те, что изрядно пообтерлись и лишились острых смысловых углов из-за слишком частого использования в ходовом дискурсе уважаемой публицистики. Понятие же «гуманизм», увы, из их числа.

Однако академические размышления о гуманизме как таковом — вне наших задач. Поэтому будем исходить из более или менее ясного, устойчивого значения этого понятия в нынешнем языке. И тогда придётся признать: связка Горького с «гуманизмом» неизбежна, обязательна, но внутренне конфликтна, в ней нет, так сказать, мирной очевидности. Даже если мы для начала примерим к писателю лишь устойчивый набор самых поверхностных и распространенных стереотипов, клише, связанных с его именем в сознании «широких читательских масс». Эти клише, по большей части, окажутся растянуты по полюсам, один из которых будет гармонично резонировать с традиционными представлениями о гуманизме, а второй — какофонично им противостоять. С одной стороны, знаменитая апология Человека, имя которого звучит «гордо», вложенная Горьким в слова Сатина в пьесе «На

дне», а с другой — воинственный пафос безжалостной, как бы «внечеловечной» партийности, влитый уже в название статьи 1930 г. «Если враг не сдается, его уничтожают». С одной стороны, идейное братство, художественное сродство с великими гуманистами эпохи — от Романа Роллана до Фейхтвангера, от Драйзера до Стефана Цвейга (взиравшими на него как на *старшего*), с другой — соучастие в формировании в начале 1930-х годов ригидного языка идеологом сталинского СССР. Но будет ли достаточным лишь зафиксировать здесь противоречие, поддавшись к тому же слишком легкому соблазну снять его через связь с эволюцией писателя, вынужденного примеряться после возвращения на Родину к тоталитарному риторическому официозу? Очевидно, нет.

Горький — большой художник трагической эпохи крушения классической картины мира. И поскольку нерв его творчества был конгениален гению времени, то и его сознание, его эстетика живут по принципу неэвклидовой геометрии. Гуманизм Горького сложен, не одномерен, драматичен, безусловен в своей сути, но весьма относителен в вариативном выражении. Последователен и трагичен.

В 1901 г. в «Revue des deux mondes» вышла эпохальная для западной критики статья о Горьком («Maxim Gorky. L'Oeuvre et l'Homme»), написанная автором знаменитой книги «Русский роман» выдающимся французским интеллектуалом Эженом-Мельхиором де Вогиюэ. В этой вдумчивой работе даны симптоматичные характеристики раннего Горького в контексте эпохи и большой истории литературы, причём этот контекст проблематизирует вопрос о связи творчества писателя с гуманистическим канонам. В босяке-ницшеанце ранних рассказов Горького, живущем вне социальных пут и традиционной морали и утверждающем поверх всего правà своего страстного «я» на абсолютную свободу, Вогиюэ прозревает демократизированный извод старого доброго романтизма образца 20–30-х годов XIX столетия: байронический радикальный индивидуализм на подмостках низовой России. Для христианина-традиционалиста Вогиюэ подобные индивидуалистические импульсы, генетически связанные с антропоцентричным гуманизмом Ренессанса, к концу века, пройдя путь от модели Наполеона к модели Бисмарка, выявят свой противоположный, антигуманистичный заряд, потенциально заложенный в самом романтизме. В этом смысле Горький становится для французского критика наряду с «империалистом» Кипплингом и «эстетствующим элитаристом» Габриэлем д'Аннунцио символически важным выразителем духа эпохи, чающей нового героя — «молодого, горделивого и безудержного эгоиста-зверя» («un jeune animal égoïste, orgueilleux, débridé» [*Voguë*, 1901: 691]): «Бедный XIX-й век! Он верил, что трудится над совершенствованием цивилизации; он вообразил себе, что, уходя, оставит её более рациональной, смягчившейся, покровительствующей слабым. Но учение его доктринеров бледнеет на фоне практических уроков его деятелей <...>. Мудрецы XIX столетия зачастую строили на шатком фундаменте, на принципах, которые они объявляли бесмертными, поскольку извлекали из них приличную выгоду. Крепкие же молодцы Кипплинга и Горького — неважно для какого дела, требующего силы,

они подражаются, дела империализма или революции — переворачивают эти постройки одним ударом ноги и с ухмылкой бросают умудренным доктринарам: “Эй, бывшие, назад! Отдайте нам мир! Мы овладеем им, как овладели им вы. Будут среди нас дантоны и робеспьеры, а быть может, и бонапарты с бисмарками”» [Voguë, 1901: 693–694]¹.

Основательны ли подобные размышления Vogüë? Думается — да. Основательны, равно как и не достаточны. Критик писал лишь о самых ранних рассказах Горького, да и этими тезисами далеко не исчерпывается его статья. За пределами приведенных постулатов осталось слишком многое, в том числе, рискнем сказать, — главное. Одна из доминант творчества писателя — переживание поправного достоинства человека как сочащейся раны и потребность действенного ответа на этот бытийный вызов. Слишком многое сказанное Горьким так или иначе — об этом: от слов о «зубной боли в сердце» из записки, оставленной молодым Пешковым перед неудавшейся попыткой самоубийства [Басинский, 2008: 111], до, к примеру, финала одного из самых пронзительных рассказов — «Страсти-мордасти»: «Я быстро пошел со двора, скрипя зубами, чтобы не зареветь».

Писатель оказался глубоко причастным к тому тотальному опыту кризиса, который лежал в основе модернистской парадигмы и состоял, в частности, в напряженной рефлексии над путями преодоления — вспомним названия программных статей самого Горького и А. Блока — «разрушения личности» и «крушения гуманизма». Модернизм предложил два разнонаправленных вектора выхода из этой кризисной точки. Первый вектор — это ревизия позитивного разума в пользу мифологической иррациональности, стихийности, доренессансного традиционализма, апология органики «нового средневековья», теллуризм, мистика крови, почвы и расы. Словом, *вектор архаики*. Второй же вектор подразумевал высвобождение скрытых энергий рациональности в качестве инструментария для пересотворения мира, общества и человека, пафос рекреативного обновления, транспонирование индивидуального «я» в разумно организованное коллективное «сверх-я», энтузиазм созидания нового космоса и новой земли посредством волящего человеческого сознания, преображение самого человека в нового демиурга, насильственное преодоление любых ограничений органической и физической природы, вплоть до главного и неизбывного — человеческой смертности. Ясно, что это — *вектор модернизации*.

Противостояние двух данных сценариев могло находить очень разное дискурсивное воплощение. На эзотерическом языке символизма оно, ска-

¹ «Pauvre XIX-e siècle! Il a cru travailler au perfectionnement de la civilisation; il s'imaginait qu'il la laisserait en mourant plus rationnelle, plus douce, plus protectrice des faibles. Mais l'enseignement de ses doctrinaires a pâli auprès des leçons pratiques de ses hommes d'action <...> Les sages du XIX-e siècle ont souvent bâti sur des fondemens précaires, sur des principes qu'ils proclamaient immortels parce qu'ils en tiraient bon profit. Les rudes gaillards de Kipling et de Gorky, embauchés indifféremment pour les oeuvres de force, impérialisme ou révolution, culbutent ces bâtisses d'un coup de pied; ils disent en ricanant aux sages doctrinaires: — Arrière, les anciens! A nous le monde! Nous le prendrons comme vous l'avez pris. Il y aura parmi nous des Dantons et des Robespierres, peut-être des Bonapartes et des Bismarcks» [Voguë, 1901: 693–694].

жем, осмыслялось как антиномия духовных комплексов Аримана и Люцифера. Для нас же релевантно его вполне экзотерическое определение как антитезы «коричневого» и «красного» проектов, рожденных в общей реторте модернизма с его доминантной установкой на жизнотворчество. Нередко на практике они перетекали друг в друга в различных вариантах архаико-футуристического синтеза, но в какой-то момент сама общественно-политическая реальность предопределила их предельную поляризацию. И находившийся в фашистской Италии Горький сделал вполне однозначный выбор — в пользу антифашистского сценария, антиархаичного сценария, сценария модернизации. В конце концов, по этому пути — и не без непосредственного влияния русского писателя — пошли и большинство выдающихся деятелей мировой культуры.

Весь интеллектуально-художнический опыт Горького находился в русле именно вектора рационального модернизационного жизнотворчества. Губительные соблазны иррациональной стихийности он в равной мере усматривал в «зверином» начале «сырой» человеческой природы, националистическом психозе эпохи Первой мировой войны, скифских развенчаниях интеллигенции, гуманизма, большой культуры и государственнического инстинкта, троцкистском желании превратить русский народ в «хворост для костра мировой революции» и разнузданном большевистском терроре времен военного коммунизма.

Он глубоко досадовал, что традиционная русская мысль, «стремясь быть внеразумной, [...] не любит разума, боится его» («А. А. Блок») [Горький, 1973: 221]. Культуртрегерская деятельность Горького, чрезвычайно активная еще в дореволюционный период (издательства «Знания», «Парус», журнал «Летопись», выпуск сборников национальных литератур и т. п.), в советские годы достигает гигантских, «леонардовских» масштабов. Нет надобности перечислять все его проекты и начинания — от издательства «Всемирная литература» до Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук и творческих союзов, от Литературного института и Института востоковедения до Всесоюзного института экспериментальной медицины, от Всероссийского комитета помощи голодающим до газет, журналов и книжных серий («Наши достижения», «СССР на стройке», «За рубежом», «Литературная газета», «Литературная учеба», «Колхозник», «История Гражданской войны», «История фабрик и заводов», «История русских городов и быта», «История деревни», «История молодого человека», «История женщины», «Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэта» и т. п.) Все эти начинания виделись конкретными орудиями беспрецедентного эксперимента по преодолению «ветхого человека», его преобразению в творческого содеятеля в синергийном единстве массового труда по созиданию новой земли (здесь спекулятивно можно усмотреть и типологическую параллель к софийно-теургическим утопиям русского младосимволизма). И все это — посредством приобщения еще вчера неграмотных масс к вершинным достижениям человеческого интеллекта и мировой культуры. Этот проект горьковского советского культурного строитель-

ства, по сути, разворачивает потенциал одного из векторов модернизма, ориентированного на социально-космологическое жизнотворчество, на трансенсус, тотальное преобразование мира и человека. Здесь же коренятся и причины двусмысленных с внешней моральной точки зрения поступков писателя. Но и соловецкие лагеря, с одной стороны, и, скажем, педагогические опыты Макаренко — с другой, для Горького были реализацией общей чаемой парадигмы *перековки, перестройки* человека, выпестованной изнутри модернистской жизнотворческой культуры.

Горьковская апология возможностей науки по преодолению положенных человеку пределов, которая подвигала писателя к постановке перед Институтом экспериментальной медицины задач по достижению физического бессмертия, непосредственно вырастает из федоровско-богдановской линии русского модернистского космизма. И весьма примечательное свидетельство содержит очерк Горького о Блоке, где писатель, вспоминая беседу с поэтом-символистом в пореволюционном Петрограде, по сути, разворачивает свой собственный проект научно-футурологической утопии: «Лично мне — больше нравится представлять человека аппаратом, который претворяет в себе так называемую «мертвую материю» в психическую энергию и когда-то, в неизмеримо отдаленном будущем, превратит весь «мир» в чистую психику [...] ничего, кроме мысли, не будет, всё исчезнет, претворенное в чистую мысль; будет существовать только она, воплощая в себе всё мышление человечества от первых проблесков до момента последнего взрыва мысли [...] Материя, распадаясь, постоянно выделяет такие виды энергии, как свет, электромагнитные волны, волны Герца и так далее, сюда же, конечно, относятся явления радиоактивности. Мысль — результат диссоциации атомов мозга, мозг создается из элементов «мертвой», неорганической материи. В мозговом веществе человека эта материя непрерывно превращается в психическую энергию. Я разрешаю себе думать, что когда-то вся «материя», поглощенная человеком, претворится мозгом его в единую энергию — психическую. Она в себе самой найдет гармонию и замрет в самосозерцании — в созерцании скрытых в ней, безгранично разнообразных творческих возможностей» [Горький, 1973: 226].

Эта горьковская модель, по сути, слишком близко стоит к таким ярким производным модернистского синкретизма, как теория ноосферы Вернадского или космологический эволюционизм Тейяра де Шардена, чтобы не быть упомянутой в связи с темой «Горький и культура модернизма».

В конце концов грандиозная утопия модернистской природы, которой как культурный и общественный деятель служил Горький, рухнула. Остался Горький — выдающийся писатель, чей образ, прошедший стадии цементирующей канонизации и иконоборческого отрицания, вдруг именно сегодня начинает обретать удивительно живую силу воздействия. Что же до его культуртрегерских проектов, то они, возможно, ещё ждут своей реактуализации в новых условиях. Анализ их потенциала сегодня — отдельная и слишком большая тема. Поэтому ограничимся констатацией очевидного: основа культурно-научной инфраструктуры в России во многом до сих пор

держится на институциях, созданных непосредственно Горьким либо при живом его участии. В любом случае — скорее на них, чем на институциях новейшего происхождения. И, во-вторых, даже в условиях отнюдь не социалистического, не марксистско-ленинского общества, но общества, идущего по пути социальной модернизации, горьковские модели культурного строительства способны вполне плодотворно реализовываться. Примером тому — политика Андре Мальро на посту министра культуры Франции, который в основу своей стратегии по созданию сети народных театров и домов культуры во многом положил именно идеи русского писателя.

Так что у темы «Горький и культура модернизма», кажется, много самых разных измерений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анненский И.* Книги отражений. Сер. «Литературные памятники». М.: Наука, 1979. 680 с.
2. *Басинский П.* Максим Горький: миф и биография. СПб.: Вита Нова, 2008. 557 с.
3. *Горький М.* О литературе. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. 611 с.
4. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. 636 с.
5. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т.1. М.: Наука, 1997. 707 с.
6. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т.16. М.: Наука, 2013. 984 с.
7. Горьковские чтения 1990: М. Горький и революция. Ч. 1. Н. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. 219 с.
8. *Мережковский Д. С.* Чехов и Горький // Максим Горький: Pro et Contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей 1890–1910-е гг. Антология. СПб.: РХГИ, 1997. С. 643–686.
9. *Роллан Р.* Московский дневник // Вопросы литературы, 1989, №5. С.151–190.
10. *Таиров А. Я.* К постановке «Благовещения» // Культура театра. М., 1921. №1. С. 6–10.
11. *Топоров В. Н.* К вопросу о циклах в истории русской литературы // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы научной конференции. Таллин. 1985. С. 5–7.
12. *Шестов Л.* Творчество из ничего. А. П. Чехов // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 90–144.
13. *Strannik Ivan.* La Pensée russe contemporaine. Paris: Librairie Armand Colin, 1903. 267 p.
14. *Voguë E.-M. de.* Maxim Gorky. L'Oeuvre et l'Homme // Revue des deux mondes. 1901. 01 août. P. 660–695.

В. Я. Белокреницкий

ИНСТИТУТУ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН — 200 ЛЕТ

Институт востоковедения Российской академии наук отметил в 2018 г. свой 200-летний юбилей. Для проведения юбилейных мероприятий были получены содействие Министерства науки и высшего образования РФ и спонсорская помощь, прежде всего от Благотворительного фонда А. Б. Усманова. Основные юбилейные мероприятия проходили в период с 27 октября по 2 ноября. Центральным событием стал Международный конгресс, состоявшийся 29–30 октября в Центре международной торговли, в котором приняли участие более 600 видных российских и зарубежных политических и общественных деятелей, ученых, исследователей, экспертов. В приветственном послании президента Российской Федерации В. В. Путина, которое зачитал заместитель руководителя администрации президента Д. С. Песков, в частности, отмечалось: «Последние годы активность глобальной политики и экономики всё больше смещается на Восток. В этих условиях существенно повышается роль отечественной школы востоковедения в экспертном обеспечении принимаемых внешнеполитических решений и продвижении стратегических интересов и позиций России в мире».

На открытии Конгресса выступили Президент Российской академии наук академик РАН А. М. Сергеев, заместитель министра иностранных дел РФ М. Л. Богданов, председатель комитета по образованию Госдумы РФ В. А. Никонов, представители Госдумы и Совета Федерации РФ, главы дипломатических миссий и зарубежные гости, в частности советник министра иностранных дел Ливанской Республики и один из спонсоров юбилейных мероприятий д-р Амаль Абу Зейд. Затем состоялся просмотр фильма, созданного к 200-летию ИВ РАН «Ковчег науки», и началась работа в режиме пленарных и секционных заседаний. Помимо того, в рамках юбилейных мероприятий, обобщённо — Научного форума, были организованы и проведены 14 конференций по различным проблемам и аспектам востоковедения.

К форуму было выпущено юбилейное издание, рассказывающее о прошлом и настоящем Института [Институт востоковедения РАН..., 2018]. Книга-альбом состоит из исторического очерка, устной истории и мемуаристики, рассказа о видных ученых, ветеранах, важнейших трудах и исследовательских проектах. Обширный раздел посвящен многочисленным экспедициям. Издание содержит большое число фотографий, исторических и современных, иллюстрирующих научную деятельность института международные контакты и культурную жизнь. Завершает альбом фотомозаика «Весь институт» с фотографиями сотрудников от директора до технических работников.

Рассказ и в фильме, и в книге начинается с петровских времен, когда в России зародился интерес к странам и народам Азии. Отечественное востоковедение в императорский период, развивавшееся главным образом в Санкт-Петербурге, а также Москве и Казани, корнями уходит в созданный в 1818 г. в помещении Кунсткамеры Азиатский музей. Трудно переоценить вклад в науку, который внесли его директора академики Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, В. Р. Розен, В. В. Радлов, К. Г. Залеман, а также другие выдающиеся представители академического востоковедения царского времени.

Более чем через 100 лет после основания Азиатского музея, уже в другую эпоху, в 1930 г., в Ленинграде создается Институт востоковедения АН СССР. Он образуется в основном на базе Азиатского музея. Первым директором ИВ АН стал академик С. Ф. Ольденбург, возглавлявший с 1916 г. Азиатский музей и являвшийся долгое время неперменным секретарем Академии наук.

В годы репрессий и войны число востоковедов уменьшилось, во время блокады многие оказались в эвакуации. В военные и первые послевоенные годы складывается Московская группа востоковедов во главе с академиком И. Ю. Крачковским. В 1950 г. принимается решение о переезде ИВ АН СССР в Москву. В Ленинграде остается Отделение (ЛО ИВ АН), на базе которого уже в наши дни, в 2007 г., учреждается Институт восточных рукописей РАН. До этого от Института отпочковались Институт Африки в 1959 г. и Институт Дальнего Востока в 1966 г. Головной Институт (в 1956–1960 гг. параллельно с ним функционировал Институт китаеведения), тем самым, преобразовался в «куст» столичных востоковедных академических учреждений.

В 1956 г. после XX съезда КПСС его директором был назначен бывший первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана академик Таджикской академии наук Б. Г. Гафуров [*Базияни, Кузнецова, Кулагина*, 1968: 96]. Его отличали глубокий интерес к востоковедению, желание и возможности повлиять на состояние отечественной науки. В первые годы работы Б. Г. Гафурова численность научных сотрудников и аспирантов Института увеличилась вдвое и продолжала расти. Часть из них трудилась в Ленинградском отделении, которое в 1950-х — начале 1960-х годов возглавлял академик И. А. Орбели. ЛО ИВ АН функционировало, как при нем, так и в дальнейшем, в тесном взаимодействии с Москвой.

Пополнение Института шло из нескольких источников. Как отмечает Л. Б. Алаев в недавней статье о «гафуровском призыве», в Москву в период «оттепели» стали возвращаться востоковеды из лагерей и ссылок. Кроме того, Б. Г. Гафурову удалось «перетащить» в Москву ряд ученых из Средней Азии, которых он ценил и с которыми сотрудничал [*Алаев*, 2018: 10–19]. Однако главным пополнением были молодые люди, иногда с задержкой на несколько лет, получившие возможность заниматься наукой. Они окончили Московский институт востоковедения (МИВ), истфак МГУ, некоторые другие высшие учебные заведения столицы. После закрытия МИВ в 1954 г. основными источниками пополнения молодыми кадрами стали учрежденный

в 1956 г. Институт восточных языков при МГУ им М. В. Ломоносова (ныне Институт стран Азии и Африки МГУ) и МГИМО.

В 1968 г. Институт готовился торжественно отпраздновать свое 150-летие, планировались памятные мероприятия, готовились документы для награждения орденами и медалями, заказывались значки и грамоты, но в августе произошел ввод советских войск в Чехословакию. Некоторые сотрудники Института, отличавшегося определенным вольнодумством, подписали письма-протесты. Б. Г. Гафуров сумел отстоять «подписантов» от жестких репрессий, но о юбилее пришлось забыть. Орден Трудового Красного Знамени Институт получил только в 1980 г, когда директором был академик Е. М. Примаков, ставший впоследствии широко известным за пределами востоковедных и академических кругов в качестве виднейшего государственного деятеля — Министра иностранных дел и Председателя Правительства России.

Став директором Института после кончины Б. Г. Гафурова в 1977 г., Е. М. Примаков сумел придать институтской работе новый импульс. В 1950–70-е годы главным объектом исследовательского внимания были освобожденные от колониальной зависимости страны Азии и Северной Африки. Среди них наибольший интерес в силу ряда причин вызывала Индия, бывшая жемчужина в британской короне, наиболее крупная по населению и в то же время проблемная в силу бедности и отсталости страна «третьего мира». Поэтому не случайно изучение Индии и соседних с ней государств, таких как Пакистан, Непал, Цейлон (Шри-Ланка), оказалось в Институте (с 1960 по 1969 г. он назывался Институтом народов Азии) наиболее продвинутой отраслью регионально-страновых исследований. Причем эти исследования носили по большей части историко-теоретический и политико-экономический характер.

Что касается истории, то главное внимание уделялось колониализму, вопросу о том, какого уровня достигла Индия в предколониальный период и могла бы она самостоятельно, без принудительного воздействия колониальных властей встать на путь капиталистической эволюции. Политико-экономический аспект подразумевал не менее существенные для того времени проблемы выбора пути развития, государственного капитализма, частных монополий, противоречий между крупной и мелкой буржуазией, классовой борьбы, средних городских слоев и т. п. Все эти сюжеты полнее всего в «гафуровский период» исследовались именно в Отделе Индии и не случайно именно индологи (А. И. Левковский, Л. Р. Полонская, В. Г. Растянкин, Л. И. Рейснер) составили ядро Отдела общих проблем, созданного в Институте в начале 1970-х годов и получившего особое значение при Е. М. Примакове [Отдел общих проблем..., 2018: 7–15]. Помимо индологов видное место в главном теоретическом отделе института заняли специалисты по Юго-Восточной Азии Ю. Г. Александров, А. Б. Беленький, Н. А. Симония, арабист Р. Г. Ланда и др. В начале 1980-х годов отдел подготовил крупную обобщающую работу «Зарубежный Восток и современность» в 3-х томах, а также монографию «Восток. Рубеж 80-х годов», в которых

подводились теоретические итоги развития стран Азии и Северной Африки в первые десятилетия эволюции в постколониальную эпоху.

Благодаря академику Е. М. Примакову институт превратился в один из главных «думающих центров» Москвы в области внешней политики СССР и мировой политики. При его активном участии укрепились контакты с коллегами из США и стран Запада, начались знаменитые Дартмутские встречи, на которых обсуждались наиболее острые проблемы, возникавшие на завершающем этапе холодной войны.

Индология и при Е. М. Примакове оставалась одной из ведущих страновых специальностей. Под непосредственным кураторством ЦК КПСС издавались ежегодники по Индии, для поднятия её престижа был учрежден Центр индийских исследований. Однако ось мировой политики, начиная с 1970-х годов, активно смещалась в сторону Ближнего и Среднего Востока, что нашло отражение в исследовательских задачах и планах института. Способствовала этому повороту и специализация его директора, и пополнение рядов сотрудников института такими учеными, как Р. Н. Андреасян, И. Д. Звягельская, В. В. Наумкин и др. [*Смилянская, Филоник, 2018: 20–28*].

Первенствующее положение индологов и ближневосточников сочеталось с наличием в институте сильных коллективов, занимавшихся современными проблемами Японии, Китая, Кореи, Монголии, стран Юго-Восточной Азии. Большое влияние на формирование китаистики оказал Л. П. Делюсин, при котором начались продолжающиеся до сих пор ежегодные конференции «Общество и государство в Китае». Среди выполненных китаистами института работ следует выделить труд Р. В. Вяткина по переводу «Исторических записок» отца китайской историографии Сыма Цяня [Институт востоковедения РАН..., 2018: 112]. Уже этот факт, как и другие, означали, что увеличение числа специалистов по наиболее политически востребованной проблематике не привело к тому, что в институте на позднем советском этапе «заглохли» направления, составлявшие суть традиционной востоковедной науки. Речь идёт об изучении литературы и языков, культуры и древней истории народов Азии и Северной Африки.

Надо отметить, что в 1950-х годах институт строился преимущественно по регионально-страновому принципу. Лишь в конце 1950-х — начале 1960-х годов появились крупные проблемно-отраслевые подразделения, в том числе отделы литературы и языков. В последующие годы было подготовлено и издано большое число работ по современной и классической литературе азиатских и африканских народов. Под руководством заведующего отделом литературы Е. П. Чельшева в институте сложился коллектив специалистов по индийской, малайской, арабской, иранской, японской, китайской литературе, появились яркие молодые ученые, такие как В. И. Брагинский, В. С. Семенцов, А. А. Суворова и др.

Широкую известность приобрела основанная филологами института серия «Языки народов Востока». К концу 1960-х годов вышло 83 очерка, и издание серии продолжалось [*Базияни, Кузнецова, Кулагина, 1968: 142*]. Работа сектора восточных словарей увенчалась в 1970–80-х годах изданием

Большого японско-русского словаря в 2-х томах под редакцией академика Н. И. Конрада, Большого китайско-русского словаря в 4-х томах под ред. И. М. Ошанина, двухтомного Персидско-русского словаря под редакцией Ю. А. Рубинчика и других исключительно ценных словарей.

При Е. М. Примакове и после того как в связи с назначением на должность директора ИМЭМО РАН в 1985 г. его сменил заместитель директора член-корреспондент АН Г. Ф. Ким, а затем бывший заместитель министра иностранных дел М. С. Капица, в институте продолжалась продуктивная работа как по современности, так и по классическому циклу.

Кроме того, происходившие в 1970-80-е годы важные мировые события требовали от востоковедов института активного участия в разработке политически и идеологически актуальных тем. Отмеченное выше смещение мирополитической оси на Ближний Восток сопровождалось появлением нового фактора — исламского фундаментализма. Его апофеозом можно считать революцию в Иране в 1978–79 гг., истоки, ход и последствия которой тщательно исследовали иранисты Института во главе с А. З. Арабаджяном [Иранская революция..., 1989]. Много внимания приковали арабо-израильское противостояние, ирано-иракская война, события в Египте. Особое значение для внешней политики СССР приобрёл революционный переворот в Афганистане в 1978 г. Ведущие специалисты по Афганистану, работавшие в институте (Ю. В. Ганковский и др.), предупреждали об опасной последствиями ситуации в этой стране и реалистично оценивали ее перспективы.

Наряду с практическими востоковеды принимали участие в решении общетеоретических проблем, развивая «творческий марксизм» применительно к Востоку. Безусловными достижениями в этом плане нужно считать книгу Н. А. Симония «Страны Востока: пути развития» [Симония, 1975] и коллективную монографию «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» [Эволюция..., 1984]. Появлению последней предшествовала дискуссия по докладу Н. А. Симония и Л. И. Рейснера, в которой приняли участие сотрудники института и других академических учреждений, в первую очередь ИМЭМО. Новые, эвристические подходы и решения позволили обогатить марксистскую теорию применительно к Востоку и всему мировому историческому процессу. Это подготовило почву для ревизии советского марксизма в начале 1990-х годов, уже после распада СССР, естественного в тех условиях отказа большинства востоковедов считаться с его былой монополией на истину.

Знаковым в этом плане надо считать вышедшую в 1995 г. коллективную монографию «Капитализм на Востоке во второй половине XX в.» (под ред. В. Г. Растяникова и Г. К. Широкова). В ней, в частности, предпринята попытка реабилитации теории А. В. Чаянова, который в своё время полемизировал с большевиками по вопросу о многоукладности и сущности крестьянского хозяйства [Капитализм..., 1995: 572–575]. Новое освещение, как в этой книге, так и в ряде других, получили и ранее разрабатывавшиеся идеи исторического своеобразия Востока, его принципиального отличия от

Запада. Они легли в основу ряда популярных до сих пор курсов для высших учебных заведений, разработанных Л. С. Васильевым и Л. Б. Алаевым [Васильев, 1998; Васильев, 2007–2012; Алаев, 2007].

Начавшийся в отечественной науке ещё в конце 1980-х годов поворот от формационного анализа к цивилизационному нашел в Институте востоковедения много сторонников. Наиболее последовательным из них можно считать Б. С. Ерасова, под редакцией которого в первое постсоветское время вышло несколько альманахов «Цивилизация и культура». Впрочем, цивилизационная теория, как и концепция «азиатского способа производства» (А. М. Петров и др.), имела не только сторонников, но и противников и до настоящего времени относится к числу наиболее дискуссионных для востоковедов тем.

В 1990-е годы Институт востоковедения, как и другие институты Российской академии наук, переживал нелегкие времена. Трудности с финансированием привели к оттоку кадров из института, временному или постоянному отъезду ряда специалистов, особенно молодых, за границу. В это нелегкое десятилетие сократились исследования по ряду классических направлений, в частности литературоведению и языкознанию. Потерянной среди других оказалась социолингвистика, которая успешно до того развивалась коллективом специального сектора во главе с Л. Б. Никольским.

Заметный ущерб понесло и направление, связанное с изучением национальных движений и национального вопроса в странах Востока. С 1960-х годов оно оставалось одним из ведущих в институте, строясь на общепринятых в то время в советской этнографии приемах и принципах анализа. Произошедшая после 1991 г. «смена вех» в этой научной дисциплине вызвала снижение интереса к ней со стороны востоковедов. Вместе с тем, актуальность тематики сохранялась, и такие учёные, как М. С. Лазарев и его коллеги, продолжали разрабатывать этнополитическую проблематику, особенно актуальную для Ближнего и Среднего Востока [Западная Азия..., 1993].

Наряду с потерями востоковедение в 1990-е годы и в дальнейшем получило и немало позитивного, в первую очередь свободу творческого мышления, плюрализм подходов и осуществление совместных проектов с крупными учёными, работающими как на Западе, так и на Востоке. Существенно расширилось и «раскрепостилось» изучение международных отношений, всей геополитической проблематики. Специалисты ИВ РАН вместе с коллегами из других научных и учебных заведений получили возможность по-новому взглянуть на проблему России и Востока. Резко возрос обмен мнениями с зарубежными коллегами, занятыми политической и внешнеполитической проблематикой. Институт принял участие в ряде миротворческих миссий, в частности по установлению мира в Таджикистане [Институт востоковедения РАН..., 2018: 269–274].

Отмеченные позитивные тенденции получили закрепление и развитие с наступлением текущего века. В 2000-е годы Институту удалось завершить издание 6-томной Истории Востока. Задуманный еще в 1980-х годах, про-

ект начал реализовываться во второй половине 1990-х. Тогда вышли из печати первый и второй тома по древности и средним векам, а также третий по истории Востока на рубеже средневековья и нового времени. В 2004–2008 гг. издательская фирма «Восточная литература» опубликовала четвертый том «Восток в новое время» в двух томах, том пятый по истории Востока в 1914–1945 гг. и том шестой по истории региона в 1945–2000 гг. Основными ответственными редакторами томов были В. А. Якобсон (Санкт-Петербург), Л. Б. Алаев, Р. Г. Ланда и В. В. Наумкин.

С конца 1990-х годов институт начал осуществление проекта по изданию серии книг по истории стран Востока в XX веке. За первые 12 лет вышли в свет 14 капитальных монографий по новейшей истории Китая, Индии, Японии, Ливии, Ирана, Турции, Пакистана, Афганистана, Мьянмы и ряда других государств.

Современный этап в работе института наступил в 2009 г., когда на пост директора был избран профессор, доктор исторических наук арабист В. В. Наумкин (впоследствии член-корреспондент и академик РАН; ныне — научный руководитель института). В 2015 г. коллектив избрал директором профессора, доктора исторических наук, буддолога В. П. Андросова. Институт сохраняет большой штат научных сотрудников (около 400). Если коротко охарактеризовать структуру института, то его самостоятельные подразделения распадаются на отраслевые и региональные. Первые из них представлены отделами истории и культуры древнего Востока, истории Востока, языков, литературы, памятников письменности и сравнительной культурологии. К отраслевым относятся и не историко-филологические подразделения, такие как центр исследования общих проблем развития современного Востока и отдел экономических исследований. В ряде региональных подразделений (отделе Китая) занимаются по преимуществу историей и культурой, хотя историки и культурологи работают и в других региональных центрах — индийских исследований, японских исследований, арабских и исламских исследований, изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Центральной Азии, Юго-Восточной и Тихоокеанской Азии, отделе Израиля и еврейских общин.

Подготовкой молодых кадров занимается аспирантура, а кадры для нее готовит, помимо МГУ, ИСАА, МГИМО и других ВУЗов, имеющий государственную аккредитацию частный Институт стран Востока, учрежденный ИВ РАН еще в 1994 г. Недавно «под крылом» института начало функционировать восточное отделение Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН).

Помимо журналов «Восток (Oriens)» и «Азия и Африка сегодня», издаваемых совместно с Институтом Африки РАН, институт имеет расширяющееся число собственных периодических изданий. К ним относятся журналы «История и современность», посвященный социоестественной истории — теории, основанной Э. С. Кульпиным-Губайдулиным, а также «Историческая социология и социология истории», «Вестник Института востоковедения РАН», «Восточная аналитика», «Восточный архив», «Ориенталистика»,

«Minbar. Islamic Studies» и др. В 2017 г. началось издание трудов Института востоковедения РАН по различным отраслям и направлениям науки.

Хотелось бы особо выделить экспедиции института, которые в последние годы принесли значительные успехи. Они связаны, в первую очередь, с деятельностью основанной еще в советское время комплексной экспедиции в Йемене, в частности этнолингвистическими и археологическими исследованиями на йеменском архипелаге Сокотра, разработкой письменности сокотрийского языка, а также российской археологической экспедицией в Гизе (Египет), российско-итальянской экспедицией в Судане, экспедицией в Мали по изучению эволюции традиционной культуры догонов, подводно-археологическими исследованиями у берегов Крыма, эпиграфической экспедицией в Южной Сибири (Хакасии, Туве), полевыми исследованиями средневекового Дербента (Дагестан), Ногайской эпиграфической экспедицией, социально-антропологической экспедицией в Дагестане и др. [Институт востоковедения РАН...., 2018: 212–268].

Институт востоковедения РАН является опорным научным учреждением для современного академического востоковедения в нашей стране. Эту свою роль он выполнял и в императорский период, и в советское время. Его деятельность и достижения высоко оценивались в мире. Неслучайно 3-й конгресс востоковедов состоялся в Санкт-Петербурге в 1876 г., а первый был всего за три года до того. В 1960 г. с успехом прошёл 25-й конгресс в Москве, а в 2004 г. там же состоялся 37-й Международный конгресс востоковедов.

Проведенный в Москве в 2018 г. Научный форум можно считать продолжением традиции. Многие его участники касались особенностей востоковедения как науки и задач, которые стоят перед ним. По общему мнению, вопросов было поднято больше, чем получено ответов. Ясно, что есть классическое академическое востоковедение, на фундаменте которого строится изучение современных проблем развития стран Востока. В настоящее время наблюдается, по-видимому, новый поворот в сторону классического цикла. Востоковедение как бы описало круг — начавшись с изучения культур и цивилизаций, раритетов и находок, оно вернулось к истокам, и наиболее значимые результаты приносят ныне исследования в области археологии и древней истории, эпиграфики и истории средних веков, изучения редких языков и примитивных культур, патриархальных и полупатриархальных пластов жизни.

Как представляется, хорошо соответствует задачам востоковедения разрабатываемая в настоящее время тема фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Легко понять, как актуальна она в преломлении к Востоку. Ведь именно там наблюдается особая культурная сложность, гибридность, симбиоз, реже органичный синтез. Именно своеобразная причудливость культуры и устройства жизни служит камнем преткновения для понимания Востока, отличительных черт его общественных систем и политических порядков.

Закончить статью хотелось бы словами первого директора Института востоковедения академика С. Ф. Ольденбурга, которые могли бы служить

и эпитафией к ней: «...Мы хотим получить ответ, почему, несмотря на то, что история человечества едина... понятия Восток и Запад остаются в нашем представлении отдельными и в чем-то несоединимыми»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алаев Л. Б.* Институт востоковедения в 1950-е–1970-е годы: Гафуровский призыв и воздух молодости // Вестник Института востоковедения РАН, 2018, 5, С. 10–19.
2. *Алаев Л. Б.* История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. М., 2007.
3. *Базиянц А. П., Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР 1818–1868. М., 1969.
4. *Васильев Л. С.* История Востока. В 2 т. М., 1998.
5. *Васильев Л. С.* Всеобщая история. В 6 т. М., 2007–2012.
6. Западная Азия: этнополитическая ситуация / отв. ред. М.С.Лазарев. М., 1993.
7. Институт востоковедения РАН — прошлое и настоящее: к 200-летию основания / авт.-сост. Д. В.Дубровская; отв. ред. академик РАН В. В. Наумкин. М., 2018. 336 с.
8. Иранская революция 1978–1979 гг.: причины и уроки / отв. ред. А. З. Арабаджян. М., 1989.
9. Капитализм на Востоке во второй половине XX в. / отв. ред. В. Г. Растянный, Г. К. Широков. М., 1995.
10. Отдел общих проблем ИВ АН СССР и исследование современных проблем стран Востока в наши дни / отв. ред. Ю. Г. Александров, О. П. Бибилова, Н. Н. Цветкова // Труды Института востоковедения РАН. Вып.10.М., 2018.
11. *Симония Н. А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975.
12. *Смилянская И. М., Филоник А. О.* К истории становления Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН // Вестник Института востоковедения РАН, 2018, 5.
13. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л. И. Рейснер, Н. А. Симония. М., 1984.

И. Ф. Попова

200 ЛЕТ РОССИЙСКОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ВОСТОКОВЕДЕНИЮ

В 2018 году исполнилось 200 лет российскому академическому востоковедению. Учреждение 23 (11) ноября 1818 г. Азиатского Музея Санкт-Петербургской Императорской Академии наук положило начало востоковедным центрам не только России, но и всего евразийского (постсоветского) пространства. Российское востоковедение имеет долгую историю, но сегодня мы говорим о 200-летию именно фундаментальной академической востоковедной школы, непрерывная история которой связана именно с Азиатским Музеем — Институтом восточных рукописей РАН.

Накопление знаний о Востоке в нашей стране началось задолго до учреждения и Азиатского Музея, и самой Академии наук. На протяжении столетий Восток оказывал воздействие на становление и развитие российской государственности, влиял на нашу культуру и менталитет. В связи с этим отечественное востоковедение было и остаётся не просто научной дисциплиной, но и важным средством самопознания, составной частью собственной российской культуры и крупным общественно-значимым фактором.

В истории отечественной науки неоднократно предпринимались попытки определить содержание дисциплины «Востоковедение», выделить в ней «фундаментальное» и «прикладное», «классическое» и «практическое», рассмотреть её под углом разных задач. Под *академическим* мы понимаем востоковедение, связанное с деятельностью профессиональных учёных-востоковедов, работающих над созданием научных трудов и соблюдающих традиции, установленные Академией наук. При этом ни в коем случае нельзя говорить об академическом востоковедении как о исключительно «кабинетной науке» — с момента издания Петром Великим именного указа «Об учреждении Академии...» от 8 февраля (28 января) 1724 г. оно оставалось и должно оставаться объектом государственной политики и элементом государственной жизни.

Вобравшая опыт европейских академий, петровская АН отличалась от них тем, что включала «гуманитарный класс» со специальностями: красноречие и древности, история древняя и новая, «право природы и публичное, купно с политикою и этикою (ндрравоучением)» [Уставы Академии наук..., 1974: 34]. Из первых двенадцати академиков «петровского призыва» к этому классу было отнесено пятеро [см.: *Копелевич*, 1977: 142], в том числе историк и филолог Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), представивший в Императорской Санкт-Петербургской Академии изучение греческих и римских, а также восточных древностей. В Санкт-Петербурге Байер, уже получивший европейскую известность исследователь восточных письмен-

ностей и языков, проявил себя как плодовитый автор научных публикаций, печатавшихся в «Комментариях», первом периодическом издании АН (с 1716 г.), на латыни¹. Однако этот первый российский академик-востоковед не создал школы, и после его ухода из Академии история отечественной академической ориенталистики прервалась почти на сто лет.

В XVIII в. российское востоковедение носило преимущественно прикладной характер: нужды межгосударственного общения обслуживали переводчики Коллегии иностранных дел; периодически, при наличии учителей из иностранцев, осуществлялись попытки организации особых школ с преподаванием восточных (китайский, маньчжурский, японский, монгольский) языков в Санкт-Петербурге, Москве и Иркутске; в духовных учебных заведениях преподавались семитские языки. В царствование Екатерины (1762–1796) были предприняты меры к учреждению классов восточных языков при средних учебных заведениях (гимназиях, семинариях и народных училищах) в местностях с «инородческим» населением. Осуществить это в полном объеме не удалось из-за нехватки преподавателей; упрочилось только преподавание татарского языка при Казанской гимназии, введенное в 1769 г. [Бартольд, 1977: 41]. При этом интерес к Востоку, в первую очередь к истории, философии и методам управления Китая, становится особенностью социальной мысли России и Европы. Общество испытывало большой интерес к трудам миссионеров, к особенностям китайской архитектуры и искусства (стиль *шинуазри*, *chinoiserie*). К образу Китая обращались многие европейские мыслители, пытаясь найти в идеях восточной философии пути решения собственных социально-экономических проблем и подтверждение незыблемости абсолютизма [Шахов, 1907; Западов, 1964; Фишман, 2003: 234–394]. Екатерина Вторая особым указом велела перевести Уголовное уложение Цинов, которое было опубликовано в переводе с маньчжурского Алексея Леонтьева (1716–1786) в 1781–1783 гг. Усилиями Леонтьева же были выполнены и выдержали по несколько изданий выборочные переводы и переводы-переложения китайской классики: «Китайские мысли» (1772, 1775, 1786), «Депей-китаец» (1771, 1772), «Ге янь, то есть умные речи» (1776, 1779), «Да сию, то есть Учение великое» (1780), «Джун юн, то есть Закон непреложный» (1784), «Букварь китайский» (1779). Это были, по всей видимости, самые первые переводы, сделанные с источников на восточном языке, а не с европейских переводов.

Тогда же в России заметно возрастает и неизменно имевший место интерес к арабской культуре. К концу XVIII в. появляются новые переводы Ко-

¹ Среди трудов Байера, изданных в Санкт-Петербурге: *Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae* // *Commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae*. Т. III. Petropoli, 1732. P. 389–422; Т. IV, 1734. P. 289 — (296, 241–) 245 (сбой в пагинации); *De litteratura mangiurica* // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. VI. Petropoli, 1738. P. 339–364; *De lexico sinica çu gvèy* // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. VI. Petropoli, 1738. P. 365–391; *Elementa calmucica*; 346–361; *De Confucii libro Ch'ün çièu* // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. VII. Petropoli, 1740. P. 343–377; *Museum Sinicum. In quo Sinicae Linguae et Letteraturae ratio explicatur*. Т. I, II. Petropoli, 1730.

рана. Известный перевод 1790-го г. М. И. Веревкина (1733–795), сделанный так же, как и первый перевод Корана (1716), с французского текста и доставленный А. С. Пушкину, сыграл роль в истории русской культуры (*Пушкин*, 1981: 18–23). В Петербурге для раздачи верующим печатается Коран на арабском языке, для чего специально был отлит арабский шрифт на основе почерка одного из крупных мусульманских каллиграфов [*Крачковский*, 1950: 53].

Главное же внимание отечественного *академического* востоковедения в XVIII в. было сосредоточено на собирании научных коллекций как основы для исследований [Материалы для истории Императорской Академии наук, 1885: 182, 184, 187, 191, 194, 208]. Достаточно интенсивный процесс собирательства находился в русле государственной политики в области науки, принятой ещё Петром Великим, первым практическим шагом которого на пути организации Академии было основание в 1714 г. Библиотеки и Кунсткамеры. Но если в петровском уставе Академии — «Проекте Положения об учреждении Академии наук и художеств» — на этой задаче внимание сосредоточено не было, то в утвержденном Елизаветой Петровной 24 июля 1747 г. «Регламенте Императорской Академии и художеств в Санкт-Петербурге» о собирании «вещей», приумножении коллекций и приобретении книг упоминалось неоднократно.

Ведущую роль в этом отношении играли экспедиции, цель которых состояла, прежде всего, в естественнонаучном изучении отдалённых территорий Российской империи. Наряду с коллекциями, характер которых определялся натуралистическими задачами экспедиций, имело место также приобретение рукописей и предметов искусства, что связывалось с составлением истории России. Очевидно, наиболее ранним поступлением восточных текстов в Кунсткамеру стали листы на тибетском языке, доставленные из джунгарского храма на берегах Иртыша в 1718 (или 1717) г. [*Зорин*, 2015: 102–118]. С поездкой Давида Готлиба Мессершмидта (1685–1735) в Западную Сибирь, Даурию и Монголию было связано поступление в Академию материалов, относившихся к «письменности монголов и китайцев» [*Станюкович*, 1953: 33]. В 1730 г. Лоренц Ланг, посланник в Пекин, привёз китайские ксилографы «от езуитских миссионеров числом 82 тетради в 8 папках» [*Бакмейстер*, 1779: 93–94].

Процесс описания коллекций шел в XVIII в. неравномерно, хотя понимание необходимости составления каталогов было актуальным с первых лет существования Академии. Вопрос о каталогизации фондов, очевидно, впервые был документально зафиксирован в 1724 г. в контракте унтер-библиотекаря Иоганна Даниила Шумахера (1690–1761), которому было предписано «библиотеку и кунст-камору в своём правлении иметь; как в библиотеке, так и кунст-каморе всё порядочно содержать, в библиотеке книгам, а в кунст-каморе обретающимся разным вещам каталоги учредить» [Материалы для истории Императорской Академии наук, 1885: 14]. Результатом первого общего описания фондов Библиотеки и Кунсткамеры стал каталог, составленный И. Ф. Бреммом (*Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars pri-*

ma-quarta). Каталог выходил в 1741–1744 гг. отдельными выпусками (всего 32) со шмуцтитулами, на которых было указано буквенное обозначение «камеры» (camera), т. е. помещения, где хранились книги и предметы, номер зала (repositoria) и название систематических разделов. В связи с этим каталог получил название «камерного» [Сводный каталог..., 1984: 1]. В 1741 г. был опубликован каталог музейных коллекций Академии наук «*Musei Imperialis Petropolitani*» (в двух томах, каждый том в трех частях). В 1776 г. в свет выходит путеводитель по фондам Библиотеки, подготовленный И. Г. Бакмейстером². В 1793 и 1800 гг. двумя изданиями публикуется описание Осипа Беляева «Кабинет Петра Великого»³.

Особым объектом научного собирательства в России были восточные монеты, описание которых не раз сыграло в истории отечественного академического востоковедения знаковую роль. Потребность разобрать и описать монеты Кунсткамеры стала поводом для приглашения в Россию вице-канцлером А. И. Остерманом арабиста и семитолога Георгия-Якоба (Георгия Яковлевича) Кера (1692–1740), который в 1731 г. прибыл в Петербург. Сначала Кер был определен переводчиком и преподавателем в Коллегию иностранных дел, а в 1735 г. приступил к составлению «каталога о 4000 древних татарских монетах, которые из земли выкопаны и ныне в Кунсткамере хранятся» [Станюкович, 1953: 88].

Так же, как и Байер, Кер не оставил после себя преемника, но он глубоко прочувствовал нужды российской ориенталистики и вошел в её историю как автор проекта об учреждении в России «Академии или Общества наук и языков восточных» (“*Academia vel Societas scientiarum atque linguarum orientalium*”, 1733). По замыслу Кера, проектированная им Академия должна была стать учёным учреждением с практическими целями. Автор проекта ссылался на потребности русской науки (необходимости извлечь данные по истории России из сочинений на восточных языках), но главным образом на потребности государственного управления: сношения с восточными подданными и азиатскими государствами, миссионерские обязанности, расширение территориальных пределов Империи [Бартольд, 1977: 33–34].

Кер писал и о необходимости создания исследовательской базы для своей «Восточной академии». Помимо того, что хранилось в Кунсткамере, он упоминал и другие материалы, которые могли бы войти в собрание Акаде-

² Backmeister, J. Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et di histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint-Petersbourg St. Pbg., 1776. Вскоре книга была опубликована на немецком языке. В русском переводе она вышла в свет в 1779 г.: [Бакмейстер И.Г.]. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Имп. Академии Наук, изданный на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии Наук, на российский язык переведенный Васильем Костыговым. [СПб]. 1779.

³ Полное название: Кабинет Петра Великого или подробное и обстоятельное описание воскового Его Величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных Его изделий и прочих достопамятных вещей, лично Великому сему монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской Императорской Кунст-камере сохраняющихся, с присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. Часть I–II. Издано трудами и иждивением Надзирателя Императорской Кунст-камеры Осипа Беляева. СПб, 1793.

мии: «книги и письма турецко-татарские, персидские, арабские и другие чужеземные тексты, хранящиеся в Императорской Коллегии иностранных дел», «ящик, наполненный письмами татарскими, турецкими, персидскими, арабскими и другими, который превосходительнейший граф Дуглас давно хотел передать Императорской Коллегии иностранных дел и все ещё ждёт случая для передачи», «четыре ящика, наполненных книгами и документами, который превосходительнейший граф Левашов вывез из Ширвана как добычу и до сих пор хранит у себя» [цит. по: Кононов 1982: 52].

В научном мире идеи Кера не получили широкого распространения, при этом принято считать, что они были известны М. В. Ломоносову, который в своей записке 1758–1759 гг. о необходимости реорганизации Академии отмечал насущную потребность создания в России, соседствующей со многими «ориентальными народами», особой «Ориентальной академии». Позже, в 1764–1765 гг., работая над проектом Регламента Академии и определяя «должность и труд» отдельных академиков, М. В. Ломоносов упоминает «знающего восточные языки академика» [Азиатский музей..., 1972: 9]. Проекты Ломоносова, так же как и проект Кера, остались невостребованными, но, тем не менее, они отразили важнейшие тенденции развития академической востоковедной науки в России того времени.

Обновление российского востоковедения произошло только спустя полвека в ходе реформ Александра Первого. В 1803 г. Академия приняла новый регламент, а в 1804 г. был издан первый общий устав российских университетов. В отношении востоковедения основная ставка была сделана на университетское преподавание, наконец-то приобретшее систематический характер. В преобразованном Московском университете и вновь созданных Харьковском и Казанском были созданы кафедры восточных языков, однако не везде их преподавание сразу же стало ровным и непрерывным. Первым в России университетским профессором востоковедения оказался И. Б. Бэрндт, лютеранский пастор, ведший в короткий период 1805–1806 гг. преподавание еврейского языка в Харьковском университете [Крачковский, 1950: 73, Бартольд, 1977: 43]. После его ухода кафедра оставалась незамещённой до 1829 г., приезда Б. А. Дорна, который позже, будучи уже академиком, стал в Петербурге вторым директором Азиатского Музея.

Кафедра востоковедения в Казанском университете была замещена в 1807 г., когда в Россию был приглашён 25-летний Христиан Данилович (Христиан Мартин) Френ (1782–1851). Предполагалось, что в Казанском учебном округе будет осуществляться подготовка профессиональных специалистов по Востоку для МИДа, для чего требовался «первоклассный» ориенталист [История Казанского университета, 2004: 20].

Представитель западной школы ориенталистики, воспитанник Ростокского университета, ученик одного из основоположников восточной нумизматики О. Г. Тихсена (1734–1815), Френ провел в восточной провинции Российской Империи десять лет. Он много сил отдавал преподаванию, упорно стремился привить своим немногочисленным ученикам методы научной работы, присущие западной традиции. Определенное влияние Френ

оказал и на организацию университетской методической работы: в 1814 г. ему было поручено составить «годовой каталог лекций и праздничных программ университета», и Френ «ввёл там обычай германских университетов снабжать эти программы ученым рассуждением» [Справочно-энциклопедический словарь, 1848: 413]. «Казанский период» в жизни Френа дал ему непосредственное знакомство с «арабской схоластической традицией», чему способствовало тесное общение с местными «учёными татарами», в частности, с известной династией преподавателей Хальфиных [Крачковский 1950: 78]. В 1817 г., когда в его родном Ростокском университете освободилась кафедра, Френ принял решение вернуться на родину, но по приглашению историка и нумизмата академика Ф. И. Круга согласился в течение нескольких месяцев поработать над описанием богатой коллекции «магометанских монет» Кунсткамеры. И так случилось, что именно за этим предложением последовали события, круто изменившие судьбу не только самого Х. Д. Френа, но и российского академического востоковедения в целом.

Ещё в Казани Френ попал в поле зрения государственного деятеля, графа Сергея Семеновича Уварова (1756–1855), в ту пору состоявшего попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Их переписка началась в январе 1815 г., когда Уваров направил Френу экземпляр незадолго до того опубликованного «Проекта Восточной академии» на немецком языке⁴. Проект Уварова имел широкую известность в Европе, был знаком Гёте, привлек внимание Наполеона, который поручил французскому востоковеду Л. Лангле (1763–1824) доложить ему об этом проекте [Азиатский музей..., 1972: 12]. «Проект» не получил высочайшей поддержки в России, тем не менее Уварову удалось со временем осуществить ряд преобразований, в результате которых и университетское, и академическое востоковедение в России вышло на принципиально новый уровень, окончательно утвердившись вровень с европейским.

В историю России президент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1818–1855), министр народного просвещения (1833–1849) С. С. Уваров вошёл, прежде всего, как автор «теории официальной народности». И, очевидно, неподдельный интерес к Востоку у Уварова как главного разработчика государственной идеи был связан именно с поисками обоснования самобытного пути исторического развития России и объяснением русской народной духовности.

23 (11) ноября 1818 г. С. С. Уваров обратился в комитет правления Академии с письмом «о необходимости устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных» [СПбФ А РАН. Ф. 4. Оп. 2 (1818), ед. хр. 52. Л. 12–13]. Директором «Восточного кабинета»

⁴ Проект С. С. Уварова был опубликован сначала на французском языке: «Projet d'une Academie Asiatique. St. Pbg, 1810» (без указания автора). Немецкий перевод: «Ideen zu einer Asiatitischen Academie. St.-Pbg, 1811. Экземпляр с дарственной надписью Френу хранится в настоящее время в библиотеке ИВР РАН. Русский перевод: «Мысли о заведении в России Академии Азиатской» // Вестник Европы. Ч. 1. С. 27–52; Ч. 2. С. 94–116.

он предлагал назначить Х. Д. Френа, в котором видел человека, способного организовать первое в России специализированное востоковедное учреждение. Отвечая на приглашение Уварова, Х. Д. Френ поблагодарил его за предложение занять пост директора Азиатского Музея, и это название сразу же закрепилось за новой структурой. По поручению Уварова Френ стал выделять материалы по Востоку в особый фонд. Из Минц-кабинета в Азиатский Музей поступили восточные монеты, из Библиотеки — рукописи и книги, из кабинета редкостей — предметы искусства, из Архива Конференции — документы, касающиеся изучения Востока. Уваров пожертвовал Азиатскому Музею книги и рукописи из личной библиотеки [Азиатский Музей... Путеводитель, 2018: 803]. Об описании востоковедных фондов в собраниях Академии Уваров позаботился еще до создания Азиатского Музея, давая поручения по каталогизации рукописей [Каталог китайским и японским книгам..., 1818].

Имея целью расширение библиотеки нового учреждения, С. С. Уваров добился выделения из казны значительной суммы, которая в итоге ушла на приобретение в 1819 и 1825 гг. (в два приема) за 25 тыс. рублей более 700 уникальных арабграфичных рукописей от Жана-Батиста Луи Жака Руссо (1780–1831), французского консула в Алеппо и родственника великого философа. Две покупки рукописей Руссо не просто положили начало длительному периоду формирования рукописных фондов Азиатского Музея, но сразу же поставили его в ряд важнейших европейских хранилищ восточных рукописей [Полосин, Сериков, Французов, 2005: 7–12]. Работа с этим собранием сразу же дала импульс развитию арабистики в Санкт-Петербурге и в России. Большую роль в этом деле сыграл Х. Д. Френ, а затем ученик Сильвестра де Саси — Ж.-Ф. Деманж (1789–1839), который в 1819 г. в Петербургском университете начал преподавание арабского языка. В 1822 г. его сменил Осип Иванович Сенковский (1800–1858). Но по признанию И. Ю. Крачковского (1883–1951), вплоть до середины XIX в., когда умер Х. Д. Френ, и был открыт Факультет восточных языков (1855), во главе научной арабистики (и, добавим, всего российского востоковедения) стоял Азиатский Музей и «неотделимый от него Френ» [Крачковский, 1950: 99]. И во многом благодаря его усилиям Музей за два десятилетия прошел путь, на который другим востоковедным европейским центрам потребовалось около 200 лет.

С организации Азиатского Музея началась институционализация не только востоковедной, но и всей гуманитарной российской науки, и именно с начала XIX в. можно проследить создание самостоятельной школы отечественного востоковедения. При этом академическая наука о Востоке «эпохи» первого директора АМ Х. Д. Френа оставалась ещё в значительной степени «ориенталистикой», направленной в первую очередь на изучение древностей, памятников прошлого.

Переломный этап в истории отечественного востоковедения начинается в середине XIX в., когда внешнеполитические интересы России потребовали более актуальной интерпретации сведений о Востоке. Насущные задачи российской внутренней и внешней политики требовали подготовки боль-

шого количества востоковедов-практиков. 22 октября (3 ноября) 1855 г. указом Николая I в Петербургском университете был создан Факультет восточных языков, собравший в числе преподавателей «цвет русского востоковедения того времени» [Кононов 1960: 11].

В этот период вплоть до конца 1920-х годов роль Академии как «руководящего востоковедного научного учреждения» на время отходит на второй план [Ольденбург, 1925: 13], и востоковедение развивается в основном в университетах. Но сохраняющееся тесное единство между научными востоковедными учреждениями Санкт-Петербурга, к которым, помимо Азиатского Музея и Университета, относилось также Восточное отделение Российского археологического общества, позволяет и дальше развивать *петербургскую школу классического востоковедения*, основанную на тщательной проработке источников, в первую очередь на древних языках.

Масштабная индустриализация и урбанизация страны конца XIX — начала XX вв. приводит к значительным политическим и социальным переменам. Одновременно продолжается активное освоение азиатских периферий, вошедших в состав Российской Империи в середине XIX в. Это сопровождается пересмотром принятых норм, ценностей и самовосприятия, причём востоковедение становится важнейшей частью общественного сознания [Тольц, 2013; Schimmelpenninck, 2010: 153–240]. Изучение Востока входит в число приоритетных направлений исследовательской деятельности Академии наук, развивается «прикладное» востоковедение, и добытая в ходе востоковедных исследований информация широко используется для нужд политики, армии и торговли. Даже собирательство древних манускриптов и предметов искусства рассматривается как продолжение государственной политики, «Большой Игры», предмет соперничества европейских держав в Азии. Сам термин «востоковедение» появляется именно в это время.

О новых задачах востоковедения и его возросшей роли в укреплении российской государственности многолетний директор Азиатского Музея, академик-иранист Карл Германович Залеман (1850–1916) писал так: «... востоковедению у нас уже нельзя отвести место более или менее отвлеченной науки. Оно приобрело значение немаловажного фактора в государственной жизни» [СПбФ АРАН. Ф. 87. оп. 2, ед. хр. 387. Л. 2].

К 1890-м гг. относится формирование «новой школы русского востоковедения», основателем которой считается арабист, академик, декан Факультета восточных языков Петербургского университета барон Виктор Романович Розен (1849–1908) [Крачковский, 1950: 139]. С деятельностью школы Розена связан *первый «золотой» период* в истории отечественного востоковедения как научной дисциплины. Именно в эту пору оно сложилось как комплекс гуманитарных наук — истории, литературоведения, лингвистики, философии, этнологии, — изучающих определенные регионы Востока. Именно Розен определил стратегию развития национальной востоковедной школы, предлагая сосредоточить исследовательское внимание, прежде всего, на вопросах культурного и политического взаимодействия между народами различного этнического происхождения, языков и религиозных воззрений [Март, 1909: 13].

В число ближайших учеников Розена входили академики-востоковеды, которые сами позже создали научные школы в своих дисциплинах, — инданист и исследователь Центральной Азии С. Ф. Ольденбург (1863–1934), кавказовед-лингвист Н. Я. Марр (1864–1934), буддолог Ф. И. Щербатской (1866–1942), историк Востока и исламовед В. В. Бартольд (1869–1930), арабист И. Ю. Крачковский (1883–1951) и др. Они развили идею России как идею коммуникационного пространства между Востоком и Западом и впервые стали рассматривать востоковедение как фактор российской культуры.

Благодаря усилиям Розена и его учеников российское востоковедение активно включилось в процесс интеграции народов азиатских территорий России в общеимперское пространство. Востоковеды занимались не только изучением исторического прошлого, но и содействовали сохранению археологических памятников и организации региональной науки. Важную роль в этом процессе играли создаваемые при их участии научные общества (отделения научных обществ), которые со временем стали основой национальных академий советских республик, ныне новых независимых государств.

С 1860-х гг. в России активно обсуждались вопросы о реформе системы науки, о расширении деятельности Академии наук. Внутреннее устройство и взаимоотношения исследовательских учреждений нашей страны, сложившихся в основном в первой половине XIX в., к концу столетия не удовлетворяли новым потребностям науки, и было очевидно, что уровень организации науки не соответствует уровню развития научной мысли. Многолетний директор Азиатского Музея К. Г. Залеман много сделал для того, чтобы расширить деятельность востоковедного учреждения Академии, вывести его на новый уровень в соответствии с запросами времени. Залеман внес существенные изменения в организацию и структуру Музея, выделив в отдельное хранение ряд фондов [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 28. Л. 3]. К началу XX в. Азиатский Музей превратился в одно из крупнейших в мире хранилищ памятников рукописной культуры и стал основным центром русского востоковедения, которое к началу XX в. объединилось вокруг его коллекций [Азиатский музей..., 1972: 345].

7 декабря 1916 г. на заседании Отделения исторических наук и филологии РАН преемником скончавшегося 30 ноября К. Г. Залемана был избран действующий непреременный секретарь Академии Сергей Фёдорович Ольденбург. Выдающийся организатор науки, один из разработчиков первого Устава АН СССР, С. Ф. Ольденбург внёс огромный вклад не только в дело сохранения Академии, но и повышение её статуса до полноправной государственной структуры. Годы его директорства, главным образом 1917–1925 гг., стали периодом особого расцвета Азиатского Музея [Крачковский, 1948: 73].

Октябрьская революция 1917 г. вызвала неоднозначное отношение научного сообщества России: с одной стороны существовало неприятие политических перемен, с другой — сохранялась острая потребность в исследовательской работе, понимание ее особого значения в новых условиях. В «Отчете РАН» за 1917 г., составленном С. Ф. Ольденбургом, говорилось:

«...работающие в Российской Академии Наук должны сказать, что, невзирая ни на что, они работали, продолжают работать и будут работать для родины и науки» [Отчёт АМ..., 1918: 5]. Была продолжена начатая в январе 1917 г. подготовка к празднованию 100-летия Азиатского Музея. В ознаменование юбилея по предложению С. Ф. Ольденбурга сотрудники АМ приступили к составлению краткого путеводителя по фондам [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп.1, ед. хр. 61. Л. 15]. «Краткая памятка» увидела свет в 1920 г., в ней «были собраны главнейшие сведения о постепенном собирании рукописей и книг для Музея с самого начала его и вплоть до 1918 года» [Азиатский Музей Российской Академии наук..., 1920: 1].

Первым официальным документом советской власти, где было выражено ее отношение к науке, явился декрет Совета народных комиссаров от 12 апреля 1918 г. о финансировании работ Академии в области изучения природных ресурсов страны. Но если вполне прагматическое, нацеленное на овладение производством, использование «старой» Академии новой властью в сфере естественных и точных наук сразу же стало возможным, то отношение государства к большей части гуманитарных наук явилось неотъемлемой частью его политической борьбы. Созданная в июне 1918 г. Социалистическая (с 1924 — Коммунистическая) академия общественных наук должна была содействовать коренной идейной перестройке работы «старых» научных учреждений, а также воспитанию для них необходимых кадров обществоведов-марксистов.

Официальные письма, отчёты, статьи, выходившие из-под пера С. Ф. Ольденбурга в 1920-е гг., внешне вполне соответствовали «генеральной линии» руководства страны. Однако за лояльной власти риторикой стояло искреннее стремление в корне изменить свою науку и поднять её на новую высоту. В работах, посвященных задачам «нового» востоковедения в советской России, С. Ф. Ольденбург развивал свои взгляды, начало формирования которых восходит к рубежу XX в., когда появились первые критические отзывы на европоцентристский характер востоковедной науки. Важный элемент научной позиции С. Ф. Ольденбурга состоял в его убеждении, что западный человек плохо понимает и не хочет понять Восток и его культуру [Тольц, 2013: 168]. Европейской ориенталистике, основанной на «колониальной политике Запада по отношению к Востоку», он противопоставил новую науку, равноправно изучающую Восток и Запад. В связи с этим он писал о востоковедении как об «определенном этапе в области исследований экономики, истории и всех надстроечных образований» [Ольденбург, 1931 а: 9–10]. Поэтому вполне логичным стал его подход к реформе востоковедения, которое в соответствии с требованием времени должно было «раздробившись, стать неотъемлемой частью экономики, истории, языкознания, литературоведения и т. д.» [Ольденбург, 1931 б: 65].

Одновременно проводившаяся С. Ф. Ольденбургом работа в Азиатском Музее свидетельствует о том, что он планомерно реализовывал программу развития отдельного учреждения Академии, которая должна была, по его убеждению, принять на себя роль главного координатора научных исследо-

ваний в стране. Фактическое превращение Азиатского Музея в научный институт к концу 1920-х гг. и его последующая правовая реорганизация стали итогом большой работы, прежде всего его директора. В этот период Музей является центром научной востоковедной жизни России. После реорганизации Университета был закрыт Факультет восточных языков, на основе которого в 1920 г. был создан Институт живых восточных языков, просуществовавший до 1944 г., года воссоздания Восточного факультета ЛГУ. Процессы реорганизации затронули и востоковедные учреждения Москвы, где с 1815 г. существовало учебное заведение Лазаревский институт восточных языков.

В 1929 г. Президиумом АН СССР была принята «Декларация о задачах востоковедной науки», в которой подчеркивалась необходимость всестороннего и глубокого изучения современного Востока главным образом с точки зрения политики и экономики («в связи с соответствующими государственными задачами») («Декларация о задачах востоковедной науки» АН, 1929 г.) [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 140. Л. 7–8]. В соответствии с «Декларацией» в 1930 г. Азиатский Музей и возникшие в ходе организационных мероприятий 1920-х годов Туркологический кабинет и Институт буддийской культуры были реорганизованы в Институт востоковедения АН СССР.

Штат нового учреждения составил 50 человек, была введена структура секторов и входящих в них «кабинетов», впервые была открыта аспирантура [СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2, ед. хр. 130. Л. 7]. В научную работу вводилось планирование, особое внимание предполагалось уделять дальнейшей комплектации библиотеки и каталогизации фондов с целью сделать их более доступными для исследователей. Как главный востоковедный центр Академии Институт должен был оказывать научно-методическую помощь республикам советского Востока, готовить национальные кадры. Сотрудники Института активно включились в деятельность по латинизации восточных письменностей и разработке алфавитов, составлении учебных пособий и словарей. Масштаб задач подразумевал сотрудничество с другими гуманитарными учреждениями страны. В Ленинграде широкое развитие получила система временных межинститутских научных коллективов.

Большие потери Институт понес во время репрессий 1930-х годов и в годы Великой Отечественной войны. Если на 1 января 1941 г. численность его сотрудников вместе с административно-хозяйственным персоналом и аспирантами составила 126 человек, то к 1 мая 1942 г. она сократилась до 27. В тяжелейшую первую блокадную зиму коллектив Института продолжал свою работу. Большое мужество проявили сотрудники библиотеки, которые в полуразрушенных домах собирали книги умерших и эвакуированных сотрудников. В июле 1942 г. было принято решение об эвакуации Института в Ташкент. В Ленинграде была оставлена группа по охране институтского имущества, в том числе рукописных фондов и библиотеки, во главе с А. Н. Болдыревым (1909–1993). В октябре 1943 г. была организована московская группа Института. 17 мая 1945 г. сотрудники ИВ вернулись в Ленинград и возобновили мирную деятельность.

Эвакуированные из блокадного Ленинграда сотрудники ИВ АН СССР сыграли определяющую роль в подготовке местных востоковедных кадров не только в Узбекистане, но и в других республиках СССР. В 1940–1950-е гг. при активном участии этих кадров были созданы национальные Академии в форме научных учреждений общероссийского типа: Азербайджана (1945), Армении (1943), Казахстана (1946), Киргизии (1954), Таджикистана (1951), Туркмении (1951), Узбекистана (1943).

Первое послевоенное 10-летие оказалось испытанием для отечественного академического востоковедения, перед которым государство стало ставить новые гораздо более масштабные задачи. После Второй мировой войны в Азии происходят активные процессы антиколониального национально-освободительного движения, и как влиятельнейшая держава Советский Союз не желает оставаться от них в стороне. Деятельность Института востоковедения должна была стать частью политики Советского Союза на Востоке, где перед молодыми государствами стояли экономические, политические и социальные проблемы поиска путей дальнейшего развития. Очень скоро становится очевидным, что небольшой и к тому же понесший значительные кадровые потери академический Институт не справляется с этой задачей.

В 1950 г. «в целях усиления научной работы, а также обеспечения повседневного руководства Институтом востоковедения» Совет Министров СССР решает перевести Институт из Ленинграда в Москву [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 1049. Л. 50]. При этом «в связи с недостатком служебных помещений в Москве» рукописную коллекцию и фундаментальную библиотеку Института было разрешено оставить в Ленинграде [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 1049. Л. 58].

Перевод Института в Москву не сразу привёл к ожидаемым результатам. В феврале 1956 г. в Москве собрался исторический XX съезд КПСС, на котором Академия наук подверглась суровой критике. В докладе от 16 февраля А. И. Микоян обратил внимание на ряд недостатков в идеологической работе, отметив, в частности: «Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день» [Материалы XX съезда КПСС, 1956: 324]. Критика, прозвучавшая с трибуны съезда, привела к тому, что государственные власти — ЦК КПСС, Совет министров СССР и Президиум АН СССР — наконец-то обратили внимание на проблемы Института востоковедения и предоставили широкие возможности для реорганизации востоковедения в Академии наук.

Так начался *второй «золотой» период* в истории отечественного востоковедения, связанный с деятельностью директора Института востоковедения в Москве Б. Г. Гафурова и заведующего Ленинградским отделением ИВ АН И. А. Орбели.

Видный общественный и партийный деятель, бывший первый секретарь ЦК КП Таджикистана — Бободжан Гафурович Гафуров (1908–1977) — был назначен директором Института востоковедения в Москве в июле 1956 г.

Институту было предоставлено около 1000 ставок, была утверждена новая структура отделов и секторов в соответствии с поставленными перед коллективом задачами. В Институте были открыты новые научные направления, связанные с изучением современного Востока по всем аспектам: международные отношения, экономические процессы, проблемы национально-освободительного движения, некапиталистического пути развития освободившихся от колониальной зависимости стран Востока, внутривосточные отношения в них, современные языки, литература, история культуры. В широких масштабах стала осуществляться помощь Института практическим организациям, большое внимание уделяется международным связям. По инициативе директора ИВ АН СССР было создано специализированное Издательство восточной литературы, в связи с чем сразу же значительно возрос выпуск научной продукции по востоковедению.

В этот «золотой» период, когда академическое востоковедение рассматривалось руководством страны как влиятельный внешнеполитический фактор, Институт востоковедения сохранял за собой функцию главного координатора научных востоковедных исследований в стране. Причём работа эта отличалась значительным масштабом: в Москве были созданы Институт Африки (1959) и Институт Дальнего Востока (1966); в Азербайджане, Грузии, Таджикистане, Армении — Институты востоковедения.

27 апреля 1956 г. в Ленинграде Сектор восточных рукописей Института востоковедения был преобразован в Ленинградское отделение ИВ АН (Постановление Президиума АН № 173) [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 1170. Л. 2]. 26 октября 1956 г. его заведующим был назначен Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961), который уже в 1920-е годы сформировался как организатор науки, лидер больших и сложных научных коллективов. В новых условиях, проникнутых духом коренных перемен и необходимости решения актуальных политических задач, важно было добиться понимания властей, что на первый и весьма поверхностный взгляд далекие от современности исследования письменных памятников Востока имеют огромное значение для получения объективных знаний о современных процессах. И. А. Орбели, обладавший большим опытом и связями, стал наилучшей кандидатурой для решения этой задачи.

Формирование коллектива сотрудников ЛО ИВ АН также было заслугой И. А. Орбели, который видел свою задачу в том, чтобы в кратчайший срок восполнить лакуны, образовавшиеся в академическом востоковедении в 1930–1940-е годы. Институту необходимо было дать полную информацию о коллекции восточных рукописей и широко развернуть исследование древнего и средневекового Востока. Для этого нужны были не единицы, а десятки специалистов. И. А. Орбели решил пойти на известный риск — брать в отделение молодежь. На протяжении 1956–1960 гг. он принял в ЛО ИВ более ста сотрудников, в большинстве — молодых людей, которые потом прослужили в Институте всю жизнь до начала 2000-х годов. Почти свободные от необходимости вести конъюнктурные исследования в 1950–1990-х гг., ленинградские востоковеды сумели развить на основе классической школы,

стоящей на базисе изучения восточных источников, мощные теоретические направления и уникальные, редкие дисциплины: дуньхуановедение, тангутику, сабеистику, тюркскую рунику, тохароведение, сириологию, коптологию и др.

С 1950-х гг. развивается и окончательно закрепляется в 1970-е гг. разделение в академическом востоковедении: головном Институте востоковедения в Москве на первый план выходит изучение проблем современного Востока, в Ленинграде/Санкт-Петербурге — Востока традиционного (до XX в., начала модернизации по западному образцу). Результатом развития этой специализации стала реорганизация Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения в Институт восточных рукописей РАН (Постановление Президиума РАН № 143 от 19 июня 2007 г.). Это решение, направленное в первую очередь на повышение эффективности административной деятельности научного учреждения в современных условиях, имеет огромное значение для всей последующей истории отечественного востоковедения и знаменует начало нового этапа в развитии знаний о Востоке в нашей стране. Все более ранние попытки дифференцировать востоковедение осуществлялись в соответствии с практическими нуждами и были связаны с изучением определенных регионов. Решение о создании Института восточных рукописей РАН связано с закономерной профильной специализацией науки и конкретизацией задач, стоящих перед академическим востоковедением.

В первые десятилетия XXI в. в стране наблюдается значительное увеличение числа центров, предоставляющих российскому обществу знания о Востоке. Мир становится всё более открытым, экономические успехи государств Азии дают импульс широкому изучению их культуры и языков. Аналитические востоковедные исследования в сфере политики, бизнеса, образования, культуры, туризма проводятся многими государственными и коммерческими организациями — для разной аудитории, с разными целями. В этих условиях перед академическим востоковедением стоит непростая задача — убедить общество в том, что актуальные процессы, формирующие современную действительность, глубочайшим образом связаны с историей и вековой традицией. Востоковедение направлено на постижение тысячелетнего «культурного кода» не только восточных народов, но и самой России, оно актуально тем, что дает материал для осмысления будущего и определения перспектив исторического развития.

200-летний юбилей отечественного востоковедения широко отмечался востоковедными учреждениями России и всего евразийского пространства как очень значимое общее событие, что продемонстрировало сохраняющийся высокий авторитет и престиж нашей науки. Проведённый ИВР РАН, ведущим свою историю от Азиатского Музея и хранящим его уникальную рукописную коллекцию, в ноябре 2018 г. Международный форум «Россия и Восток. К 200-летию отечественного академического востоковедения», вновь собрал вместе представителей востоковедных школ, берущих начало

в Российской академии наук и продолжающих своё существование на евразийском пространстве. Таким образом, отечественное востоковедение хранит и должно сохранять функцию культурного интегрирующего фактора евразийской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азиатский Музей — Институт восточных рукописей РАН : путеводитель / Отв. ред. И. Ф. Попова. М., 2018.
2. Азиатский Музей — Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. М., 1972.
3. Азиатский Музей Российской Академии наук. 1818–1918. Краткая памятка. Пг., 1920.
4. *Бакмейстер И. Г.* Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Имп. Академии Наук, изданный на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии Наук, на российский язык переведенный Васильем Костыговым. СПб., 1779.
5. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
6. *Западов А. В.* Русская журналистика XVIII века. М., 1964.
7. *Зорин А. В.* О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в. // Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015.
8. История Казанского университета. 1804–2004. Под ред. И. П. Ермолаева. Казань, 2004.
9. Каталог китайским и японским книгам, в Библиотеке Императорской Академии наук хранящимся. По препоручению господина президента оной Академии, Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный Государственной коллегии иностранных дел переводчиками, коллежскими ассессорами: Павлом Каменским и Степаном Липовцовым. СПб., 1818.
10. *Кононов А. Н.* Восточный факультет Ленинградского университета // Востоковедение в Ленинградском университете (Ученые записки ЛГУ. № 296. Сер. востоковедческих наук. Вып. 13). Л.: 1960.
11. *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. — 2-е изд., доп. и исп. — Л., 1982.
12. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.
13. *Крачковский И. Ю.* Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. 3-е изд. М.–Л., 1948.
14. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
15. *Марр Н. Я.* В. Р. Розен и христианский Восток // Памяти Барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании Отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В. Р. Розена. Приложение к XVIII тому Записок Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1909.

16. Материалы XX съезда КПСС, 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. Т. I. М.: Политиздат, 1956; <http://books-history.net/21978-xx-sezd-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-sojuza-4.html>.
17. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. I (1716–1730). СПб, 1885.
18. *Ольденбург С. Ф.* Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за 200 лет. Л.: 1925.
19. *Ольденбург С. Ф.* Востоковедение в Академии наук на новых путях // Вестник Академии наук СССР. № 2. Стлб. 9–16, 1931 а.
20. *Ольденбург С. Ф.* Советское востоковедение // Фронт науки и техники. 1931. № 7–8. 1931 б.
21. Отчет АМ 1917 — Отчет о деятельности Азиатского музея Имп. АН за 1917 год (Отд. отт.). Пг, 1918.
22. *Полосин В. В., Сериков Н. И., Французов С. А.* Арабская псалтырь. Приложение к факсимильному изданию Рукописи А 187. Арабская петербургская лицевая псалтырь из собрания Института востоковедения РАН (Санкт-Петербургский филиал / Под общ. ред. Н. И. Серикова. СПб. — Воронеж, 2005.
23. *Пушкин А. С.* Подражания Корану // Собрание сочинений в десяти томах. Т. II. М., 1981.
24. Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. Т. I. А–Г. Л., 1984.
25. Справочно-энциклопедический словарь (К. Крайя). СПб. Т. II, 1848. С. 413–414 (Отд. отт.).
26. *Станюкович Т. К.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М., 1953.
27. *Тольц В.* «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднейимперский и раннесоветский период. М.: 2013.
28. Уставы Академии наук СССР. М., 1974.
29. *Фишман О. Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб: Петербургское востоковедение, 2003.
30. *Шахов А.* Вольтер и его время, СПб, 1907.
31. *Musei Imperialis Petropolitani. Vol. II Pars prima qua continentur Res Artificiales.* [СПб]. 1741. С. 72–152, 449–450.
32. *Schimmelpeninck David, van der Oye.* Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New haven and London: Yale University Press, 2010.

**Научные сообщения на методологическом
семинаре ОИФН РАН
«Гуманитарные чтения»
(31 октября 2018 г.)**

А. С. Усачев

**ЧТО ДАЮТ ВЫХОДНЫЕ ЗАПИСИ РУКОПИСНЫХ
КНИГ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
XVI ВЕКА?**

В последние десятилетия интерес к истории Русской церкви в период средневековья и, в частности, в XVI в. значительно возрос. Современные историки продолжили традиции, заложенные Макарием (Булгаковым), Е. Е. Голубинский, Н. Ф. Каптеревым, С. И. Смирновым и другими представителями дореволюционной науки. Осознавая, что в XXI в. уже нельзя ограничиваться источниковой базой, которой располагали ученые XIX — начала XX в., исследователи обратились к изучению и публикации источников, которые расширяют наши представления об истории Русской церкви этой поры — прежде всего к актам, приходо-расходным, вкладным и кормовым книгам монастырей¹. К числу источников, которые содержат важную информацию по истории Русской церкви, относятся записи на книгах. Им уделено сравнительно меньше внимания. Вместе с тем, они — в первую очередь датированные выходные записи — упоминая писцов, заказчиков и места переписки книг, содержат важную информацию не только по истории происхождения книг², но и по различным аспектам церковной истории. В силу того, что эти источники рассыпаны по сотням рукописных собраний, находящихся в десятках архивохранилищах более чем в двух десятках городов, систематически они еще не привлекались для решения исторических задач. Предпринятая недавно публикация данного вида источников [Усачев, 2018. Т. 2] позволяет нам обратить внимание читателя на те возможности, кото-

¹ Например, см.: [Сметанина, 2000: 247–290; Кистерев, 2000: 90–147; Кистерев, 2003: 59–234; Кистерев, 2012: 89–127; Шамина, 2007: 5–133; Акты Троицкого Калязина монастыря, 2007; Приходная книга новгородского дома Святой Софии, 2011; Черкасова, 2012; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря, 2013; Дмитриева, 2014: 5–47].

² Итоги обобщения соответствующих данных см.: [Усачев, 2018. Т. 1].

рые они раскрывают перед историком Церкви³. Но прежде кратко охарактеризуем имеющуюся в нашем распоряжении источниковую базу.

В ходе работы в ряде столичных и региональных архивохранилищ были собраны сведения о 734 датированных манускриптах 1499/1500–1599/1600 гг., содержащих более или менее пространные выходные записи (источниками сведений о примерно 3,5 % привлечённых записей послужили печатные описания; с остальными рукописями мы знакомимся *de visu*). Основная часть соответствующих манускриптов — примерно 91,5 % от общего числа — хранится в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга (прежде всего в ГИМ, РГБ и РНБ). Рукописные собрания региональных хранилищ по своему объёму существенно скромнее. Однако, принимая во внимание то, что значительная часть из них полных печатных описаний не имеет (коллекции Саратовского государственного университета, Костромского музея-заповедника, Калужского музея, Национального архива Республики Татарстан, Национального музея Республики Татарстан, Государственного архива Рязанского области и др.), привлечение их материалов даёт возможность ввести в научный оборот материалы, которые ранее были либо неизвестны, либо малоизвестны в науке⁴.

Особенностью записей на книгах как исторического источника является их неофициальный характер. Как правило, они содержат информацию о событиях, имевших место в том или ином городе, монастыре или ином населённом пункте⁵. Итоги обобщения этих сведений дают возможность не только нанести дополнительные штрихи на полотно истории Русской церкви интересующего нас столетия, но и во многом по-новому взглянуть на целый ряд её аспектов. Принимая во внимание ограниченный объём статьи, обратим внимание лишь на некоторые из них.

Титулатура иерархов Церкви

Любопытную информацию записи содержат о восприятии титулов русских архиереев писцами, которые по своему статусу были далеки от вершин церковной иерархии. Как уже отмечалось выше, записи не являлись официальными документами. На это, например, указывает то, что после 1547 г. писцы неоднократно именуют русского государя «великим князем» (без царского титула) (по крайней мере, до 1597 г.) [Усачев, 2016а: 45–56], что было непозволительно в официальных документах.

³ О некоторых возможностях, которые они дают для изучения историко-политических идей и проблем социально-экономической истории см.: [Усачев, 2015а: 9–17; Усачев, 2015б : 107–112; Усачев, 2016а: 45–56; Усачев, в печати].

⁴ Подробнее о распределении соответствующих манускриптов по рукописным собраниям см.: [Усачев, 2018. Т. 1: 19–46].

⁵ Это в свою очередь позволяет их ставить в один ряд с местными (по преимуществу, монастырскими) летописцами. Изучение вопроса о характере связи последних с выходными записями требует проведения специального исследования, уводящего нас от решения задач, поставленных в данной работе.

Как правило, в тексте записи последовательно упоминались великий князь, митрополит и в большинстве случаев епархиальный архиерей. Нам известно лишь два исключения из этого правила. Муромский писец Олфей сын Диомидова (Миомидова) в записи Евангелия-тетр 1518/19 г. на первом месте упоминает «своего» епископа (рязанского владыку Сергия) и лишь после него Василия III [Усачев, 2018. Т. 2. № 108]. Аналогичным образом поступил и псковский писец Федор: заканчивая в 1540 г. переписку Службника, он упомянул новгородского архиепископа Макария перед Иваном IV [Усачев, 2018. Т. 2. № 282]. Судя по всему, в обоих случаях речь шла об описке писца. Во всяком случае, Диомид в выходной записи другой переписанной им книги — Евангелия-тетр 1522 г. — привёл имена в традиционной последовательности: сначала великий князь, затем рязанский владыка [Усачев, 2018. Т. 2. № 143].

Однако в подавляющем большинстве случаев последовательность соблюдена. Перечень духовных лиц, как правило, открывался именем всероссийского владыки. Некоторые записи содержат исключительно интересные сведения о его титуле. В источниках XVI в. он именуется «митрополитом всея Руси» или «митрополитом московским и всея Руси». Определение «киевский» выпало из титула в последние годы жизни митрополита Ионы (1448–1461 гг.), после окончательного раздела русской митрополии. Насколько нам известно, официально русские церковные власти в интересующее нас столетие на этот титул претензий не выдвигали⁶. Тем не менее, известны записи — их число, правда, невелико — в которых русского первосвященника по-прежнему именуют митрополитом «киевским и всея Руси».

Самая ранняя из известных нам записей XVI в. представлена в рукописи 1503 г., содержащей библейские книги. Она была переписана в Новгороде «замышлением Тимофея Родионова сына поповича». В ней упомянут «митрополит **киевский и всея Руси** Симон [Усачев, 2018. Т. 2. № 12] (здесь и далее выделено нами). Вторая рукопись — Пролог 1530/1531 г. — была переписана «при архиепископе нашем Даниле **митрополите киевском всея Руси**» «повелением» И. А. Замыцкого неким Ивашкой Вахрамеевым сыном Малыгина [Усачев, 2018. Т. 2. № 206].

Число записей, в которых фиксируется устаревший титул митрополита, можно пополнить записью Сборника первой трети XVI в. Его вкладная запись 1527/28 г. упоминает «святейшего **митрополита киевского и московского**» Даниила. Рукопись вложил некий Степан Петрович «святому Николе на престол на Борович» (судя по упоминанию рязанского владыки Ионы (1522–1547 гг.), церковь располагалась на территории соответствующей епархии) (цит. по: [Усачев, 2018. Т. 2: 19]).

Хронологически наиболее поздней рукописью, в записи которой упоминается вышедший из официального употребления титул митрополита, является список Торжественник 1551/52 г., переписанный, судя по упоминанию

⁶ Пользуясь случаем, выражаем самую искреннюю признательность Е. В. Беляковой и Б. Н. Флоре за консультацию.

архиепископа Никандра, на территории Ростовской епархии. В его выходной записи упомянут «митрополит Макарий **киевский и московский и всея Руси**» [Усачев, 2018. Т. 2. № 391]. Обращает на себя внимание двойной титул — «киевский и московский и всея Руси». Как нетрудно заметить, он представляет собой результат механического сочетания старого («киевский») и нового («московский») титулов. Такое сочетание можно рассматривать как некую переходную форму от старого титула к новому.

Как нетрудно заметить, вышедший из официального употребления на рубеже 50–60-х гг. XV в. титул в неофициальных источниках упоминался ещё несколько десятилетий⁷. Вероятно, для жителей страны, привыкших к тому, что долгие годы проживавший в Москве владыка являлся митрополитом «киевским и всея Руси» требовалось очень значительное время для адаптации к новым церковно-политическим реалиям. Судя по этим записям, полная адаптация требовала смены 2–3 поколений. Важно отметить, что данное представление было распространено почти на всей территории России XVI в. — это и Новгород, и территории Ростовской и Рязанской епархий. Трудно сомневаться в том, что для использующих уже утративший актуальность титул писцов раздел митрополии был условен: и Киев, и Москву они по-прежнему рассматривали как части церковно-административного целого⁸.

На некоторые иные особенности восприятия писцами титулатуры архиереев проливают свет другие записи. Любопытна местная специфика их титулования. Так, запись списка Пролога 1549 г. сообщает о том, что он был выполнен «при архиепископе **ростовском и белозерском** Никандре благословением господина отца нашего игумена Афонасия Кирилова монастыря» дяком Иванцом [Усачев, 2018. Т. 2. № 363]. Упоминаемый в записи Никандр занимал ростовский кафедру в 1549–1566 гг. Как видим, работавший в Кирилло-Белозерском монастыре книжник счёл необходимым дать не традиционный титул своего епархиального архиерея («ростовский» или «ростовский и ярославский»), а предпочёл в состав титула включить местную составляющую — «белозерский».

⁷ К числу таких упоминаний можно отнести и более ранний случай. В выходной записи рукописи, переписанной в Чудовом монастыре, — в Богородичнике 1489 г. — среди прочего сообщается о кончине «архиепископа Геронтия киевского и всея Росии» (1473–1489 гг.). Б. М. Клосс использование «устаревшего» титула связал с кремлевским происхождением рукописи. По его мнению, «вся указанная терминология сформировалась в кремлевском скриптории». Об этом см.: [Клосс, 2012: 38; Усачев, 2016а: 53].

⁸ Современный исследователь «склонен видеть в этом титуловании не инерцию митрополичьего скриптория, а вполне конкретные притязания на соседнюю церковную область, осуществляемые параллельно с агрессией культурной памяти. Однако в описываемое время эти притязания ещё не были включены политической Москвой в арсенал давления на соседние страны» [Мусин, 2018: 143]. Верифицируя данное предположение, отметим, что речь идёт не только о столичных книжниках, близких к митрополиту (возможно, переписчик Богородичника 1489 г.), но и о писцах, работавших в Новгороде, а также на территории Ростовской и Рязанской епархий. Их трудно заподозрить в каком-либо стремлении обосновать «вполне конкретные притязания на соседнюю церковную область». Обращает на себя внимание и то, что определение «киевский» применительно к русскому митрополиту XVI в. нам не удалось выявить в записях книг, переписанных в самый напряжённый период борьбы России с Польско-Литовским государством — в годы длительной Ливонской войны, которая, однако, хронологически отстояла от раздела некогда единой митрополии уже более чем на столетие.

В этом же ряду следует рассматривать и особенности упоминания «своего» епископа упомянутым выше муромским писцом Олфеем сыном Диомидовым. В тексте выходной записи Евангелия-тетр 1518/19 г. он в очень интересной форме привёл титул рязанского владыки Сергия (1517–1521 гг.) (в состав Рязанской епархии входил и Муром): рукопись переписывалась «при епискупе Сергие **муромском и резанском**» [Усачев, 2018. Т. 2. № 108]. Как нетрудно заметить, свой город в титуле рязанского и муромского владыки он поместил на первое место. Аналогичным образом этот же писец поступил и в выходной записи Евангелия-тетр 1522 г.: упоминая преемника Сергия Иону (1522–1547 гг.), он именует его аналогичным образом [Усачев, 2018. Т. 2. № 143].

Интересное замечание сделал писец списка Пролога 1520 г. — Иванище попов сын Дементиев — относительно своего епархиального архиерея. В выходной записи он отметил, что рукопись переписывалась «при **архиепископе** Пимине великопермском и вологоцком» [Усачев, 2018. Т. 2. № 133]. Нельзя исключить того, что упоминание местного архиерея как «архиепископа» (вологодские владыки этот титул получили лишь в 1589 г.) могло быть связано с тем, что значительная часть территории Вологодско-Пермской епархии ранее входила в состав Ростовской, которая управлялась архиепископом⁹.

Как нетрудно заметить, на восприятие титула архиерея писцами повлияло не только его официальная версия, но и сплав прочно устоявшихся представлений и элементов «местного патриотизма». В некоторых случаях случаев нельзя исключить и возможность элементарных описок (прежде всего это касается последовательности упоминания великого князя и архиерея).

Епархиальные границы

На интересную особенность церковной географии обращают внимание тексты некоторых выходных записей. В ряде случаев в них упоминаются два архиерея.

Как следует из текста записи списка Кормчей 1510 г., он был выполнен «при архиепископе ростовстем Васияне [(Санине) (1506–1515 гг.). — *А. У.*], и при епископе пермском Никоне» (1502 — не позднее 1514 гг.) [Усачев, 2018. Т. 2. № 49]. По мнению Б. Н. Морозова, упоминание ростовского владыки в записи обусловлено тем, что «Ростовская епархия с давних времен “курировала” Коми край» [Морозов, 2005: 141]. Привлечение дополнительного материала дает возможность на эту проблему взглянуть несколько шире.

К 1551 г. относится копирование текста Евангелия-тетр «при архиепископе ростовском и ярославском Никандре [1549–1566 гг. — *А. У.*] и при епископе великопермском и вологоцком Киприане» (1547–1558 гг.)

⁹ Данное предположение в устной беседе высказал С. В. Городилин.

[Усачев, 2018. Т. 2: № 376]. В 1592 г. «при архиепискупе **нашем** ростовском Варламе [1587–1603 гг. — А. У.] и при архиепискупе вологодском Ионе» (Думине) (1588–1603 гг.) была переписана Триодь постная [Усачев, 2018. Т. 2. № 646]. Точное место переписки этих кодексов неизвестно. Однако есть книги, которые также создавались при двух владыках и при этом записи сообщают о месте их переписки. Они позволяют зафиксировать определенную закономерность в их распределении по месту производства.

Рукописной книгой, в выходной записи которой упоминаются два владыки (ростовский и вологодский) и место написания которой известно, является Сборник 1511/12 г. Книгу переписал вычегжанин Васюк попов сын Гаврилов «при архиепископе ростовстем Васиане и при епископе перьмьстем Никоне, и при наместнице устюжстем при Хабаре Иване Василиевиче Образцове, и при тиуне великово князя устюжском Василие Аксакове... у великово чудотворца Николы на Лале» [Усачев, 2018. Т. 2. № 56]. Речь идёт Никольском Лальском посаде, который упоминается в источниках, правда, несколько более позднего времени (в XVII в. он находился на территории Сольвычегодского уезда). Судя по имеющимся данным, в XVI в. Великий Устюг (а позднее и Сольвычегодский уезд) входил в состав Ростовской епархии [Покровский, 1897: 106–108].

Вероятно, там же в 1510 г. был переписан и упомянутый выше список Кормчей [Усачев, 2018. Т. 2. № 49]. На это указывает, во-первых, фигура писца — в этой роли также выступил Васюк попов сын Гаврилов. Во-вторых, дата рукописи — как нетрудно заметить, она переписывалась чуть ранее Сборника 1511/12 г. В-третьих, Васюк приводит сходные сведения о месте работы — она велась «при архиепископе ростовстем Васиане и при епископе пермьском Никоне» (более точно место не определено).

Известна и другая рукопись, место написания которой также известно. В 1528 г. в Великой слободе (центре Важского уезда) была начата переписка Триоди [Усачев, 2018. Т. 2. № 187]. Закончена работа была на территории Заборского погоста. Последний в XVII в. в церковном отношении относился к Ростовской кафедре (ранее эта территория подчинялась ростовских князьям). Рукопись переписывалась при церкви Константина и Елены, которую фиксируют источники, правда, несколько более позднего времени (в 1674 г.) [Зарубин, 1970: 183]. Рукопись переписывалась «при архиепископе ростовском Кириле, при наугородском Ма[ка]рие».

«При митрополите ростовстем Варламе и при архиепископе перьмьстем и вологодцком Ионе» в 1593 г. была переписана служебная Миней на март — апрель [Усачев, 2018. Т. 2. № 658]. По-видимому, работа велась в находящемся в Еренском городке Архангельском монастыре.

Как нетрудно заметить, в приведенных выше записях, упоминающих двух владык, речь идёт о стыке трёх епархий — Новгородской, Ростовской и Вологодской — на Русской Севере. В первую очередь речь шла о территории Яренского и Важского уездов, различные части которых в разные пери-

оды подчинялись Великому Новгороду, ростовским и московским князьям¹⁰. Фрагментарность имеющихся источников не позволяют очертить точные границы епархий в XVI в. Даже в XVII в. Ростовская и Вологодская епархии не имели четкой границы. Речь шла о чересполосице уездов и приходов, которые в церковном плане подчинялись ростовскому и вологодскому владыкам¹¹.

Это, по-видимому, обуславливалось историей церковного управления данной территории. В XIII–XV вв. значительная часть территории будущей Вологодско-Пермской епархии в церковном отношении входила в состав новгородской и ростовской владычных кафедр, а также митрополичьей области. Пограничный с точки зрения церковно-административного деления характер отличал данную территорию и в XVI в.¹² Этому, в частности, способствовало и то, что в рассматриваемый период территории могли передаваться из под управления одной кафедры другой¹³.

Судя по всему, церковно-административная неопределенность и отразилась в выходных записях, упоминающих двух архиереев. Любопытно, что выходные записи, фиксирующие подобный казус, относятся ко всему XVI в. Это, в свою очередь, дает основания полагать, что пограничный в церковно-административном отношении характер ряда территорий отличал их в течение всего этого столетия. Именно с уже отмеченной в литературе нечеткостью церковно-административных границ были связаны и споры между отдельными архиереями относительно епархиальной принадлежности некоторых территорий¹⁴.

Приведённые выше факты из сферы церковного управления могут быть сопоставлены с другими общеизвестными фактами. В период русского средневековья известны территории, которые находились в совместном владении различных светских правителей. Длительное время Волок Ламский подчинялся как великому князю, так и Великому Новгороду. Пограничные между последним и Великим княжеством Литовским территории также управлялись совместно [Янин, 1998]. Стольные города княжеств в XIV–XV вв. могли находиться в совместном управлении близких родственников

¹⁰ Об этом, например, см.: [Зарубин, 1970: 180–187; Янин, 1981: 58–117; Семушин, 2010: 6–16, 65, 77].

¹¹ Подробнее о границах Вологодско-Пермской епархии см.: [Покровский, 1897: 116–124]. Также см.: [Васильев, 2013: 119, 135; Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома, 2016: 706–718].

¹² Подробнее см.: [Грязнов, Черкасова, 2012: 178–181, 183, 185, 187–191]. Также см.: [Черкасова, 2017: 64–74].

¹³ Так, в период опричнины светские власти, стремясь ослабить влияние новгородского владыки, значительную часть подвластной ему территории — Двину, Каргополь и Вагу — передали под управление Вологодской кафедры (правда, позднее эти земли вновь вернулись под власть новгородского владыки) (об этом, например, см.: [Черкасова, 2017: 77]).

¹⁴ Например, в 1552–1553/54 гг. разгорелся спор между митрополитом Макарием и рязанским владыкой Кассианом относительно церковной юрисдикции недавно построенного Шацкого городка. После личного вмешательства царя вопрос был решен в пользу рязанского владыки (об этом, например, см.: [Макарий (Веретенников), 2013: 507]). В 1569 г. имел место конфликт между рязанским и коломенскими владыками относительно епархиальной принадлежности Нового Данкова. Дело было урегулировано в пользу рязанского владыки (об этом подробнее см.: [Усачев, 2016 б: 79–80]).

(как правило, братьев — родных¹⁵ или двоюродных¹⁶). Судя по всему, с чем-то подобным мы сталкиваемся и в сфере церковного управления.

История обителей

Из 477 сохранившихся и выявленных нами манускриптов, место создания которых можно считать установленным (с большей или меньшей степенью гипотетичности), 270 (т. е. ок. 56,3 %) было переписано или, вероятно, было переписано в 92 обителях¹⁷. Речь не идёт только о самых крупных и известных монастырях, которые занимали первые строки в церковной иерархии. Выявлены книги, которые переписывались не только в Троице-Сергиевом, Чудовом, Симоновом, Кирилло-Белозерском, Иосифо-Волоколамском и некоторых других крупных монастырях, но и в обителях, статус и материальное положение которых были несопоставимо ниже: Николо-Озерском, Агапитовом Маркушевском, Вознесенском Опекалове, Иаково-Железоборовском, Ореховском, галицком Фрололаврском и других. Записи нередко сообщают сведения о целом ряде настоятелей этих и других обителей. Они позволяют уточнить или дополнить перечни, представленные в фундаментальном справочнике П. М. Строева [*Строев*, 1877], а также сведения об истории этих обителей, собранные В. В. Зверинским [*Зверинский*, 1890-1897. Т. 1–3]. Приведём информацию о некоторых таких монастырях. В целом ряде случаев записи позволяют восстановить те факты их ранней истории, о которых не сообщают акты, летописи и иные источники.

Перечень игуменов медынского Благовещенского монастыря справочник П. М. Строева фиксирует с 1660 г. [*Строев*, 1877: 588]. В. В. Зверинский полагал, что монастырь и был основан в 1660 г. [*Зверинский*, 1890. Т. 1: 82]¹⁸. Текст одной из выходных записей позволяет по-иному взглянуть на раннюю историю обители. Дошедший в составе собрания П. А. Овчинникова Отдела рукописей РГБ лист рукописи, содержащий, вероятно, молитву Богородице, сохранил краткую выходную запись (вероятно, лишь её начало). Она сообщает о том, что «сия книга города Мядыни Благовещенскаго м[о]настыря написана в лето 7106» [*Усачев*, 2018. Т. 2. № 693]. Соответственно, вне зависимости от того, где рукопись была переписана, не приходится сомневаться в том, что монастырь существовал уже не позднее 1597/98 г.

¹⁵ Например, Москва после смерти Ивана Калиты по его духовной совместно управлялась его сыновьями — Симеоном, Иваном и Андреем.

¹⁶ Так, Дмитрий Иванович управлял Москвой совместно с удельным князем серпуховским Владимиром Андреевичем.

¹⁷ Выходные записи не всегда содержат сведения о точном месте переписки книги. Иногда они, не указывая его, сообщают сведения о заказчике — том или ином игумене. В последнем случае с известной долей гипотетичности можно полагать, что рукопись переписывалась в соответствующей обители или где-то неподалеку от нее (например, «в отходе»).

¹⁸ См.: [*Зверинский*, 1890, Т. 1: 82]. Более подробные сведения об обители см.: [Церковно-историческое описание, 1863: 145–147].

В источниках, относящихся к Смутному времени, фигурирует костромской Успенский Шеренский монастырь. Первое его упоминание справочник В. В. Зверинского относит к 1613 г. В грамоте, относящейся к этому году, фигурирует не только монастырь, но и факт его основания в период правления Василия III¹⁹. Упомянув строителя обители Иакова без точной даты, П. М. Строев приводит сведения о строителях Успенского Шеренского монастыря начиная с 1630 г. [Строев, 1877: 877]. Закономерен вопрос: был ли он действительно основан при отце Ивана IV или в грамоте его упомянули с целью удревления истории обители?

Вполне определенный ответ на него мы находим в тексте выходной записи списка Триоди цветной 1532 г. из собрания книг Костромского музея-заповедника [Усачев, 2018. Т. 2. № 221]. Ее писец — дьяк Захарий Семенов сын — сообщает о том, что он переписал её «в честней обители у Пречистыя на Шеръне». Речь может идти только об Успенском монастыре — другие обители на этой реке неизвестны. Успенский Шеренский монастырь был приписан к костромскому Ипатьевскому. Рукописное собрание последнего составило основу коллекции Костромского музея-заповедника, в котором книга хранится в настоящее время.

На историю еще одной обители позволяет пролить свет выходная запись списка Златоуста 1543 г. Она сообщает о том, что он был выполнен «повелением игумена Еульфимия Стретенскаго... при архиепископе ростовском Алексее рукою многогрешною Нечаиковою Кондратова сына Шуршина» [Усачев, 2018. Т. 2. № 308]. Судя по содержанию текста записи, рукопись могла писаться как внутри монастырских стен, так и за их пределами. На территории Ростовской епархии одновременно с Нечайкой работал и его брат — Васька Кондратов сын Шуршина — который в 1544–1545 гг. переписал служебные минеи на март–апрель (в выходной записи переписанной им рукописи также фигурирует Алексей, занимавший Ростовскую кафедру в 1543–1548 гг.) [Усачев, 2018. Т. 2. № 318].

Стретенский монастырь в Ростовской епархии в известных нам справочниках обнаружить не удалось. Однако факт его существования несомненен: Стретенский монастырь дал название одной из половин Ростова т. н. Стретенской половине²⁰ (она на протяжении достаточно длительного периода существовала с Борисоглебской, названной в честь другой ростовской обители — Борисоглебской)²¹. Позднее монастырь был упразднен, и на его месте остались два храма — Стретенский и Никольский²². Судя по тексту

¹⁹ В XVIII в. он был приписан к Ипатьевскому монастырю, в составе библиотеки которого рукопись и дошла. Краткие сведения об обители см.: [Зверинский, 1897. Т. 3: 203–204].

²⁰ По мнению А. Л. Каретникова, название Стретенской половины могло быть связано не с монастырем, а с церковью [Каретников, 2010: 32]. Как показано ниже, вероятнее, речь все-таки шла о монастыре.

²¹ Обзор основных фактов, связанных с разделением Ростова на две половины, а также посвященной этому вопросу литературы см.: [Каретников, 2010: 31–34].

²² См.: [Титов, 1906: 142; Городилин, 2012: С. 17]. Никольская церковь (Николая Чудотворца на Всполье) фиксируется в писцовых описаниях г. Ростова XVII в. [Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 годы, 2012: 115; Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. Переписная книга города Ростова и Ростовского уезда 1646 г., 2014: 30].

рассматриваемой выходной записи, монастырь существовал ещё, по крайней мере, в первой половине XVI в. Обратим внимание и на другое сообщение, которое, правда, косвенно указывает на факт существования соответствующей обители в рассматриваемый период. В 1534/35 г. великий князь пожаловал попа Микиту, который служил в Никольской церкви в Ростове на посаде в неназванном монастыре на Всполье [Титов, 1906: 142]. Вероятно, имелся в виду как раз Сретенский монастырь²³.

Для изучения церковной жизни на территории Казани в первые месяцы функционирования Казанской епархии исключительное значение имеет выходная запись Церковного устава 1553/54–1555/56 гг., который в настоящее время хранится в Национальном музее Республики Татарстан [Усачев, 2018. Т. 2: № 428]²⁴. В роли его заказчика выступил Варсонофий. В 1544–1555 гг. он являлся игуменом Николо-Песношского монастыря, в 1555–1567 гг. — архимандритом казанского Спасо-Преображенского монастыря, а в 1567–1570 гг. — тверским епископом²⁵. Согласно тексту выходной записи, работа над Уставом началась в Николо-Песношском монастыре, а завершена была «в новопросвещенном граде Казани у всемилостиваго Спаса боголепнаго Его Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и великого чудотворца Николы Ратнаго». В эту обитель Варсонофий и вложил рукопись.

Исключительное значение для её ранней истории имеет окончание записи. В нём приведены имена первых насельников Спасо-Преображенского монастыря — речь идёт о пяти постриженниках Николо-Песношского²⁶ и одном постриженнике Спасо-Андронникова²⁷ монастырей. К числу первых обитателей монастыря следует отнести и писца рукописи (её заключительной части) — ярославца Никифора. Судя по всему, иноком он не являлся — выходная запись сообщает лишь его имя без указания на статус.

Вероятно, начало работы над рукописью следует рассматривать в ряду мероприятий, направленных на создание Казанской кафедры. Хотя она была основана лишь в 1555 г., начало переписки Церковного устава в Николо-Пешношском монастыре с Устава из его библиотеки, даёт основания полагать, что работа по наполнению библиотек будущей епархии началась уже вскоре после взятия Казани в 1552 г. [Усачев, 2018. Т. 1: 336–339].

²³ А. А. Титов, приводя соответствующее известие, никак не комментирует вопрос о том, о каком именно монастыре идет речь. Выше он лишь отмечает, что Сретенский монастырь был упразднен, «надо полагать, еще в XIV–XV вв.» [Титов, 1906: 142] Вероятно, его позиция была бы иной в том случае, если бы он был знаком с записью Златоуста 1543 г.

²⁴ Значение рукописи для изучения истории православия на Казанской земле уже отмечалось в историографии, например, см.: [Николаев, 2002: 182; Николаев, 2005: 115].

²⁵ Обзор основных фактов весьма насыщенной событиями биографии Варсонофия см.: [Зимин, 1977: 309; Липаков, Чугреева, 2003: 670].

²⁶ Тихон, Федорит, Иев Долматов, Андроник, Селивестр.

²⁷ Симан Неронов.

Связи между монастырями

Важной частью церковной жизни являлись связи обителей друг с другом. Как правило, они поддерживались на протяжении многих десятилетий, нередко спланивая их с момента основания. В науке хорошо известны связи между Иосифо-Волоколамским и тверским Савиным, Иосифо-Волоколамским и Пафнутьев-Боровским, Иосифо-Волоколамским и Николо-Пешношским, Симоновым и Кирилло-Белозерским и некоторыми другими монастырями. Тексты выходных записей содержат сведения о контактах ряда других обителей, которые порой находились на значительном удалении друг от друга. Они поддерживались на личном уровне — как путем вкладов настоятелей одних монастырей в другие, так и посредством перехода отдельных иноков или их более или менее значительных групп из одной обители в другую. Выходные записи, в ряде случаев сообщающие не только имя того или иного писца-инока, но и место его пострижения, содержат дополнительную информацию об этом исключительно интересном и недостаточно изученном аспекте церковной жизни XVI в.

Нам удалось выявить 15 писцов-иноков, которые приняли постриг в одном монастыре, а позднее работали в других [Усачев, 2017а: 210–213]. Приведем некоторые примеры.

К числу таких иноков можно отнести постриженника Дионисьева-Глушицкого монастыря Вассиана Дракулу. В 1537/38 г. он выполнял поручение по переписке списка Русского Хронографа редакции 1512 г. едва ли не самого известного книжника Иосифо-Волоколамского монастыря первой половины XVI в. Досифей (Топоркова) [Усачев, 2018. Т. 2. № 267]. Место работы Вассиана не совсем ясно: это могла быть волоколамская обитель, Москва (в этот период при митрополите Данииле (бывшем волоколамском игумене) работало немало волоколамских книжников) или тверской Саввин монастырь, с которым Досифей (Топорков) поддерживал контакты. Не позднее 1552/53 г. Вассиан Дракула перебрался в тесно связанный с Иосифо-Волоколамским Николо-Пешношский монастырь. В нём в этом году он закончил работу над списком Топографии Козьмы Индикоплова [Усачев, 2018. Т. 2. № 398].

Герасим принял постриг в переяславском Мирзине монастыре. Позднее он перешел в Павлов-Обнорский монастырь, где в 1593/94 г. переписал Стихирарь [Усачев, 2018. Т. 2. № 670].

Заметный след в истории книгописания оставил пострижник суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоаким (Яким). Не позднее 1553 г. он выполнял заказ архимандрита Вотмицкого монастыря Ионы (Гнильевского), переписав список Кормчей [Усачев, 2018. Т. 2. № 405]. Скорее всего, он и проживал какое-то время в этой обители. Не позднее того же года Иоаким перебрался в находящийся неподалеку Иосифо-Волоколамский монастырь. Там он переписал Устав Иерусалимский (1553 г.), Торжественник (1553/54 г.), а также список Геннадиевской Библии (1557/58 г.) [Усачев, 2018. Т. 2: № 401, 410, 444].

Важно отметить, что из других известных нам источников мы ничего не узнаём о связях Дионисьева-Глишицкого монастыря с волоколамскими книжниками и Николо-Пешношским монастырем, Спасо-Евфимьева монастыря с Иосифо-Волоколамским и Вотмицким, а также о связи вологодского Павлова-Обнорского монастыря с переяславским Мирзиным. Эту информацию содержат лишь тексты выходных записей.

Топография сельских приходов

Итоги изучения географии переписки книг дают любопытный материал относительно церковной географии. Наряду с городами и монастырями нам удалось зафиксировать несколько десятков случаев переписки рукописей при сельских приходах. В записях нередко упоминаются имена их клириков, чаще всего выступавших в роли заказчиков или переписчиков книг. Речь шла как о приходах, которые существовали до начала XX в., так и о приходах, упраздненных в XVI–XVII вв. Записи на книгах содержат подчас более ранние упоминания приходов, нежели акты и писцовые книги. В ряде случаев материал записей даёт возможность удревнить историю приходов на несколько десятилетий. Приведем некоторые примеры.

Как сообщает выходная запись списка 1564/65 г. Шестоднева, он был выполнен «при епископи Акакии Тферском в его епискупии». Затем рукопись «положил Иван Дмитриев сын Михаилова, а прозвище Резнев, в дом великаго Христова мученика Дмитрия в Быкове при священнице Стефане Федорове сыне попове да при дияконе Нечае» [Усачев, 2018. Т. 2. № 501]. Вероятно, вкладчик рукописи являлся её заказчиком. Упоминание Акакия указывает на территорию Тверской епархии. Среди её населённых пунктов с названием Быково, в котором бы фиксировалась церковь Дмитрия Солунского в XVI в. или в близкий период, известно находящееся неподалеку от Кашина село Быково. Оно входило в состав владений кашинского Сретенского монастыря. Согласно писцовым материалам, в 1628 г. в нем находилось две церкви — Дмитрия Солунского и Николы Чюдотворца. Деревянная церковь Дмитрия Солунского к 1628 г. стояла «без пения»²⁸. В источниках более позднего времени — XVIII–XIX вв. — она уже не упоминается.

Как сообщает писец хранящейся в Калужском музее служебной Миней на февраль — март 1530 г. — работавший по поручению священника Ивана дьяк Стефан — «се минее создана бысть у святаго мученика Георгие на Оборичне». Речь идет об окрестностях Боровска²⁹: речка Оборична (приток Протвы, современное название — Боринка) упоминается в описании Окологородного стана Боровского уезда 1613 г. [Боровский уезд в XVII в., 1992: 97]. Боровск еще в XVIII в. вошёл в состав Калужской губернии. Известные

²⁸ Цит. по: [Седов, 2012: 61].

²⁹ Боровское происхождение рукописи, находящейся в Калужском музее вполне естественно: Боровск вошёл в состав Калужской губернии еще в XVIII в. С этим связано то, что часть боровских рукописных материалов в настоящее время хранится в Калуге.

нам источники Георгиевскую церковь на этой реке не упоминают. Однако факт её существования несомненен. В документах XVII в. неоднократно упоминаются «церковные земли святого мученика Георгия» на реке Боришне/Оборичне. Судя по всему, церкви на этой земле длительное время не было. Лишь в 1711 г. вдова окольного И. И. Головина Варвара Петровна «в Боровском уезде на речке Оборичне на пустовой церковной земле святого мученика Георгия» построила церковь святой мученицы Варвары [Холмогоров, 1904: 58, 97]. Современное каменное здание церкви был возведено столетие спустя — в 1811 г. Оно располагается в деревне Совьяки, находящейся в непосредственной близости от впадения Боринки в Протву³⁰. Рядом расположено село Федотово, в XVII в. являвшееся центром владений Пафнутьева монастыря на р. Оборичне [Боровский уезд в XVII в., 1992: 97].

Как сообщает выходная запись Пролога 1520 г., рукопись «писана быс[ть] у Илии свягаго в Гривцеве слободе» при вологодском и великопермском владыке Пимине [Усачев, 2018. Т. 2. № 133]. По-видимому, речь идет о территории, расположенной за Кубенским озером Грибцовой слободы (позднее — одноименной волости Вологодского уезда), которая ранее входила в состав Заозерского княжества. На этой территории находилось село Грибцово, в котором источники (правда, несколько более позднего времени) фиксируют церковь Ильи Пророка [Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома, 2016: 369, 499, 542, 611, 687, 716].

Происхождение Евангелия-апракос 1506 г. [Усачев, 2018. Т. 2. № 23] было связано с Комельской волостью Вологодского уезда. На это указывает, во-первых, фигура писца — будущего основателя и первого настоятеля Арсеньево-Комельского монастыря Арсения (Сахарусова) (1529–1550 гг.). Во-вторых, как сообщает выходная запись, рукопись переписывалась «на престол свягаго великаго чудотворца Николы, еже есть на Камье» по поручению церковной общины Никольского прихода («повелением всех православных христья[н] Никольского прихода»). По-видимому, она предназначалась упоминаемой в документах Вологодского архиерейского дома под 1628–1703 гг. Никольской церкви «на Комье», располагавшейся в Комельской волости Вологодского уезда [Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома, 2016: 354, 487, 521, 579, 673, 711]. Именно в этой местности спустя примерно два десятилетия Арсений и заложит монастырь. Судя по вероятному месту переписки Евангелия, ранние годы Арсения прошли на этой территории.

Список 1517 г. Псалтири был выполнен «при епископе пермьстем Николе. А писаны сие Псалмы у великого чудотворца Никиты на Лене, на Вычегде» [Усачев, 2018. Т. 2. № 100]. Судя по всему, речь идёт о территории погоста Лена на р. Лене (приток Вычегды), который в XVII в. в административном отношении входил в состав Яренского уезда [Воскобойникова, 1970: 394, 436], в церковном — в состав Устюжской десятины Ростовской митро-

³⁰ Подробнее о церкви см.: [Легостаев, Носиков, Шагохин, 2015: 296–300].

полии [Черкасова, 2008: 26, 28, 35]. В интересующий нас период на территории погоста находилась Никольская и Георгиевская церкви, которые упоминаются в источниках с 1585 г. [Зимин, Копанев, 1970: 447]. Вероятно, ранее — не позднее 1517 г. — на территории погоста существовала Никитская церковь.

Как сообщает выходная запись Пролога на июнь — август 1550 г., его «при архиепископе священем Феодосии Великого Новаграда и Пьскова създал и положил... Никита Савелиевич в дом святого чудотворца Николы на Ловзунгу» [Усачев, 2018. Т. 2. № 366]. В близкий период — в июне 1552 г. — также «в дом чудотворцу Николу на Ловзунге» «Никита Савин сын с своими детьми с Сергеем да Степаном да с Ондреем» (вероятно, они являлись и заказчиками рукописи) вложили точно недатированный Пролог на март—май³¹. Вероятно, в роли заказчика кодексов выступило одно лицо (Никита Савелич/Никита Савин сын), во второй случае — с сыновьями. Судя по всему, речь идёт о волости Ловзонга Каргопольского уезда. На территории её центра — Ловзангского погоста — переписная книга 1648 г. фиксирует Никольскую церковь [Тормосова, 2011: 400–415].

Согласно тексту выходной записи списка 1600 г. Службника, его дописал «никольский поп Прокопий Аникеев сын в Лютницах... при митрополите Варламе Великого Новагорода и Великих Лук» [Усачев, 2018. Т. 2. № 724]. Речь идет о погосте Лютницы в Городецком стане Бежецкого Верха, в XVI в. входившем в состав владений Троице-Сергиева монастыря. «Погост чудотворец Никола в Лютницах» упоминается с 1543 г. [ААЭ, 1836. Т. 1. № 198].

Как сообщает выходная запись Службника 1560 г., «именуется сия книга пресвященноиерея попа Леонтия Остафьева сына — служителя святого чудотворца Николы Нюхотцкого». В роли писца выступил тотмянин Васька Федоров сын Комаров [Усачев, 2018. Т. 2. № 475]. Судя по всему, упоминаемый в записи владелец рукописи выступил в роли заказчика. По-видимому, он являлся священником Никольской церкви в селе Нюгча, которая под 1576/77 г. фиксируется на территории Заонежской десятины Новгородской епархии [Приходная книга новгородского дома Святой Софии, 2011: 45, 74]. Скорее всего, рукопись в этом селе и переписывалась.

В окрестностях Вологды в 1534 г. была переписана Триодь постная «в дом Покрову святеи Богородици в Пуркалове» «десницею Ивашка Литохи Володимерова сына» [Усачев, 2018. Т. 2. № 238]. Речь идёт о Покровской церкви в Пуркалово (в Тошенской волости Вологодского уезда, неподалеку от Вологды). Данная церковь фиксируется в ряде документов XVII в. Вологодского архиерейского дома [Черкасова, 2012: 465; Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома, 2016: 340, 473, 558, 661, 706].

Список Апостола 1563/64 г. выполнил «на Пянде егорьевский поп Григорище Тарасьев сын» [Усачев, 2018. Т. 2. № 493]. Речь идёт о волости,

³¹ ОР РГБ. Ф. 178 (Музейское собрание). № 3756.

в XVII в. располагавшейся в Подвинской четверти Важского уезда. На Пянде в 1709–1710 гг. был построен храм вместо сгоревшего. Он имел два придела — Георгиевский и Крестовоздвиженский. Новая церковь была построена на месте более ранней церкви, в которой были пределы в честь тех же святых [Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, 1895: 158]. Нельзя исключить того, что ранее — в XVI в. — церковь была Георгиевской, и лишь позднее она стала одним из приделов (после строительства Крестовоздвиженского придела). Впрочем, даже в том случае, если приделов в XVI в. было два, священник вполне мог именоваться по приделу, в котором он служил.

Согласно тексту выходной записи Трефология 1515 г. «списана бысть сия книга... в дом святому архистратигу Михаилу в Ромошево повелением раба Божия Андрея Семенова» [Усачев, 2018. Т. 2ю № 90]. Вероятно, имеется в виду Ромашевский погост Кокшенгской чети Важского уезда. По поздним источникам известно, что на его территории находилась «святая Божия церковь собор архистратига Михаила и Гавриила». Более ранний источник в Ромашевском погосте фиксирует «двор священников» [Колесников, 1971: 122].

Вероятно, происхождение двух рукописей было связано с Рютинским погостом Деревской пятины Новгородской земли. Как сообщает выходная запись Евангелия-тетр 1531 г., после переписки «положена бысть книга сия Еуангелие-тетр в храм Успыение пресвятей Богородици и в храм страстотерпца Христова мученика Георгия в Рутино» [Усачев, 2018. Т. 2. № 212]. Вероятно, речь шла о церкви в Деревской десятне: в книге сбора подъезжей пошщины под 1576/77 г. упоминается «егорьевский поп Федор» «из Рютина» (Деревская десятня) [Приходная книга новгородского дома Святой Софии, 2011: 26]. Данная церковь («Егорий святой») в писцовых материалах упоминается и ранее — под 1538/39 г. [Писцовые книги Новгородской земли, 2004: 115].

Список Лествицы 1576/77 г. был выполнен «у Николы чудотворца в Турчасове рукою многогрешнаго дячка Матфия Васильева сына Заломаева» [Усачев, 2018. Т. 2. № 561]. В роли писца выступил дячок Никольской церкви в Турчасове Матфей Васильев сын Заломаева. «Никола чудотворец на Турчасове на посаде» упоминается в сотной 1556 г. [1556 г. — Сотная на Турчасовский стан, 1981: 98].

Евангелие-тетр 1534/35 г. было переписано «повелением людей добрых устьпанденжан тридневному Воскресению» [Усачев, 2018. Т. 2: № 244]. Очевидно, что оно предназначалось Воскресенской церкви. Вероятно, речь шла о находящейся на территории Шенкурской четверти Важского уезда Усть-Пандегской волости, которая была расположена при устье реки Панденги. В 1675 г. центром Усть-Пандегского прихода являлась Воскресенская церковь [Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, 1895: 42]. Судя по тексту выходной записи, Воскресенская церковь существовала уже в первой трети XVI в.

Точное место переписки Евангелия-тетр 1588 г. его выходная запись не сообщает. Она лишь содержит имя писца — Михаила Иванова сына Васильева. Место его жительства и статус неизвестны. Из записи известно лишь,

что он за свой труд получил полтора рубля от заказчиков. Их место проживания известно. Окончание выходной записи сообщает о том, что рукопись «положили в дом к Успению... в Чарусу пречистенские же диаки Елеуфереи Ма[т]феев да Тимофеи Федоров сын да Чаруские же волости крестьянин Василей Григорьев сын Климов» [Усачев, 2018. Т. 2. № 610]. Как прямо следует из текста записи, в роли заказчиков выступили жители села Чаруса, а также крестьянин Чарусской волости. Возможно, он также проживал в Чарусе. Последняя входила в состав Старорязанского стана Рязанского уезда. Село Чаруса являлось её центром. В нём источники XVII в. фиксируют Успенскую церковь. Писцовая книга 1629 г. в данном селе (оно значилось «за разными помещиками») фиксирует «церковь Успение пречистые Богородицы теплую да церковь Николы Чудотворца». Упоминается церковь в этом селе и в более поздних источниках [Добролюбов, 1891: 115–116]. Вероятнее всего, в Чарусе или где-то неподалеку Михаил и переписал Евангелие.

Как сообщает выходная запись Пролога 1597 г. (№ 689), его «написал на Шилинге у святого великого мученика и славного чудотворца Георгия в дом... поп Козьма». В документах из архива Вологодского архиерейского дома «церковь Еоргий святой на Шиленге» фиксируется под 1647–1648 гг. [Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома, 2016: 528]. Вероятно, в роли писца выступил священник Георгиевской церкви. При этой церкви была переписана и Триодь постная 1597–1600 гг. [Усачев, 2018. Т. 2. № 729].

Упоминания соответствующих церквей дают основания предполагать, что в целом ряде случаев место расположения приходов на протяжении нескольких веков — начиная с XVI в. — было стабильным. Нередко на одном месте на протяжении веков функционировала одна церковь, здание которой, правда, могло неоднократно перестраиваться. Вероятно, какая-то более или менее значительная часть упоминаемых в записях приходов существовала и ранее. Косвенно на это указывают итоги исследований А. А. Селина и Н. А. Макарова о топографии новгородских и белозерских церквей. На основе анализа археологического материала историки установили, что центры приходов XVI–XVII вв. чаще всего находились на месте церквей домонгольского времени [Селин, 1994; Макаров, 1998; Макаров, 2001].

Принципы отбора кандидатов для руководства обителями и епархиями

Анализируемые нами источники, содержащие информацию о персональном составе писцов, позволяют нанести дополнительный штрих на картину истории формирования церковной иерархии.

Из 477 выявленных нами писцов 123 принадлежало к черному духовенству. Весьма заметную часть среди них составляли те иноки, которые стали архиереями и настоятелями монастырей (как правило, перепиской книги они занимались либо до поставления на игуменство или кафедру, либо по-

сле ухода на покой). Речь идёт о 21 писце из 123, т. е. примерно о 17 % от общего числа (102 писца мы отнесли к числу «рядовых» иноков). Очевидно, что данное соотношение не отражает соотношение живших в XVI в. иноков, настоятелей и архиереев. С чем может быть связан данный казус?

Наряду с очевидным стремлением хранителей монастырских библиотек сберечь автографы их наиболее известных насельников³², главной причиной является, по-видимому, господствующая в Русской церкви XVI в. система отбора кандидатов на поставление в игумены и архиереи. По-видимому, меритократический принцип играл в ней важную роль. Общеизвестно, что уровень образования наряду с прочими достоинствами и опытом, обусловленным значительным монастырским «стажем»³³, являлся определяющим фактором для поставления.

На то, что для руководителей Церкви был характерен уровень образования, который значительно отличался от уровня образования подавляющего большинства прочих иноков, указывает Житие Иосифа Волоцкого. Его герой некоторое время возглавлял Пафнутьев-Боровский монастырь. После этого, скрыв свое имя, он перебрался в тверской Саввин монастырь. Тайна Иосифа была раскрыта благодаря тому, что он слишком хорошо для «рядового» инока читал тексты Священного Писания [Житие и пребывание вкратце преподобного отца нашего игумена Иосифа, 1868: Стб. 463].

Вряд ли стоит сомневаться в том, что все (по крайней мере, известные нам) настоятели монастырей и архиереи, а также значительная часть иноков и клириков были грамотными³⁴. На это, в частности, указывают многочисленные подписи членов Освященного собора. Среди соответствующих лиц (в отличие от членов Боярской думы³⁵) неграмотных соборные приговоры не фиксируют. Правда, нельзя не заметить, что, судя по почеркам подписантов — настоятелей монастырей и архиереев — далеко не все они владели «книжным» полууставом.

Позиция руководителей Церкви по политическим вопросам

Выходные записи позволяют пролить свет и на позицию отдельных руководителей Церкви по важнейшим политическим вопросам. К числу наи-

³² Об этом подробнее см.: [Усачев, 2018. Т. 1: № 248].

³³ О периоде подготовки иноков к руководству кафедрами и обителями см.: [Усачев, 2017б: 106–109].

³⁴ Об этом, например, см.: [Соболевский, 1894: 5–7]. Общеизвестно, что целый ряд житий русских святых ничего не сообщает об их особой склонности к книгам и чтению. Однако очевидно, что это не означает того, что они были неграмотными.

³⁵ Например, известно, что Приговор Земского собора 1566 г. не смогли собственноручно подписать 2 члена Боярской думы. Этот источник специально отмечает, что «Иван Шереметев Меншой и Иван Чоботов рук к сей грамоте не приложили, что грамоте не умеют» [Антонов, 2004: 182]. Согласно подсчетам А. И. Соболевского, грамотными было «более 50 % крупных и мелких землевладельцев Московской Руси в XVI и XVII веках» [Соболевский, 1894: 9–10].

более ярких примеров можно отнести эпизод из истории присоединения Рязанского княжества к Русскому государству, которая в силу скудости источников недостаточно изучена.

Работу над списком служебной Миней на сентябрь и октябрь 1519/20 г. писец завершает следующими словами: «написана бысть сия книга... повелением господина нашего архимандрита Герасима в обитель Рожеству пресвятей Богородици на Салодчшу при благоверном великом князе Василии Ивановичи всея Руси и при епископе Сергее резанском и муромском» [Усачев, 2018. Т. 2. № 123].

Как нетрудно заметить, писец, по-видимому, работавший в рязанском Солотчинском монастыре по поручению его настоятеля, в записи 1519/20 г. (т. е. выполненной до 1521 г.) в качестве государя указывает не последнего рязанского князя Ивана Ивановича, а великого князя московского Василия III. Хорошо известно, что еще в 1503 г московские государи получили треть Рязанского княжества. Однако только этим объяснять пропуск имени «своего» князя писцом нельзя³⁶. Вероятно, это было связано с другим.

Обратим внимание на общеизвестный факт: зимой 1519/20 г. приехавший в Москву последний рязанский князь Иван Иванович был арестован. После этого Рязань фактически была присоединена к Русскому государству. Попытка сбежавшего в июле 1521 г. из Москвы князя Ивана Ивановича вернуть себе Рязань успехом не увенчалась³⁷. Данная запись интересна тем, что речь идёт о главной рязанской обители — Солотчинском монастыре. Факт упоминания в тексте источника в качестве «своего» государя не находящегося в заключении в Москве рязанского князя, а великого князя Василия III указывает на то, что руководители Рязанской епархии едва ли не в первые дни после ареста Ивана Ивановича признали власть московского государя³⁸. Вряд ли стоит сомневаться в том, что это, с одной стороны, определялось усиливающимся ещё со второй половины XV в. влиянием московских князей в Рязани, с другой — тем, что глава Рязанской епархии ставился московским митрополитом.

* * *

Подводя итоги, зафиксируем, что систематическое привлечение новых массовых источников, которые ранее использовались (к тому же частично) лишь для решения книговедческих задач, даёт возможность по-новому взглянуть на те или иные реалии рассматриваемого столетия. Среди прочего

³⁶ Например, выходная запись служебной Миней на октябрь, переписанной по поручению рязанского владыки Протасия в 1508/09 г., сообщает, что работа над ней велась «при благоверном великом князе Иване Ивановичи Резанском» [Усачев, 2018. Т. 2: № 35].

³⁷ О событиях, связанных с присоединением Рязани к Русскому государству, например, см.: [АСЭИ, 1964: 402–409; Зимин, 1972: 208–209].

³⁸ Пользуясь случаем, выражаем благодарность В. Д. Назарову за консультацию.

они содержат важную — в целом ряде случаев уникальную — информацию о самых различных аспектах истории Церкви: от истории отдельных приходов и обителей до церковно-административных границ и принципов отбора кандидатов на замещение кафедр. Очевидно, что привлечение этих источников создаст условия для подготовки новых специальных и обобщающих фундаментальных трудов по истории Русской церкви, выполненных на источниковой базе доступной исследователю XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ААЭ. Т. 1. СПб., 1836.
2. Акты Троицкого Калязина монастыря XVI века / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 2007.
3. Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 171–182.
4. АСЭИ. Т. 3. М., 1964.
5. Боровский уезд в XVII в. (материалы дозора 1613 года) / подг. С. С. Ермолаев. М., 1992.
6. Васильев Ю. С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. 2-е изд., испр. и доп. Вологда, 2013.
7. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977.
8. Воскобойникова Н. П. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI — начале XVIII веков (по материалам писцовых и переписных книг) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 367–448.
9. Городилин С. В. Сретенская и Борисоглебская стороны Ростова: происхождение и локализация // История и культура Ростовской земли. 2011. Ростов, 2012. С. 15–23.
10. Грязнов А. Л., Черкасова М. С. О формировании межурезных границ на Русском Севере в XV–XVI вв.: Белоозеро — Вологда — Устюг // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. мат. междунар. науч. конф. (Вологда–Кириллов–Белозерск, 6–8 июня 2012 г.). Вологда, 2012. С. 178–192.
11. Дмитриева З. В. Памяти келарей Кирилло-Белозерского монастыря «о поминках и запасах»: 1560–1630-е гг. // Вестник церковной истории. 2014. № 1–2. С. 5–47.
12. Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями. Т. 4. Рязань, 1891.
13. Житие и пребывание въкратце преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго // ВМЧ. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868.
14. Зарубин Л. А. Важская земля в XIV–XV вв. // История СССР. 1970. № 1. С. 180–187.
15. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. 1–3. СПб., 1890–1897.

16. *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
17. *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.
18. *Зимин А. А., Копанев А. И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 432–486.
19. *Каретников А. Л.* Историко-топографические данные о Сретенской и Борисоглебской половинах г. Ростова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 31–34.
20. *Кистерев С. Н.* Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — нач. XVII в. // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 90–147.
21. *Кистерев С. Н.* Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 гг. // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 59–234.
22. *Кистерев С. Н.* Приходо-расходные тетради 1551 г. строителя Никольского Корельского монастыря старца Кириака // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2012. Вып. 15. С. 89–127.
23. *Клосс Б. М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012.
24. *Колесников П. А.* Северная Русь (архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в.). Вологда, 1971.
25. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2: Уезды Шенкурский, Пинежский, Мезенский и Печорский. Архангельск, 1895.
26. *Легостаев В. В., Носиков С. П., Шатохин А. В.* Храмы Боровского уезда. Брянск, 2015.
27. *Липаков Е. В., Чугреева Н. Н.* Варсонофий // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 670–672.
28. *Макарий (Веретенников).* Кассиан // Православная энциклопедия. Т. 31. М., 2013. С. 507–508.
29. *Макаров Н. А.* Приходская церковь Русского Севера на фоне археологической карты // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 393–411.
30. *Макаров Н. А.* Сельские приходы XV–XVII вв. и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблемы преемственности // Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 199–216.
31. *Морозов Б. Н.* Новое о древнепермской письменности в Коми крае в начале XVI века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Мат. III Всерос. науч. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005. С. 140–144.
32. *Мусин А. Е.* Погибель земли Руськой: к эволюции этнополитических представлений в Восточной Европе XII–XVI вв. // Середньовічна Русь: проблеми термінології. Івано-Франківськ; Краків, 2018. С. 93–148.
33. *Николаев Г. А.* Русские рукописные книги XIV–XVII вв. в хранилищах Казани // В кругу учеников, коллег, друзей. К 70-летию И. П. Ермолаева. Казань, 2002. С. 179–184.

34. Николаев Г. А. Рукописные книги XIV–XVII веков в книгохранилищах Казани и их культурно-историческое значение // УЗ КГУ. Сер. Гум. науки. 2005. Т. 147, кн. 2. С. 112–122.
35. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. / сост. К. В. Баранов. М., 2004.
36. Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 годы / сост. В. А. Кадик. М., 2012.
37. Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. Переписная книга города Ростова и Ростовского уезда 1646 г. / сост. В. А. Кадик. М., 2014.
38. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Т. 1: XVI–XVII вв. Казань, 1897.
39. Приходная книга новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошрины») / сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб., 2011.
40. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии XVII — начало XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2016.
41. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / сост. Е. Б. Французова. М.; СПб., 2013.
42. Седов Л. А. История села Быково и окрестных деревень, что на реке Медведице. Кимры, 2012.
43. Селин А. А. Об одном явлении в сельском храмовом строительстве XVI века (По материалам Новгородского, Копорского, Ямского и Ладожского уездов Водской пятины Новгородской земли) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 218–231.
44. Семушин Д. Русский Север: пространство и время. Архангельск, 2010.
45. Сметанина С. И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 247–290.
46. Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894.
47. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.
48. Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906.
49. Тормосова Н. И. Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011.
50. Усачев А. С. Об истории бытования идеи «Третий Рим» в России XVI в. // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015а. Вып. 3 (64). С. 9–17.
51. Усачев А. С. Некоторые замечания об употреблении царского титула русских государей до 1547 г. (по материалам выходных записей на рукописных книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015б. № 4(62). С. 107–112.
52. Усачев А. С. Упоминания титула русского митрополита и государя в неофициальных источниках XVI в. (на материале выходных записей на книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016а. № 3(65). С. 45–56.
53. Усачев А. С. Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.? // Российская история. 2016 б. № 5. С. 66–81.

-
54. Усачев А. С. О некоторых случаях «горизонтальной мобильности» иноков-писцов в России XVI века // Румянцевские чтения — 2017. 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания. Мат. междунар. науч.-практич. конф. (18–19 апр. 2017). Ч. 2. М., 2017а. С. 210–213.
 55. Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017б. № 5. С. 97–113.
 56. Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1–2. М.; СПб., 2018.
 57. Усачев А. С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития России в XVI в. (в печати).
 58. Холмогоров Г. И. Материалы для истории, археологии и статистики церквей Боровского уезда с пригороды. Отд. 1: Боровская десятина 136 (1628) — 1746 гг. // Калужская старина. Т. 4. Калуга, 1904.
 59. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии / сост. иером. Леонид. М., 1863.
 60. Черкасова М. С. Устюжская десятина Ростовской митрополии в XV–XVII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2008. Вып. 17. С. 5–37.
 61. Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.
 62. Черкасова М. С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. М., 2017.
 63. Шамина И. Н. Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря Вологодского уезда // Вестник церковной истории. 2007. № 3. С. 5–133.
 64. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
 65. Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
 66. 1556 г. — Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова / подг. к печ. Ю. С. Васильева // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 95–136.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	Акты археографической экспедиции — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи»
АВ ИВР РАН	Архив востоковедения Института восточных рукописей Российской академии наук
АМ	Азиатский Музей
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.
БАН	Библиотека Российской академии наук
ВВП	валовой внутренний продукт
ГИМ	Государственный исторический музей
ИВ РАН	Институт востоковедения Российской академии наук
ИВ АН	Институт востоковедения Академии наук СССР
ИВИ РАН	Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИВР РАН	Институт восточных рукописей Российской академии наук
ИИЕТ РАН	Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИФиФ СО АН СССР	Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук
ИРЛИ РАН	Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук
ИСАА	Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
ИЭА РАН	Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
ЛО ИВ АН	Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
МГИМО	Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

МГОУ	Московский государственный областной университет
МГУ	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
НИОР БАН	Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук
ОИФН РАН	Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
ОРЯС	Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук
ПРНД	показатели результативности научной деятельности
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНДТ	Российский государственный архив научно-технической документации
РГБ	Российская государственная библиотека (г. Москва)
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд
РНБ	Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
РНФ	Российский научный фонд
РСО-Алания	Республика Северная Осетия-Алания
СНК	Совет народных комиссаров
СПБИН РАН	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований
ФАДН	Федеральное агентство по делам национальностей
ФАНО России	Федеральное агентство научных организаций
ФГОС	Федеральные государственные образовательные стандарты
ЦИСН	Центр исследований и статистики науки
ЦРУ	Центральное разведывательное управление США

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аликберов Аликбер Калабекович — кандидат исторических наук, заместитель директора, руководитель центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН

Алпатов Владимир Михайлович — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН

Багно Всеволод Евгеньевич — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН

Батурин Юрий Михайлович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич — доктор исторических наук, руководитель центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Беляев Леонид Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН

Бородкин Леонид Иосифович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, зав. кафедрой исторической информатики, руководитель центра экономической истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Канукова Залина Владимировна — доктор исторических наук, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиала Владикавказского научного центра РАН

Карпов Сергей Павлович — академик РАН, доктор исторических наук, президент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой истории Средних веков и лаборатории истории Причерноморья и Византии в Средние века МГУ им. М. В. Ломоносова

Кошкарева Наталья Борисовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, зав. кафедрой

общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета

Липкин Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН

Магомедов Магомед Ибрагимович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела грамматических исследований дагестанских языков Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН

Николаев Сергей Иванович — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом по изучению русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

Петров Юрий Александрович — доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН

Полонский Вадим Владимирович — доктор филологических наук, профессор РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Попова Ирина Федоровна — доктор исторических наук, директор Института восточных рукописей РАН

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, доктор исторических наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Тункина Ирина Владимировна — доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Усачев Андрей Сергеевич — доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Языковая ситуация и языковая политика в России и мире» (28 марта 2018 г.)

В. М. Алпатов. Языковая политика в современном мире	3
А. Н. Биткеева. Динамика, реализация и перспективы развития языковой ситуации и языковой политики в Российской Федерации	9
Н. Б. Кошкарева. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Сибири	23
М. И. Магомедов. Языковая ситуация в Республике Дагестан на современном этапе	38
З. В. Канукова. Языковая политика и языковая ситуация в Республике Северная Осетия — Алания: исторический опыт и современные практики	51
В. А. Тишков. Языки нации	67

ЧАСТЬ 2

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «О стратегических направлениях развития гуманитарных наук» (12 ноября 2018 г.)

В. А. Тишков. Гуманитарные науки в России	89
С. П. Карпов. Византия и Причерноморье в XIII–XV вв.: итоги и перспективы исследований	103
В. Е. Багно, С. И. Николаев. О новой академической истории русской литературы	112
Л. А. Беляев. Историческая археология России: неожиданные перспективы	121
М. А. Липкин. Новые гуманитарные технологии и задача создания макроисторических нарративов в начале XXI века	134
Ю. А. Петров. Эпоха «великих потрясений» России в новейшей историографии	139

А. К. Аликберов. Об интегративных подходах к гуманитарному знанию в востоковедении	152
И. В. Тункина. Академическое архивоведение: актуальное прошлое (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: итоги 300-летней истории и перспективы развития в XXI веке)	165
Ю. М. Батурич, Л. И. Бородкин. Виртуальные реконструкции в исторических исследованиях: опыт применения 3D-моделирования	182

ЧАСТЬ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научные доклады на заседаниях Бюро ОИФН РАН

В. В. Полонский. М. Горький и культура модернизма	206
В. Я. Белокреницкий. Институту востоковедения РАН — 200 лет	219
И. Ф. Попова. 200 лет российскому академическому востоковедению	228

Научные сообщения на методологическом семинаре ОИФН РАН «Гуманитарные чтения» (31 октября 2018 г.)

А. С. Усачев. Что дают выходные записи рукописных книг для изучения истории Русской церкви XVI века?	244
---	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	266
------------------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	268
--------------------------------------	-----

Научное издание

ТРУДЫ
Отделения историко-филологических наук
РАН

Утверждено к печати
Бюро Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук
(постановление от 21.05.2019 г. № 26).

Подписано в печать 29. 11. 2019
Формат 70x100/16
Гарнитура Times
Печ. л. 17. Уч.-изд. л. 20,00
Тираж 300 экз.

Издатель — Российская академия наук

Верстка – Ларичева М.М.
Отпечатано ООО «Тип-Топ»

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН)
и распространяется бесплатно